

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Под редакцией В. А. Белошапковой

Издание второе, исправленное и дополненное

*Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебника
для студентов филологических специальностей
университетов*

Москва · Высшая школа · 1989

ББК 81.2Р—923

С 56

В. А. Белошапкина, Е. А. Брызгунова,
Е. А. Земская, И. Г. Милославский, Л. А. Новиков, М. В. Панов

Рецензенты:

кафедра русского языка Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. *О. Б. Сиротинина*); д-р филол. наук, проф. *Г. Н. Акимова* (Ленинградский государственный университет)

С56 Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкина, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапкиной.—2-е изд., испр. и доп.—М.: Высш. шк., 1989.—800 с.

ISBN 5-06-000191-1

Учебник содержит материал по всем разделам курса современного русского языка: дается характеристика его лексического и фразеологического состава, освещаются вопросы фонетики, орфоэпии, теории письма и словообразования, излагается учение о частях речи и их грамматических категориях, анализируются особенности русской синтаксической системы, рассматриваются вопросы функциональной стилистики.

Во второе издание (1-е — 1981 г.) включен раздел «Лексика»; уточнены многие определения, введены новые схемы и таблицы.

С 4602020101(4309000000)—463 264—89
001(01)—89

ББК 81.2Р—923
4Р

ISBN 5-06-000191-1

© Издательство «Высшая школа»,
1981

© Издательство «Высшая школа»
1989, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник написан в соответствии с Программой по современному русскому языку для филологических факультетов университетов (1985) и представляет собой обобщение опыта авторов, в течение последних лет читавших соответствующие части курса «Современный русский язык» на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Второе издание учебника отличается от первого большей полнотой: в нем освещены все разделы курса — фонетика, орфоэпия, графика, орфография, лексикология, словообразование, морфология и синтаксис. В разделе «Лексикология», который введен во второе издание, ввиду его вынужденной краткости рассматриваются главным образом проблемы лексической семантики и характеризуются основные лексические категории русского языка. Именно эти вопросы представляют сейчас наибольший интерес для теоретической лексикологии и формирования научного представления о лексике как системе.

Отдельные разделы расширены новыми главами. Так, раздел «Словообразование» пополнен главой «Словообразование основных частей речи», в которой дана общая характеристика способов и типов словообразования существительных, прилагательных и глаголов. В раздел «Синтаксис» введены главы: «Слово и форма слова как объекты синтаксиса», «Интонация и синтаксис». Материал первой из них позволил сделать более четким и систематичным описание формальной организации простого предложения; второй — дополнил курс сведениями о звучащей речи.

Как известно, не все вопросы, изучаемые в курсе «Современный русский язык», имеют в современной науке однозначные решения. Жанр книги обязывал авторов представить те решения, которые имеют большую объяснительную силу, соответствуют отечественной лингвистической традиции и учитывают наиболее ценный опыт лингвистических исследований ученых других стран. Руководствуясь теми же соображениями, авторы отбирали и рекомендуемую литературу, списки которой уточнены и обновлены. Особое внимание обращено на вопросы, которые активно изучаются в настоящее время и по которым нет устоявшихся выводов, а существуют лишь разные подходы и направления. Знакомство с современным состоянием лингвистической мысли — неперемнное условие университетского образования.

Авторы не стремились подменить своей книгой вузовские лекции, однако старались строить изложение таким образом, чтобы лектор мог рекомендовать студентам некоторые разделы книги для самостоятельной работы, обсуждая лишь наиболее спорные, сложные или узловые проблемы курса.

2-е издание учебника выходит в комплексе со сборником упражнений «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой.

Разделы «Введение», «Фонетика» написаны **М. В. Пановым** («Кодифицированный литературный язык и разговорный язык» — в соавторстве с **Е. А. Земской**); раздел «Лексикология» — **Л. А. Новиковым**; «Словообразование» — **Е. А. Земской**; «Морфология» — **И. Г. Милославским**; «Синтаксис» — **В. А. Белошапковой**, кроме главы «Интонация и синтаксис», которая написана **Е. А. Брызгуновой**.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аж.* — В. Ажаев
Ал. — М. Алигер
Ам. — Н. М. Амосов
Андр. — В. Л. Андреев
Ант. — С. Антонов
Арс. — В. К. Арсеньев
А. С. — А. Сурков
А. Т. — А. Н. Толстой
Ахм. — Б. Ахмадулина
Бакл. — Г. Бакланов
Барат. — Е. А. Баратынский
Бат. — К. Н. Батюшков
Бл. — А. А. Блок
Бр. — В. Я. Брюсов
Бун. — И. А. Бунин
В. М. — В. В. Маяковский
В. П. — В. Песков
В. Ш. — В. Шукшин
Вяз. — П. А. Вяземский
Г. — Н. В. Гоголь
газ. — газета
Гайд. — А. Гайдар
Гал. — М. Галлай
Герц. — А. И. Герцен
Глин. — Ф. Н. Глинка
Г. Н. — Г. Николаева
Гор. — С. Городецкий
Гр. — А. С. Грибоедов
Д. — Ф. М. Достоевский
Е. Д. — Е. Дорosh
Ес. — С. А. Есенин
Заб. — Н. Заболоцкий
И. и П. — И. Ильф и Е. Петров
К. — А. И. Куприн
Кав. — В. Каверин
Кат. — В. Катаев
Кольц. — А. В. Кольцов
Кр. — И. А. Крылов
Крив. — Л. Кривенко
Л. — М. Ю. Лермонтов
Лавр. — Б. Лавренев
Леон. — Л. Леонов
Либ. — Л. Либединская
Лид. — В. Лидин
Лом. — М. В. Ломоносов
Л.-К. — В. Лебедев-Кумач
Л. Т. — Л. Н. Толстой
Луг. — В. Луговской
М. — А. Н. Майков
Мал. — А. Малышкин
Майк. — В. Н. Майков
Манд. — О. Мандельштам
Мар. — С. Марин
Марш. — С. Маршак
М. Б. — М. Булгаков
М. Г. — М. Горький
Н. — Н. А. Некрасов
Наг. — Ю. Нагибин
Ок. — Б. Окуджава
Ол. — Ю. Олеша
Остр. — А. Н. Островский
П. — А. С. Пушкин
Паст. — Б. Пастернак
Пауст. — К. Паустовский
пог. — поговорка
посл. — пословица
Пр. — М. М. Пришвин
Св. — М. Светлов
Сер. — А. Серафимович
Сим. — К. Симонов
Сол. — В. Солоухин
С.-Ц. — С. Сергеев-Ценский
Т. — И. С. Тургенев
Тв. — А. Твардовский
Тендр. — В. Тендряков
Тушн. — В. Тушнова
Тютч. — Ф. И. Тютчев
Ф. — А. Фадеев
Фед. — К. Федин
Фет. — А. А. Фет
Хл. — В. Хлебников
Цв. — М. Цветаева
Ч. — А. П. Чехов
Чук. — К. Чуковский
Ш. — М. Шолохов
Шкл. — В. Шкловский
Ю. К. — Ю. Казаков
Яз. — Н. М. Языков

ВВЕДЕНИЕ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

§ 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Предмет нашего изучения — современный русский литературный язык. В этом сочетании прежде всего требует разъяснения термин «литературный». Первой приходит в голову мысль, что литературный язык — это язык художественной литературы. Но такое понимание термина неверно.

Литературный язык — это язык культуры; это язык культурных людей. Современный русский литературный язык выполняет оба эти назначения. Но так бывает не всегда. Например, в XVII в. в России языком письменной культуры в основном был церковнославянский, а живым языком культурных людей, средством их повседневного общения — русский язык¹.

На русском литературном языке создаются художественные произведения и научные труды, это язык театра, школы, газет и журналов, радио и телевидения. В то же время на нем разговаривают в семье, на работе, в кругу друзей, в общественных местах. То, что обе функции выполняет один и тот же язык, обогащает культуру; она строится с помощью живого, динамичного средства общения, способного к передаче самых новых, только что возникших смыслов, и передает самую их динамику, помогает им возникать и формироваться. И бытовая речь от этого выигрывает: само повседневное общение между людьми становится явлением общенародной культуры. Литературный язык с любовью оберегают от всего, что может повредить ему.

В разные эпохи опасности, грозящие языку, различны. В 20-е годы нашего века — это наплыв заимствованных слов (при том — заимствованных без нужды), жаргонной лексики, просторечных, т. е. ненормативных,

---

¹ Подробнее см.: *Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.* М., 1938. С. 5—6.

явлений в области произношения и грамматики. Об одной из этих опасностей с тревогой писал В. И. Ленин в статье «Об очистке русского языка»¹.

В 30-е годы многие деятели культуры боролись против чрезмерного воздействия на литературный язык диалектов, против наплыва жаргонной лексики. Максим Горький писал: «Речевые капризы нашей страны весьма многообразны. Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлечься хламом вроде таких бессмысленных словечек, как *подъялдыкивать, базынить, скукоживаться* и т. д.»². В книгах писателей Горький отмечал такие уродливые словечки: *скокулязило, вычкурдывать, ожгнуть, небо забурамашило, дюзнул, скобыской, кильчак тебе промежду ягодиц*. «С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогащается такими нелепыми словечками и поговорками, как, например, *мура, буза, волынить, шамать, дай пять, на большой палец с присыпкой, на ять* и т. д. и т. п.»³. Эта опасность в 30-е годы была преодолена именно потому, что против нее боролись писатели, педагоги, журналисты, ученые.

В наше время одна из опасностей для литературной речи (а в конце концов и для языка) — влияние на бытовую, публицистическую, даже на художественную речь книжных штампов, особенно штампов официально-делового стиля. Первым об этой опасности, о распространении «канцелярита», заговорил К. И. Чуковский.

Спрашиваю у одного из редакторов, есть ли в редакции клей, и слышу высокомерный ответ:

— Я не в курсе этих деталей.

В поезде молодая женщина, разговорившись со мною, расхваливала свой дом в подмосковном колхозе:

— Чуть выйдешь за калитку, сейчас же *зеленый массив!*

— В нашем *зеленом массиве* так много грибов и ягод...! <...>

И вот столь же «культурное» изречение некоей интеллигентной гражданки:

— А дождю надо быть! Без дождя невозможно. В деревне *климатические условия* нужны.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 49.

² Горький М. По поводу одной дискуссии // Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 140.

³ Горький М. О языке // Там же. С. 169.

Как бы ни были различны эти люди, их объединяет одно: все они считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в свою речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов¹.

«Канцелярит» до сих пор иссушает речь многих газет, журналов, мертвит бытовую речь; борьба с ним не закончена.

Откуда бы ни грозила опасность литературному языку, она всегда имеет две стороны: вносит неупорядоченность, хаос в язык и умаляет его выразительность. То и другое связано. Бесспорно, что «канцелярит» — опасность для выразительности, для образности, для живой эмоциональности нашей речи. Но плохо не только это. Привычка орудовать штампами, слитными блоками привычных, казенно-бездушных слов ведет к утрате живого чутья языка, и это отражается на его грамматической стороне. Недаром речь любителей «канцелярита» почти всегда и грамматически неблагополучна: вязкий синтаксис (нередко — с нарушением или двусмысленностью грамматических связей), вереницы родительных падежей, зависимых друг от друга... Пренебрежение выразительностью речи оборачивается и грамматической хаотичностью.

В словарях около некоторых слов стоит помета «разг.», например около таких: *вздремнуть, визготня, восвояси, восьмерка, вояка, впервой, вперевалку, вполглаза, впопад, вправду, впросонках, впустую, вспомнать, втихомолку, втолковать, вьедливый...* Около других слов стоит помета «высок.», например около таких: *владычествовать, властелин, влачить, воздвигнуть, возликовать, возмездие, воинство, воистину, вопиющий*

Одна помета обозначает, что слово относится к разговорному стилю языка, другая говорит о принадлежности его к высокому стилю. В печати были протесты против таких помет. Говорили, что они (особенно помета «разг.») дискредитируют слова, внушают неуважение к ним, боязнь их употреблять. Видели в этом и попытку превратить бескрайние просторы языка в «языковой пятак».

Так ли это? Помета «разг.» обозначает как раз, что слово стилистически не бесцветно, она напоминает:

---

¹ Чуковский К. И. Живой как жизнь: О русском языке. М., 1966. С. 118.

это слово особое, «окрашенное», употреблять его надо не всюду, не всякий раз, а с толком, когда нужна именно такая окраска речи. Слово с пометой «высок.» имеет свою область применения, оно тоже окрашено.

Что будет, если этих помет в словарях не окажется? Многие и без словаря знают, какие слова разговорные. Им это подсказывает чутье языка (т. е. языковой опыт). Но многие будут сбивчиво, стилистически необоснованно использовать эти слова. Все ли чувствуют, понимают, что *восьмерка* — слово разговорное? Учитель может сказать ученику: «Поправьте восьмерку, она у вас небрежно написана». Но в научном трактате это слово неуместно¹. Забвение того, что разговорные слова именно разговорные, приведет к ущербу и для выразительности речи (их станут употреблять как нейтральные, стилистические «бесцветные» слова), и для ее упорядоченности. Возникнет хаос: одни будут использовать эти слова как окрашенные; они помнят, что *восьмерка*, в отличие от *восемь*, необычное слово. Другие привыкнут видеть в разговорных словах простые дублиеты слов разговорных. Отсюда несогласованность в речи говорящего — слушающего. Они по-разному оценивают слова, поэтому по-разному оценивают речь; у них возникает речевой разлад. Устранили нормативность (отказались от помет, т. е. от общеобязательной стилистической оценки слов) — нанесли урон и выразительности речи. Одно с другим прочно связано: норма и выразительность. Общество заботится и о строгой упорядоченности литературной речи, и о том, чтобы не были стеснены ее выразительные возможности. Нельзя забыть ни о той, ни о другой задаче.

Пуристы думают только о сохранении строгой традиционной упорядоченности в языке. Появление нового слова, оборота, выражения ими сразу и безоговорочно отвергается; новшества кажутся им разрушающими закономерность, целостность, гармоничность отношений в языке. Другие, наоборот, радостно приветствуют всякую новинку; по их мнению, все, что появляется в речи, создает новую выразительность и должно быть узаконено языком. Они не замечают, что нередко какое-нибудь неожиданно хлесткое словечко бывает выразительно только несколько дней, а потом становится

---

¹ Есть спортивный термин *восьмерка* (в гребном спорте): это слово не разговорное.

обузой для большинства говорящих, что иная новинка, пусть даже с первого взгляда выразительная, несет с собой вульгарность, цинизм, грубость.

Заботиться о языке — значит не быть ни пуристом, ни бесшабашным хвалителем всякого новшества. Дело не в «умеренности и аккуратности» оценок, а в языковом вкусе, его широте и — одновременно — строгости. Отдельный человек в своих оценках нередко ошибается, но язык — наше общее дело, и общественное мнение бывает в конце концов справедливым. Оно принимает все подлинно ценное.

Явления культуры хрупки и уязвимы. Они требуют охраны и попечения о них. Бережного отношения требует и язык. И общество сознательно заботится о нем. Сознательная забота о языке называется к о д и ф и к а ц и е й языка.

Кодификация, объясняет словарь, значит упорядочение, приведение в единство, в систему, в целостный непротиворечивый свод (кодекс). В языке кодификация — тоже приведение в единство, в порядок, отвержение всего чуждого литературному языку и принятие всего, что его обогащает.

Средства кодификации — это словари, справочники по языку, учебники для средней школы, научные лингвистические исследования, устанавливающие норму. И только? Нет, еще: «пример людей, безукоризненно владеющих русской речью (талантливых писателей, ученых, журналистов, артистов, дикторов); произведений — художественных, научных, публицистических, — обладающих высоким общественным (и культурным) авторитетом. Предположим, что я хочу сказать *берегёт*, но: люди, которых я считаю культурно-авторитетными, так не говорят; по радио такую форму не употребляют; в школе так говорить отучивают; у И. С. Тургенева, А. А. Блока, М. М. Пришвина и других русских писателей, в газетах и журналах такая форма не встречается. Я отказываюсь от намерения сказать *берегёт*. Так устанавливается кодекс литературных норм.

В качестве кодификаторов (тех, кто бережет достоинство литературного языка) выступают: учёный-языковед, писатель, журналист, общественный деятель, диктор радио и телевидения, артист, учитель, преподаватель вуза, редактор, корректор, врач (в разговоре с больным), инженер (в разговоре с рабочими и инженерами) — и каждый из нас. Каждый, кто владеет лите-

ратурным языком,— пример (положительный или отрицательный) для других, образец, к которому они хотя бы приблизиться или от которого отталкиваются («Семен Семенович говорит *бережёт*, но он малокультурен, сер, невежда, я так говорить не буду»). Каждый из нас отвечает за судьбу русского литературного языка.

Итак, литературный язык, это: 1) язык общенародной культуры; 2) язык общения культурных людей; 3) в отличие от диалектов и городского просторечия это язык, имеющий твердые нормы, о сохранности которых заботится все общество.

Эта характеристика относится к современному русскому литературному языку. Исторически же само понятие литературности языка изменчиво. Некоторые из данных характеристик не относятся, например, к русскому литературному языку XVII в.

§ 2. СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК

Мы будем изучать современный язык. А что значит: современный? По отношению к русскому языку этот термин употребляется в двух значениях: 1) современный — язык от эпохи Пушкина до наших дней; 2) современный — язык середины и второй половины XX в.

Когда мы читаем произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и их современников, мы воспринимаем их язык как свой, родной. Переводчики нам не нужны. Речевое общение сохраняет свою непосредственность, это — прямое общение. Поэтому вполне реален, имеет объективное существование современный русский язык от эпохи Пушкина до наших дней.

Но тем не менее от эпохи Пушкина до нашей прошло полтора столетия лет. За это время язык изменился; изменились некоторые произносительные и грамматические нормы, стало иным значение некоторых слов, лексика значительно пополнилась. «В пушкинском словаре слово «пар» встречается в значении тумана да дымки над костром. А «век пара» неотвратимо приближался» (Н. Атаров).

Хотя язык Пушкина мы понимаем, но в некоторых случаях уже нужны комментарии и разъяснения.

Возьмем начало «Евгения Онегина»:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

Современный читатель может так понять эти строки: Онегин с похвалой думает о своем дядюшке: и человек он честный, и уважать себя заставил (странно, что он это как-то смог сделать во время болезни)... Правда, такое любовно-патриархальное отношение к родственникам (духовно явно не близким Онегину) противоречит характеру героя. Ну, наверное, такой сложный характер...

Нужны разъяснения. Первую главу «Евгения Онегина» А. С. Пушкин писал в 1823 г. У всех была в памяти басня И. А. Крылова «Осел и мужик» (1819), которая начиналась словами: *Осел был самых честных правил...* Эту фразу и вспоминал читатель 1-й строфы «Евгения Онегина». Со временем острота совпадения с крыловской басней потускнела; выражение Крылова про осла не стало крылатым — и современный читатель готов ироническую похвалу, которой начинается «Евгений Онегин», принять всерьез.

Когда не в шутку занемог...

Когда здесь использовано в значении *если*. Сейчас такое значение союза *когда* тоже известно, но малоупотребительно; можно и не догадаться об условном значении, которое он вносит в предложение. А все предложение значит: «Если дядя действительно серьезно заболел, то, пожалуй, нужно показывать, что уважаешь его...». Такое понимание начала строфы находится в согласии с продолжением рассказа:

Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя...

Слова Онегина, которыми начинается роман, вовсе не благонамеренная похвала дядюшке, а ироническая (и даже отчасти циничная) его характеристика; с другой стороны, — это и характеристика самого Онегина, которая ладит с тем, что мы узнаем о нем из первой главы романа. Мы могли и не уловить этого, потому что язык Пушкина в некоторых своих деталях уже не совсем наш язык.

При поверхностном чтении ускользает, что смысл ряда слов в пушкинских произведениях не всегда тот, к какому мы привыкли в нашем языке. «В значении целого ряда слов, представляющих собой сложные образования из двух основ, например *великодушие*, *малодушие*, *добросовестный* и другие, первоначально заметно проступало значение каждой основы, и общее значение сложного слова представлялось как бы чле-

нимым, состоящим из суммы значений двух частей. Можно сказать, что слово *великодушие* в своем первоначальном значении было очень близко к понятию «величие души», проявляющемуся в способности к самопожертвованию, в мужестве, крепости, силе духа. *Малодушие*, наоборот, означало «свойство человека с мелкой, маленькой душой, ничтожного по своим моральным качествам». Именно в этом старом значении употребляет это слово Сумароков:

В великодушии геройство состоит;
А без него оно имеет ложный вид.

В таком же значении употребляется это слово и в следующем контексте из «Рославлева» Пушкина, где пленный офицер наполеоновской армии, потрясенный силой духа русского народа... патетически восклицает: «Ужасное, варварское великодушие! Теперь все решено: ваше отечество вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором...»

В производных образованиях от этого слова мы обнаруживаем ту же членимость значения. В «Капитанской дочке» Пушкин описывает мужественное поведение коменданта Белогорской крепости Ивана Кузьмича и гарнизонного поручика Ивана Игнатьевича, отказавшихся присягнуть Пугачеву несмотря на то, что этот отказ должен был повлечь за собой их смерть. «Очередь была за мною,— говорит Гринев.— Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей». Здесь *великодушный* выступает в значении: обладающий высокими моральными качествами — величием души, способный к самопожертвованию, мужественный, храбрый. Слово *малодушие* у Пушкина тоже употребляется в старом значении: ничтожность, мелкость души. «На основе этих первоначально членимых значений,— пишет И. С. Ильинская,— впоследствии развиваются другие, уже не членимые по смыслу значения, существующие некоторое время наряду со старыми, а потом вытесняющие их. *Великодушие* впоследствии стало означать и теперь означает «свойство характера, заключающееся в уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства» (*в порыве великодушия он простил ему все обиды*), где понятие «величия души» совершенно стерто. То же можно сказать и о *малодушии*, которое значит «трусость, безволие, нерешительность». Процесс утраты сложными словами ста-

рых членимых по смыслу значений коснулся многих сложных слов»¹.

Итак, между языком наших дней и языком эпохи Пушкина легла история в 150 лет. Изменился словарный состав, у слов появились новые значения и были утрачены старые (в связи с этим сложные слова превратились в простые), стали несколько иными произносительные и грамматические формы. Поэтому вполне оправдано и второе понимание слов «современный русский язык» — язык середины и второй половины XX в.

В этой книге (и вообще в курсе современного русского языка, который читается в вузах) описывается именно русский язык середины и второй половины XX в. Однако в тех многочисленных случаях, когда нормы современности и нормы Пушкинской эпохи совпадают, приводятся примеры из произведений Пушкина и других писателей XIX и начала XX в.

§ 3. РУССКИЙ ЯЗЫК

Самое понятное слово в сочетании *современный русский литературный язык* — слово *русский*. Это язык, созданный русским народом, тот, на котором он строит свою культуру; для русского человека он — родной язык.

До XIV в. существовал древнерусский язык как общий язык предков украинцев, белорусов и русских. В XIV в. произошло разделение этого восточнославянского языка (в связи с формированием русской, белорусской и украинской наций), и с этих пор существует русский язык как язык русского народа.

В. И. Даль сказал (в ответ на предположение, не датчанин ли он): «Кто на каком языке думает, тот к той нации и принадлежит. Я думаю по-русски». Это содержательная, верная формулировка; но в XX в. она верна не во всех случаях. Многие советские люди владеют и русским, и каким-либо другим национальным языком. Русский язык в СССР стал для части населения одним из двух родных. Татарский поэт Ахмед Ерикеев в стихотворении «Два крыла» говорит:

...Коню бывает всадник благодарен,
Захлебываясь ветром на скаку.
Вот так и я — мечтательный татарин
Родному благодарен языку.

¹ Ильинская И. С. О богатстве русского языка. М., 1963. С. 40.

Люблю его!

И ярким мне, и сочным
Он кажется, прошедший сквозь века.
Звучи на языке моем восточном
Из-под пера летящая строка!
Кто путь забыл к родительскому дому,
Тот не заслужит сам любви большой.
Кто равнодушен к языку родному,
Тот и к чужому холоден душой.
Мне два крыла вручила не природа,
На них парю я каждый час и миг:
Одно — язык татарского народа,
Второе — русский пламенный язык¹.

Значит, формула Даля, верная в основном и для нашего времени, нуждается в уточнении: в наши дни русский язык является родным не только для русских людей. Есть украинцы, армяне, таджики, татары, удмурты (и т. д.), которые владеют русским языком как одним из двух (в равной степени) родных, но считают себя принадлежащими к украинскому, армянскому, таджикскому, татарскому, удмуртскому (и т. д.) народу.

Русский язык стал родным не только для русского народа.

§ 4. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Академик В. В. Виноградов писал: «Можно полагать, что сейчас в мире в той или иной мере владеют русским языком около полумиллиарда человек (из них для 150 млн. — это родной язык)»².

При переписи, проведенной в нашей стране в 1979 г., «назвали родным русский язык 153,5 миллиона человек (при переписи 1970 года — 141,8 миллиона), из них — 137,2 миллиона русских и 16,3 — других национальностей. Кроме того, 61,3 миллиона человек заявили, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка (в 1970 году — 41,9 миллиона человек)»³.

В. И. Ленин писал: «...мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

¹ Перевел с татарского Я. Козловский. См.: Ерикеев А. Стихотворения. М., 1962. Некоторые свои стихи А. Ерикеев с большим мастерством перевел на русский язык (см. в том же сборнике стихотворения «Вновь запахло сиренью и мятой», «Фатыма» и др.).

² Виноградов В. В. Русский язык в современном мире // *Русский язык в современном мире*. М., 1968. С. 23.

³ *Население СССР: По данным переписи населения 1979 года*. М., 1980. С. 26—27.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы»¹. В Советском Союзе русский язык в результате свободного распространения между разными национальностями стал одним из языков межнационального общения.

Приобщение к культурным ценностям русского народа происходит при помощи русского языка: огромное количество людей читает Пушкина, русских классиков, советских русских писателей в подлиннике. Нанайский писатель Петр Киле рассказывает в повести «Птицы поют в одиночестве»:

Одно стихотворение Пушкина я открыл в шестом классе, вернее, Ленка открыла его мне. Она, наверное, сама была ошеломлена стихами «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Горячо сказала: «Филипп!» Я взял у нее Пушкина и долго повторял: «Я вас любил...»

А в восьмом классе я говорил: «Боже мой, Пушкин!» — бегая по дому. Кошка пряталась за печку и следила за мной своими вертикальными зрачками. Я ронял книгу и, закрывая глаза, падал на пол, на медвежью шкуру — в пустыне мрачной я влячился... Явился шестикрылый серафим, и что он сделал со мной?

Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье...

Я принимался читать «Евгения Онегина» вслух. Дени пришла из магазина, я читаю. Дени сварила ужин, я читаю. Дени ставит на стол поздний ужин...

— Это столько тебе учить наизусть, нэку?

— Нет, Дени! Спасибо, есть мне не хочется!

— Ешь, ешь, Филипп! Оставлять еду нельзя, не будет тебе счастья.

— «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя!» Дени, быть по-твоему! И я буду счастлив?

Я говорю ей по-русски. Дени все понимает, хотя отвечает мне на родном языке:

— Не убьешь человека, чужого не возьмешь, лентяем не будешь — будешь хорошим человеком. А счастливым... — Дени качает головой.

— Нет, Дени я теперь хороший! Я теперь счастливый.

Русский язык в настоящее время стал мировым языком.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 295.

Организацией Объединенных Наций признано 6 официальных мировых языков, среди них русский (а также английский, французский, испанский, китайский, арабский). Строительство социализма в Советском Союзе, создание нового общества, успехи науки, техники и искусства, экономическая жизнь — все это стало стимулом распространения русского языка во всем мире.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Об очистке русского языка // Полн. собр. соч. Т. 40.
Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1945.

СТИЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 5. ЧЛЕНЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И СТИЛИ

Современный русский литературный язык не похож на однообразную плоскую равнину. Его «ландшафт» сложнее: есть горы, холмы, есть спуски в долину, в поймы рек. Если говорить не метафорически, а прямо, то современный русский литературный язык стилистически расчленен. Одни слова имеют высокую, торжественную окраску, другие — разговорную. Наконец, очень многие слова стилистически прозрачны, они не имеют окраски: *я, ты, он, быть, идти, думать, читать, работать, мать, отец, дом, жизнь, человек, цветы, дерево, лицо, яшень, радость, мысль, смелость, большой, синий, хороший* и т. д.

Стилистически разграничены не только слова, но и синтаксические конструкции. Примеры: *Я позабыл, что надо отправить письмо* (нейтр.). — *А я и позабудь, что письмо-то отправить надо* (разг.); *Это неизбежно, ибо таково веление истории* (высок.). — *Этого нельзя избежать, потому что так требует история* (нейтр.). В последнем случае союзы *ибо — потому что* — синтаксическое средство, помогающее создать стилистический контраст. Огромное большинство грамматических конструкций принадлежит нейтральному стилю.

«...Ломоносовская „теория трех стилей“, — писал А. А. Реформатский, — заключает в себе очень важное теоретическое зерно: стили речи соотносительны, и любой стиль прежде всего соотнесен с нейтральным, нулевым; прочие стили расходятся от этого нейтрального

в противоположные стороны: одни с «коэффициентом» плюс как „высокие“, другие с «коэффициентом» минус как „низкие“ (ср. нейтральное *есть*, высокое *вкушать* и низкое *жрать* и т. п.)»¹.

Каждое разграничение в языке имеет смысл, оно что-то обозначает. Каков смысл стилистических разграничений? Этот смысл сложен. Во-первых, с помощью стилистических разграничений передается отношение говорящего к его речи. Может быть, эта речь имеет всеобщее значение (она обращена к народу), эпохальное (к истории) и даже «вселенское» значение. Но речь может быть и непритязательной, говорящий предназначает ее для немногих лиц, и только для них она интересна, только сейчас и здесь.

Автор статьи раздает ее отписки нескольким своим товарищам по работе и говорит: *Я пришел к вам, чтобы вручить свой труд...* И сам говорящий, и его слушатели поняли, что речь не соответствует обстоятельствам, в этих условиях уместны были бы более скромные, более непритязательные слова: о простом деле не стоит говорить так торжественно и высоко. Уместен был бы нейтральный стиль: *Я хочу подарить вам свою статью...* Или даже несколько сниженный, разговорный: *Вот — написал, хорошо ли, плохо ли, не знаю, прочитайте и скажите.*

Следовательно, в стилистических разграничениях выражается отношение говорящего к речи: она оценивается им как имеющая большое, даже всеобщее значение или как более «ограниченного пользования», для сравнительно ограниченного круга лиц, не претендующая на эпохальность.

Но из этого разграничения вытекает другое. Все-народная речь звучит в дни торжеств, праздников, в дни всеобщего ликования. Поэтому языковые единицы, принадлежащие высокому стилю, имеют, во-вторых, оттенок праздничности, торжественности. В них отразилась сама ситуация, в которой они употребляются. В приведенном примере (*чтобы вручить...*) неловкость и в том, что говорящий заранее уверен, что он принес с собой праздник для всех, даря книгу. Однако это уже второе, производное значение высокого стиля. Главным является первое. Это доказывается тем, что есть слова

---

¹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 144—145.

высокого стиля (и их даже немало), которые лишены духа праздничности, торжественности. Например, высокий союз *ибо* никакой праздничности сам по себе не несет.

Высокий стиль уместен и в дни скорби; при этом он сохраняет свою торжественность, но, конечно, не праздничность.

Речь в разговорном стиле — это будничная речь. От этого она не становится плохой: будни имеют свое обаяние. В примере, приведенном выше (*чтобы вручить...*), как раз разговорный стиль оказался хорошим и вполне уместным, а высокий стиль — плохим, претенциозным. Следовательно, разговорный стиль имеет (в качестве второго, производного) значение речи повседневной, непраздничной.

Наконец, в-третьих, сам объект называния может окрашиваться по-разному в разных стилях. В ряду слов: *очи* (высок.) — *глаза* (нейтр.) — *гяделки* (разг. или прост.) — сами объекты представляются разными. Слово *очи* вызывает иные представления о называемом объекте, чем слово *гяделки*. *Очи* красивее, чем *гяделки*. С другой стороны, *очи* не просто «орган зрения», а «зеркало души», уста — это не «орган приема пищи», а «источник речей премудрых»¹. И приведенный пример (*чтобы вручить...*) можно понять так: реплика оказалась неудачной, потому что в ней действие получило более высокую оценку, чем оно заслуживало.

Однако и эта черта вторична, т. е. охватывает не все стилистически окрашенные слова. Да, действительно, большинство высоких слов обозначают объекты, которые оцениваются положительно (*Отчизна, очи, дерзновенно*), но есть и такие высокие слова, объект которых либо никак не оценивается, либо оценивается отрицательно (*тиран, презренный, исчадие зла*).

Поэтому основное значение стилистических различий надо видеть в том, что сама речь может оцениваться как важная, существенная для всех (или многих) или, наоборот, как имеющая значение только ограниченное: здесь, сейчас, для присутствующих. Метонимически эти различия переносятся и на объект речи, на то, что называется; сами предметы, обозначаемые средствами высокого и разговорного стиля, могут представляться различными. И, как уже было сказано, в высоком стиле

---

¹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. С. 92.

может быть запечатлена торжественность, характерная для обстановки, в которой бывает уместна речь высокого стиля; неторжественность, повседневность (не в порицательном смысле) запечатлена в стиле разговорном. Таковы те смыслы, которые передают с помощью стилистических разграничений.

Нейтральные языковые единицы характеризуются тем, что они уместны в любой речи. Они не имеют тех красок, тех стилистических смыслов, которые свойственны высокому и разговорному стилям. Ни один текст (письменный, устный) нельзя создать средствами только одних окрашенных единиц. В любом тексте большинство слов и синтаксических конструкций — нейтрального стиля. Окрашенные единицы вводятся в среду нейтральных единиц, — и тогда мы воспринимаем весь текст как высокий или разговорный по стилю. *Стакан чаю* — это вода, слегка окрашенная чаем, но это не «стакан воды», а именно «стакан чаю». Так и высокий (или разговорный) текст: большинство его единиц — неокрашенные, нейтральные, окраску придают немногие высокие (или в другом случае — разговорные) слова.

Запомним: с помощью стилистической градации **высокий — нейтральный — разговорный** стиль оценивается сама речь; это — основа стилистических разграничений.

§ 6. ЯЗЫКОВЫЕ ЖАНРЫ

Существуют не только стилистически противопоставленные единицы языка, но и языковые законы их использования. Если просмотреть на нескольких страницах словаря слова с пометой «разг.» и «высок.», то сразу можно заметить, что высоких слов значительно меньше, чем разговорных. Это отражает норму современного литературного языка: в тексте (письменном или устном) может быть много разговорных слов, и это не претит современному языковому вкусу. Наоборот, слова высокого стиля должны употребляться скупой, чтобы не вызвать впечатления нарочитой экзальтации или неискренности. Таков вкус времени, отразившийся в речи и в законах употребления языковых единиц.

На площадях Малоярославца и Можайска я видел святые могилы: здесь похоронены храбрецы, участвовавшие в освобождении этих городов. Пройдут годы. Забудутся страшные месяцы войны. Люди отстроят новые города, новые школы, новые клубы. Красивей, больше прежних станут наши города. В сердце освобожденных городов

останутся дорогие памятники. И мать, показав ребенку на цоколь с начертанными именами, скажет: «Вот, Петя, кто тебя спас...» И в поле колхозницы почтут одинокую могилу красноармейца. Вокруг нее расступятся колосья. Ее не тронет время...

Нашн бойцы, павшие на поле брани, победили не только врага, они победили смерть. Они погнбли за близких, за друзей, за свою маленькую деревню и за нашу необъятную страну. У сирот найдутся матери — все женщины Россни. У погнбших бездетных будут потомки — весь русский народ (И. Г. Эренбург).

В этом тексте немного торжественных слов, но их достаточно, чтобы передать чувство скорби, благодарности и высокой печали.

Текст может состоять из единиц нейтрального стиля и из единиц разговорного стиля; может состоять из единиц нейтрального стиля и из единиц высокого стиля. Встречаются тексты из одних только единиц нейтрального стиля, но они редки.

Есть устойчивые в данную эпоху типы совмещения в одном тексте окрашенных языковых единиц. Такие типы называются стилистическими жанрами. В современную эпоху мы встречаем такие стилистические жанры: художественное повествование, научное исследование, газетная информация, шуточный бытовой диалог, басня, лирическое стихотворение, доклад на научной конференции, фельетон, протокол собрания, заявление в учреждение, реклама, отчет о работе, разговор между продавцом и покупателем в магазине, рассказ друзьям о каком-нибудь событии, журналистское интервью, научно-популярное изложение теории, путеводитель и т. д.

Эти жанры принадлежат не только речи, но и языку. Сами законы сочетания разных окрашенных слов в пределах каждого жанра (что допустимо и что — нет, или допустимо как особый случай, какая возможна насыщенность текста данными окрашенными единицами, как они должны быть введены в текст и т. д.) в известной степени стабильны в каждую эпоху, они характеризуют не только данный текст, но и жанр в целом. Поэтому такие законы имеют не только речевой, но и языковой характер¹.

¹ О понятиях язык и речь см.: *Реформатский А. А. Введение в языковедение*. С. 32—37; см. еще важное разъяснение: «Языком можно владеть и о языке можно думать, но ни видеть, ни осознать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом перцептивном значении этого слова» (*Реформатский А. А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Вопросы*

Языковые жанры и те, которые изучает литературоведение, не совпадают друг с другом. Например, литературовед различает рассказ и повесть — для языковеда это один жанр: художественное повествование. Нет собственно языковых (притом типизированных) отличий, чтобы противопоставить рассказ повести. И даже в тех случаях, когда жанр выделяется и с лингвистических, и с литературоведческих позиций, для языковеда важно в нем устойчивое, выходящее за рамки личного творчества, общезыковое, а для литературоведа — индивидуальное, то, что в данном тексте создает единство данной образной системы и ее данного художественного выражения.

Вот жанр семейного письма:

Друзья мои тунгусы! Был ли у Вас дождь, когда Иван вернулся из Лавры? В Ярославле лупил такой дождь, что пришлось облечься в кожаный хитон. Первое впечатление Волги было отравлено дождем, заплаканными окнами каюты и мокрым иосом Гурляйда, который вышел на вокзал встретить меня. <...>

На пароходе я первым долгом дал волю своему таланту, т. е. лег спать. Проснувшись, узрел солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцем монастыри, белые церкви; раздолье удивительное; куда ни взглянешь, всюду удобно сесть и начать удить. На берегу бродят классные дамы и щиплют зеленую травку, слышится изредка пастушеский рожок. Над водой носятся белые чайки, похожие на младшую Дришку. <...>

Самое худшее на пароходе — это обед. Сообщаю меню с сохранением орфографии: щи зеле, сосиски с капу, севрюшка фры, кошка, запеканка; кошка оказалась кашкой... После корнеевского сантуринского у меня завалило все иутро...

Кострома хороший город. Видел я Плес, в котором жил томный Левитан; видел Кинешму, где гулял по бульвару и наблюдал местных шакавов.

Холодногато и скучногато, но в общем занятно...

Возьмите у Дришки Фофанова. Кундасовой отдайте французский атлас и путешествие Дарвина, стоящее на полке.

Ну, оставайтесь здоровы и благополучны (А. П. Чехов).

Языковой жанр семейного письма выражен очень ярко. Характерны такие черты: лексика разговорного стиля (*лупил* — о дожде, *недурна*, *холодногато* и т. д.), изредка просторечные слова (*завалило все иутро*)¹, много шуточных переносных значений, ироническое

сы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 119. См. также: Кузнецов П. С. О языке и речи // Вестник МГУ: Филология, журналистика. 1964. № 4).

¹ Конечно, и семейное письмо, и текст любого другого жанра может быть создан в рамках нейтрального стиля, но это как раз нетипично для большинства жанров; поэтому-то так редки тексты, выдержанные в пределах строгой нейтральности.

употребление высоких слов (*облечься, узрел*), включение слов семейного языка (*отдашьте* — так говорила в детстве М. П. Чехова, *Дришка* — семейная форма имени Дарья), введение фрагментов иных языковых систем (*меню*), преобладание простых синтаксических конструкций (нет особенно расчлененных предложений, с глубокой «синтаксической перспективой»), очень умеренное использование причастных и деепричастных оборотов.

Как видно, разные языковые жанры характеризуются не только разным использованием слов высокого или разговорного стиля, но и рядом других особенностей. В них по-разному представлены приметы функциональных разновидностей языка. Что же называют функциональными разновидностями языка?

Некоторые жанры обнаруживают языковую близость. Так, например, похожи друг на друга нотариальный акт, хозяйственный договор, протокол собрания, официальное уведомление. Характерной особенностью этих жанров является использование лексики, связанной с определенной областью человеческой деятельности, частое применение грамматических (прежде всего синтаксических) особенностей, уместных именно в текстах, предназначенных для данной области. Все эти приметы составляют отличительные черты деловой разновидности современного русского языка. Она характеризуется не только тем, что в ней уместно, но и тем, что в ней, как правило, отсутствует: исключены слова разговорного стиля (*голубчик, тютелька в тютельку, Ванюша, засеменил*), совершенно неуместны высокие, торжественные слова, неупотребительны эмоциональные средства языка (*ах, эх, глазки, носик, беленький, синий-синий, наисквернейший, а я и позабудь про этот договор*).

Функциональные разновидности языка¹ выделяются путем обобщения тех признаков, которые имеет определенная группа языковых жанров. Можно по-разному

---

¹ Функциональные разновидности языка часто называют функциональными стилями. Но при этом возникает неудобная омонимия двух терминов: есть высокий — нейтральный — разговорный стили, их принято называть стилями со времен М. В. Ломоносова; переименование здесь было бы неуместно. Поэтому переименованы функциональные стили (этот термин имеет менее глубокую историю, он не выходит за пределы XX в.): они в этой книге названы ф у и к ц и о н а л ь н ы м и р а з н о в и д н о с т я м и я з ы к а .

группировать языковые жанры, поэтому у разных исследователей неодинаков набор функциональных разновидностей языка. Чаще всего различают такие функциональные разновидности: деловая, публицистическая, научная и научно-популярная, информационная (например, газетная хроника), бытовая (например, разговор на повседневные, бытовые темы).

§ 7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЖАНРОВ

Языковые жанры не изолированы друг от друга. Часто текст, имеющий основные признаки одного стиля, включает также и особенности другого.

А. К. Гастев, поэт и создатель Института научной организации труда, написал инструкцию «Как надо работать». Приведем отрывки из нее:

Вот первые основания для всякого труда:

1. Прежде, чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове окончательно сложилась модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца продумать нельзя, то продумать главные вехи, а первые части продумать досконально.

2. Не браться за работу, пока не приготовлен весь рабочий инструмент и все приспособления для работы.

3. На рабочем месте (станок, верстак, стол, пол, земля) не должно быть ничего лишнего, чтобы попусту не тыкаться, не суетиться и не искать нужного среди ненужного.

4. ...За работу никогда не надо браться круто, сразу, не срываться с места, а входить в работу исподволь. Голова и тело потом сразу разойдутся и заработают: а если приняться сразу, то скоро и себя, как говорится, зарежешь, и работу «запорешь». После крутого начального порыва работник скоро слабеет, и сам будет испытывать усталость, и работу будет портить...

Есть очень дурная привычка — после удачного выполнения работы сейчас же ее показать; вот тут обязательно надо «вытерпеть», так сказать, привыкнуть к успеху, смять свое удовлетворение, сделать его внутренним, а то в другой раз, в случае неудачи, получится «отравление» воли, и работа опротивеет.

По основным, характерным чертам — это жанр инструкции. Отсюда — инфинитив со значением повеления, использование придаточных предложений условных, а также других грамматических конструкций, имеющих значение условия (*в случае неудачи*), широкое употребление предложений с обобщенным (и потому неназванным) субъектом, ввод — правда, очень умеренный — рабочей терминологии (*станок, верстак*). Но есть и черты необычные для инструкции и обычные для художественной речи: эмоциональная разговорность лексики

(попусту не тыкаться, не срывать с места), слова с необычными переносными значениями [«отравление» воли, (удачу) надо «вытерпеть»], эпитеты (крутой порыв). Жанр инструкции взаимодействует с жанром художественного повествования.

Пока исследование сосредоточено на типических чертах взаимодействующих языковых жанров и на таких взаимодействиях, которые характерны для языка определенной эпохи, оно остается в пределах языкознания.

Раздел лингвистики, который ведает этой проблематикой, называется стилистикой текста. Текст для лингвистической стилистики интересен тем, что он позволяет понять законы построения языковых (устойчиво-определенных) жанров и законы их типического взаимодействия.

Взаимовлияние воззваний, инструкций, приказов, манифестов и поэтических жанров типично для языка 20—30-х годов нашего века (вспомним «Приказы по армии искусств» В. В. Маяковского, «Пачки ордеров» А. К. Гастева, «Декларацию поэтических прав» И. Л. Сельвинского и — деловые бумаги А. В. Луначарского, инструкции А. К. Гастева, распоряжения по театру Е. Б. Вахтангова). Как типическое в языке данной эпохи, это взаимодействие — в поле зрения лингвиста.

Другая, уже не лингвистическая задача — понять текст в его неповторимом своеобразии и индивидуальной целостности. Это — задача литературоведения.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Стили языка:

Сухотин А. М. Стилистика лингвистическая // Литературная энциклопедия. М., 1937. Т. 9.

Реформатский А. А. Введение в языковедение [1947] ¹. М., 1967. С. 144—147.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык [1939] // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

Функциональные разновидности языка:

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка [1952]. М., 1965. С. 60—109.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977. С. 157—218.

Лесскис Г. А. Функциональная дифференциация стилей // Русский язык в национальной школе. 1970. № 3.

Мурат В. П. Об основных проблемах стилистики: Материалы к курсам общего языкознания. М., 1957.

¹ Здесь и далее в квадратных скобках — дата первой публикации (или написания, если публикация вышла посмертно).

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

§ 8. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Часто язык художественной литературы считают особой функциональной разновидностью языка — наряду с деловым, научным, публицистическим и т. д. Но такое мнение неверно. Язык деловых документов, научных трудов (и т. д.) и язык художественной прозы и поэзии нельзя рассматривать как явления одного порядка. Художественная проза (а в наше время — и поэзия) не имеет того лексического «набора», который отличает одну функциональную разновидность от другой, не имеет и специфических примет в области грамматики. Сравнивая произведения разных писателей, нельзя не прийти к выводу, что различия между ними могут быть исключительно велики, что никаких ограничений в использовании средств языка здесь нет.

«Ограничение» есть, но чисто творческое, не связанное с использованием тех или иных ресурсов языка: все в произведении должно быть художественно целесообразно. При этом условии писатель свободно пользуется и особенностями бытовой речи, и научной, и деловой, и публицистической — любыми средствами языка.

Особенность языка художественной литературы не в том, что он использует какие-то специфические средства — слова и грамматические конструкции, свойственные только ему. Наоборот: специфика языка художественной литературы в том, что он — «открытая система», ничем не ограничен в использовании любых языковых возможностей. Не только те лексические и грамматические особенности, которые характерны для деловой, публицистической, научной речи, но и особенности нелитературной речи — диалектной, просторечной, жаргонной — могут быть приняты художественным текстом и органически усвоены им.

С другой стороны, язык художественной литературы особенно строг в отношении нормы, более требовательно, более чутко оберегает ее. И в этом тоже специфика художественного языка — речи¹. Как могут сочетаться

¹ Противопоставление речей — язык оказывается снятым в области художественного языка. Писатель, воплощая свои художественные замыслы, должен создать язык, необходимый для решения его художественных задач (создать, конечно, путем функционально оп-

такие противоположные свойства: с одной стороны, полная терпимость не только ко всем литературным разновидностям языка — речи, но даже и к нелитературной речи, с другой стороны, особо строгое, требовательное соблюдение норм? Это надо рассмотреть.

§ 9. НОРМА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Художественная речь считается с большим числом запретов, чем обычная, она учитывает большее число законов отбора.

Более требовательное отношение к норме можно показать на таких примерах. Родовые различия у существительных неодушевленных семантически пусты — с ними не связываются никакие смысловые различия. Но если в стихотворении (или в песне) говорится о березке и клене, то березка — девушка, а клен — юноша. В сказке могут разговаривать Ухват и Метла, и непременно Ухват изображает мужчину, Метла — женщину. Иван Павлович Яичница — персонаж «Женитьбы» Н. В. Гоголя; фамилия комична — и в значительной степени потому, что пол персонажа и род существительного *яичница* находятся в разладе. То, что давно спит в слове — род неодушевленных существительных, — в художественной речи просыпается, оказывается существенным, влияет на выбор слова. Если бы в сказке Ухвату была предназначена женская роль, норма художественной речи была бы нарушена, читатель остался бы недоволен.

В слове *расстояние* нет приставки *рас-* (для современного русского языка). Ни одно из значений, которые имеет эта приставка в обычной речи, в этом слове неуместно. Если выделим приставку *рас-*, то вместе с этим обособим и корень *-стой-* или *-стояний-*, но и он окажется лишенным смысла: *расстояние* не то, что связано с действием *стоять*. В поэзии «мертвые» смыслы

равданного преобразования общенародного языка). Произведение является и конкретной речевой данностью, и единственным хранилищем, вполне адекватным, притом исчерпывающим воплощением того языка, который найден писателем именно для данного произведения. Это произведение — и языковая, и речевая данность. Здесь не только единство языка и речи, но их полное взаимопроникновение и слияние (поэтому в данной главе слова *язык* и *речь* надо рассматривать как синонимы).

этой приставки оживают (и заставляют считаться с собой при выборе слова, т. е. влияют на норму употребления слова):

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили — рассорíли,
Расслоили...

Стена да ров.
Расселили нас, как орлов —
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По труппам земных широт
Рассовали нас, как сирот.

Который уж — ну, который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

(М. И. Цветаева)¹

В обычной бытовой речи *конь* и *лошадь* синонимы, в большинстве контекстов они легко заменяют друг друга. Смысловые и стилистические оттенки между ними стерты, незначимы.

Не то в поэтической речи:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

(А. С. Пушкин)

В этом тексте речь может идти только о *коне* — назвать его *лошадью* было бы неуместно. Те различия между словами, которые незначимы (или малозначимы) в бы-

¹ См.: Черкасова Л. П. Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтическом языке // Развитие современного русского языка. 72: Словообразование. Членность слова. М., 1975. С. 147. Ср.: «...в языке художественной литературы... мнимое смысловое тождество или смысловое соответствие слов и морфем может расширяться и даже возникать в результате индивидуальных сближений и сопоставлений созвучных, омонимичных или оморфемных выражений. Например, у А. Ф. Вельмана: «...это было существо великодушное, презирающее всех малодушных, слабодушных, тщедушных и радушных...» (Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопр. языкознания. 1955. № 1. С. 64—65).

товой речи, становятся весомыми в речи художественной и определяют выбор слова.

Итак, нормы художественной речи (или, по-другому, языка художественной литературы) строже, чем обычные нормы. Они требуют, чтобы было принято во внимание то, что нормами нехудожественной речи не учитывается (значение рода неодушевленных существительных, потенциальная членимость слова, тонкие смысловые и стилистические оттенки и многое другое).

Обратите внимание и на то, что наши требования к звучанию нехудожественной речи очень широки и неопределенны. Вряд ли кому-нибудь случалось отказаться от того или иного высказывания из-за его звуковой невыразительности или недостаточной гармоничности. Между тем в художественной речи — особенно в поэзии, но также и в прозе — требования фонетического лада, звуковой выразительности очень высоки. Звук сам становится одним из средств изображения:

Увалы хищной тишины,
Шатанье сумерек нетрезвых,—
Но льдин ножи обнажены
И стук стоит зеленых лезвий.

Немолчный, алчный, скучный хрип,
Тоскливый лягз и стук ножовый,
И сталкивающих глыб
Скрежещущие пережевы.

(Б. Л. Пастернак)

К тем требованиям, которые предъявляет к слову всякая речь, художественная добавляет еще повышенные фонетические требования.

Языковая ткань в художественном произведении создается на основе гораздо более строгих требований, чем в художественной речи. Выбор этот труден и часто связан с «муками слова». Он всегда — творчество. Творчество, направленное на то, чтобы слово отвечало высоким нормам выразительности и подлинности.

§ 10. «ОТКРЫТОСТЬ» ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В художественное произведение могут входить такие слова и даже грамматические особенности, которые находятся за пределами литературного языка и в нехудожественной речи отвергаются.

Время заплетало дни, как ветер конскую гриву. Перед рождеством внезапно наступила оттепель; сутки шел дождь, с облонской горы

по ерикам, шалая, неслась вода; на обнажившихся от снега мысах зазеленели прошлогодняя травка и мшистые плитняки мела; на Дону заедями пенились окраинцы, лед, трупно синевя, вздувался. Невыразимо сладкий запах излучал оголенный чернозем. По Гетманскому шляху, по прошлогодним колесникам пузырилась вода. Свежими обвалами, рудными ранами зияли глинистые за хутором яры. Южный ветер нес с Чира томленные запахи травяного тлена, и в полдни на горизонте уже маячили, как весной, голубые, нежнейшие тени. По хутору около бугров высыпанной у плетней золы стояли рыбье лужины. На гумнах оттаивала у скирдов земля, колола в нос прохожего приторная сладость подопревшей соломы. Днями по карнизам куреней с соломенных сосульчатых крыш стекала дегтярная вода, надрывно чекали на плетнях сороки {...}

На второй день рождества взломало Дон. С мощным хрустом и скрежетом шел посредине стор. На берег, как сонные чудовищные рыбы, вылезали льдины. За Доном, понукаемые южным волнующим ветром, стремились в недвижимом зыбком беге тополя (М. А. Шолохов).

В обычной, нехудожественной речи употребление диалектизмов ограничивается (например, в бытовой речи) или даже вовсе запрещается (в деловой речи, в публицистической, научной). Представим, что в отрывке из «Тихого Дона» М. А. Шолохова нет диалектных слов, их заменили обычные литературные выражения. Сразу ушла бы значительная часть той силы и подлинности, которой дышит текст. Слова эти художественно необходимы. И поэтому литературная речь их благодарно принимает — в этом именно тексте, где их присутствие эстетически ценно.

Художественная речь допускает любые отклонения от норм литературного языка, если эти отступления эстетически оправданы. И не всегда потому, что вводятся слова, обусловленные самой темой, материалом повествования: говорится о донских казаках — вводятся «донские» слова, идет речь о жизни ученых — вводятся термины. Художественные причины, обуславливающие включение влитературного материала, бесконечно разнообразны.

Приведем отрывок из «Голубой книги» М. М. Зощенко (книга состоит из коротких исторических новелл, а также рассказов о нашей современности).

...Однажды римский диктатор Сулла (83 год до нашей эры), захватив власть в свои руки, приказал истребить всех приверженцев своего врага и соперника Мария...

Он объявил, что за каждого убитого он заплатит по двенадцать тысяч динариев (около пяти тысяч рублей золотом).

Эта высокая цена столь подействовала на воображение граждан, что (история рассказывает) «убийцы ежечасно входили в дом Суллы, неся в руках отрубленные головы».

Мы приблизительно представляем себе, как это было. <...>

Раб почтительно докладывает:

— Там опять явились... с головой... Принимать, что ли?

— Зови.

Входит убийца, бережно держа в руках драгоценную ношу.

— Позволь! — говорит Сулла.— Ты чего принес? Это что?

— Обыкновенная-с голова... Как велели приказать...

— Велели... Да этой головы у меня и в списках-то нет. Это чья голова? Господин секретарь, будьте любезны посмотреть, что это за голова.

— Какая-то, видать, посторонняя голова, — говорит секретарь, — не могу знать... Голова неизвестного происхождения, видать отрезанная у какого-нибудь мужины.

Убийца робко извинялся:

— Извиняюсь... Не на того, наверно, напоролся. Бывают, конечно, ошибки, ежели спешка. Возьмите тогда вот эту головку. Вот эта головка, без сомнения, правильная. Она у меня взята у одного сенатора.

— Ну, вот это другое дело, — говорит Сулла, ставя в списках галочку против имени сенатора.— Дайте ему там двенадцать тысяч... Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то...

— Извиняюсь... подвернулся.

— Подвернулся... Это каждый настрижет у прохожих голов — денег не напешешься.

Убийца, получив деньги и захватив случайную голову, уходил, почтительно кланяясь своему патрону.

В общем, больше двух тысяч голов было доставлено Сулле в течение нескольких недель.

История бесстрастно добавляет, что никто не избег своей печальной участи.

Сам М. М. Зошенко так объяснял, почему исторические новеллы написаны языком современных писателей героев: в новеллах о современности действует обыватель, его язык сатирически демонстрируется; если бы исторические новеллы были написаны другим языком, то их стиль был бы приподнят, герои облагорожены, а Зошенко хотел показать в исторических деспотах и угнетателях того же обывателя, которого он осмеивал в современности. Так в новелле о Древнем Риме то там, то здесь является просторечное словцо нашей современности.

Художественных мотивов, которые оправдывают введение нелитературного материала в художественный текст, бесконечно много. Лишь бы это введение было эстетически оправдано. Почему такая широта, такая «терпимость» художественного текста ничуть не расшатывает его нормативной строгости? Потому что все отступления воспринимаются на фоне нормы, все они требуют максимально ясного чувства нормы. *Чего принес, велели приказать, видать, извиняюсь, настрижет...*

голов — все это только тогда смешно, художественно значимо и выразительно, если читатель чувствует, насколько это не совпадает с нормой. Поэтому «открытость» художественного текста воспитывает не пренебрежение к норме, а умение ее ценить; без острого чутья общелитературной нормы нет полноценного восприятия экспрессивно-напряженных, образных текстов.

Героем литературного произведения может стать сам язык. Он показан, он выявлен в своих типических чертах, раскрыта его красота. В книгу новелл Б. В. Шергина включен рассказ о языке поморов:

Северный человек никогда непрочь побеседовать и с предметами неодушевленными:

— Ты упряма, печка, сухи дрова любишь. Машкнну печь только подсвети — сразу завоет, а у тебя плачут дрова-те... Дрова сыры, дак они... спят, ждут, чтобы еще накинули, а сухим дровам не надо угождать.

Вспомнив перед сном, что забыла загасить лучину, бабка бежит в кухню и возвращается с просветленным лицом:

— Лучина-то умна, сама загасла,— куда, говорит, старуху де-нешь, без того ей горе...

Вот еще несколько примеров северного разговорного антропоморфизма:

...Льняна рубаха скоро уюг позабывает;
эта рубаха врет, что неглажена, у нее матерьял такой;
эта кастрюля вралья: чнщу, чищу, она все в пятнах;
крашенный пол вымоешь, он дня трн правду говорит, а тесаный на другой день врать зачнет.

Лучина помнит, что в печн была (сухая). Лучина забыла про печку (отсырела). Печь тепло помнит. Пол краску не помнит. Платок духи помнит. Весна зиму вспомнила (снег выпал). Керосни давно вылит, а жестянка все еще его помнит.

Северянин поворачивает слово так, что оно блестит разными гранями...

На каком языке это написано? На литературном, не на диалекте. И не только потому, что речь от лица автора везде строго нормативна. Главное — потому, что все соотнесено с литературной нормой. Б. В. Шергин показал образную силу северорусской речи... Таковую же, как сила литературной речи? Нет, иную. Потому она так и впечатляет, что — не та, которая свойственна литературной (нехудожественной) речи; на ее фоне и расцвела выразительность речи северорусской.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 167—258.

Винокур Г. О. О языке поэзии // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.

Русские писатели о языке / Под ред. Б. В. Томашевского и Ю. Д. Левина. М., 1954.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка [1924]. М., 1965.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М., 1975.

Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. Коммуникация. Стыль: Сб. обзоров. М., 1983.

КОДИФИЦИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК

§ 11. ДВЕ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Сравнительно недавно лингвисты открыли, что современный русский литературный язык состоит из двух систем, обе они глубоко своеобразны и не похожи одна на другую. Каждая из этих систем едина, целостна, самодостаточна, объединена своими законами.

Эти две системы — кодифицированный литературный язык (сокращенно КЛЯ) и разговорный язык (РЯ).

До сих пор у нас речь шла о КЛЯ. Этому языку учат в школах, на нем ведут передачу по радио; область КЛЯ — вся наша печать. Но, кроме КЛЯ, есть и разговорный язык. Он — некодифицированный. Для него нет словарей, справочников, учебников¹. Он усваивается только путем непосредственного общения между культурными людьми. Ведь РЯ — одна из двух систем, составляющих литературный (т. е. культурный) язык, поэтому его носители — те же лица, которые владеют КЛЯ.

Для того, чтобы в речи обнаружился, «объявился» РЯ, нужны определенные условия. Основное — неофициальные отношения между говорящими.

Всякое разграничение в языке имеет смысл, наделено значением. Значимо и разграничение КЛЯ — РЯ. На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или не знакомых, но расположенных друг к другу людей.

¹ Первый учебник РЯ — книга Е. А. Земской «Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения». М., 1987.

Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (собеседниках), об их взаимоотношениях. Возможен такой случай: два друга работают в одном учреждении или на одном заводе; когда они выступают в официальной роли (начальник ~ подчиненный, руководитель ~ исполнитель), то пользуются преимущественно КЛЯ, а когда встречаются в гостях или во время работы, но в связи с делом, которое не подчеркивает их официальные отношения, то говорят на РЯ. Что касается КЛЯ, то это вовсе не языковая система, предназначенная для официальных отношений. Она нейтральна: годится для всяких отношений. Человек, который владеет только КЛЯ (но не РЯ), не будет испытывать неудобства от сознания, что в таком-то случае он говорит не так, как надо, что его речь противоречит нормам языкового поведения. На КЛЯ можно говорить всегда. Но при этом речь будет обеднена. Тот смысл, который во всем своем строе несет РЯ: мы связаны не только официально, наше общение — не сфера холодно-деловых отношений — этот смысл окажется переданным; конечно, можно время от времени вставлять фразы: *Мы друзья; Я к вам (к тебе) отношусь как к приятелю* — но эти вставки не заменят неофициальной дружеской окраски всей речи.

Кроме неофициальности отношений между говорящими, для РЯ необходимы: неподготовленность речевого акта и непосредственное участие говорящих в речевом акте. Если речь подготовлена заранее (на бумаге написана, продумана и выучена — полностью или частично — наизусть), то для РЯ это неподходящие условия. Он себя не обнаружит.

РЯ требователен: он проявляется в определенных условиях, притом только тогда, когда уместен тот общий смысл, который связан с РЯ (неофициальность отношений). Он находит полное выражение прежде всего в устной речи. Могут быть письма, записочки, отражающие РЯ, но поскольку их писали культурные люди (не надо забывать, что РЯ — составная часть литературного языка), то они написаны орфографически нормативно, следовательно, фонетическое своеобразие РЯ в письменной форме не проявляется. Кроме того, письмо налагает и ряд других ограничений на реализацию характерных признаков РЯ. Полностью передать РЯ, во всем его своеобразии, письмо не способно.

Именно из-за такой скрытности РЯ (появляется только в определенных условиях, не способен точно и всесторонне фиксироваться на письме) он долго оставался не замеченным исследователями. Подлинное его открытие произошло в 60-х годах нашего века. Первые систематические записи его произвели смятение: многим показалось, что это запись речи «некультурных» людей. Тогда лингвисты, сделавшие эти записи, сообщили, что записана речь людей известных, с очень высокой культурой, профессоров, писателей, академиков. Понемногу филологи стали привыкать к мысли, что такая система (одна из форм литературного языка) действительно существует; причем стали замечать и за собой, что они тоже пользуются РЯ — притом часто.

Каковы же особенности этого языкового материала, всегда бывшего у нас перед глазами и только недавно открытого? Учебник посвящен КЛЯ, к РЯ в дальнейшем мы не вернемся, поэтому рассмотрим отличия РЯ от КЛЯ на двух примерах: как выражается в РЯ субъект действия и как используется форма именительного падежа¹.

В КЛЯ выражение субъекта действия и форма именительного падежа — понятия не только прочно связанные, но и как бы предназначенные друг для друга: субъект действия особенно часто выражается формой именительного падежа существительного, а форма именительного падежа существительного — обычное обозначение субъекта. В РЯ значение субъекта действия выражается чрезвычайно разнообразными средствами. Покажем на двух примерах, как далеко в этом отношении РЯ отходит от КЛЯ.

1. Субъект действия может быть обозначен сочетанием предлога с формой существительного (в косвенном падеже): *За вами стояла в меховом пальто?*; *Нам налево // Вон видишь /² куда в красной шапке повернул //*; *В красной кофте [потом ты // ; Позовите по газу // [разговор по телефону].*

---

¹ Дальнейшая часть этого параграфа представляет собой изложение и цитацию работ Е. А. Земской.

² В РЯ трудно (или невозможно) определить границы предложения. Поэтому, вместо указания этих границ средствами пунктуации, при записи разговорной речи обозначают: знаком / — малую паузу (или ее эквиваленты), знаком // — большую паузу (или ее эквиваленты: явления интонации).

2. Субъект действия может быть обозначен конструкцией, включающей спрягаемую форму глагола: *Мусор собирает не приходила?* [имеется в виду женщина, которая собирает мусор]; *Напротив живет / увезли на неотложке* // . Такая конструкция может быть применена к сказуемому, которое обычно начинается частицей *это*: *Через улицу переходит / это ваш учитель?*; *В воротах стоит / это из вашего класса?*; *На столе лежит / это Марья Петровна?*

Формы именительного падежа существительного в КЛЯ и в РЯ внешне тождественны, но их речевое поведение не совпадает. Приведем несколько примеров.

1. В РЯ именительный падеж широко употребляется при пояснениях разного рода, носящих характер добавления: *А потом приехал какой-то офицер / не очень высокий чин* // ; *За чем очередь? / махровая ткань?*; *Я думаю, у кого еще вторая часть есть* // алгебра // ; *Вы так и живете / три поколения* // ; *Ему одиннадцать лет / пятый класс*, а ты с ним как с маленьким // ; *Дай мне польские витамины / коробочка серенькая* // ; — *Где здесь Бауманский телефонный узел? — Туда дальше / Клуб Русакова* // ; — *Простите / где вы апельсины брали? — На Невском* // угол Марата и Невского // .

2. Именительный падеж существительного нередко выполняет функцию качественного определителя предмета: — *С чем пирожки? — Мясо / рис / горячие* // ; — *Брюки из какого материала? — Синтетика* // ; — *А из чего она [шляпа] сделана? — Искусственный мех* // ; — *Это шерстяные носки? — Вигонь* // . Ср.: — *У вас дом девятиэтажный? — Двенадцать* // ; — *А какой цвет вам сумку? — Голубую* // ; *Какой каблук эти туфли красные?*; *Лук / у вас сетка есть?* [имеется в виду лук в сетке]; *Скажите пожалуйста / это у вас не сеточка лежат чулки?*

3. Именительный падеж употребляется при глаголах, которые в КЛЯ непременно требуют косвенных падежей: *Вам надо пересадку делать* // *Библиотека Ленина сойдете* // *Там переход* // ; — *Скажите / где находится почта? — Вон на той стороне / любой троллейбус садитесь / следующая остановка* // ; *Копеечка выйдите пожалуйста доплата* // [в магазине]; — *Вот восьмая глава* // — *Восьмая я прочла* // .

Таким образом, употребление именительного падежа существительного в РЯ свидетельствует о том, что у этой формы иные функции, чем в КЛЯ.

Итак, РЯ и КЛЯ противопоставлены как различные языковые системы, функционирующие в одном и том же языковом коллективе. Выбор между ними обусловлен экстралингвистически: специфическими для РЯ и КЛЯ условиями ситуации, отношениями между говорящими лицами.

Каждый носитель литературного языка, как правило, владеет и КЛЯ и РЯ. В виде исключения существует феномен невладения РЯ. Он может объясняться либо профессиональными навыками — длительной необходимостью, а отсюда привычкой говорить только на КЛЯ, либо индивидуальной психологией говорящего. С другой стороны, имеются лица (прежде всего дети), владеющие РЯ и не знающие КЛЯ. Однако, как всякие исключения, эти явления лишь подтверждают общее правило сосуществования двух систем литературного языка.

КЛЯ и РЯ, представляя собой разные языковые системы внутри литературного языка, очень близки между собой на одних участках системы и очень далеки на других.

Изучение РЯ как особой системы началось недавно, в 60-х годах. Есть несколько научных коллективов, исследующих РЯ: группа ученых под руководством Е. А. Земской в Институте русского языка АН СССР; коллектив исследователей под руководством О. Б. Сиrotининой в Саратовском университете; группа ученых, возглавляемая О. А. Лаптевой в Институте русского языка им. А. С. Пушкина.

§ 12. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК — СИСТЕМА СИСТЕМ

То, что язык является системой, открыли великие ученые И. А. Бодуэн де Куртенэ (в конце прошлого века, Россия) и Ф. де Соссюр (в начале нашего века, Швейцария). Идея системности языка была близка Ф. Ф. Fortunatovu, ученому, труды которого по языкознанию составляют гордость нашей отечественной науки.

Надо серьезно разобраться, что значит в языкознании термин система — одно из основных понятий этой науки. Система — такая совокупность единиц, в которой каждая единица определяется всеми остальными единицами.

Наименьшая совокупность единиц — из двух единиц *A* и *B*. Судя по определению, *A* и *B* тогда составляют систему, когда *A* при наличии *B* имеет такие-то свойства (такую-то характеристику), а в отсутствие *B* имеет другие свойства (другую характеристику).

На бумаге проведена линия. Имеет ли она признак «короче»? Нет, она может его иметь лишь в том случае, если проведена другая линия (кроме единицы *А* есть и единица *Б*); тогда линия *А* может обладать указанным признаком: *А* короче *Б*. Этот пример — «наглядное пособие», помогающее понять, что в языковедении называется системой.

Покажем свойство системности на языковых примерах.

1. Во многих языках есть особые, отдельные слова со значением: 'дядя со стороны матери' (например, древнерусское *вуй*, болгарское *вуйчо*) и 'дядя со стороны отца' (древнерусское *стрый*, болгарское *чичо*). При этом всегда: если есть слово со значением 'дядя со стороны матери', то есть и слово со значением 'дядя со стороны отца'. Единица *А* требует единицы *Б*. Один из признаков единицы *А* — значение '...со стороны матери' — возможен только при наличии единицы *Б* — слова с другим, но соотносительным значением. Если из языка уходит одно из этих слов, то оставшееся меняет значение (оно станет обозначать дядю и по материнской, и по отцовской линии). Следовательно, для того, чтобы существовало *А* (определенное значение), необходимо, чтобы существовало *Б* (другое значение, в другом слове).

2. Если в данном языке у существительных есть формы множественного числа, то непременно есть и формы единственного. С другой стороны: только в тех языках существительные могут иметь формы единственного числа, где есть формы множественного. Как линия сама по себе не может быть короче в отсутствие другой линии, так и форма существительного не может иметь числовое значение, если нет форм другого, противоположного числа.

3. Слово *бедняк* имеет суффикс *-як*. *Бедняк* — тот, кто *беден* (*бедный*). Слова *бедняк* и *бедный* связаны, соотносены, они — однокоренные, они образуют систему. *Бедн-* в *бедняк* и *бедн-* в *бедный* имеют одно и то же значение; на долю суффикса *-як* остается значение 'тот, кто'. Действительно, *-як* обозначает лицо. А в слове *скорняк* нет суффикса *-як*. Разве *скорняк* — это тот, кто... *скорный*? Такого слова нет. Если выделим суффикс *-як*, то отсечем отрезок *скорн-*, но он не может быть корнем: корень всегда значим, а *скорн-* в современном русском языке ничего не значит. Следовательно, в слове

скорняк нет суффикса *-як*, это целостный корень: *скорняк*. Значит, суффикс есть в том слове, которое соотнесено со словом без суффикса. Два слова: *бедняк* — *бедный* — образуют систему; только в системе слово может обладать признаком суффиксальности.

4. Слова высокого стиля имеют свою окраску только потому, что есть слова нейтрального (а также разговорного) стиля. С другой стороны, о словах нейтрального стиля можно говорить лишь в том случае, если есть слова окрашенных стилей. Иначе неясно, по отношению к чему нейтральны эти слова, в чем их нейтральность.

Итак, все единицы языка — это единицы системные. Изучать любую единицу языка, изолировав от системы, значит исказить ее сущность¹.

Кодифицированный литературный язык — это система. Все единицы его взаимно связаны. Разговорный (тоже литературный!) язык — другая система, внутренне целостная, единая. И они соотнесены. Поэтому говорят: КЛЯ и РЯ — две подсистемы литературного языка.

Что значит соотнесены? Всегда возможен и достаточно легкий (при знании ситуации, которая вызвала реплику-высказывание) перевод из РЯ в КЛЯ, и наоборот. Все грамматические значения, которые выражаются в КЛЯ, можно также грамматически (не прибегая к лексическим средствам) выразить и в РЯ. Такая связь двух систем и есть их соотнесенность.

Литературный язык следует представлять в виде системы систем или, лучше, системы подсистем. Подсистемой назовем такую языковую систему, которая образует единство с какой-нибудь другой языковой системой.

Строение литературного языка можно (очень упрощенно и схематически) показать так:

1. В него входят две самодостаточные, но связанные подсистемы — КЛЯ и РЯ.

2. КЛЯ существует в двух формах — устной и письменной. Разница не только в том, что одна произносится и слушается, а другая пишется и читается. Различие между ними глубже. Письменная речь допускает замедленное чтение, возможность повторного перечитывания, раздумье после чтения отдельных частей текста... Поэтому синтаксически письменная речь может быть зна-

¹ О системности языка см.: *Соссюр Ф. де*. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 98—103, 144—254; *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. С. 20—31, 37.

чительно более сложной, чем устная. Синтаксическая «перспектива» предложения в КЛЯ гораздо глубже, включает больше отдельных планов, «кулис», чем в РЯ.

Семантическая сложность письменной речи может тоже достигать уровня, который не свойствен устной. Так, «Письма об изучении природы» А. И. Герцена — блестящий опыт популярного изложения истории философских идей; тем не менее полноценное понимание этого труда было бы невозможно при устной передаче.

РЯ возможен и в письменной форме, но типична для него устная форма.

3. В КЛЯ существуют стилистические средства, создающие разные языковые жанры и связанные друг с другом в общую, единую систему.

РЯ не членится на стили.

4. Внутри КЛЯ есть отдельные «острова», отдельные области, где действуют законы, не распространяющиеся на другие области КЛЯ. Например, заимствованные слова имеют свои фонетические, грамматические и лексические особенности. Они по-особому произносятся, могут не подчиняться общим грамматическим законам (например, существительные *кенгуру*, *окапи*, *кюре*, *Мэри* не склоняются), часто обозначают иноземные реалии. Можно этот участок системы — заимствованные слова — тоже назвать особой фонетико-грамматико-лексической подсистемой. Но это уже другое (и менее необходимое) употребление термина «подсистема», так как заимствованные слова — не самодостаточная целостность, способная самостоятельно выполнять функцию общения. Это второе употребление термина «подсистема» предполагает только экстерриториальность определенной группы единиц: она не подчиняется законам, которые господствуют в языке за её пределами.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.

Земская Е. А. и др. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М., 1973.

Русская разговорная речь: Тексты / Под ред. Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе. М., 1978.

Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е. А. Земской. М., 1983.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

ФОНЕТИКА

Глава I

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 1. ЗВУКОВАЯ СТОРОНА ЯЗЫКА

Основные единицы языка — слова, морфемы (т. е. корни, приставки, суффиксы, окончания — значимые части слов), словосочетания, предложения (простые и сложные). Эти единицы двусторонни: у них есть смысловая сторона (иначе говоря: они имеют значение) и материальная (они — ряд звуков). Такой двусторонностью обладают знаки.

У знака есть: 1) обозначаемое — смысл, значение; 2) обозначающее — материальная данность, доступная органам чувств человека; 3) условная — не природная, не естественная — связь между обозначающим и обозначаемым¹.

Все единицы языка, будучи знаками, имеют свою материальную сторону — свое обозначающее. Этим обозначающим являются звуки, их сочетания.

Фонетика — наука, которая изучает звуковую сторону языка. Звуковые единицы языка — фраза, такт, слог, звук — связаны между собой количественными отношениями:

1) фраза может состоять из нескольких тактов, а такт не может состоять из нескольких фраз;

2) такт может состоять из нескольких слогов, а слог не может состоять из нескольких тактов;

3) слог может состоять из нескольких звуков, а звук не может состоять из нескольких слогов.

Еще важнее качественные различия между этими единицами: единство фразы создается интонацией, единство такта — ударением, единство слога — волной sonorности, единство звука — его относительной акустической (и артикуляционной) однородностью.

¹ См.: *Сосюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 98—103, 144—154.

§ 2. ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Все фонетические единицы связаны между собой и зависят друг от друга — они составляют систему.

Фонетические единицы (как и все единицы, составляющие систему) имеют одно важнейшее свойство. Положим, есть какие-то фонетические сущности *A* и *B* (это могут быть звуки, или их признаки, или сочетания звуков, слоги и т. д.). Если появление *A* влечет за собой появление *B*, то *B* не является в данной системе особой единицей, это неотделимая часть единицы *A*. *B* в этом случае образует с *A* целостность, единство: $\overline{AB}$.

Иными словами: если единица *A* появляется в тексте так, что всегда вместе с нею появляется *B* (или всегда перед *A*, или всегда после *A*, или одновременно с *A*, например в том случае, если *A* — один признак звука, а *B* — другой), то *B* — только тень единицы *A*. *B* как самостоятельная сущность — не в счет.

Следовательно, самостоятельность или несамостоятельность *B* определяется другой сущностью — *A*, ее способностью сочетаться. Если наряду с $\overline{AB}$ встречаются сочетания *AB*, *AG* и т. д., то *B* — самостоятельная единица. Самостоятельность данной единицы определяется поведением других единиц — тем, в какие они входят сочетания. Это и есть выражения свойства, указанного выше: единицы в сильнейшей степени зависят друг от друга, их существование в языке как отдельных единиц обусловлено другими единицами.

Примеры. Перед мягким [т'] согласный [с'] должен быть непременно мягким. Иначе говоря, сочетание [ст'] запрещено произносительными нормами русского литературного языка, а сочетание [с'т'] разрешено, т. е. мягкость [т'] влечет за собой мягкость предшествующего [с']. Произносятся: *че* [с'т'], *ко* [с'т'] и, [с'т'] *их* и т. д. («Влечет за собой» — выражение, указывающее связь, а не порядок элементов, здесь последующий элемент влечет за собой качество предыдущего.) Поскольку наличие [т'] определяет мягкость предшествующего согласного, постольку эта мягкость не должна рассцениваться как самостоятельное существенное качество согласного [с']. Это тень, которая падает от [т'] на предшествующий гласный. Следовательно: [т'] = *A*; *A* влечет за собой *B*; *B* = мягкость [с'], поэтому мягкость [с'] должна рассматриваться как некая часть звука [т'], распространившаяся на соседний звук.

Характерно, что говорящие обычно не замечают, что в словах *весть*, *честь* и под. они произносят мягкий согласный [с'], хотя, конечно, замечают мягкость конечного [т'] — независимую мягкость. В этом случае сознание говорящих не отмечает *Б*, т. е. то, что не является независимой, самостоятельной единицей в языке.

Существенно то, что дано в языке: отношения $A \subset B$ (*A* влечет *B*); сознание же говорящих — отражение (не всегда надежное, не всегда точное) этого факта. Действительно, большинство говорящих не слышат мягкости [с'] в сочетании [с'т'], но некоторые, обладающие большей наблюдательностью, ее, несомненно, замечают. Об этом говорят ошибки — написания «*весьть*», «*чесьть*», — которые встречаются в тетрадах учеников. Языкознание изучает не языковое сознание говорящих, а сам язык как объективную общественную данность.

Когда описывают звуки в слове, например [кот], необходимо указать глухость согласного [к] (вместо него может произноситься звонкий [г]: [гот] *год*). Если мы забыли сказать, какой первый согласный — звонкий или глухой, то нельзя определить, какое слово имеется в виду — [кот] или [гот]. Звонкость [о] можно не указывать без всякого ущерба для описания, так как гласный характер звука гарантирует его звонкость: не может быть в русском языке (в составе какого-то слова) ударного гласного, не обладающего звонкостью. Глухость конечного [т] тоже не надо отмечать: его звонкая параллель, согласный [д] (как и все шумные звонкие согласные), невозможен на конце русского слова. Звонкость [о] и глухость [т] можно не указывать при описании звуков слова, и при этом описание ничего существенного не теряет. Очевидно, указанные признаки никакой самостоятельной ценности не представляют, так как они — *Б*: следствие наличия других признаков, они определены этими признаками.

Итак, в языке действует закон: если $A \subset B$, то *B* не является особой, отдельной единицей.

Совокупности единиц, которым свойственны такие отношения, называются системами.

Знаковые единицы всегда образуют систему, т. е. они подчиняются указанному закону¹.

¹ Этот закон относится не только к языковым, но ко всем единицам, образующим систему. Однако для нас важно применить его только к языковым (именно к фонетическим) единицам.

Систему образуют и фонетические единицы, так как они — единицы языка.

Этот закон имеет большое значение при определении многих сторон фонетической системы: на его основе выясняется, каковы самостоятельные, системно значимые признаки каждого звука, каков звуковой состав языка (сколько в нем гласных, согласных — самостоятельных фонетических единиц), какие они образуют сочетания, как чередуются.

§ 3. УСТРОЙСТВО РЕЧЕВОГО АППАРАТА

Звуки мы произносим при выдыхании. (Только в одном случае гласный может произноситься при вдыхании: в междометии *А-а...*, выражающем страх.)

Воздух из легких идет в дыхательное горло. Он встречает на своем пути голосовые связки; если они сдвинуты и напряжены, то при движении воздушной струи начинают колебаться. Колебания воздушных связей создают *т о н*. Сдвинутость голосовых связок — первое препятствие, которое встречает на своем пути воздушная струя.

Все звуки делятся на *т о н*ы и *ш у м*ы. Тон — музыкальный звук, шум — немзыкальный. Колебясь, голосовые связки образуют музыкальный звук — тон. Если голосовые связки раздвинуты, то они не колеблются и тон не возникает.

В ротовой полости воздушная струя либо проходит свободно (при этом произносятся гласные: они состоят из чистого тона), либо встречает препятствия и с шумом преодолевает их (при этом произносятся согласные: они состоят из тона и шума или из чистого шума). Значит, в ротовой полости может быть второе препятствие для воздушной струи.

Возможны такие случаи:

1. Тон, созданный голосовыми связками, в ротовой полости не осложняется шумами, так как воздушная струя через рот проходит свободно. Так произносятся гласные.

2. Тон осложняется шумом, так как воздушная струя в ротовой полости встречает препятствия. Однако тон преобладает над шумом: несмотря на препятствия, проток для воздушной струи остается достаточно широким. Шум не настолько интенсивен, чтобы стать основным компонентом звука. Так произносятся сонорные

согласные [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [j] (йот, например, в начале слова *яма*).

3. Тон осложняется шумом; шум преобладает над тоном: препятствия на пути воздушной струи заставляют ее с интенсивным шумом преодолевать их. Так произносятся звонкие шумные согласные: [б], [б'], [в], [в'], [д], [д'], [з], [з'], [ж], [ж'], [г], [г'].

4. Голосовые связки раздвинуты, тон не образуется; звук создают одни шумы, которыми сопровождается протекание воздушной струи через ротовую полость. Так произносятся глухие шумные согласные: [п], [п'], [ф], [ф'], [т], [т'], [с], [с'], [ц], [ш], [ш'], [ч'], [к], [к'], [х], [х'].

Табл. 1 показывает эти различия¹:

Таблица 1

Звуки	Препятствия	
	в дыхательном горле	в ротовой полости
Гласные	+	—
Сонорные согласные	+	+
Шумные звонкие согласные	+	+
Шумные глухие согласные	—	+

Препятствие в дыхательном горле — сдвинутые голосовые связки — преодолевается так: воздушная струя проходит сквозь их сдвиг, колебля голосовые связки. Препятствия в ротовой полости — это сближение губ друг с другом, нижней губы с зубами, языка с зубами или нёбом. (Таблица не показывает, чем отличаются сонорные согласные от шумных звонких согласных: меньшей интенсивностью шума, менее значительными препятствиями на пути воздушной струи.)

Это классификация звуков по сонорности, т. е. по степени участия в звуке тона.

§ 4. АРТИКУЛЯЦИОННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ

Артикуляцией называется движение органов речи, нужное для произнесения определенного звука. Характеризуя артикуляции, можно классифицировать звуки, например гласные. Язык может в ротовой поло-

¹ Плюс означает наличие препятствия, минус — его отсутствие.

сти подниматься и опускаться, сдвигаться вперед или назад; губы могут выдвигаться вперед, округляться или, наоборот, не выдвигаться, а растягиваться в стороны. Все это меняет форму и объем ротового резонатора.

Тон — сочетание многих составляющих. Резонатор одной формы усиливает одни составляющие, резонатор другой формы — другие. В зависимости от того, какие составляющие звука усилены, он имеет ту или другую качественную окраску — т е м б р.

Гласные могут произноситься так: язык сдвинут вперед — получаются [э], [и]; сдвинут назад — получаются [о], [у]; не сдвинут — произносится [а]. Это — различие гласных по ряду артикуляции.

Если язык не приподнят, произносится [а]; несильно поднят — [о], [э]; сильно поднят (но все же для воздушной струи остается свободной проход) — [у], [ы], [и]. Это — различие гласных по подъему.

Гласные [о], [у] — лабиализованные: губы вытянуты вперед и округлены (см. табл. 2: огубленные гласные выделены жирным шрифтом), остальные — не лабиализованные (неогубленные).

Изменения ротового резонатора меняют тембр звука, его качественную окраску.

Таблица 2

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	и	ы	у
Средний	э	ь	о
Нижний		а	

В таблице даны только те гласные, которые встречаются в речи наиболее часто. В дальнейшем будут указаны и другие типы.

Гласный [ь] — среднего ряда, среднего подъема. Это очень открытый [ы] (но все же не до степени [а]). Он встречается во втором слоге до ударения: [г'ылава́], [з'ылато́и], [д'ьб'ижа́т'], [с'ьдаво́т], [н'ьп'иса́т'], [с'ьпа-г'и́] (*голова, золотой, добежать, садовод, написать, сапоги*).

Классификацию гласных можно представить в виде дихотомической схемы:

Как видно, в дихотомической классификации все объекты на каждой ее ступени делятся на две части: одна характеризуется обладанием признака, другая — необладанием. Дихотомические классификации имеют наибольшую логическую строгость и ясность. Далее (гл. 5) будет видно, что они предпочтительны и для построения фонетической теории.

На дихотомической схеме не указаны различия между средним и задним рядами, между средним и нижним подъемами. Но эти сведения могут быть извлечены из данных схемы. Например, указано: гласный непереднего ряда, неверхнего подъема, огубленный — ясно, что это [o] (нет другого звука, отвечающего такой характеристике); следовательно, звук, заданный описанием, — среднего подъема, заднего ряда.

Обозначим: (—ПР) — непередний ряд, (—ВП) — неверхний подъем, (Г) — огубленный, (СП) — средний подъем, (ЗР) — задний ряд, тогда:

$$(-\text{ПР}) + (-\text{ВП}) + (\text{Г}) \subset (\text{СП}) + (\text{ЗР}).$$

Поскольку признаки (СП) и (ЗР) — «влекомые» (их наличие определяется другими признаками), они не есть некая самостоятельность, о них можно не упоминать.

Схема не дает разграничения звуков [а] и [ъ]. Но в этом нет необходимости: различия между ними обусловлены условиями их произношения, т. е. они тоже «влекомые». Разграничить их нетрудно, введя дихотомические признаки: нижний подъем ~ ненижний подъем.

§ 5. АРТИКУЛЯЦИОННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Для произнесения согласных нужно препятствие на пути воздушной струи в ротовой полости. Какие органы речи создают это препятствие? Ответы на этот вопрос

составляют классификацию согласных по месту артикуляции.

Все органы речи делятся на активные и пассивные. Активные — движутся, пассивные — неподвижны.

Активный орган — нижняя губа, пассивный — верхняя губа. Иначе говоря, нижняя губа приближается к верхней; произносятся согласные [п], [п'], [б], [б'], [м], [м']. Активный орган — нижняя губа, пассивный — верхние зубы; произносятся согласные [ф], [ф'], [в], [в']. Это — губные согласные.

Активный орган — передняя часть языка, пассивный — зубы; произносятся согласные [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [ц], [н], [н'], [л], [л']. Это — зубные согласные.

Активный орган — передняя часть языка, пассивный — альвеолы (выпуклости над зубами — самая передняя часть нёба); произносятся согласные [ш], [ш'], [ж], [ж'], [ч'], [р], [р']. Это — передненёбные согласные.

Активный орган — средняя часть языка, пассивный — средняя часть нёба; произносится йот [j] (*яма, ёж, ель, юг* — первый звук в этих словах — [j], т. е. [jámъ], [jош], [jэл'], [jук]). Это — средненёбные согласные.

Активный орган — задняя часть языка, пассивный — нёбо; произносятся согласные [к], [к'], [г], [г'], [х], [х']. Это — задненёбные согласные.

ОРГАНЫ

АКТИВНЫЕ -}

ПАССИВНЫЕ }

АКТИВНЫЕ }

АКТИВНЫЕ }

Схема дихотомична: на каждой ступени классификации все звуки делятся на две части. Одна часть — звуки, обладающие определенным признаком; другая — звуки, обладающие противоположным признаком. Например, первое деление (по активному органу): одни согласные — губные, другие — язычные. Всякий согласный, который не артикулируется губами, артикулируется языком, т. е. негубной — всегда язычный (признаки губной ~ язычный противоположны).

Препятствие, которое встречает в ротовой полости воздушная струя, может быть разных типов. По тому, какого типа препятствие преодолевает воздушная струя в ротовой полости, согласные тоже можно классифицировать; это — классификация по способу артикуляции.

Все согласные делятся на смычные и щелевые. Когда произносятся смычные согласные, проход через ротовую полость полностью закрыт для воздушной струи, и она тем или иным способом преодолевает эту плотину на своем пути. При произнесении щелевых органы речи сближаются, образуя теснину для прохода воздушной струи, но нет полного прекращения ее потока.

Смычные согласные могут быть носовые и неносовые. Артикуляция носовых состоит в том, что проход через ротовую полость закрыт, воздушная струя проходит через нос. При этом нёбная занавеска (самая задняя часть нёба) опущена, открыт проход для воздуха через носовую полость. Произносятся [м], [м'], [н], [н']. Все неносовые произносятся так, что нёбная занавеска поднята и закрывает проход для воздуха через нос.

Неносовые смычные согласные делятся на взрывные и сложные. Когда органы речи (губа и губа, язык и зубы, язык и нёбо) сомкнуты и прохода для воздуха нет, напор воздушной струи прорывает смычку — в этом и состоит артикуляция взрывных. Так произносятся [п], [п'], [б], [б'], [т], [т'], [д], [д'], [к], [к'], [г], [г'].

Артикуляция носовых согласных включает один момент: замыкание ротовой полости и одновременное размыкание прохода в носовую полость (если носовой произносится в середине слова; если же в начале — то размыкания не происходит, поскольку обычно, при отсутствии речи, проход для воздуха через нос открыт). Артикуляция взрывных включает два момента: смыкание и прорыв смычки. Есть согласные с еще более сложной артикуляцией — она содержит три и больше моментов. Это — сложные согласные. Они могут быть либо слитными (аффрикатами), либо дробными.

При произнесении дрожащих происходит вибрация, дрожание активного органа речи. Могут дрожать губы — произносится звук, который буквами изображается так: *Тпру!* (междометие чтобы остановить лошадь).

Может вибрировать нёбная занавеска (картавое *p*).
 Может вибрировать — барабанить по верхним зубам — кончик языка; таковы русские [p] и [pʰ]. Их артикуляция включает несколько моментов: многократный подход и отход дрожащего органа от пассивного органа.

Аффрикаты произносятся так: смычка на пути воздушной струи раскрывается в щель, и сквозь нее с шумом протекает воздух. Налицо три момента артикуляции: смыкание органов речи, раскрытие (с шумом) смычки, протекание (с шумом) воздуха сквозь щель; произносятся [ц], [чʰ].

Так артикулируются смычные согласные.

Щелевые согласные бывают двух типов: боковые и срединные. Если щель для протока воздуха оставляется между боком (правым или левым) языка и зубами — согласные боковые. Так произносятся [л] и [лʰ]. Если же щель образуется (между нижней губой и зубами, между передней частью языка и зубами или нёбом, между средней или задней частью языка и нёбом) не сбоку, а посредине ротовой полости, то согласные — срединные. Так произносятся [ф], [фʰ], [в], [вʰ], [с], [сʰ], [з], [зʰ], [ш], [шʰ], [ж], [жʰ], [й], [х], [хʰ].

Дихотомическая классификация согласных по способу артикуляции имеет недостатки. У разных ветвей дихотомии — разные наборы признаков. Например, смычные характеризуются как взрывные, дрожащие, аффрикаты (слитные), а для щелевых эти признаки не нужны, т. е. нарушается принцип дихотомичности (безупречная дихотомичность требует, чтобы набор признаков в разных ее ветвях на одном и том же уровне был одинаков). В пределах современной артикуляционной классификации такая последовательность недостижима.

Согласные были классифицированы по месту и способу артикуляции. Кроме того, они классифицируются и по глухости ~ звонкости, и по твердости ~ мягкости. Все это — особые разряды классификации по способу артикуляции.

При произнесении мягких согласных передняя часть языка приподнимается («вспучивается») по направлению к передней части нёба. При произнесении твердых приподнимается задняя часть языка по направлению к задней части нёба. Согласный [j] (йот) — не мягкий и не твердый: при его произнесении приподнимается средняя часть языка, и это не добавочная, а основная артикуляция для йота (он — среднеязычный). Все артикуляционные классификации согласных можно объединить (табл. 3):

Т а б л и ц а 3

Способ артикуляции		Место артикуляции						
		губно-		передне-язычные		средне-язычные	задне-язычные	
		губные	зубные	зубные	передне-нёбные	средне-нёбные	средне-нёбные	задне-нёбные
Шелевые	срединные		ф, в ф', в'	с, з с', з'	ш, ж ш', ж'	j	х', г'	х, г
	боковые			л, л'				
Смычные	взрывные	п, б п', б'		т, д т', д'			к', г'	к, г
	слитные			ц	ч'			
	носовые	м, м'		н, н'				
	дрожашие				р, р'			

П р и м е ч а н и е. В каждом квадрате слева — глухие, справа — звонкие; сверху — твердые, внизу — мягкие. Знак [j] расположен посередине.

§ 6. АКУСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОВ

Каждый звук имеет высоту, силу и тембр. Высота звука определяется частотой колебания воздушных частиц. Если звук имеет, например, частоту 400 колебаний в секунду (400 Гц), он низкий, если 3200 Гц, то высокий.

Сила звука определяется амплитудой колебания воздушных частиц. Если отклонение от среднего положения большое — звук громкий, если небольшое — негромкий. Словами *громкий*, *негромкий* мы передаем субъективную оценку силы звука.

Тембр звука создается сочетанием разных колебаний, каждое из которых имеет свою частоту и силу. Например, сложение колебаний с частотой в 400 и 3200 Гц дает звук типа [и]. Субъективно тембр звука мы воспринимаем как его окраску; тембр — то, что качественно отличает каждый звук [и] от всякого [у], звук [з] от звука [ж] и т. д.

Воздушная частица (как и всякая частица) может одновременно участвовать в нескольких колебаниях. Эти колебания складываются, образуя разные сложные виды колебаний. Поэтому и существуют звуки разных тембров.

Каждый звук речи — это сочетание очень многих колебаний. Но существенны для данного звука, определяют его тембр только немногие из этих составляющих. Их называют *фо р м а н т а м и*. Например, звук [и] создается составляющими в 400 и 3200 Гц; это его форманты. Форманты обладают большей силой, чем другие (необязательные для данного звука) составляющие.

Чтобы характеризовать звук акустически, надо указать его частоту, силу и тембр. Но тембр определяется тем, какие форманты образуют звук, а форманты характеризуются частотой и силой. Следовательно, определение звука сводится к частоте и силе формант.

Нам важна относительная сила формант: достаточно констатировать, что они сильнее других составляющих (неформант). Точное указание, какова сила этих составляющих, несущественно. Если, описывая звук, мы упоминаем его форманты и ничего не говорим о неформантах, то этим мы указываем на то, что они выделяются силой.

Итак, чтобы характеризовать звук, надо указать, какова частота его формант, т. е. тех составляющих, ко-

которые сильнее других и которых достаточно, чтобы определить тембр данного звука.

Для звуков языка обычно достаточно указания на две форманты.

Будем классифицировать звуки дихотомически, т. е. разделять их по каждому признаку на две группы: одна обладает данными признаками, другая не обладает.

Звуки бывают:

1. Вокальные и невокальные.

У вокальных форманты (т. е. число герц, которые их характеризуют) находятся в кратных отношениях: у первой форманты — 500 Гц; у второй — 1000 (отношения 1 : 2) — это гласный [о]; у первой форманты — 400 Гц; второй — 3200 (отношение 1 : 8) и т. д. У невокальных звуков форманты не находятся в кратных отношениях.

Все гласные и сонорные согласные — вокальные. Шумные согласные — невокальные¹:

Гласные	Согласные: сонорные + шумные
вокальные	невокальные

2. Консонантные и неконсонантные.

У консонантных звуков сравнительно небольшая сила, у неконсонантных — значительно бóльшая. Гласный [а] можно услышать (если его произносят, как в обычном разговоре, не напрягаясь), например, за 20 шагов; согласный [х] — приблизительно за 5 шагов. Разная слышимость звуков говорит об их разной силе.

Все гласные — неконсонантные, все согласные (и сонорные и шумные) — консонантные.

Гласные	Согласные: сонорные + шумные
неконсонантные	консонантные

¹ В этой и последующих пяти табличках верхний ряд — классификация артикуляционная, нижний ряд — акустическая.

3. Высокие и низкие.

Если форманты имеют сравнительно много герц, то звук — высокий, если сравнительно немного — низкий (невысокий).

Все гласные переднего ряда, согласные зубные, передненёбные и средненёбные — высокие. Все непредние гласные, согласные губные и задненёбные — низкие.

Гласные:

переднего ряда	среднего и заднего ряда
высокие	низкие

Согласные:

губные	зубные	передне- и средненёбные	задненёбные
низкие	высокие		низкие

4. Компактные и диффузные.

Компактные звуки — те, у которых форманты сравнительно недалеко отстоят друг от друга и от центра речевого спектра. (Центр речевого спектра — частоты в районе 1000 Гц; здесь сосредоточены форманты многих звуков русского языка.)

Диффузные (некомпактные) не обладают этим качеством. Их форманты «разбросаны»: они далеки либо друг от друга, либо от центра речевого спектра.

Диффузные гласные — верхнего подъема; компактные — все остальные гласные.

Диффузные согласные — губные и зубные, все остальные согласные — компактные:

губные	зубные	нёбные
диффузные		компактные

Это — согласные.

верхнего подъема	среднего и нижнего подъема
диффузные	компактные

Это — гласные.

5. Диезные и недиезные.

Диезные звуки — «повышенные», у них хотя бы одна форманта выше, чем у соответствующего недиезного звука. Недиезные — не повышенные.

Мягкие согласные — диезные, твердые — недиезные.

Гласные, которые произносятся между мягкими согласными, — диезные: [м'ят'] (*мять*), [т'ул'] (*тюль*), [в'из'от'и] (*везёте*), [п'эт'] (*петь*), [л'ит'] (*лить*). Гласные [ä], [ö], [y], [ë], [ï] (переднего или передне-среднего ряда) — диезные (сравнительно с [a], [o], [u], [ы]). Гласные, которые произносятся между твердыми согласными, — недиезные: [том], [звук], [дом], [шэст], [сыр].

6. Бемольные и небемольные.

Бемольные — «пониженные» звуки, у них хотя бы одна форманта ниже, чем у парных небемольных.

Огубленные гласные — бемольные, неогубленные — небемольные. Так же и согласные: огубленные — пониженные. Они произносятся перед огубленным гласным: [дом] в более точной передаче [д^оом] ([д^о] произносится с округлением губ); [звук] — в более точной транскрипции [з^вук], согласные перед [o], [y] — лабиализованные и, таким образом, бемольные.

В остальных случаях в русском языке произносятся небемольные согласные.

7. Прерванные и непрерывные.

Прерванные звуки — те, у которых начало характеризуется большим расходом энергии, который затем не возрастает. Непрерывные звуки — те, у которых расход энергии вначале сравнительно невелик, но постепенно возрастает.

Прерванные — все смычные согласные. Непрерывные — все несмычные (щелевые) и все гласные¹.

¹ Акустическая характеристика носовых согласных представляет известную трудность. На спектрограммах они не всегда четко отли-

8. Резкие и нерезкие.

Резкие звуки — те, у которых расход энергии на их протяжении резко неоднороден.

Резкие — аффрикаты (слитные согласные) и дрожащие согласные. Все остальные — нерезкие.

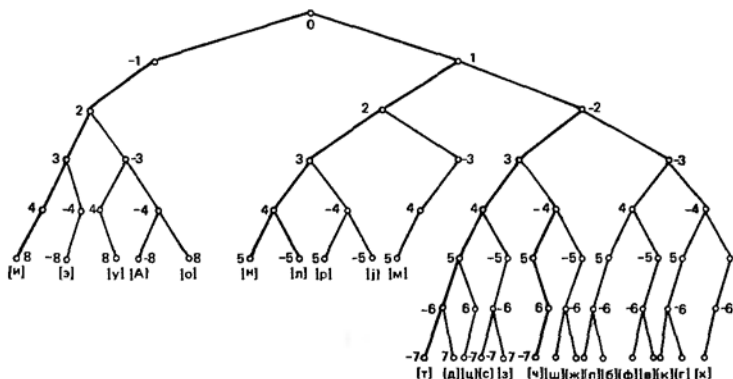
9. Звонкие и глухие.

К звонким относятся вокальные звуки и те, у которых есть хотя бы пониженная ступень вокальности (т. е. та структура формант, которая необходима для вокальных, выражена менее определенно). К звонким звукам относятся гласные и звонкие согласные; к глухим — глухие согласные.

Итак, девять пар звуковых признаков. Они одни и те же и для описания гласных, и для описания согласных.

Дихотомический принцип в акустической классификации выдержан последовательно. Строгая дихотомическая классификация требует, чтобы набор признаков в разных ветвях этой классификации был одинаковым. В артикуляционной же классификации это требование не выдерживается.

Строгую дихотомичность акустической классификации можно представить в виде схемы. На каждом ее уровне набор признаков делится на две взаимоисключающие группы; у всех звуков — и гласных, и согласных — выбор признаков на каждом уровне одинаков. Например, на третьем уровне это признаки высокая ~ низкая тональность.

чны от непрерывных, и поэтому сами иногда рассматриваются как непрерывные (см.: *Панов М. В.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1979). Но более точные исследования дают основания отнести носовые согласные к прерванным, как это и сделано в данном учебнике.

Исключением кажутся (если судить по схеме) признаки бемольность ~ небемольность, они показаны только у гласных. Такого разделения у согласных схема не дает. Но это чисто техническое упрощение: среди согласных можно было бы ввести также разграничение бемольных и небемольных звуков.

Все гласные — непрерывные, нерезкие; следовательно, эти признаки можно учесть в характеристике гласных (а не только согласных). Схема опять упрощает характеристику, на этот раз у гласных. Гласные обычно — звонкие; глухие гласные тоже существуют; например, в словах *бабушка* [ʔ], *улиц* [ʔ] возможно произнесение глухого (и поэтому еле слышного) гласного. Следовательно, признаки глухость ~ звонкость могут быть указаны в характеристике гласных. Наконец, для упрощения схемы тоже не введены признаки дизонтогенность ~ недизонтогенность, но и они могут быть добавлены в виде еще одного ряда дихотомических признаков.

§ 7. СООТВЕТСТВИЕ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ И АКУСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИЙ

Нетрудно артикуляционную характеристику звука перевести в акустическую или сделать обратный перевод.

1. Это можно сделать, например, с помощью такой таблички:

низкие	<i>p</i>	<i>k</i>		<i>p</i>	<i>t</i>	диффузные
высокие	<i>t</i>	<i>č</i>		<i>č</i>	<i>k</i>	компактные

Здесь: *p* — губные, *t* — зубные, *č* — передненёбные, *k* — задненёбные.

Какие согласные губные? Перевод из артикуляционной классификации в акустическую: знак губных — *p* — находим в двух группах — низкие, диффузные. Значит, губные — это именно низкие, диффузные.

Как артикуляционно характеризовать согласные, если известно, что они компактные, низкие? Перевод из акустической классификации в артикуляционную: в группах «компактные» и «низкие» общий знак — *k*, т. е. артикуляционные данные согласных — заднеязычные.

Есть что-либо общее у зубных и губных? Таблица показывает: оба знака — *t* и *p* — в группе «диффузные». Диффузность — общий признак этих двух групп согласных.

В таблице нет места для [j]. Надо запомнить: средненёбный [j] — компактный высокий.

2. Перевод можно осуществить, собирая артикуляционные признаки в пучки. Дан звук: вокальный, консонантный.

нантный, низкий, диффузный, недиезный, небемольный, прерванный, нерезкий, звонкий.

Вокальный, консонантный — значит, сонорный согласный. Только сонорные согласные одновременно и вокальные и консонантные.

Низкий, диффузный — поэтому губной. Только губные отвечают этой характеристике.

Недиезный, небемольный — не мягкий, не огубленный.

Прерванный, нерезкий — либо взрывной, либо носовой смычный. Но среди взрывных нет сонорных. Значит, носовой.

Звонкий — общий термин для акустической и для артикуляционной классификации.

Итак, это — [м]:

вокальный	}	сонорный
консонантный		
низкий	}	губной
диффузный		
недиезный	}	твёрдый
небемольный		
прерванный	}	носовой
нерезкий		
звонкий	—	звонкий

Будь согласный не низкий, диффузный, а высокий, диффузный — он оказался бы зубным; низкий, компактный — оказался бы задненёбным. Будь согласный прерванным, но резким, он мог бы оказаться либо дрожащим, либо аффрикатой. Но у губных такого качества нет, значит, не могло быть при данных признаках, чтобы согласный обладал качеством «резкий».

3. Перевод можно осуществить путем сокращения ряда подходящих артикуляционных классов. Возьмем снова ту характеристику, которая дана выше.

Вокальный звук — либо гласный, либо сонорный согласный. Притом он консонантный — значит, не гласный; из двух возможностей остается одна: сонорный согласный. Низкий звук — либо губной, либо заднеязычный, но он диффузный, следовательно, из двух возможностей подходит только одна — губной. Губные бывают

твердыми и мягкими. Признак «педиезный» исключает мягкость. Значит, дан твердый согласный.

Этих признаков достаточно, чтобы решить: предъявленный согласный — [м]. Остальные признаки выводятся из данных, из проанализированного набора; они — *Б* при условии, что $A \subset B$. Поэтому их можно при характеристике звука не анализировать.

Итак, две классификации находятся в хорошем соответствии друг с другом. Это доказывается тем, что всегда возможен однозначный перевод из одной в другую; зная характеристику звука в одной классификации, мы всегда можем точно указать, какой характеристике звука он соответствует в другой классификации. И эта характеристика будет соответствовать одному определенному звуку. (Противоположный случай был бы такой: дана точная характеристика звука в одной классификации, но при переводе в другую полученная характеристика соответствует двум звукам.) Это свидетельствует о том, что и артикуляционная, и акустическая классификации отражают одну и ту же языковую фонетическую систему.

Зачем нужны две классификации? У каждой есть свои области применения. Например, обучать русскому произношению иностранцев можно с помощью артикуляционных наставлений, советов, поправок («Сильнее округляйте губы»), акустическая классификация здесь не годится (неэффективен совет: «Усильте вторую форманту»). Преобразовать устную речь в серию машинных команд — дело акустической классификации. Обе классификации нужны для научного познания фонетической системы, ее законов.

§ 8. УПРОЩЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК

Мы уже видели, что в некоторых случаях можно, не зная всего набора признаков, по неполному их перечню указать, какой звук отвечает характеристике. Например, чтобы «отгадать» звук [р], достаточно двух признаков: дрожащий, твердый. Эти признаки прямо указывают на [р]: нет других твердых дрожащих в русском языке. (Звук междометия *тпру!* тоже дрожащий; его обозначение в фонетической транскрипции [ʧ], но он не в счет, так как встречается только в междометии, которым человек общается с лошастью; это не настоящее слово языка; словами, настоящими, люди общаются друг с другом.)

Почему при характеристике [р] можно не упоминать, например, признак «передненёбный»? Потому что в русском языке всякий дрожащий — передненёбный. Действует известный нам закон: если $A \subset B$, то B — не отдельная, особая единица языка. Здесь у A — признак «дрожащий», B — «переднеязычный». Если B не самостоятельная единица, если этот признак «влит» в признак A , то о B можно не упоминать.

Значит, упрощение характеристик звуков без ущерба для их точности важно и практически, и теоретически. Теоретически — потому что помогает глубже понять языковую, системную сущность звука, отделить самостоятельные признаки от сопроводительных. На таком разделении строится особая лингвистическая теория языковых различителей (о ней подробнее см. гл. 5). Практически — потому что позволяет упростить опознание звуков, например при работе со звуковым анализатором — аппаратом, который дает возможность устную речь превратить в звуковую (а затем и в орфографическую) запись. В дальнейшем, после совершенствования, звуковые анализаторы смогут заменить стенографисток.

Наш пример с [р] дан в артикуляционной классификации: дрожащий, передненёбный — это признаки звука по его артикуляции. Но упрощение характеристик наиболее результативно на основе акустической характеристики, так как она дихотомична.

Сравните артикуляцию звуков [т] и [ц]. Начало артикуляции у них одно и то же: передняя часть языка примыкает к верхним зубам; исход артикуляции — разный: у [т] — прорыв смычки воздушной струей, у [ц] — раскрытие смычки в щель. Теперь наблюдаем, как произносится звук [т] в слове *отцепили*. Оказывается, взрыва нет. Артикуляция [т] ограничивается энергичным смыканием языка и зубов, т. е. выполняется только начало работы — то, которое одинаково у [т] и [ц]. Если бы было написано *оццепили*, то читалось бы так же, как *отцепили*, именно потому, что перед [ц] согласные [т] и [ц] не отличаются друг от друга: в артикуляции отсутствует именно та часть, которая их отличает.

Итак, различие [т] — [ц] (т. е. различие по способу артикуляции) в этом положении несущественно. Значит, можно не упоминать, что [т] — взрывной, что он не аффриката (не слитный)? Это было бы возможно, если бы среди шумных зубных глухих твердых были только [т] и [ц], если бы классификация была двойной, дихотоми-

ческой. Тогда согласному [т] (в данном положении) можно было бы дать такую характеристику: шумный зубной глухой твердый — и все, не упоминая о способе его артикуляции. Но классификация наша не дихотомична: кроме [т] и [ц] есть третий — [с], он тоже отвечает данной характеристике и тоже может быть в том же положении перед [ц] — *расцепили*. Поэтому, чтобы отличить согласные в сочетаниях [тц] и [сц] (*отцепили* — *расцепили*), все-таки приходится упоминать способ артикуляции. Упрощение характеристики не удалось. Помешал третий согласный — [с]. Будь классификация дихотомической, не было бы этой помехи.

В дихотомической классификации не бывает третьего звука. Звуки [т], [ц], [с] имеют в ней признаки:

[т]	[ц]	[с]
прерванный	прерванный	непрервный
нерезкий	резкий	нерезкий

Прерванных только два: [т] и [ц], согласный [с] из другой группы, он — непрерывный, о нем и речи нет: нейтрализация охватывает только непрерывные.

В положении перед [ц] характеристики согласных [т] и [ц] упрощаются:

[т]	[ц]
прерванный	прерванный

Признаки резкий ~ нерезкий сняты, так как они в данном положении (перед [ц]) неразличительны. Дано: *A* = невокальный (= шумный согласный), высокий и диффузный (= зубной), недиезный (= твердый), прерванный, глухой; *B* = отсутствие той части артикуляции, которая создает акустическую резкость и позволяет «резкие» противопоставлять «нерезким». Поскольку $A \subset B$, то о *B*, о резкости ~ нерезкости, можно не упоминать. Характеристика упростилась.

Почему теперь не мешает [с]? Этот согласный устранен введением дихотомии: все звуки разделены на пре-

Издательство «Лингва» Санкт-Петербург, 1998 г.

рванные и непрерывные, [с] ушел в непрерывные, т. е. он уже не может влиять на характеристику прерванных [т] и [ц].

Итак, дихотомическая (акустическая) классификация удобна для упрощения характеристик звуков. Возьмем слово *взрыв*. Полная характеристика его звуков такая ¹:

	[в]	з	р	ы	ф]
Вокальный ли?	—	—	+	+	—
Консонантный ли?	+	+	+	—	+
Низкий ли?	+	—	—	+	+
Диффузный ли?	+	+	—	+	+
Бемольный ли?	—	—	—	—	—
Диезный ли?	—	—	—	—	—
Прерванный ли?	—	—	+	—	—
Резкий ли?	—	—	+	—	—
Звонкий ли?	+	+	+	+	—

После упрощения таблица признаков слова *взрыв* выглядит так:

	[в]	з	р	ы	ф]
Вокальный ли?	—	—	+	+	—
Консонантный ли?			+	—	
Низкий ли?	+	—	—	+	+
Диффузный ли?	+	+	—		+
Бемольный ли?				—	
Диезный ли?			—		—
Прерванный ли?	—	—			—
Резкий ли?			+		
Звонкий ли?		+			

¹ Плюс означает, что на вопрос следует ответ «да», минус — «нет».

Вместо 45 признаков — 24. 21 признак приведен к нулю.

Почему, например, у [в] признак «нерезкий» можно убрать, не упоминая в характеристике этого согласного? Сказано, что [в] — непрерывный, в то же время и нерезкий. Если A — непрерывный, B — нерезкий, то $A \subset B$, следовательно, B не самостоятельная сущность в системе, о B можно не упоминать.

Почему у [в] не дан признак «недиезный» (т. е. «твердый»)? Все губные перед негубными согласными бывают только твердыми. Признак «недиезный» и здесь не избираемый, а вынужденный, он подчиняется закону $A \subset B$. Здесь A — губной перед негубным согласным, B — недиезный.

Почему у [з] тоже не указана твердость? Шумные зубные могут быть только твердыми перед [р], [р'] ... Значит, и здесь твердость вынужденная; она — B , которого требует A .

А почему у [ы] указана небемольность (неокругленность)? Если ее не указать, то [ы] нельзя отличить по характеристике от [у]: оба они окажутся низкими, диффузными и различительных признаков не обнаружат.

Артикуляционное изучение звуков русского языка было начато работами замечательных ученых-филологов XVIII в. — В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова. Особенно много сделали В. А. Богородицкий (Казань), А. И. Томсон (Одесса), Л. В. Щерба (Петербург) в конце XIX — начале XX в. Они впервые стали изучать русские звуки с помощью аппаратуры, соединив непосредственно слуховой анализ с инструментальным.

Акустическая классификация звуков многих языков (в том числе русского) была дана в 1955 г. Р. О. Якобсоном, Г. Фантом и М. Халле.

Особенно значительны заслуги в изучении звуковой стороны русского языка фонетической лаборатории при Ленинградском университете (Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко), лаборатории при Институте русского языка АН СССР (С. С. Высоцкий, А. М. Кузнецова, Р. Ф. Пауфошима), лабораторий при Московском университете (Л. В. Златоустова) и при Киевском (Л. Г. Скалзуб).

§ 9. КЛАССИФИКАЦИЯ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

Если наличие B вызвано наличием A , то AB — целостная единица. Такую единицу называют суперсегментной.

Суперсегментные единицы: слог, такт, фраза.

Слог. Дано сочетание из двух звуков, совместно образующих слог. Первый звук — неслоговой, следова-

тельно, второй — слоговой. Здесь признак «неслоговой» — *А*, признак «слоговой» — *Б*. В слоге, состоящем из двух звуков, $A \subset B$ (и одновременно $B \subset A$: если известно, что второй звук — слоговой, то первый — неслоговой).

Если слог состоит из трех звуков, то какой-то из них — слоговой, остальные в силу этого — неслоговые. Эти признаки тоже связаны отношением $\subset$. Следовательно, внутри слога качества «слоговой звук» и «неслоговой звук» образуют целостную суперсегментную единицу: $\overline{AB}$, $\overline{AAB}$, $\overline{BA}$, $\overline{BAA}$ и т. д.

Слоговой звук обладает большей сонорностью, чем другие звуки того же слога (см. табл. 1). Пример: слово *охрипшие* [ахр'йпшыи] делится на слоги так — [а-хр'йпшы-и]; в каждом слоге здесь наиболее сонорный — гласный. Он — гребень волны, он — слоговой. Окружающие звуки менее сонорные, они — впадины, ограничивающие волну. Обычно сонорной вершиной слога является гласный, но не всегда:

1. Поцелуями в детстве считал Я счастливую жизнь мою... (Л.).	4. Звени, Октябрь, синими снежинками (Поет.; ямб).
2. И, шальной, шевелюру ероша, В замешательстве смысл темня, Оглушит тебя нехорошей Глупой сказкой своей про меня (Паст.).	5. Рассвет и нежная луна Цилиндр низжут мелкой ртутью (Ивб.).
3. Снаружи казалось, у люстр плеврит (Паст.; ямб).	6. Где верстаком нас приучали, Что труд есть труд и жизнь — труд... (Ког.).

Ритмика стиха показывает, что слова *жизнь* [жы́-з'н'], *смысл* [смý-сл], *люстр* [л'у́-стр], *Октябрь* [а-кт'-á-бр'], *цилиндр* [цы-л'йн-др] произносятся со слоговыми сонорными согласными. Теория, рассматривающая слог как волну сонорности, хорошо объясняет эти случаи: действительно, сонорные согласные образуют здесь особый гребень сонорности. Например, в словах *жизнь*, *смысл* поставим над всеми звуками индексы сонорности:

2 4 2 3 [жы́ з' н']	13 4 13 [смýсл]
------------------------	--------------------

Последний согласный отделен от гласного звуком с индексом 2 (звонкий шумный) или 1 (глухой шумный). Сам он имеет более высокий индекс 3, т. е. образует гребень волны после впадины — 1 или 2. Поэтому образуется слог с вершиной — сонорным согласным.

Слоговым может быть даже шумный согласный, если он окружен паузами — реальными или потенциальными (пауза — абсолютное отсутствие всякой сонорности, индекс = 0) :

Т-с-с... Тише. Одурел совсем...
Шептать такое на постели страшно,
Укрывшись одеялом с головой,
А ты горлаишь, стоя у окошка.
И с Карлусом вот тоже ш-ш-ш да ш-ш-ш...

(А. Мариенгоф)

Как показывает ритм, здесь *т-с-с* и *ш-ш-ш* — отдельные слоги.

Законы русского слогаделения кратко можно сформулировать так:

1. Один согласный между гласными принадлежит следующему за ним гласному (т. е. составляет с ним один слог): [гъ-ла-ва́].

2. Группа шумных согласных принадлежит следующему за ней гласному: [а-тсѳ-хшъ-ѳъ] (*отсохшая* или *отсохшее*).

3. Группа согласных, состоящая из шумных согласных и заканчивающаяся сонорными согласными, принадлежит следующему гласному: [па-тс'н'э-жн'ик], [н'и-стра́-шнъ], [р'и-скнѳ'].

4. Группа согласных, состоящая из сонорного плюс шумный (или: плюс группа шумных; или: плюс шумный с сонорным), разделяется слогоразделом так, что сонорный принадлежит предыдущему слогу, а вся остальная группа последующему: [па-да́р-к'и], [зо́н'-т'ик], [мар-скѳи], [за-м'ѳр-шыѳ] (*замерзший*), [кан-трѳл'], [зам-кнѳ'], [мар-гнѳ'].

5. Долгий («двойной») согласный, находящийся между гласными, делится слогоразделом на две части: [ко́н-ныѳ], [пат-га́-ш':ит].

Это не относится к долгим согласным [ш':], [ж':]: [у-та-ш':ѳ], [за-ж':ѳт]; они ведут себя как одиночный шумный согласный.

6. Сочетание шумных на стыке приставки и корня может разделяться слогоразделом: [рас-к'и-да́т'] (и [ра-ск'и-да́т']), [пат-п'и-са́т'] (и [па-тп'и-са́т']).

Обозначим: *Г* — гласный, *С* — сонорный согласный, *Ш* — шумный согласный. Тогда 1—4-й законы слогаделения можно схематически изобразить так:

1. *Г* — *СГ*, *Г* — *ШГ*;
2. *Г* — *ШШГ*, *Г* — *ШШШГ*;

3. Г — ШСГ, Г — ШШСГ;

4. ГС — ШГ, ГС — ШШГ.

Законы 2—4-й объединяются такой формулировкой: слогораздел проходит в месте наибольшего контраста соседних звуков по сонорности. Напротив, закон 5-й требует, чтобы слогораздел прошел в месте наименьшего контраста соседних звуков. Закон 6-й говорит о вмешательстве грамматики в чисто фонетическую область, грамматика может (факультативно) преодолеть 2-й и 3-й законы.

В. К. Тредиаковский писал: «При разделении складов надлежит почитать за главнейшее основание сие, что ежели которые согласные начинают самый первый склад в слове, то те и в средние начинают иновый же склад, то есть не к предыдущей, но к последующей принадлежат гласной. Причина сему основание свое имеет на природе выговора: ибо что выговор соединяет сначала, того не разделяет и в середине. Пример: *по-сле*, для того, что есть слово, в котором *с* с *л* соединяются, а именно: *след*».

Наблюдение В. К. Тредиаковского устанавливает, что начальный и средний слоги имеют одинаковое строение: их начальные части тождественны. Честь и слава этому наблюдению; оно было первым вкладом в теорию русского слога (в разных языках слоги могут строиться на основе разных закономерностей). Это наблюдение устанавливает: начальный и неначальный слоги следуют одному и тому же закону. Какому? Наблюдение В. К. Тредиаковского на этот вопрос ответа не дает. Ответ был найден позже: слог — это волна сонорности. Большинство фактов согласуется с этой теорией. Наиболее полную разработку она нашла в исследованиях Р. И. Аванесова.

Такт. Такт — группа слогов, объединенная одним ударением. Вот как делится текст на такты:

Как-мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как-бабочка летом;
Значенья пустого слова
В-устах-ее полны приветом.

Ей-нравиться долго нельзя:
Как-цепь, ей-несносна привычка,
Она ускользнет, как-змея,
Порхнет и-умчится, как-птичка.

Таит молодое чело
По-воле — и-радость и-горе.
В-глазах — как-на-небе светло,
В-душе-ее темно, как-в-море!

То-истиной дышит в-ней-все,
То-все-в-ней притворно и-ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не-любить невозможно.

(М. Ю. Лермонтов)

Ритм стиха здесь позволяет более ясно и четко осознать членение каждого стиха на такты. Это трехстопный амфибрахий: $\cup \cup \cup \cup \cup (\cup)$. Значит, в каждом стихе три ударения и поэтому — три такта. Но и в обычной звучащей речи, нестихотворной, безударные слоги группируются вокруг ударного слога. Ударный слог выделяется своей силой и длительностью.

Из безударных слогов самый сильный тот, который находится непосредственно перед ударным. Обозначим силу ударного слога индексом 3, силу первого предударного индексом 2 (он слабее), силу остальных безударных слогов индексом 1 (они еще слабее). Например:

1 1 2 3 1 1 1 1 1 1
переговаривающимися. Последовательность индексов...
 1 1 2 3 1... называют «формулой Потевни» (по имени ученого А. А. Потевни, открывшего закон распределения ударности ~ безударности в такте). Формула Потевни дает комплексную характеристику каждого слога. Принимается во внимание напряженность ~ вялость артикуляции, ее длительность, устойчивость или неустойчивость, вариативность.

Были высказаны сомнения в справедливости формулы Потевни на том основании, что современная звукоанализирующая аппаратура не позволяет «отграничить» слоги, в данной формуле обозначенные индексом 1, от слогов с индексом 2 (речь идет в первую очередь о положении после мягких согласных). Однако исследование на самой хорошей аппаратуре не может установить: между данными звуками отличия нет. Вывод должен быть другим: с помощью данных технических средств различие не обнаружено. Но оно может быть исследовано другими средствами, имеющими большие различительные способности.

Сопоставим факты. После твердых согласных:

1. И *жавронок* вился над зеленью полей... (*Бат.*)¹.
2. Незримый *жавронок* поет
Заздравный гимн весне (*Барат.*).
3. Иной копье из тела вырвет
И в *судоргах* влачится по земле (*Яз.*).
4. Теперь да в *полмя* из огня...
Куда? К *примахеру*... (*Гр.*).
5. Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь *раскупренная* влага
В бутылке старого вина (*Л.*).

¹ У него же: Веселых *жаворонков* пенье...

6. Снял он с *прово*лки нагрузку... (В. М.).
7. Листвой золотой овчина торчала,
Шубой *шив*рат навыворот (Хл.).
8. И дня ее ишу в году
Как *папортников* цвет другие (Паст.).

После мягких согласных:

1. Петра герой спасти стремился,
Предстал иароду, *перкрестился*,
И свергнут с красного крыльца (Мар.).
2. Вертелось счастья *вертено*... (Вяз.).
3. *Вертено* промеж пальцев играет... (Глин.).
4. День тяжелый, мутно-белый
Настает.
Кровь земле *одервенелой*
Плуг дерет (С. Гор.).
5. «*Первенчались* бы с красавцем»,—
Нянька у ней в ножках хнычет (Цвет.).
6. В его глазах *одервенелых*
Четырехгранный вьется штык (Заб.).

И ритм стиха, и само написание показывает, что слова (особенно те, которые сравнительно часто употребляются в речи) могут произноситься с пропуском гласного. (Обычно это гласный рядом с сонорным согласным.) Обнаруживается закономерность: «нулизированный» гласный всегда тот, который по формуле Потевни обозначен индексом 1, т. е. самый слабый. Это относится и к случаям, когда такой слог следует после твердого согласного, и в равной мере к случаям, когда он находится после мягкого. Формула Потевни относится к обоим случаям, она обладает в современном русском языке всеобщностью.

Почему люди, не сговариваясь, решили, что можно пропускать гласный во втором предупредительном слоге (но не в первом) и в первом ударном? Очевидно, эти слоги при произнесении были короче, слабее других слогов. Как люди догадались, что их можно — и, по общей звуковой модели, нужно — произносить короче и слабее? Они подстроили свою речь под общую модель, усвоили в своей речи эту модель, потому что ее услышали (даже не давая себе ясного отчета, каковы отдельные показатели этой модели). Нельзя по-другому объяснить причину усвоения говорящими этой модели. Значит, то, что пока еще не могут взять аппараты, улавливая человеческое ухо. Притом у всех говорящих: об этом говорит единообразие отражения этих фактов в стихе; они кажутся естественными не только поэту, но и читателю, владеющему русским литературным языком. Итак, фор-

мула Потебни не выдумана — она отражает реальное строение русского текста. (Не менее важный вывод касается слуховых наблюдений: инструментальная фонетика открыла много тайн, ранее скрытых от нас; но она не отменила значения непосредственно слухового восприятия. Оно остается в числе орудий фонетики.)

Формула Потебни помогает определять границы между тактами. Например, если есть последовательность слогов — 3 1 3 2 3,— то такторазделы такие: 31 3 23. Все части этого ряда, выделенные как такты, имеют ударный слог (3) и отвечают формуле Потебни, т. е. являются ее частями: последовательности 31, 3, 23 — это «вырезки» из формулы Потебни. Выделение же, например, такта 13 было бы незаконным: в формуле Потебни нет части, которая бы давала такую последовательность.

Возможны случаи, когда формула Потебни не помогает разграничить такты. Если дан ряд слогов, имеющих индексы 123123, то граница может проходить по-разному: 123 123 или 1231 23. (Известны случаи, когда дети стих *На нем флюгера не шумят* понимают так: *На нем флюгеране шумят*; ср.: *дворяне, крестьяне*.)

Может быть, мы речевую цепь делим на такты просто по смыслу, выделяя осмысленные слова? Например, выделили так: *на нем*, а не *на-нем-флю*,— хотя по формуле Потебни такое членение тоже возможно:

На-нем-флю|гера|не-шумят...

потому что знаем предложное сочетание *на нем*, но не знаем слова «*нанемфлю*». Однако в естественной речи смысловое членение непременно должно совпадать с членением фонетическим, т. е. с членением на такты, границы которых дает формула Потебни. Если эти два ряда показаний не совпадают, то восприятие речи затруднено. Смысловые границы (границы слов) «опровергаются» фонетическими показателями и потому становятся ненадежными.

Если артист вместо:

Тень Грозного меня усыновила...^{1 2 3}

читает (тяжеловесно скандируя стих):

Тень Грозного меня усыновила^{2 1 3}!

¹ О возможности такого произношения (конечно, неинформативного) см.: *Сладкопевцев В. В.* Искусство декламации. Пг., 1918. С. 106.

то слушатели слышат: *у сына вѣла...* — хотя и понимают, что по смыслу это не подходит, а подходит глагол *усыновила*.

Поэтому правильно было бы говорить так: речь мы членим на части и по смыслу (выделяя слова) и на основе фонетических данных. Одно не должно противоречить другому.

Однако говорящие по-русски, как правило, не знают формулы Потевни, как же они могут ею руководствоваться? Так же, как дети-дошкольники: не зная падежей, их все-таки знают. Сознательно они не усвоили номенклатуры, системы понятий, связанных с изучением падежей, но тем не менее непосредственное знание падежной системы у них есть. Так же и с формулой Потевни: говорящие рационально, понятийно не знают ее, но непосредственно-речевое знание о распределении силы слогов в такте у них есть.

Законы деления русской речи на такты первым стал изучать (в начале XIX в.) А. Х. Востоков. Проблема ударения в XX в. не возникла. Дело казалось простым: ударный гласный сильнее безударных, и все различие — в силе звука. Но аппараты показали, что безударный [а] может быть сильнее ударного [и] в том же слове. Разгадку «парадокса ударения» дал Н. И. Жинкин. Оказалось, у гласных разного качества могут быть разные пороги ударности.

Ф р а з а. Несколько тактов, объединенные интонацией, называются фразой¹.

И н т о н а ц и я — изменение основного тона по высоте; оно может быть осложнено сопутствующими явлениями: увеличением силы ударения в отдельных тактах, убыстрением и замедлением темпа и т. д.

Иногда к интонации относят также тембр всего высказывания. Это не то, что тембр (качественная характеристика) звука. По голосу человека можно определить, говорит ли он сердито или ласково, радуется или печалится (при этом искренне или неискренне). Такая окраска высказывания — иногда состоящего из нескольких фраз — нечто совершенно иное, чем интонация. Во-первых, границы, в которых выявляется тембр высказывания, не совпадают с границами фразы. Во-вторых, в этом тембре сплетены явления языковые (зна-

¹ Вместо слова *фраза* иногда употребляют термин «синтагма». Если изучается связь интонации с синтаксическими единицами, то термин «синтагма» (в значении *фраза*) имеет некоторые положительные стороны. Но для фонетического исследования он неприемлем. См. об этом: *Реформатский А. А. Прологомены к изучению интонации // Фонологические этюды. М., 1975.*

ковые) и неязыковые. Напомним, что знаковые единицы имеют сторону значения (обозначаемое), сторону материальную (обозначающее, в нашем случае — звуки) и условную связь между ними — не естественно-природную, а условную. Когда же говорят о тембре радости, тембре неискренности, окрашивающем высказывание, то отнести к знаковым явлениям эти факты нельзя. На этих основаниях тембр высказывания не будем считать явлением интонации.

Во фразе три части: предцентровая, центр и постцентровая. Обязательной частью всякой фразы является центр, две другие могут отсутствовать.

Центр — это ударный слог в том такте, который выделяется по силе среди других тактов фразы.

Вот текст, разбитый на фразы: *Владимир очутился в поле|и напрасно хотел снова попасть на дорожку;|лошадь ступала наудачу|и поминутно то взъезжала на сугроб,|то проваливалась в яму;|сани поминутно опрокидывались.|Владимир старался только|не потерять настоящего направления* (П.). В тексте выделены такты, произношение которых усилено: они несут фразовое ударение. В русском языке фразовое ударение падает обычно на последний такт.

Во фразе *Владимир очутился в поле* фразовое ударение падает на такт *в поле*. Ударный слог *в по* {фпо} — центр фразы. Вся часть до этого слога — *Владимир очутился...* — предцентровая, то, что после этого слога, — постцентровая часть (здесь — слог *-ле*). Во фразе *и поминутно то взъезжала на сугроб* центр *-гроб*, постцентровой части нет. Если дана фраза *Едем!*, то отсутствует предцентровая часть. Наконец, возможна и фраза *Да!* Здесь налицо только центр.

В русском литературном языке существует семь основных типов интонации. Остановимся на наиболее частотных.

Интонационная конструкция 1. (Сокращенно — ИК-1, читается: и-ка́-одíн.)¹ Предцентровая часть произносится на среднем интонационном уровне. На центре — падение тона, это падение продолжается на постцентровой части: *Я с ним уже разговáривал.*

Интонационная конструкция 3 (ИК-3). Предцентровая часть произносится на среднем интонационном уровне. В центре резкий подъем интонации и

¹ Об ИК-2 см. с. 72.

на этом же слоге начало понижения — оно продолжается до конца фразы: *Ты с ним разговаривал? Ты с ним разговаривал (а я еще нет)*.

Проверить, что обе фразы произносятся с одной интонацией, можно таким образом: записать на магнитную ленту оба предложения, затем у второго (*Ты с ним разговаривал, а я еще нет*) отрезать начальную часть — до запятой — и вместо нее подключить вопросительное предложение. Потом прослушать. Обнаружится, что предложение (из двух склеенных фраз) звучит естественно; следовательно, вопросительное предложение интонационно тождественно с частью предложения перед запятой. Одно успешно заменяет другое.

Интонационная конструкция 4 (ИК-4). Предцентровая часть произносится на среднем уровне. На центре идет понижение интонации, и начинается повышение ее, которое продолжается на постцентральной части. Эта интонация чаще всего встречается в вопросительном предложении с частицей *а*: — *Я читал Пушкина...— А Лермонтова? Или: — Зачеты по языку я сдал.— А по истории?*

Фразовое ударение — средство разграничить фразы. Последний такт во фразе усиливается и своим усилением говорит о том, что он — замыкающий.

Кроме фразового бывает еще логическое ударение. Функция у него другая — не показывать границы фразы, а выделять наиболее важные слова: *Ты с ним разговаривал (подразумевается: а не я)*; *Ты с ним разговаривал (а не со мной)*; *Ты с ним разговаривал (и только, а деловой помощи не оказал)*.

Чацкий

...Вы здесь? я очень рад.

Я этого желал.

София (про себя)

И очей невпазд.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

(А. С. Грибоедов)

Поручик приказал выпороть старика, а солдаты выпороли его; Поручик приказал выпороть старика, а солдаты выпороли его¹.

¹ Пример из кн.: Корсакова Е. А., Прянишникова А. В. Мастерство речи. Вып. 1: Логика речи. М., 1939.

Из примеров видно, что логическое ударение всегда связано с противопоставлением, открыто выраженным в речи или подразумеваемым.

Логическое ударение может падать на любой такт во фразе, не только на конечный. Поэтому логическое ударение не имеет функции разграничения фраз.

Во фразе может быть либо логическое, либо фразовое ударение. Как отличить логическое ударение, падающее на последний такт во фразе, от фразового? Логическое ударение обычно сильнее фразового.

ИК-1 — конструкция с фразовым ударением; та же конструкция с логическим ударением — ИК-2 (у ИК-2 могут быть некоторые факультативные отличия от ИК-1 и в движении тона; но их присутствие обусловлено наличием логического ударения. Здесь: А — логическое ударение; Б — некоторые, не обязательные, отличия в движении тона; А ⊂ Б; Б можно в классификации интонации не учитывать). В ИК-3, ИК-4 различия между фразовым и логическим ударением сняты.

Одна фраза от другой отделяется: 1) с помощью интонации: завершается движение тона, характерное для данной ИК,— значит, завершается фраза; 2) с помощью пауз (внутри фразы такты друг от друга паузами не отделяются¹); 3) фразовым ударением.

Членение текста на фразы имеет смысловозначительную функцию. Сравним: *Из хаты|бабушки рыдания неслись*; *Из хаты бабушки|рыдания неслись*; *Он кормил их|мясом своих собак*; *Он кормил их мясом|своих собак*².

Первые попытки записать русскую интонацию были сделаны еще в XIX в. (композитор М. П. Мусоргский, языковед Ф. Е. Корш); а затем последовали попытки наметить интонационные типы. В 30-х годах XX в. начинается инструментальное изучение интонации

¹ Следовательно, пробелы между тактами в фонетической транскрипции не указывают паузы. О том, как в речи сигнализируются разделы между тактами см. выше, с. 65—69.

² Пример из кн.: *Корсакова Е. А., Прянишников А. В. Мастерство речи.*

(с помощью интонографов и других аппаратов). Устанавливается огромное количество интонационных характеристик, различий, типов. Выход из этого лабиринта фактов мог быть один: выделить те интонационные характеристики, которые самостоятельно, сами по себе, могут различать смысл предложений (или их частей). Изучение же сопутствующих интонационных особенностей (тех *B*, которые обусловлены наличием *A*; вспомним формулу: если $A \subset B...$) надо подчинить изучению основных, различительных. Это сделала Е. А. Брызгунова. Она выделила семь интонационных конструкций, самостоятельно, без участия других характеристик, выполняющих различительную функцию, — костяк русской интонации. (Здесь приведены факты о четырех из этих семи.)

Пограничные сигналы. Мы уже знаем, что формула Потевни (вернее, закономерности, отраженные в ней) помогает разграничивать отдельные такты, а поскольку такты часто совпадают со словами, то, значит, и слова. Существуют различные способы показать, где проходит граница между словами.

Например, дана звуковая цепь (начало и конец ее оборваны): ... [оф'р'у] ... Не зная всей цепи, можно сказать, что между [оф'] и [р'у] — словесная граница. Эти два слога принадлежат разным словам, например: *приготовь рюкзак*. Внутри слова сочетание мягкого губного согласного возможно лишь с таким последующим согласным, который тоже мягкий губной¹. Здесь границу между словами сигнализировал не согласный [ф'] сам по себе (он может быть и в середине слова: *афиша*), и не согласный [р'] сам по себе, и не что-то, находящееся между ними (между ними ничего нет, они примыкают друг к другу, пауза их не разъединяет): пограничный сигнал «распределен» на протяжении всего звукосочетания [ф'р'], он имеет суперсегментный характер.

Другой обрывок из звуковой цепи: ... [áxму] ... Сигнализирована граница между словами; она проходит после [м] перед [у] (возможное словосочетание: *пять драхм уплатил*). Слоговой согласный [м] перед гласным возможен только в том случае, если он — конечный в слове. В сочетании *одну драхму платил* [м] не может быть слоговым, так как [м] не на конце слова. Сам по себе слоговой [м] не показатель границы слова: слоговые согласные возможны и в середине слова (*от[м]щю*). Но [м] + гласный — (все это звукосочетание) — сигнал словесной границы.

¹ В случаях: *приготовься, приготовьте* и под. надо считать *-те, -ся* частицами, т. е. служебными словами.

Зударные слоги не совсем такие, как предупредные. В последовательности 31323 мы нашли словоразделы (вернее — такторазделы, но они связаны с делением на слова), даже не зная, какова реальная звуковая цепь. Следовательно, показатели, распределенные по ряду слогов, являются комплексными, составными, суперсегментными показателями границы.

Не зная смысла сочетания (у нас были только бессмысленные отрывки из звуковых цепей), можно по фонетическим данным определить границу слов. В некоторых случаях сигнализируется граница между морфемами. Например, «двойные» (долгие) согласные возможны в слове только рядом с ударным гласным или на стыке приставки и корня. В слове *рассыпáться* произносится долгий [с:] не рядом с ударным гласным. Это — сигнал границы между приставкой и корнем.

На границах слов (и морфем) действуют иные звуковые закономерности, чем в середине значимых языковых единиц. Поэтому, чтобы верно понять эти законы, необходимо считаться с пограничными сигналами (или диэремами) — особой суперсегментной единицей. Суперсегментной, так как она всегда распределена по сочетанию звуков или слогов...

Первым стал изучать пограничные сигналы в живых, современных языках И. А. Бодуэн де Куртенэ. Особенно большой вклад в науку о пограничных сигналах принадлежит Н. С. Трубецкому.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сегментные единицы:

Богородицкий В. А. Русский текст в научно-фонетической транскрипции // Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.

Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.

Болла К. Атлас звуков русской речи. Будапешт, 1981.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Брок О. Очерк физиологии славянской речи // *Энциклопедия славянской филологии*. Спб., 1910. Вып. 5/2.

Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.

Матусевич М. И. Современный русский язык: Фонетика. М., 1976.

Скалозуб Л. Г. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.

Скалозуб Л. Г. Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографирования). Киев, 1979.

Томсон А. И. Общее языкознание [1904]. Одесса, 1910.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении [1912]. Л., 1983.

Якобсон Р. О., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты [1955] // *Новое в лингвистике*. М., 1962. Вып. 2.

Суперсегментные единицы:

Аванесов Р. И. О слогоразделе и строении слога в русском языке [1954] // *Фонетика современного русского литературного языка*. М., 1956.

Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке [1955] // *Русская литературная и диалектная фонетика*. М., 1974.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1972.

Брызгунова Е. А. Основные типы интонационных конструкций и их употребление в русском языке // *Русский язык за рубежом*. 1973. № 1, 2.

Жинкин Н. И. Восприятие ударения в словах русского языка // *Изв. Акад. пед. наук РСФСР*. М., 1954. Вып. 54.

Кузнецов П. С. К вопросу о фонологии ударения [1948] // *Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии*. М., 1970.

Реформатский А. А. К вопросу о выделении ударного слога в русском языке (реплика) // *Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии*. М., 1979.

Пограничные сигналы (диэремы):

Трубецкой Н. С. Основы фонологии [1938]. М., 1960. С. 299—325.

Глава 2

ПОНЯТИЕ О ФОНЕМЕ

§ 10. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Сказано: *большой дом*. Что нужно, чтобы понять это высказывание, т. е. оценить его как языковое, как знаковое? Для понимания этого высказывания надо знать слово *дом* и слово *большой*. Знать слово *дом* — значит уже встречать его в речи; надо понять, что в данном высказывании то же слово, которое встречалось раньше. Оно то же по значению и то же по звучанию. Если слово не отождествляется с уже известным словом, то оно вне понимания. Для данного члена языкового коллектива оно еще не стало словом. Например: *Чухрюха — пфысь!* Слова не с чем отождествить в предыдущем речевом опыте, нет оснований понять их языковую, знаковую сущность: они не встречались ранее в процессе речевого общения. (Кстати, это сочетание слов все-таки можно понять как обращение к кому-то и приказание ему; ср.: *Грязнуха — брысь!* Понятна интонация, так как с нею мы встречались раньше, мы ее отождествили с той, какая свойственна предложениям: *Грязнуха — брысь!*

Прохожий — стой! Ванюша — пой! Сам отрезок *-уха* может отождествляться с тем, который в словах *грязнуха, воструха, старуха*; это тоже позволит хотя бы предположительно понять сказанное слово.)

Слово мы начинаем понимать, если слышали его в нескольких различных контекстах. При этом мы, сопоставляя контексты, должны данное слово рассматривать как одно и то же (в разных контекстах), т. е. отождествлять его разные появления. Иногда достаточно одного контекста, чтобы понять новое слово, например контекста толкового словаря. Тогда мы, встречая в дальнейшем это слово, отождествляем его с данным в словаре. Бывает и так: слово раньше не встречалось, но встречались его знакомые части (морфемы). Например, встретилось слово *антистрекотатель*. Хотя оно, несомненно, ранее вам не попадалось, однако попадались морфемы *анти-, стрекот-, -атель*. Поэтому оно в известной степени понятно.

Итак, необходимо отождествлять значимые единицы (без этого язык не может функционировать). Отождествляться они должны и по значению, и по звучанию. В поле зрения фонетики находится отождествление по звучанию.

Если даны высказывания: *У меня мерзнет нос; Нос у собаки очень чуток; Она припудрила нос,* — то нетрудно осуществить акт отождествления. Очевидно, что во всех высказываниях есть одно и то же слово *нос*.

Но отождествление необходимо и в таких случаях: *Это мой нос* [нос]; *Надеть очки на нос* [нанъс]; *В тепле нос бы не замерз* [нóзбы]; *Такие уродливые очки на нос бы я не надел* [нанъзбы]; *Руки стынут, нос же пока не мерзнет* [нóжжы³]; *На нос же эти очки не наденешь* [нанъжжы³]; *Носы у вас посинели...* [насы]. Здесь звуковые отрезки, очень различные по звучанию: [нóс] — [нъс] — [нóз] — [нъз] — [нóж] — [нъж] — [нас] — оцениваются нами как одно и то же слово. Различия в звучании не мешают этому отождествлению.

Наоборот, в предложениях *Нос у него длинный и Нож у него длинный* — различие в звуках признается существенным: *нос* и *нож* не признаются одним словом.

Почему же происходит отождествление? Хочется ответить: потому что в первом случае значение было одно и то же. Но этот ответ неверен. Равенства по значению недостаточно, чтобы признать слова (или их части: корни и т. д.) тождественными.

В глаголе *идти, иду, шёл ид-* и *шё-* имеют одно значение. Это корни одного глагола, но разные корни, мы их не отождествляем. Объясняют так: здесь налицо супплетивизм, т. е. глагол *идти* имеет в настоящем и прошедшем времени разные корни (принадлежащие, однако, одному глаголу). Итак, тождества по значению недостаточно, чтобы отождествлять разные языковые единицы.

Другой пример: *стачка* и *забастовка* — слова с одинаковым значением, но они не признаются тем же самым словом. Единство, тождественность значения не является достаточным условием для того, чтобы две единицы (в разных высказываниях) считать неким тождеством.

В самих звуках, когда говорим: *нос* [нос]... *на́ нос* [нѳс]... *на носѹ* [нас]... *но́с же* [нож]... — есть что-то, что позволяет нам видеть в этих отрезках одну и ту же единицу. Звуки разные, но почему-то мы не обращаем внимания на их различия. Что-то нам позволяет заключить: это одно и то же слово, хотя в разных его звуковых воплощениях. А в случаях *иду* — *шел* нет достаточных оснований, чтобы считать корень одним и тем же.

Звуки, которые позиционно чередуются, в системе языка оцениваются как тождество, как одна и та же единица.

§ 11. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

Что называется позиционным чередованием звуковых единиц? Когда можно утверждать, что звуковые единицы позиционно чередуются?

Будем исходить из понятия чередования. Чередование всегда обнаруживается в составе определенной морфемы. Если одна и та же морфема в разных словах (или в разных формах одного слова) имеет частично неодинаковый звуковой состав, то налицо чередование. *Крутить* — *кручу*. Формы одного глагола, у них один корень; значение его в этих двух формах одинаково; звуковой состав тоже частично одинаков: есть общая часть *кру-*, но последний звук этого корня в одной форме [т'], в другой [ч']. Это и есть чередование.

Чередование в корне *крут-/круч-* отражено на письме. Но есть чередования, в написаниях слов не запечатленные. Например, орфография не отражает чередование в формах слов *моро[с]* — *моро[з]ы*; но все равно это — чередование.

Позиция — условие произношения звуков. Есть, например, такие позиции: гласные — под ударением, в безударном слоге после мягкого согласного, перед [л], перед паузой, согласные — на конце слова, перед [э], перед мягким зубным, после сонорного согласного. Каждый звук в слове находится в какой-либо позиции.

Некоторые чередования обусловлены позицией, и они называются позиционными. Например, мена [з] на [с] происходит на конце слова перед паузой. Действительно: *моро* [з]ы — *моро* [с], *расска* [з]ы — *расска* [с], *ро* [з]а — *ро* [с], *ва* [з]а — *ва* [с]; *черногла* [з]а — *черногла* [с], *чума* [з]ый — *чума* [с], *си* [з]ый — *си* [с]; *погряз* [з]ла — *погряз* [с], *замер* [з]ла — *замер* [с], *обле* [з]ли — *обле* [с], *заведующий хо* [з']яйством — *завхо* [с], *Камский авто* [з]авод — *КамА* [с], *высшее учебное* [з]аведение — *ву* [с]. Нет слова, нет формы слова, в которых [з], попав на конец слова, не заменялся бы глухим [с].

Сама по себе, с чисто акустической или артикуляционной стороны, пауза вовсе не требует, чтобы шумный согласный перед нею был глухим. Есть много языков (украинский, сербскохорватский, французский, английский), где конечный шумный остается звонким. Чередование обусловлено не акустической или артикуляционной природой звука, а законами данного языка.

На основании чего мы заключаем, что чередование позиционно? Может быть, мы принимаем во внимание артикуляционную и акустическую наглядность взаимодействия звуков? Например, зубной перед мягким зубным сам должен быть мягким (в русском литературном языке), ср.: *хвост* — *хво* [с']*тище*, *куст* — *ку* [с']*тистый*, *отпустить* — *отпу* [с']*тить* и т. д.

Но мнение о необходимости наглядно-очевидного уподобления звуков друг другу — неверно. Для того, чтобы признать закономерность позиционного чередования, звуковое сходство необязательно. Как частный случай оно возможно, но именно как частный. Есть случаи, когда фонетическое чередование является живым, действующим, позиционным, но сходства между звуками, вступившими во взаимодействие, нет.

Пример. В русском литературном языке [ó] (ударный гласный) в первом предударном слоге после твердого согласного заменяется гласным [а]: *новый* — *новее*, *дом* — *дома*, *стой* — *стоять* и т. д. Чередование позиционно. Однако никакой акустической необходимости

в таком чередовании нет. Нельзя даже сказать, что [o] заменяется в безударном слого звуком [a], потому что [a] артикуляционно слабее, чем [o] (это объяснило бы, почему в слабых безударных слогах уместно иметь [a]). Напротив, [a] требует большего раствора ротовой полости, т. е. более энергичной артикуляции.

Вообще представлять (в качестве общего закона) причину звукового чередования в том, что один звук требует акустического или артикуляционного приспособления к себе другого звука, — большое заблуждение. И так, о том, что позиция требует определенного чередования, догадаться по акустическо-артикуляционной сущности звуков нельзя.

По какому же надежному признаку можно отделить позиционные чередования от непозиционных? Только по одному: позиционные чередования не знают исключений. Если появляется позиция N₂ вместо N₁, то всегда происходит мена звука α на звук β; естественно причиной мены считать позицию N₂.

Напротив, если позиция N₂ в одних словах сопровождается появлением β (вместо α), а в других не сопровождается (α остается без замены), то позицию N₂ нельзя рассматривать как причину чередования α||β. Не она его обуславливает. Поэтому чередование, которое знает исключение, не является позиционным.

Следовательно, позиционное чередование может быть объяснено двояко: это чередование, которое осуществляется в данной языковой системе без исключения; это чередование, обусловленное позицией. Оба определения тождественны по своей сути.

Находиться в позиционном чередовании могут разные звуки, имеющие совершенно непохожие характеристики. Например, чередуются [o] (гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный) и [a] (гласный нижнего подъема, среднего ряда, нелабиализованный). Значительные качественные различия не мешают им быть чередующимися звуками (табл. 4):

Т а б л и ц а 4

Позиция	Члены чередования	Примеры
Ударный слог	[ó]	<i>дом, нов, стой</i>
Первый предударный слог после твердого согласного	↓ [a]	<i>дома, новее, стоять</i>

Исключений нет, т. е. нет случаев (среди общеупотребительных однозначных слов русского литературного языка), когда во второй позиции сохранялся бы гласный [о], следовательно, чередование позиционно.

Звук может чередоваться с нулем (табл. 5):

Т а б л и ц а 5

Позиция	Члены чередования	Примеры
Перед паузой	[и]	<i>стой, строй, герой, свой</i>
После гласного перед гласным [и]	↓ нуль	<i>стоит, строит герои, свои</i>

§ 12. ФОНЕМА

Уже было сказано, что звуки, которые позиционно чередуются, существуют в языке как тождество, как одна и та же единица. Говорящие отождествляют, например, [з] в форме *морозы* и [с] в форме *мороз* — для них это один и тот же звук.

Может быть, неразличение [з] — [с] в этих случаях происходит из-за «гипноза» орфографии? Нет, не орфография здесь является определяющей, а система языка.

Почему же в системе языка отождествляются, приравниваются друг к другу позиционно чередующиеся звуки? Мы помним основной закон языковых систем: если единица *Б* всегда сопровождает *А*, то она не обладает в системе самостоятельностью, она только тень единицы *А*. Имея дело с языком как системой, мы обязаны освободиться, абстрагироваться от *Б* как от самостоятельного элемента.

Этот закон мы применяли к звукам, к признакам звуков, к суперсегментным единицам. Теперь применим его к новой величине: чередованию звуков, к их замене (т. е. к определенной языковой операции).

Звук *α* (в позиции N_1) непременно (т. е. во всех словах) заменяется в позиции N_2 звуком *β*. Здесь замена непременно сопровождает единицу *α* в позиции N_2 . Если дана позиция N_2 , то к звуку неизбежно применяется операция замены (чередования).

Обозначим операцию замены буквой ψ . Дано:

N_1	α
↓	↓
N_2	β

Но β — это звук α , к которому применена операция замены: $\beta = \alpha + \psi$. Тогда:

N_1	α
↓	↓
N_2	$\alpha + \psi$

Например, при чередовании $[з] \parallel [с]$ (*морозы* — *мороз*) к $[з]$ применена (в позиции конца слова) операция замены на другой звук, на $[с]$. Здесь: $[з] = \alpha$, $[с] = \beta$; ψ — замена на другой определенный звук, т. е.

Позиция перед гласным	$[з]$
↓	↓
Позиция на конце слова	$[з] + \text{замена на глухой согласный}$

Однако поскольку чередование позиционное, безысключительное, то в условиях N_2 всегда выступает не α , а $\alpha + \psi$ (преобразованная единица α , т. е. β). Преобразованность — неперемный проводитель α в позиции N_2 (иными словами, α в этих условиях выступает только как материал преобразования, замены).

Поскольку преобразованность единицы — ее неперемный проводитель в указанной позиции, постольку она должна быть снята, от нее надо абстрагироваться, если мы хотим познать систему языка, т. е. в системе языка ψ признается элементом B (при $A = \text{звук } \alpha$); по общему закону — его не считаем системной сущностью. Тогда вместо $\alpha + \psi$ в схему поставим просто:

N_1	α
↓	↓
N_2	α

Вывод: если два звука чередуются позиционно, то в системе языка они являются тождеством, т. е. составляют одну и ту же единицу — фонему.

Фонема — языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков. Например:

$\langle o \rangle^1 = [\acute{o}] \parallel [a] \dots$ т. е. фонема $\langle o \rangle$ дана рядом чередующихся звуков — $[\acute{o}]$ под ударением, $[a]$ без ударения и т. д.

§ 13. РАЗЛИЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

До сих пор мы занимались вопросом, каковы отношения между позиционно чередующимися звуками, т. е. такими, которые представляют одну фонему. Каковы отношения между звуками, которые не чередуются позиционно, т. е. входят в разные фонемы? (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Позиция	Члены чередования	Примеры
Перед гласным	[з] [ж]	<i>морозы, ножи</i>
↓	↓ ↓	
На конце слова	[с] [ш]	<i>морос[с], но[ш]</i>

Внутри каждой фонемы, в одном ряду позиционно чередующихся звуков, единицы (эти звуки) отождествляются и этим обеспечивают отождествление слов и морфем. Корень в словоформах *морозы, мороз* является одним и тем же, он имеет одинаковый фонемный состав.

Звуки, принадлежащие разным фонемам, не отождествляются, наоборот, они служат различению слов: *kozy — кожи, ко [с] — ко [ш]*.

Итак, определение фонемы можно дополнить: фонема — это языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, служащая для отождествления и различения слов и морфем.

При этом имеется в виду, что отождествление значимых единиц происходит с помощью звуков, принадлежащих одной фонеме, а различение — с помощью звуков, принадлежащих разным фонемам.

Основная функция фонем, однако, отождествление. (Позднее мы встретимся с другой функциональной единицей, чье основное назначение — различать, разграничивать языковые единицы и лишь дополнительное — отождествлять.)

¹ Фонемы берутся в ломаные скобки.

§ 14. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Сравним два чередования (табл. 7).

Таблица 7

Позиция	Члены чередования	Примеры
Под ударением	[o] [a]	[som], [сам]
В первом предударном слове после твердого согласного	↓ ↓ [a] [a]	[самá], [самá]

Под ударением — разные звуки, в безударном слове — одинаковые. Две фонемы совпали, т. е. в определенной позиции представлены одним и тем же звуком. Это — нейтрализация фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩.

Н е й т р а л и з а ц и е й называется неразличение нескольких фонем в определенной позиции.

Могут совпадать не две фонемы, а большее их число (табл. 8).

Таблица 8

Позиция	Члены чередования	Примеры
Под ударением	[o] [a] [э] [и]	лес, лис мел, мёл, мил леса, лиса, мела, мела, мила
В безударном слове после мягких согласных	↓ ↓ ↓ ↓ [и] [и] [и] [и]	

Примечание: мела — прош. вр. от мести; мела — мн. ч. от мел (разные сорта мела).

Нейтрализацию можно изобразить так:

Другой пример. Перед [ш'] нейтрализуются согласные фонемы ⟨ш'⟩, ⟨ш⟩, ⟨ж'⟩, ⟨ж⟩, ⟨с'⟩, ⟨с⟩, ⟨з'⟩, ⟨з⟩; все они реализуются в согласном [ш'].

В позициях нейтрализации происходит ослабление различительной силы фонем. Однако и в словоформе [в'ол], и в словоформе [в'иду] — одна и та же фонема

⟨о⟩. Она не перестала быть сама собой в случаях, где ее различительная сила ослаблена. Это как раз и говорит о том, что ее основная функция — не различение, а отождествление.

В позиции нейтрализации фонема представлена своим вариантом, в сильной позиции (т. е. в позиции, где данная фонема отличается от всех других) — своей основной разновидностью.

Есть и такие случаи: позиция активно воздействует на фонему, она заставляет избирать для реализации фонемы определенный звук (характерный именно для данной позиции), но слияния, перекрещивания фонем нет.

Например, в слове *посадка* под ударением [а], тот же звук, который встречается не только после твердых согласных, но и в начале слова, и в конце слова перед паузой (под ударением): *ад, коса*. Он не специфичен только для одной данной позиции. В слове *сядь* [с'ят'] гласный не среднего, а средне-переднего ряда, он специфичен именно для позиции между мягкими согласными. Хотя и есть сближение между представителями фонем ⟨а⟩ — ⟨э⟩ в данной позиции (звук [а] более похож на [э], чем на [а]), но полного совпадения нет. (В некоторых русских говорах сближение завершилось совпадением фонем ⟨а⟩ и ⟨э⟩ в данной позиции — они обе представлены вариантом [э]; [п'эт'] реализует и *пять* и *петь*.)

Если влияние позиции есть, но нейтрализации нет, то данная фонема представлена в данной позиции своей вариацией. Примеры. Перед звонким шумным ⟨с⟩ и ⟨з⟩ совпадают; они представлены своим вариантом [з]: *моро [з]бы, но [з]бы*. Согласная фонема ⟨ц⟩ не имеет парной по звонкости, ей не с чем совпадать, поэтому в случае *коне [дз]бы* она представлена вариацией [дз] (т. е. звонким ц).

Фонема называется по своей основной разновидности. Дан ряд позиционно чередующихся звуков: [ó] || [а] || [ъ] || [ы^э] || [и] (например, в суффиксе прилагательных: *свинцовый, звуковой, фаянсовый, ножевой, ключевой*). В сильной позиции — [о]. Поэтому весь ряд позиционно чередующихся звуков условно называется «фонема ⟨о⟩», хотя он и включает разные звуки.

§ 15. ГИПЕРФОНЕМА

Ряд звуков [о] || [а] || [ъ]... представляет фонему ⟨о⟩. Но может быть дан и такой ряд: [а] || [ъ]... Он — языковая реальность: с[а]бака, с[ъ]баковод. Основная разновидность этого ряда — звук под ударением — не представлен. Это тоже фонетическая единица. У нее есть сходство с фонемой: она представлена рядом позиционно чередующихся звуков; у нее есть отличие от фонемы: отсутствует та главная единица, которая отделяет фонему ⟨о⟩ от фонемы ⟨а⟩ (ведь ряд [а] || [ъ]... — общий для ⟨о⟩ и ⟨а⟩; лишь по основному представителю фонемы — гласным [ó] или [á] мы решаем, к какой фонеме относится данный ряд). *Тр[а]ва, тр[ъ]вяной...* Какая фонема? *Тр[á]вы.* Значит — ⟨а⟩. *В[а]да, в[ъ]дяной...* Какая фонема? *В[ó]ды.* Значит — ⟨о⟩. А в случае с[а]бака, с[ъ]баковод нет этого решающего члена фонемы — того, который встречается в сильной, различительной позиции. Поэтому отнести этот ряд к фонеме ⟨о⟩ или ⟨а⟩ нельзя. Назовем эту единицу гиперфонема ⟨о/а⟩.

Г и п е р ф о н е м а — функциональная единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, общих для нескольких фонем, при отсутствии представителя этой единицы в сильной позиции.

Вот еще несколько примеров гиперфонем:

$$\left\langle \underset{\text{о}}{\text{к}} \underset{\text{а}}{\text{п}} \underset{\text{у}}{\text{с}} \underset{\text{т}}{\text{а}} \right\rangle = \text{капуста},$$

$$\left\langle \underset{\text{в}}{\text{в}} \underset{\text{д}}{\text{р}} \underset{\text{у}}{\text{г}} \underset{\text{к}}{\text{}} \right\rangle = \text{вдруг}, \left\langle \underset{\text{ш}}{\text{ш}} \underset{\text{т}}{\text{о}} \right\rangle = [\text{што}] = \text{что}...$$

Гиперфонема может быть соотносительной не только с двумя, но и с многими фонемами: ⟨л'(и/э/о/а)л(о/а)ва⟩ = *лиловая*, ⟨п(а/о)(т/т'/д/д'/ч/ц)шипн'(и/э/о/а)к⟩ = *подшипник*¹.

Чтобы показать, из каких фонем и гиперфонем состоит слово, используют фонемную (или фонематическую) транскрипцию. Она берется в ломаные скобки. Примеры такой транскрипции: ⟨водá⟩; ⟨водй̑⟩ = [ва-

ды̑]; ⟨б'эл (о/а) вáти̑⟩, ⟨жд'о $\frac{\text{ш}}{\text{ж}}$ ⟩ = *ждешь...*

¹ Слово *подшипник* не членится на приставку, корень и суффикс; оно все — корень и нулевое окончание.

Гиперфонема может быть обозначена так: $\langle \text{жд}'\text{o} \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \rangle =$
 $= \langle \text{жд}'\text{o} (\text{ш}/\text{ж}) \rangle = \langle \text{ждош}^2 \rangle$ (в последнем случае индекс показывает, сколько фонем объединяет данная гиперфонема).

§ 16. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПОДСИСТЕМЫ

Уже сказано, что фонемы $\langle \text{o} \rangle$ и $\langle \text{a} \rangle$ в безударных слогах нейтрализуются. Но так только в общеупотребительных словах. В словах специфических, необщеупотребительных (в том числе — в терминологии) этот закон не действует. Произносят: *антология* [анталог'иџа], но *онтология* [онтолог'иџа] (философский термин).

Свою особую фонетику имеют междометия. Служебные слова (предлоги, частицы) тоже отличаются в своих фонетических закономерностях от других слов.

Наша тема — фонетика общеупотребительных слов русского литературного языка, т. е. слов, которые все люди, владеющие этим языком, употребляют постоянно, повседневно.

Эта группа слов достаточно четкой линией отделена от слов редких, необщеупотребительных. Переходная зона между группами слов есть, но суть не в ней: важно, что большинство слов мы безошибочно относим либо к редким, необщеупотребительным словам, либо к повседневным, обычным.

Дан ряд слов: *ты, думать, хлеб, большой, встретиться, дом, книга, спорить, циркуляция, кенгуру, медведь, сильный, импозантный, верхний, индугенция, сон, тысяча, квадрантион, засмеяться, боа, десница, око, демаскироваться...* Какие слова редкие? Сопоставьте ваш ответ с ответом вашего товарища. Вы убедитесь, что они в общем совпадут.

Итак, разграничение этих двух групп слов, в их главной части, достаточно очевидно. Эти группы слов подчиняются не во всех случаях одинаковым фонетическим законам. Не надо смешивать эти законы.

Теория фонем, основы которой здесь изложены, берет свое начало в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ. Его исследования 80—90-х и более поздних годов XIX в. — классические работы по фонологии.

Разработку фонологии продолжил Л. В. Щерба, а также его ученики и соратники, прежде всего Е. Д. Поливанов.

Л. В. Щерба впервые сделал попытку дать полное описание русской фонетической системы именно как системы, т. е. целостно (на

примере гласных). Но сам принцип, который был им положен в основу определения фонем, не давал далекой перспективы в развитии фонологической теории¹.

В последних работах Л. В. Щерба искал новые пути в фонологии. Например, в академической «Грамматике русского языка» (т. 1. 1952) он считает звуки [а] и [э] в словоформах *пять* — *пяти* представителями одной фонемы, хотя они явно не представляют одного звукового типа. Таких отступлений от основ своей фонемной теории при решении частных вопросов у Л. В. Щербы много, и они-то часто оказывались плодотворными для развития фонологии.

Следующий этап в развитии фонемной теории — работы ученых московской лингвистической школы: Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова, А. М. Сухотина.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // *Русский филологический вестник*. Варшава, 1881. Т. 5. Отрывки см.: Избр. труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 1.

«Московская» фонологическая теория:

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка [1945] // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии [1959] // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

¹ Суть ленинградской фонемной теории можно передать в виде двух основных положений:

1. Инвентарь фонем в каждом конкретном языке устанавливается по сильным, различительным позициям. Так, например, в русском языке есть фонемы ⟨т⟩ и ⟨д⟩, так как в некоторых позициях различаются звуки [т] и [д]: *там* — *дам*.

На это теоретическое положение и ссылаются обычно, утверждая, что данная теория имеет фонологический статус.

2. Фонемы в слабых позициях определяются (в этой теории) по их акустико-артикуляционному сходству — т. е. по чисто звуковому подобию — с фонемами в сильных позициях. Поскольку в сильной позиции обнаружена фонема ⟨т⟩ (см. об этом выше), то звук [т] во всех позициях, в том числе и слабых, представляет ту же фонему ⟨т⟩. Следовательно, не только в слове *там*, но и в словах по [т] *писали, за-га[т]ка, наро[т]* — везде одна и та же фонема ⟨т⟩.

Это означает, что в сильной позиции учитывается функция дифференциации, свойственная звукам и дающая им фонемный статус, а в слабых позициях она полностью игнорируется. Ведь в слабых позициях различительные способности звуковых единиц не те, какими они обладают в сильных позициях; фонемная теория должна это учитывать.

Такая непоследовательность не обоснована, не мотивирована ни в трудах Л. В. Щербы, ни в публикациях его последователей.

Труды Л. В. Щербы обладают высокой научной значимостью: в них много ценных обобщений и интересных наблюдений. Но это не снимает вопрос о непоследовательности его фонемной теории. Важнейшие проблемы в ней решаются нефункционально.

- Сидоров В. Н. О московской фонологической школе [1967] // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975.

«Ленинградская» фонологическая теория:

- Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении [1912]. Л., 1983.
Щерба Л. В. Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским [1937]. М., 1963.
Щерба Л. В., Матусевич М. И. Фонетика // Грамматика русского языка. М., 1952. С. 49—100.

Глава 3

ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

§ 17. ВОЗМОЖНЫЕ И НЕВОЗМОЖНЫЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Итак, фонема дана в виде ряда позиционно чередующихся звуков. Фонемы могут нейтрализоваться, т. е. в определенной позиции могут совпасть в одной и той же звуковой реализации. Чтобы лучше понять явление нейтрализации, разберем несколько случаев в общей форме, не прибегая пока к анализу конкретных фактов.

1. В описании какого-то языка сказано: «В данном языке 20 фонем, из них одна нейтрализуется». Может ли это быть? Нет. Нейтрализация — совпадение нескольких фонем; нейтрализоваться могут минимум две фонемы. Если сказано, что нейтрализовалась одна фонема, то, следовательно, она совпала сама с собой. А это утверждение бессмысленно.

Здесь снова проявляется системность языка: фонема может обладать признаком «нейтрализуется» лишь в том случае, если есть другая фонема с признаком «нейтрализуется».

2. Могут ли две фонемы нейтрализоваться во всех позициях? Если они во всех возможных случаях совпадают (это и называется «нейтрализуются»), то они ни в одном случае не различаются и, таким образом, различия между ними нет. Почему же тогда их считать разными фонемами? Ясно, что этот случай невозможен.

Но возможен другой, очень близкий к отвергнутому нами: две фонемы совпадают в своих реализациях, но

есть одна позиция, в которой они различаются. Однако и в ней одна из фонем имеет вариант... совпадающий с другой фонемой! Пример из русского языка: фонемы ⟨γ⟩ и ⟨х⟩. Перед гласным они различаются: *бо [γ]а, бо [γ]у... засы [х]ать, су [х]ой...* Но *бо [х], засо [х]...* Однако в позиции перед гласным фонема ⟨γ⟩ может факультативно выражаться звуком [г]: *бо [г]а, бо [г]у...* В таких случаях следует вводить понятие ф а к у л ь т а т и в н о й фонемы. Например, русская фонема ⟨γ⟩ факультативна для тех, кто говорит: *бо [γ]а, бо [γ]у... бо [х]*, — потому что известно, что другие ее не используют в своей речи.

Другие говорят: *бо [г]а, бо [г]у... бо [х]* (произношение *бо [к]* = *бог* ненормативно). У них нет фонемы ⟨γ⟩, а в этом слове происходит лексикализованная мена фонем ⟨г⟩ — ⟨х⟩. Лексикализованной мена ⟨г⟩ || ⟨х⟩ считаем потому, что она не обусловлена ни фонетическими, ни грамматическими причинами. Ее «причина» — наличие именно данного слова. Но так как и те, кто говорят *бо [г]а, бо [г]у...*, знают о другой манере произносить эти формы (и считают, конечно, эту манеру нормативно приемлемой), то и для них в русском языке есть факультативная фонема ⟨γ⟩.

«Слабость» этой фонемы не только в том, что она факультативна, но и в том, что она в одном (или двух) словах. Второе слово — *бухгалтер*; произносится *бу [γ]алтер*, [γ] в позиции перед гласным. Но возможно и произношение *бу [γг]алтер*, что допускает такую фонемную трактовку: [γг] = ⟨хг⟩. И здесь ⟨γ⟩ оказывается факультативной.

Из дальнейшего рассмотрения мы исключаем фонему ⟨γ⟩ — как факультативную.

3. Может ли одна фонема в определенной позиции реализоваться двумя разными звуками (в двух разных словах)? Пример: *моро [з]ы — моро [с], ро [з]а — много ро [с], проле [з]у — проле [с], погряз [з]нуть — погряз [с]* (можно привести множество примеров), — но: *нама [з]ать — намажь*, т. е. *нама [ш]*. В сильной позиции, перед гласным, фонема ⟨з⟩ представлена согласным [з], на конце слова она представлена согласным [с], но в случае *намажь* не [с], а [ш]! Не следует ли считать, что в этой позиции фонема ⟨з⟩ представлена то звуком [с] (в одних словах, их большинство), то звуком [ш] (в других, немногих словах)? Это противоречило бы самому понятию позиционных чередований.

Они, как известно, безысключительны. Для данного случая надо попробовать применить два истолкования: 1. Признать, что чередование [з] (перед гласными) || [с] на конце слова — непозиционно. Но это решение не проходит: все звонкие заменяются парным глухим на конце слова, и для фонемы ⟨з⟩ делать исключение было бы необоснованно. Все фонетические законы касаются классов звуков; в данном случае закон касается всех шумных согласных. 2. Признать, что в данном случае происходит не чередование звуков, принадлежащих одной фонеме, а грамматикализованное чередование фонем. Для этого нужно точно указать грамматические условия такого чередования. Они действительно существуют: фонема ⟨з⟩ заменяется фонемой ⟨ж⟩ в некоторых грамматических формах, в том числе в повелительной, ср.: *показать — покажи, рассказать — расскажи; намазать — намажь, отрезать — отрежь*. Фонема ⟨ж⟩ на конце слова должна, по общему безысключительному грамматическому правилу, реализоваться звуком [ш]; так оно и есть.

Следовательно, здесь накладываются друг на друга два закона: грамматический (мена ⟨з⟩ на ⟨ж⟩ по требованию грамматической формы; оно происходит перед флексией повелительного наклонения) и фонетический (мена [ж] на [ш] в конце слова).

Все сказанное подтверждает, что одна и та же фонема в одной и той же позиции двумя разными звуками реализоваться не может.

§ 18. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ ФОНЕМ

Нейтрализоваться могут только согласные фонемы, парные по глухости ~ звонкости, т. е. те, которые в сильной позиции выражены звуками:

[п	п'	ф	ф'	т	т'	с	с'	ш	ш'	к
б	б'	в	в'	д	д'	з	з'	ж	ж'	г

Согласные фонемы ⟨м⟩, ⟨м'⟩, ⟨н⟩, ⟨н'⟩, ⟨л⟩, ⟨л'⟩, ⟨р⟩, ⟨р'⟩, ⟨ј⟩ могут быть представлены и звонкими и глухими звуками, например:

[м м' н н'
 м м' њ њ'] и т. д.

Глухие факультативно возможны на конце слова после шумного согласного: *космы — лохматых кос* [м], *пес* [н'], *пять вёт* [д], *мыс* [д']; в эмоциональной речи возможна глухость йота: *отда* [j]! Но глухость у этих согласных, во-первых, всегда вызвана позицией и, во-вторых, факультативна. Нет двух разных слов, которые отличались бы звуками [м] — [м'] в одной позиции. Поэтому глухие согласные [м] — [м'] — [н] — [н'] (и т. д.) представляют те же фонемы, что и звонкие сонорные согласные [м] — [м'] — [н] — [н'] и т. д. Следовательно, фонемам <м> — <м'> — <н> — <н'> (и т. д.) не с чем совпадать: и звонкие сонорные, и их глухие двойники находятся в пределах одной фонемы.

Согласные фонемы <ц>, <ч>, <х> могут быть представлены и глухими и звонкими согласными:

$$\begin{array}{ccc} \text{ц} & \text{ч}' & \text{х} \\ \widehat{\text{дз}} & \widehat{\text{дж}' \gamma} & \end{array}$$

но это различие всегда позиционно обусловлено: звонкие согласные $\widehat{\text{дз}}$ — $\widehat{\text{дж}'}$ — γ появляются только перед звонкими шумными согласными: *оте* $\widehat{\text{дз}}$ *бы*, *до* $\widehat{\text{дж}'}$ *бы*, *засо* γ *бы*... Следовательно, и здесь звонкие и глухие звуки находятся (попарно) в пределах одной фонемы. Фонемам <ц> — <ч> — <х> не с чем совпадать. Вот они и не могут нейтрализоваться по глухости ~ звонкости. По этому признаку они всегда в сильной позиции.

У парных по этому признаку есть три сильные позиции: 1) перед гласным (*там — дам, косы — козы*), 2) перед сонорным (*слить — злить, пью — бью*), 3) перед [в] — [в'] (*твоих — двоих, сверь — зверь*).

У парных по глухости ~ звонкости есть три слабые позиции: 1) на конце слова (*прут — пруд*), 2) перед глухими согласными (*маска — замазка*), 3) перед звонкими шумными согласными (*косьба — резьба*). В 1-й и 2-й позициях совпадение глухих и звонких фонем (т. е. фонем, представленных в сильной позиции глухими и звонкими шумными) осуществляется в глухих шумных согласных звуках, в 3-й позиции — в звонких шумных согласных звуках.

Совпадения глухих и звонких наглядно демонстрируют точные рифмы (рифма точная, если у двух слов

одинаковы ударные гласные и все звуки, следующие после них): *паркет — обед* (ср.: *паркетный, обеды*), *путь — грудь, вопрос — водовоз, хорош — ложь, рысак — шаг*. Совпадают согласные на конце слова. Примеры, когда совпадают глухие и звонкие согласные перед глухими согласными: *покупкою — голубкою* (ср.: *покупок, голубок*), *коляски — салазки, малолетки — из-под наседки, букашка — бумажка*. (Рифмы из стихотворений Н. А. Некрасова.)

Случаев, когда нейтрализуются глухие и звонкие перед звонкими шумными (совпадают в звонких согласных), значительно меньше, чем тех, когда совпадение происходит в глухих согласных. В качестве сравнительно частого случая можно упомянуть совпадение, которое обнаруживают приставки: *сбежать — разбежаться* (ср. в сильной позиции: *слететь — разлететься*), *сбить — разбить, отбежать — подбежать* (ср. в сильной позиции: *отлететь — подлететь*) и т. д.

Есть свидетельство, что в новых звательных формах: *Лиз! Федь! Володь! Сереж! Надь! Люб!* — на конце произносится звонкий, а не глухой согласный. Предположим, это означает, что есть фонемные последовательности ⟨ф'эд'⟩, ⟨л'из⟩, ⟨л'уб⟩ и т. д. и у них последняя фонема реализуется звонким шумным согласным. Следовательно, здесь не действует закон позиционной мены звонких на глухие. Но мена потому и признается позиционной, что она безысключительна. А исключения как раз и явились: новые звательные формы. Перечислим следствия их явления.

1. Чередование перестало быть позиционным, потому что перестало осуществляться без исключений.

2. Но в других (незвательных) формах чередование звонких ~ глухих осталось, они не изменили своего произношения: *моро [з]ы — моро [с], переле [з]у — переле [с]* и т. д. Поскольку есть *Ли [з]!*, все эти многочисленные случаи чередований уже не позиционные. Чередование стало грамматикализованным, оно присуще некоторым (многим, но не всем) грамматическим формам и поэтому является средством (пускай, второстепенным) обозначения грамматических значений. Так, в *моро [с]* мена [з] на [с] показывает (в поддержку нулевой флексии) именительный падеж единственного числа (так же, как и, например, мена [з] на [ж] в *мазать — мажу* нужна для обозначения 1-го лица единственного числа — вместе с флексией -у).

Так и должно было случиться: позиционные фонетические чередования не передают значений, ведь в системе языка они просто «сняты» (см. 2, 12)¹. Грамматические чередования именно потому, что они фонетически не вынуждены, не всеобщы, потому что они связаны с определенными грамматическими формами, способны передавать грамматические значения (но в русском языке не самостоятельно, а вместе с аффиксами, например флексиями).

3. Следовательно, изменилась система грамматических показателей. Если раньше при описании склонения достаточно было сказать, какие окончания используются в разных падежах, то теперь приходится отдельно упоминать все случаи, когда звонкие на конце основы перед нулевой флексией меняются на глухие. Это необходимо: ведь мена происходит не во всех случаях. В случае *Ли[з]!* (звательная форма) ее нет.

4. Поскольку система показателей, передающих грамматические значения, входит как важная сторона в грамматическую систему, можно сказать, что изменилась вся грамматическая система языка из-за того, что появилась форма *Ли[з]!* и ей подобные (в общем немногие).

Проявилась с особенной силой системность языка: все взаимно связано, одно определяет другое, каждая единица — все остальные. Но все же надо сказать это в сослагательном наклонении — проявилась бы, потому что существование форм типа *Ли[з]!* может иметь другое фонологическое истолкование (с тем, что они — фонетический факт, спорить, вероятно, не следует).

Наблюдения показывают, что кроме произношения *Ли[з]!* существует и произношение *Ли[с]!* Как объяснить существование этих форм? Звательная форма *Ли[с]!*, безусловно, образована с помощью нулевой флексии, следовательно, отличающаяся от нее форма *Ли[з]!* — как-то по-другому.

Надо обратить внимание на то, что это — звательные формы. Громкое, усиленное произношение для них обычно. Увеличение силы ударного гласного вызывает ослабление и укорачивание заударного гласного. Когда в качестве звательной формы употребляется форма именительного падежа (а это как раз в нашей речи

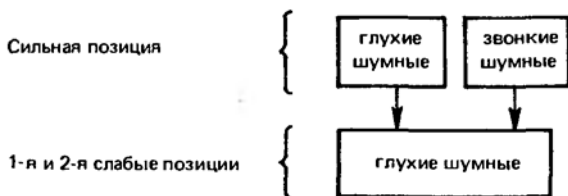
¹ Здесь и далее глава соответствующего раздела обозначается курсивной цифрой, параграф — прямой.

обычно: можно назвать не только *Петь!*, но и *Петя!*), то гласный окончания может стать предельно кратким, даже нулевым, но в модели слова он все равно остается: хотя произносится [л'из], но фонематически это ⟨л'йза⟩. Фонема ⟨а⟩ представлена именно звонкостью [з]; здесь [з] (а не [с]) — свидетельство, что произнесена форма ⟨л'йза⟩. Следовательно, [з] здесь не на конце слова, а перед фонемой ⟨а⟩, реализованной нулем.

Подтверждают правильность данной трактовки такие факты. Формы *Олег! Лев! Жорж! Станислав! Нефёд!* всегда произносятся с глухими согласными в конце. Если бы звательная форма с нулевой флексией образовывалась в современном русском языке без мены звонких на глухие, то эта особенность распространялась бы и на звательные формы типа *Олег! Лев!* На самом деле произношение *Оле[г]! Ле[в]!* отсутствует. Причина одна: звонкие согласные в конце слова есть сигнал гласной, а когда гласной нет, то нет и звонкости этих согласных.

Значит, хотя произношение *Ли[з]! Сере[ж]!* существует, оно не говорит о том, что фонемы ⟨з⟩, ⟨ж⟩ и т. д. могут реализоваться на конце слова (когда они — последние в ряду фонем данного слова) звонкими согласными. Но они в этих формах не последние. Поэтому появление конечных звонких шумных согласных в русском произношении пока не стало реальностью. Мены звонких шумных на глухие в конце слова остается позиционной.

Чередование в 1-й и 2-й позициях такое:

Чередование в 3-й позиции такое:

§ 19. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ ФОНЕМ

Нейтрализоваться могут только согласные фонемы, парные по твердости ~ мягкости, т. е. те, которые в сильной позиции выражены звуками:

п	б	ф	в	м	т	д	с	з	н	ш	ж	р
п'	б'	ф'	в'	м'	т'	д'	с'	з'	н'	ш'	ж'	р'

Не могут нейтрализоваться по твердости ~ мягкости фонемы, выраженные в сильной позиции звуками ⟨ц⟩ — ⟨ч'⟩ — ⟨j⟩: им не с чем совпадать; парные по данному признаку у них отсутствуют. Не участвуют также в нейтрализации по твердости ~ мягкости фонемы ⟨л⟩ — ⟨л'⟩. Даже перед [л'] они не совпадают, ср.: *гулливый* [гул'л'йвый] и *поллитровый* [п'ълл'итр'овый]. (Все остальные согласные подчиняются закону: не могут находиться рядом два согласных, различных только по признаку твердости ~ мягкости.)

Замечания требуют фонемы ⟨к⟩ — ⟨г⟩ — ⟨х⟩. Есть звуки [к] и [к'], [г] и [г'], [х] и [х']: *старик* — *старик*, *о старике*; *пирогом*, *пирог* — *пирог*, *о пироге*; *стих* — *стихи*, *о стихе*. Они попарно принадлежат одной фонеме: [к] и [к'] = ⟨к⟩, [г] и [г'] = ⟨г⟩, [х] и [х'] = ⟨х⟩. Различия между твердыми и мягкими заднеязычными всегда обусловлены позиционно: перед гласными переднего ряда могут быть только [к'], [г'], [х']; во всех остальных позициях только [к], [г], [х].

Мягкие заднеязычные могут являться также и перед пограничным сигналом, отделяющим суффикс или флексию: *ткём*, *киоскёр*, *паникёр*. Здесь налицо сочетание не ⟨к'о⟩, а ⟨к' # о⟩, где # — знак пограничного сигнала. Мягкость [к'] и служит показателем границы двух морфем. Следовательно, в словах *кот* и *ткёт* согласные [к] и [к'] находятся не в одной позиции: ⟨кот⟩ и ⟨т²к' # от²⟩ (индекс ² указывает гиперфонемы).

Поскольку твердые и мягкие заднеязычные не встречаются в одной позиции, они не представляют разных фонем.

Итак, нейтрализоваться могут только парные фонемы по твердости ~ мягкости (но не ⟨л⟩ — ⟨л'⟩¹).

¹ Согласные ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ сильно отличаются друг от друга по артикуляции, более значительно, чем твердые и мягкие согласные. Поэтому можно вообще не считать их парными согласными.

Есть три сильные позиции: 1) перед гласными (*мал — мял, модель — дело*); 2) на конце слова (*кон — конь, лез — лезь*); 3) перед задненёбными согласными (*банка — банька, о банке — о баньке*).

Есть три слабые позиции по твердости ~ мягкости¹: 1) зубные перед мягкими зубными; 2) зубные перед мягкими шумными передненёбными; 3) зубные перед мягкими губными. В этих случаях нейтрализация происходит в мягких согласных. Во всех трех формулировках упоминаются зубные. Не надо забывать, что ⟨ц⟩, а также ⟨л⟩ — ⟨л'⟩ в этих закономерностях не участвуют. Например, перед мягкими передненёбными совпадают (в мягких согласных) твердые и мягкие зубные, но это не касается ⟨л⟩ — ⟨л'⟩, ср.: *колчан — кольчуга*. Пример *ползу — ползет* говорит о том, что эти согласные не соблюдают закономерность «перед мягким зубным — зубной только мягкий».

Закономерность: перед мягким зубным твердые парные зубные меняются на мягкие — прочна в современном произношении и должна строго выполняться каждым владеющим литературным языком. Произносится: *вме [с'т']е, пе [с'н']я, ве [з'д']е, ра [з'н']ица* и т. д.; произношение *вме [ст']е, пе [сн']я, ве [зд']е, ра [зн']ица* режет ухо, воспитанное на нормативной речи, и грубо нелитературно.

Слова *слева, слива, последний, ясли, злить, о козле, возле, лезли* и т. д., где зубной находится перед [л'], допускают два произношения: с мягким зубным — [с'л'], [з'л'] и т. д. и с твердым — [сл'], [зл']. И здесь боковой зубной ведет себя не так, как другие зубные.

Рифмы *встаньте — о банте, взвесьте — о месте* совершенно точные: в первой рифме в обоих словах произносится [н'т'], во второй — [с'т']. Фонемный состав этих сочетаний такой: 1) в слове *встаньте* [н'] (зубной) перед [т'] (зубным) — позиция слабая. Поставим слово в сильную позицию: *встань*, конец слова — сильная позиция. Теперь ясно, что здесь фонема ⟨н'⟩: *вста⟨н'⟩, вста⟨н'⟩те*; 2) согласный [н'] в слове *о банте* тоже представляет фонему в слабой позиции. Находим сильную позицию: *бант*. Перед твердым зубным разли-

---

¹ В действительности их больше, но наиболее частотны те, о которых говорится далее.

чаются твердые и мягкие зубные, ср.: *июньский* — *конский*. Следовательно, в слове *бант* согласный [н] в сильной позиции. Фонема здесь, <н>: *ба<н>т*, *о ба<н>те*.

Фонемы разные: *вста<н'>те* — *о ба<н>те*, звучания одинаковые. Следовательно, разные фонемы совпадают в одном звучании.

Закономерность: перед мягким шумным передненёбным твердые парные зубные меняются на парные мягкие — прочна в современном литературном произношении. Каждый должен говорить (если он владеет литературным языком): *бараба[n'ч']ик*, *бараба[n'ш']ик*, *ко[n'ч']ено*, *же[n'ш']ина* и т. д.

Под действие этого закона подпадают немногие согласные. Позиция обуславливается звуками [ч'], [ш'] (согласный [ж'] не вступает в сочетание с предшествующим зубным, т. е. нет таких слов, где было бы сочетание зубной + [ж']).

В позиции (перед [ч'], [ш']) находится... только [н']. Все остальные зубные устранены законом, о котором говорится в следующем параграфе. Поэтому данную закономерность можно сформулировать и так: перед [ч'], [ш'] твердый [н] заменяется мягким [н'].

Формулировка проще, но она не раскрывает, что фонетическая закономерность относится не к отдельным звукам или их случайным конгломератам, а к классам звуков.

Наконец, третья закономерность: перед мягким губным твердые парные зубные меняются на мягкие — в современном произношении является позиционной у немногих людей. У большинства эта последовательность расшатана и представлена непоследовательно: произносят [з'в']*ерь* и [зв']*ерь*, и [з'в']*ините* и и [зв']*ините*, [д'в']*ерь* и [дв']*ерь*, [д'в']*енадцать* и [дв']*енадцать*, [с'в']*ет* и [св']*ет*, [с'в']*яжет* и [св']*яжет*, *в* и [з'б']*е* и *в* и [зб']*е*, *ра* [з'б']*ить* и *ра* [зб']*ить* и т. д.

Позиционную мягкость зубных согласных перед мягкими зубными отражает рифма; ср. два стихотворных отрывка:

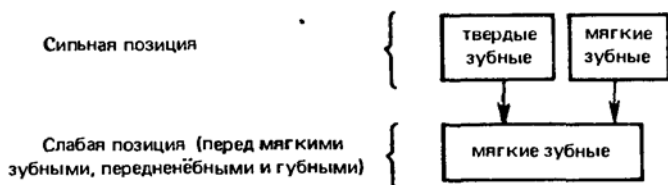
1. Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

(С. А. Есенин)

2. А если
над умолкнувшим потоком
протянутая
засыхает *ветвь* —
то как же нам
в суровом и жестоком
молчанье
не застыть,
не помертветь?
(Н. Н. Асеев)

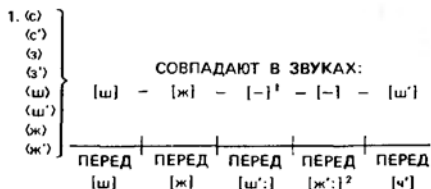
Здесь рифма требует чтения: [в'эт'ф'].

Объединяя все три нейтрализации по твердости ~ мягкости, можно представить их в виде схемы:

§ 20. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЗУБНЫХ И ПЕРЕДНЕНЁБНЫХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ

Зубные шумные — это <с> — <с'> — <з> — <з'> — <т> — <т'> — <д> — <д'> — <ц>. Передненёбные шумные — это <ш> — <ш'> — <ж> — <ж'> — <ч>. Они нейтрализуются перед передненёбными шумными. Примеры: <сш>ить, ра<зш>ирить (ср. *разогнать*, *разукрасить*), *кожшвейпром* = ко<жш>вейпром, <сж>ать, ра<зж>ать, *кожжиртрест* = ко<жж>иртрест и т. д.

¹ Нуль звука.

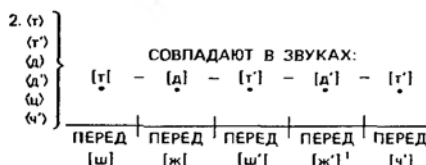
² В конкретных словах такая нейтрализация не представлена, но поскольку фонетические законы относятся к классам звуков, то и эта нейтрализация должна считаться фонетической (хотя бы потенциальной) реальностью.

Сочетания ⟨с⟩, ⟨з⟩ и т. д. + [ч'] на стыке приставок и корня реализуются двойко: *счистить* = [ш'ч']*истить* и [ш':]*истить*, *исчислять* = и[ш'ч']*ислять* и и[ш':]*ислять*. Если произносится [ш':], долгий мягкий согласный, то мена согласных идет в два такта: [с] или [з] (например, в приставках ⟨с⟩ или ⟨из⟩) меняется по требованию следующего [ч'] на [ш']; по требованию этого [ш'] следующий согласный — [ч'] — меняется на [ш']:

1. [с, з] + [ч'] → [ш'] + [ч'].
2. [ш'] + [ч'] → [ш'] + [ш'] = [ш':].

Во втором такте мена предшествующий согласный влияет на последующий; такое воздействие называется прогрессивным. Данный случай — единственный в русском литературном языке, когда между согласными есть прогрессивные взаимодействия. Все остальные взаимодействия (позиционные обусловленности) между согласными в русском литературном языке регрессивны: последующий согласный влияет на выбор предыдущего.

Здесь знаками [т], [д], [т'], [д'] с точкой внизу обозначены согласные взрывные передненёбные. При их произношении передняя часть языка прикасается не к зубам, как при артикуляции [т], [д], а к альвеолам, т. е. к самой передней части нёба.

Предположим, читая какой-то текст, мы нашли в нем такие слова: *лучше* (сравнительная степень от *хороший*) и *лутше* (какое-то новообразование). Прочтем, т. е. произнесем, эти слова. На слух они не отличаются друг от друга. Разницы между ними нет. В тексте встретились такие написания: *отчаль*... (например, форма слова *отчалить*) и *оччаль* (какое-то новообразование). Попробуем произнести эти слова. В произношении они

¹ В конкретных словах данная реализация не представлена.

совпадают. Следовательно, различить [т'] и [ч'] в этой позиции мы не можем.

Итак, [т] и [ч] перед [ш]; [т'] и [ч'] перед [ч'] в произношении неразличимы. Почему это происходит?

Перед гласными взрывные и слитные (аффрикаты) явно отличаются: *летя... леча...* При этом легко можно заметить, судя по своему мускульному чувству, что у звуков [т'] и [ч'] есть общие черты: оба начинаются полным смыканием ротовых органов, за этим следует преодоление преграды напором воздушной струи. Но завершаются две артикуляции неодинаково: у [т'] последняя часть — проход воздуха через разомкнутую ротовую полость (если и есть трение, фрикация воздуха о ее «стенки», то сравнительно небольшое); у [ч'] последняя часть артикуляции — проход воздуха через узкую щель. Кроме того, само смыкание — разного места: у [т'] — передней части языка и зубов, у [ч'] — передней части языка и передней части нёба.

Почему же эти разные звуковые образования не различаются перед [ч']? Во-первых, потому, что [т'] в этой позиции сменил место своего образования: он стал передненёбным, таким же, как его «сосед справа» [ч']. Различие по месту артикуляции исчезло. Во-вторых, в позиции перед [ч'] ни у [т'], ни у [ч'] не реализуется последняя часть артикуляции. Произнесите: [ач'ч'á]... У первого согласного дана в произношении только начальная смыкательная часть артикуляции, но эта часть одинакова у [т'] и у [ч']. У них разные последующие части артикуляции, но эти-то части как раз и не реализованы. Следовательно, фонемы не различаются. Поэтому и буквосочетания *тч* и *чч* совершенно одинаково читаются и произносятся.

Следовательно, зубные и передненёбные шумные в определенных условиях нейтрализуются.

Может возникнуть сомнение: верно ли, что такая нейтрализация позиционна, т. е. осуществляется без всяких исключений, последовательно и неукоснительно? Разве нельзя произнести [с] *шить* с ясным [с]? Можно. Но это будет противоречить языковой норме, тому, что обычно осуществляется в речи. Произношение [с] *шить* — либо оговорка (кто-то хотел сказать *склеить*, но «на ходу» переменял намерение и после начального [с] произнес не *клеить*, а *шить*), либо искусственное произношение, либо знак плохого владения русским языком. Оговорки, ошибки возможны в любом слове, и

они ничего не говорят о нормальном, должном произношении. Должное: [ш]шить. Нет слов, где должным было бы сочетание [с] + [ш]. Значит, чередование позиционно.

§ 21. ЧЕРЕДОВАНИЕ СОГЛАСНОЙ С НУЛЕМ

Другими словами — нейтрализация фонемы, представленной согласным нулем, и отсутствия фонемы. Здесь есть несколько случаев.

1. Сочетание фонем <стн> и <здн> реализуется звукосочетанием [сн], [зн]: *честен* — *честный* = *че*[сн]ый, *звезда* — *звё*[зн]ый.

Сравним: *че*[сн]ый и *те*[сн]ый; слышим в обоих случаях [сн], но в сильной позиции (не между [с...н]) есть различие: *честен*, но *тесен*. Значит, в словах *че*<стн>ый и *те*<сн>ый фонемосочетания <стн> и <сн> совпали по звучанию; фонема <т>, реализованная в позиции между [с...н] нулем, совпала с... отсутствием фонемы!

Эти чередования хорошо отражают рифмы (из стихотворений Н. А. Некрасова; рифма у поэта точная): *известных* — *чудесных*, *бесстрастна* — *прекрасна*, *честный* — *тесный*, *несчастной* — *безгласной*, *самовластно* — *прекрасна*, *прелестней* — *песней*, *ненастный* — *ясный*.

Замечания требует слово *бездна*. Это, собственно, не одно, а два слова. 1) *Бездна* = много. Слово бытовой речи: *У меня бездна всяких дел*. Произносится: [б'эзнь]. Вряд ли можно говорить, что здесь фонема <д> представлена нулем согласного, так как связь с сочетанием *без дна* в настоящее время у этого слова *бездна* отсутствует. 2) *Бездна* = пропасть, ср. *бездонный*. Это слово поэтической лексики. В бытовой речи оно может быть только инкрустацией, вставкой из речи поэтической: *И он открыл мне все бездны своего духа, все свои искания и помыслы...* Нельзя сказать: «*Мой-то Семен Семеныч на днях свалился в бездну*». Как слово поэтической лексики оно обладает особыми свойствами: произносится без [д] (по общим законам), если этого требует поэтический текст, или произносится с [д], если поэтический текст вызывает такое произношение:

Открылась без[д]на, звезд полна;
Звез[д]ám числа нет, без[д']не — [д]на... (Лом.).

Звуковая организация стиха требует здесь чтения без [д]на. Но любое отклонение от нормы, которое возникает в поэтическом тексте как отклик на требования всей целостной организации этого текста, никогда не колеблет общезыковую норму. Поэтому, независимо от того, как произносится в каждом конкретном случае *бездна* (слово поэтической лексики), чередование [д] (не между [з...н]) || [—] (между [з...н]) надо считать позиционным.

Другое подобное же чередование: сочетание ⟨нтк⟩ реализуется звуком [нк]: *студе*[нк]а, *лабора*[нк]а. Такое чередование является позиционным (т. е. представлено во всех словах с фонемосочетанием ⟨нтк⟩) лишь у некоторых лиц, владеющих литературным языком, преимущественно старшего поколения.

2. Такие слова, как *стройка, строю, строй!*, *строющийся* или *трамвай, трамваю, трамвайный*; или *свой, своя, свое...* явно имеют корни, оканчивающиеся фонемой ⟨j⟩; она реализуется неслоговым гласным [ɨ]. Но в словах *строить, строитель, строишь*; *трамваи; свои* никакого йота не слышно. Это потому, что фонема ⟨j⟩ в позиции после гласного перед [и] представлена нулем: *свои* = [свай] = ⟨својі⟩.

3. В словах могут быть сочетания двух одинаковых фонем, например ⟨нн⟩: *ванна* = [в́ан:ъ] = ⟨ванна⟩; такие сочетания реализуются долгими, «двойными» согласными (они не обязательно в два раза длиннее кратких, обычных [н]). Но долгие согласные возможны только между гласными, один из которых (предшествующий или последующий) является ударным¹. Когда же такое сочетание двух одинаковых фонем, например ⟨нн⟩, попадает в соседство с согласным, то вместо долгого звучит краткий: *финны* (с [н:]) — *финский* (с [н]); *манная крупа* — *манка, тонна* — *двухтонка* и т. д. Здесь даны примеры, где чередование отражено в орфографии, но оно существует и там, где орфография не отмечает этого чередования: *ветер в два ба*[л:]а — *двухбалльный* (с обычным кратким [л']).

Следовательно, в позиции «рядом с согласным» сочетание фонем типа ⟨нн⟩, ⟨лл⟩ и т. д. представлено кратким согласным; одна из фонем реализована нулем.

¹ А также на стыке приставки и корня независимо от положения по отношению к ударению, ср.: *рассыпающийся, оттолкнуть, расшилился*.

Нередко, говоря о позиционных чередованиях, употребляют глаголы подчеркнуто процессуальные: «ударный гласный [о] без ударения переходит в [а]», «звук [з] на конце слова превращается в [с]» и т. д. На самом деле налицо синхронные отношения, а не процессы. Правильные формулировки такие: [о] ударный в безударных позициях меняется на гласный [а]; звонкий согласный [з] чередуется с глухим согласным [с]...

§ 22. СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Звуки, которые позиционно чередуются, принадлежат одной и той же фонеме. Звуки, которые не находятся в отношении позиционного чередования, принадлежат разным фонемам.

Если два звука встречаются в одной позиции, они не могут находиться в позиционном чередовании. Следовательно, они, несомненно, принадлежат разным фонемам.

Как определить, сколько в русском языке согласных фонем? Надо найти позицию, где встречается наибольшее число разных согласных. Они в одной позиции — значит, представляют разные фонемы. В данной позиции их столько, что нигде, ни в какой другой позиции большего числа их не насчитать. Значит, сколько согласных звуков в этой позиции, столько в языке согласных фонем.

Самая сильная позиция в русском языке для согласных (и по глухости ~ звонкости, и по твердости ~ мягкости) — перед гласными. Посмотрим, сколько звуков встречается в положении, например, перед [о] (табл. 9).

Могут возникнуть сомнения, точно ли здесь подобраны примеры. Мы ищем согласные в одной позиции, а примеры такие: *тот* — *тёк*, т. е. в одном случае согласный перед [от], а в другом — перед [ок]. Правомерно ли такое сопоставление, не разные ли здесь позиции? Нет, наличие любых звуков после гласного не влияет на сочетаемость гласного с предшествующим согласным. Доказательство простое: если перед сочетанием [о] + α (α — любой звук или его отсутствие) встречается определенный класс звуков, то и перед сочетанием [о] + β (β — другой звук, не α) встречается этот же класс звуков. Подбор примеров это всегда покажет.

Так же доказывается, что сочетаемость гласного с предшествующим согласным не зависит от наличия ~

Сочетания согласных с гласным [о]	Примеры	В позиции перед [о] представлена фонема	Сочетания согласных с гласным [о]	Примеры	В позиции перед [о] представлена фонема	Сочетания согласных с гласным [о]	Примеры	В позиции перед [о] представлена фонема
[по]	поезд	<п>	[т'о]	тёк	<т'>	[л'о]	лёд	<л'>
[п'о]	пёк	<п'>	[до]	дон	<д>	[шо]	хорошо	<ш>
[бо]	бок	<б>	[д'о]	дёготь	<д'>	[ш'о]	ещё	<ш'>
[б'о]	бёдра	<б'>	[со]	соты	<с>	[ж'о]	ожог	<ж'>
[фо]	фон	<ф>	[с'о]	весёлый	<с'>	[ж'о]	всожгой	<ж'>
[ф'о]	фефёла	<ф'>	[зо]	зов	<з>	[ч'о]	плечо	<ч'>
[во]	воск	<в>	[з'о]	козёл	<з'>	[ро]	рот	<р>
[в'о]	вёл	<в'>	[цо]	лицо	<ц>	[р'о]	рёв	<р'>
[мо]	мост	<м>	[но]	нос	<н>	[јо]	ёж	<ј>
[м'о]	мёрз	<м'>	[н'о]	нёс	<н'>	[ко]	кот	<к>
[то]	тот	<т>	[ло]	лом	<л>	[го]	год	<г>
						[хо]	ход	<х>

отсутствия звуков перед согласным. Итак, примеры достаточно представительны.

Сравнивая *ткёт* — *кот*, *киоскёр* — *корка*, мы могли бы прийти к выводу, что в одной позиции встречаются и [к], и [к']; значит, есть не только фонема <к>, но и <к'>. Однако интерпретация этих сочетаний, которая дана выше (см. 3, 19), приводит к заключению, что здесь [к] и [к'] не в одной позиции.

Есть другая точка зрения: сопоставление *ткёт* — *кот* признается вполне доказательным (при этом считается несущественным, что [к'] перед [о] всегда находится на морфемном шве); отсюда следует, что в современном русском языке есть фонемы <к> — <к'>, <г> — <г'>, <х> — <х'> (притом фонемы <г'>, <х'> реально в словах не представлены; *берега*, *жгя* и т. д. сейчас не факты литературного языка).

Состояние языка сейчас таково, что можно считать правомерной и ту и другую точку зрения. Пока еще нет фактов, настоятельно требующих признать существование фонем <к'>, <г'>, <х'>, но уже есть факты, которые позволяют подозревать их существование. Сам язык санкционирует равновесие, равноприемлемость этих двух точек зрения.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Соотносительный ряд носовых согласных фонем по признаку «дентальность — лабиальность» [1965] // Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р. И. Фонема ⟨н⟩ // Там же.

Аванесов Р. И., Сидоров В. И. Система фонем русского языка [1945] // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Бодуэн де Куртэнз И. А. Опыт теории фонетических альтернатив [1895] // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке [1955] // Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Реформатский А. А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Глава 4

ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

§ 23. ЧЕРЕДОВАНИЯ ПОД УДАРЕНИЕМ

Под ударением после твердых согласных произносятся такие же гласные, как и после паузы. Сравнить: сон и он (одинаковые [o]), шум и ум (одинаковые [y]). Под ударением перед твердым согласным произносятся такие же согласные, как и перед паузой. Сравнить: так и та, лицо и лицом. Сказанное относится к реализации гласных фонем ⟨a⟩, ⟨o⟩, ⟨э⟩, ⟨y⟩. Для них позиция после твердого согласного перед твердым согласным — абсолютно сильная. Твердый согласный воздействует на них так же, как пауза, как «ничто», т. е. не влияет на реализацию этих фонем.

Мягкие же согласные, наоборот, влияют на реализацию фонем ⟨a⟩, ⟨o⟩, ⟨э⟩, ⟨y⟩. В соседстве с мягкими согласными каждая из этих фонем представлена более закрытым и более передним гласным звуком. Если мягкие согласные примыкают к гласному с обеих сторон, то влияние сильнее, с одной стороны — слабее. Например: спать = [спа`т'] (артикуляция [a'] сдвинута вперед и вверх, особенно значительно — в конечной части артикуляции, соседней с артикуляцией мягкого согласного); [с'п`ат] (мягкий согласный воздействует сильнее всего на начальную часть гласного); [с'п`āш'иц] (у гласного [ā] воздействие охватывает и начало, и конец, и обычно — середину артикуляции гласного).

Так ведут себя рядом с мягкими согласными ударные гласные, реализующие фонемы <a>, <o>, <э>, <у>. В этой позиции появляются вариации перечисленных фонем.

Наоборот, фонема <и> представлена в соседстве с мягкими согласными теми же звуками, которые встречаются рядом с паузой: *вил — ил, чиж — ишь*. Но после твердых согласных [и] меняется на [ы]: *избы — в[ы]збах, игры — раз[ы]грывать*. Последующий согласный, твердый или мягкий, на качество гласного, представляющего фонему <и>, заметного влияния не оказывает. Звук [ы] — вариация фонемы <и>.

Позиционно чередующиеся гласные [a], [ạ], [a̠], [ã] представляют фонему <a>; позиционно чередующиеся звуки [и], [ы] — фонему <и>.

§ 24. ЧЕРЕДОВАНИЯ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ. «СТАРШАЯ» НОРМА

Обозначим позиции:

в неприкрытом безударном слоге — 1;

в первом¹ предударном слоге после прикрывающего твердого, но не [ш] и [ж] — 2;

в первом предударном слоге после прикрывающих [ш] и [ж] — 3;

в любом безударном с прикрывающим твердым (включая [ш] и [ж]), кроме первого предударного, — 4;

в первом предударном с прикрывающим мягким или [j] — 5;

в любом безударном с прикрывающим мягким или [j], кроме первого предударного, — 6;

Позиционные чередования гласных показаны на схеме (см. с. 107).

Как видно из примеров, во всех безударных слогах нейтрализуются фонемы <a> — <o>. Такое произношение называется *á к а н ь е м*. Оно свойственно русскому литературному языку и многим диалектам.

Различение фонем <a> и <o> в безударных слогах называется *ó к а н ь е м*. Оно свойственно многим дру-

¹ Счет безударных слогов идет от ударного:

п	е	р	е	к	а	р	á	б	к	и	в	а	ю	щ	и	е	с	я	
3	2	1	—	1	2	3	4	5	6										
└──────────┘					└──────────┘														
предударные					заударные														

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨и⟩	⟨у⟩
1	а	а	и	и	у
2	а	а	ы ^э	ы	у
3	а	ы ^э	ы ^э	ы	у
4	ъ	ъ	ъ	ы	у
5	и	и	и	и	у
6	и	и	и	и	у

гим диалектам, но чуждо фонетике общеупотребительных полнозначных слов литературного языка.

Представим те же факты в табл. 10.

Таблица 10

	А	Б	В	Г	А Б В Г
⟨а⟩	<i>пар</i> <i>пять</i> <i>жарко</i>	<i>пары</i> <i>пяти</i> <i>жара</i>	<i>парова́я</i> <i>пятикрати́</i> <i>жаркова́то</i>	<i>вы́парить</i> <i>на́ пять</i> <i>вы́жарить</i>	<i>а а ъ ъ</i> <i>а и^э и и</i> <i>а а ъ ъ</i>
⟨о⟩	<i>го́лод</i> <i>не́с</i> <i>же́лтый</i>	<i>голо́дный</i> <i>несу́</i> <i>желте́ть</i>	<i>голода́ть</i> <i>принесена́</i> <i>желтизна́</i>	<i>впро́голодь</i> <i>вы́нес</i> <i>и́зжелта</i>	<i>о а ъ ъ</i> <i>о и^э и и</i> <i>о ы^э ъ ъ</i>
⟨э⟩	<i>свет</i> <i>шесть</i>	<i>светле́й</i> <i>шестой́</i>	<i>светлота́</i> <i>шестьдеся́т</i>	<i>за́светло</i> <i>на́ шесть</i>	<i>э и^э и и</i> <i>э ы^э ъ ъ</i>
⟨и⟩	<i>сын</i> <i>пи́лит</i> <i>жив</i>	<i>сынóк</i> <i>пила́</i> <i>живо́й</i>	<i>сыновья́</i> <i>пилора́ма</i> <i>живоро́бный</i>	<i>па́сынок</i> <i>вы́пилить</i> <i>за́живо</i>	<i>ы ы ы ы</i> <i>и и и и</i> <i>ы ы ы ы</i>
⟨у⟩	<i>глух</i> <i>люди́</i> <i>шут</i>	<i>глухо́й</i> <i>людо́й</i> <i>шутя́т</i>	<i>глуховáт</i> <i>людо́д</i> <i>шутовствó</i>	<i>на́глухо</i> <i>не́люди</i> <i>вы́шутить</i>	<i>у у у у</i> <i>у у у у</i> <i>у у у у</i>

Примечание: в таблице использован ряд примеров из лекций А. Б. Шапиро.

Позиционные чередования гласных в зависимости от ударения представлены примерами — каждая фонема дается в одной и той же корневой морфеме; разница между [a] — [ä], [o] — [ö], [э] — [ë], [y] — [ÿ] не учитывается.

А — позиция под ударением; Б — в первом предударном слоге; В — в непервом предударном слоге; Г — в заударном слоге.

Первая строка — после твердых (но не [ш], [ж]); вторая — после мягких; третья — после [ш], [ж].

Наиболее компактно чередование гласных можно представить так (таблица А. П. Грачева):

а	а	о	э	и	у
β	а	о	э	и	
γ	а	о	э		
δ	а	о			

Фонема ⟨у⟩ не участвует в нейтрализациях: строка α отделяет ее от всех остальных фонем. Фонема ⟨и⟩ нейтрализуется только в 6-й позиции; строка β отделяет ее на этом основании от всех остальных фонем. Фонема ⟨э⟩ нейтрализуется в позициях 3 — 6-й; нет других фонем, которые вели бы себя подобным образом. Поведение ⟨э⟩ представлено строкой γ. Остались фонемы ⟨а⟩ и ⟨о⟩; обе они нейтрализуются в позициях 1 — 6-й — во всех безударных. Но все же и они отличаются позиционным поведением: в окончаниях, в заударном закрытом слоге после мягких согласных ⟨а⟩ не нейтрализуется с ⟨о⟩. Ср.: *медвѣды* = *медве* [д'ѣм] = = *медве* [д'ам], ср. *ослѣм*; но: *медвѣдем* = *медве* [д'ѣм] = = *медве* [д'ом], ср. *ослѣм*. Этим ⟨а⟩ отграничивается от остальных фонем, которые в этой позиции нейтрализуются (не считая, конечно, ⟨у⟩, которая и здесь представлена звуком [у], отдельно от остальных). Итак, мы разграничили все фонемы, каждую охарактеризовав по ее позиционному поведению.

Произношение, показанное на схеме (см. с. 107), характерно: для лиц старшего поколения; для театральной и ораторской речи; для определенных центров литературной речи (например, оно более широко распространено в речи ленинградцев старшего поколения, чем в речи москвичей того же поколения). Кроме этой нормы существует другая.

§ 25. ЧЕРЕДОВАНИЯ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ.
«МЛАДШАЯ» НОРМА

«Младшая» норма произношения безударных гласных характерна: для лиц среднего и младшего поколения; для обычной речи, бытовой или официальной (например, на работе), но не для сценической или ораторской; для некоторых центров литературной речи. Например, в Москве «младшая» норма установилась уже в конце XIX в.

Вот она:

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨и⟩	⟨у⟩
1	а	а	э ^н	и	у
2	а	а	э ^л	ы	у
3	э ^л	э ^л	э ^л	ы	у
4	ь	ь	ь	ы	у
5	э ^н	э ^н	э ^н	и	у
6	и	и	и	и	у

Отличия такие:

1. «Старшая» норма требует различения фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, с одной стороны (они реализованы звуком [э^н] в 5-й позиции), и фонемы ⟨и⟩ — с другой (она в той же позиции реализована звуком [и]). «Младшая» норма все четыре фонемы реализует звуком [и]; при этом различие между 5-й и 6-й позициями исчезает; в обеих возможны только два различителя: [и], [у].

Произношение, соответствующее «старшей» норме, называется *э к а н ь е м*. При *эканье* различаются: фонема ⟨и⟩, с одной стороны, и фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩ — с другой¹. Речь идет о различении в первом предударном слоге, после прикрывающих мягких или [j].

Произношение, соответствующее «младшей» норме, называется *й к а н ь е м*. При *иканье* во всех безударных

¹ Нет необходимости оговаривать, что все они не совпадают с ⟨у⟩: с ⟨у⟩ не совпадает ни одна фонема.

словах после мягких согласных не различаются фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, ⟨и⟩.

2. Другое различие между «старшей» и «младшей» нормами касается произношения ⟨а⟩ в 3-й позиции.

В «старшей» норме — *ш [э^в] гать, ш [э^в] ры, ж [э^в] ра, возж [э^в] ка* (род. п.)... — фонема ⟨а⟩ реализована звуком [э^в]; другой вариант этого произношения — *ш [ы^з] гать, ш [ы^з] ры* и т. д. Звук [ы^з] более верхнего и более среднего положения, чем [э^в] (если [э^в] средне-переднего ряда, верхне-среднего подъема, то [ы^з] — средне-средне-переднего ряда, верхне-верхне-среднего подъема).

В «младшей» норме — *ш [а] гать, ш [а] ры, ж [а] ра, возж [а] ка*... — фонема ⟨а⟩ реализована звуком [а].

3. По «младшей» норме нейтрализация в 5-й позиции происходит в звуке [и^з], *и*-образном¹. По «старшей» норме — в [э^н], *э*-образном звуке (который противопоставлен *и*-образному, реализующему фонему ⟨и⟩).

Точно так же ряд фонем после [ш], [ж] реализуется звуком [ы^з] — по законам «младшей» нормы, звуком [э^в] (*э*-образным) — по законам «старшей».

§ 26. СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В современном русском литературном языке в основной фонетической подсистеме, т. е. в подсистеме общепотребительных слов, существует пять гласных фонем: ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, ⟨и⟩, ⟨у⟩. Доказательство: все они различаются под ударением, и нет позиции, где бы различалось большее число фонем.

Споры долгое время вызывало фонематическое соотношение звуков [и] || [ы]. И хотя сейчас этот вопрос потерял научную актуальность, однако полезно, в целях воспитания здравых фонологических воззрений, рассмотреть данную проблему хотя бы вкратце.

Чередование [и] || [ы] является позиционным: после твердых согласных возможен гласный [ы] (но не [и]); не после твердых согласных — гласный [и] (но не [ы]). Формулировка «не после твердых согласных» включает три возможности: а) после мягких согласных; б) после гласных; в) после «ничего», т. е. после паузы.

¹ В транскрипциях можно звук [и^з] («и, склонное к э») обозначать так: [и] — без знака ударения. Отсутствие знака ударения свидетельствует, что это [и^з], т. е. гласный, «не дотянутый» до верхнего подъема.

Позиционный характер этого чередования, разумеется, не колеблёт случаи типа *Ыллыгак* (топоним), ни термин *ыканье* (если бы такой термин был), ни название буквы *ы* (тоже терминология — филологическая). Хотя в этих словах гласный [ы] — начальный и поэтому возможен после паузы, в той же позиции, в которой возможен и гласный [и], но сами эти слова не могут считаться единицами общеупотребительной (нетерминологической, незаимствованной) лексики. Фонетическая система, которую мы изучаем и которая является центральной, главной в современном русском литературном языке, обобщает факты, представленные именно такой лексикой: общеупотребительной, нетерминологической, незаимствованной. В других группах лексики действуют свои фонетические законы; в них представлены особые фонетические подсистемы. Так что все эти *Ыллыгаки* для главной фонетической подсистемы не показательны.

Предположим, что действительно чередование [и] || [ы] непозиционно (доказательство «от противного»). Тогда [и] и [ы] представляют разные фонемы. Из этого вытекают такие выводы:

1. После некоторых согласных возможны не все фонемы, а только некоторые. Например, после [ч'] возможна фонема ⟨и⟩ и невозможна фонема ⟨ы⟩ (в угловые скобки *ы* поставили условно, так как проверяется гипотеза, не особая ли это фонема). Но этот случай уникален. Все остальные гласные фонемы возможны после всех согласных.

2. Склонение: *шалаш, шалаша, шалашу ... шалаши; калач, калача, калачу... калачи* — одно и то же, окончания тождественны. Признав [и] — [ы] разными фонемами, мы должны считать, что в формах *шалаши — калачи* разные окончания (*шалаш(ы) — калач(и)*); у них разный фонемный состав. Значит, эти слова имеют разные системы окончаний, значит, они принадлежат к разным склонениям. Но это противоречит тому, что все другие падежные окончания у них одинаковы: *шалаш⟨а⟩ — калач⟨а⟩, шалаш⟨у⟩ — калач⟨у⟩...*

3. Признав, что гласные [и] — [ы] представляют разные фонемы, мы должны считать, что в случаях — *я [и]ду — он [ы]дет, на [и]збах — под [ы]збами* происходит мена фонем. Но систематическая мена фонем в начале слова в зависимости от предыдущего слова не существует в русском языке. Такая мена должна быть

прописана только фонемам ⟨и⟩ — ⟨ы⟩, т. е. является исключением.

4. В русском стихе обычны рифмы: *дым — сидим, большими — твоими* и т. д., т. е. рифма признает звуки [и] — [ы] эквивалентными. Если эти гласные представляют разные фонемы, то случай опять исключителен; точная, классическая рифма не допускает рифменного отождествления разных фонем. Например, нет традиции рифмовать [о] || [а] (*потом — котам*)¹. Как видно, принятие разнофонемности [и] — [ы] приводит к нагромождению исключений.

5. Сравним: *лист — листик*. Кажется, что фонема ⟨и⟩ (не ⟨ы⟩) потребовала, чтобы твердый согласный [т] сменился на мягкий [т'] — в целях отграничить себя, фонему ⟨и⟩, от ⟨ы⟩. Как будто гласные фонемы вызывают мену перед собой согласных. Но *карандаш — карандашик, корж — коржики* разрушает эту иллюзию: оказывается, данный суффикс вовсе не против того, чтобы его начальному гласному предшествовал твердый. Признав, что [и] — [ы] представляют разные фонемы, мы должны были бы считать, что в словах *карандашик* и *листик, коржики* и *ключики* два разных, хотя и синонимичных суффикса: ⟨ик⟩ и ⟨ык⟩. Так же удвоятся все другие суффиксы, начинающиеся на *и*. В других случаях, когда суффикс не начинается на *и*, нет такого «удвоения»; поэтому лучше считать, что и суффикс *-ик* в словах *карандашик* и *листик* один и тот же. Но тогда надо отказаться от предположения, что [и] — [ы] представляют разные фонемы. (В случаях *лист — листик* мена [т] — [т'] не фонетическая, а грамматическая, меняются не варианты одной фонемы, а разные согласные фонемы: *лис*⟨т⟩ — *лис*⟨т'⟩*ик*.)

Проверяя ложное предположение, что ⟨ы⟩ — «фонема», мы снова смогли убедиться, что язык — система: неверное истолкование фонетических фактов на одном ее участке ведет за собой цепь нелепых выводов, касающихся не только области фонетики, но и морфологии, словообразования, поэтики.

Почему возникло ошибочное желание считать [ы] реализатором особой фонемы? Л. В. Щерба, признав,

---

¹ Такая рифма называется коисонаисом и встречается у немногих поэтов (В. Хлебников, И. Северянин, В. Маяковский, В. Шершеневич, П. Антокольский) как особый поэтический прием. Рифмовать же [и] — [ы] общепринято.

что [и] — [ы] чередуются позиционно, добавляет: «Но что-то мешает признать [и] и [ы] одной фонемой». Что именно?

Большинство гласных между твердыми согласными произносятся так же, как между «ничем», т. е. твердый согласный действует так же, как пауза. Произнести гласный между твердыми — значит произнести тот же гласный, который обычен между паузами. И, конечно, наоборот: произнести гласный между паузами — значит сказать то, что говорится между твердыми согласными. Перепишем последнее утверждение так: изолировать гласный, выделить его — значит произнести тот гласный, который находится между твердыми согласными. Это, как видно, определено самим законом русского языка. Все гласные, кроме [и] — [ы], подчиняются этому закону, закону равенства двух гласных в позиции между твердыми согласными и в позиции рядом с паузами. Поэтому мы легко выделяем, изолируем гласные [а], [о], [э], [у]. Напротив, гласные [ä], [ö], [ë], [ÿ] отдельно произнести, изолировать можно только после особой фонетической выучки.

Итак, на основе фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, ⟨у⟩ создается навык, привычка; умение (у людей, чей родной язык — русский) выделять гласные, изолировать их от «твердого» согласного окружения, произносить в одиночку. Этот навык переносится и на [ы]: поэтому гласный [ы] тоже легко выделяется из окружения. Так сформировалось умение изолировать [ы]. Для Л. В. Щербы такое умение было очень важным признаком фонемной самостоятельности данного звука. Сейчас мы судим по-другому. Фонема не есть то, что легко выделяется. Определение фонемы в современной науке — другие.

Итак, понятно, почему возникает мысль о том, что [ы] — особая фонема. Понятно и то, что это неверная мысль.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Кузнецова А. М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

- Кузьмина С. М. О фонетике заударных флексий // Развитие фонетики современного русского литературного языка. М., 1966.
- Олвертус З. Ф. Фонетика русского языка. Прага, 1974.
- Пауфощима Р. Ф. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1980. № 1.

Глава 5

СОЧЕТАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 27. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКА

Слова *сон* и *тон* различаются только согласными [с] и [т] (речь идет не о значении этих слов, а о звучании). Но [с] и [т] — звуки, у которых много общих признаков. Не общий только один — способ артикуляции: [с] — щелевой, а [т] — взрывной. Поэтому можно сказать и так: слова *сон* и *тон* отличаются только признаками щелевой ~ взрывной первого согласного. Значит, у звуков есть такие признаки, которые нужны для различения слов.

У согласного [с] в слове *сон* различительным является также признак «зубной»: есть слово *фон*; [с] и [ф] отличаются лишь местом образования. Различительную роль у этого согласного играет и глухость, так как есть слово *зов* [зоф], в котором [з] находится в той же позиции — перед [о], что и [с] в слове *сон*; значит, в этой позиции возможны и [с], и [з], у них отличие одно: по глухости ~ звонкости. Можно найти «минимальную пару» слов для [с] — [з], все отличие которых будет только в этих согласных: *сов* (род. п. мн. ч.) — *зов*, *суп* — *зуб* [зуп] и т. д.

Твердость [с] в слове *сон* тоже различительна. Есть слова *сёла*, *поросёнок*, *припасён*... Везде перед [о] согласный [с']. Значит, перед [о] возможны [с] и [с'].

Если в позиции перед [о] согласный [с] противопоставит

[т] — значит, щелевая артикуляция [с] различительна;

[ф] — значит, признак места артикуляции различителен;

[з] — значит, глухость [с] различительна;

[с'] — значит, твердость [с] различительна.

Согласный [с] в слове *сон* обладает еще одним качеством: он лабиализованный (см. 1, 6). Но этот приз-

нак нельзя считать различительным. В русском языке перед [o], [y], лабиализованными гласными, согласные всегда лабиализованы. Нет противопоставления [с] — [с^o] перед [o]; в этой позиции возможен только [с^o]. Раз нет противопоставлений, значит, лабиализованность — признак несущественный. В функциональную характеристику он не входит. Утверждая это, мы следуем известной формуле: если $A \subset B$, то B — несамостоятельная (функционально незначимая) единица в системе языка.

Функциональная характеристика согласного [с] в слове *сон* такая: щелевой, зубной, глухой, твердый; в нее вошли только различительные признаки.

Согласный [с] в словоформе *нос* имеет иную характеристику, так как позиция другая: конец слова. В этой позиции согласный [с] входит в такие противопоставления: [нос] и [нот] (род. п. мн. ч. от слова *нота*) — различие в [с] и [т], значит, щелевой характер артикуляции у [с] функционально существен. Есть [нос] и [нош] (*нож*) — существенно место артикуляции. Есть далее [нос] и [брос'], где различаются [с] и [с'], значит, твердость [с] функционально существенна. Других противопоставлений нет. На конце слова [с] и [з] не противопоставлены: в этой позиции не может быть звонкого [з]. Следовательно, глухость [с] в этой позиции не различительный признак, он функционально несуществен.

И здесь действует закон: если $A \subset B$, то: только A . Предположим, что A равно совокупности признаков «щелевой, зубной, твердый». B — «глухой». Можно ли сказать, что $A \subset B$? Если эта совокупность признаков ($= A$) «обнаруживается» перед гласным, то четвертым признаком может быть и «глухой» (сочетание [со]), и «звонкий» (сочетание [зо]), т. е. A не требует, чтобы непременно было B (напоминаем: B — глухость). На конце слова та же совокупность признаков ($= A$) неукоснительно требует, чтобы была глухость ($= B$), ее не может не быть на конце слова у щелевого (щелевые, мы знаем, шумные). Здесь осуществляется закон: если $A \subset B$, то системой учитывается только A .

Сопоставим характеристики согласного [с] в словоформах *сон* и *нос*:

[с]₁ — щелевой, зубной, твердый, глухой; [с]₂ — щелевой, зубной, твердый. У этих двух согласных разный набор различительных (функционально существен-

ных) признаков. У них разная функциональная характеристика.

В слове *разбавить* у согласного [з] (позиция — перед [б]) такая функциональная характеристика: щелевой, зубной, твердый. Есть противопоставления: [з] — [д] (*отбавить*), [з] — [в] (*вбок*, нареч.), [з] — [з'] (*резьба*). Звонкость неразличительна: перед [б] глухие шумные невозможны.

Итак, два разных звука: [с] и [з] — имеют (в определенных позициях) одну и ту же функциональную характеристику. Следовательно, функционально они тождественны. Поэтому было бы естественно их объединить и объединенной целостности присвоить особое наименование.

Будем ряд звуков, имеющих одинаковую функциональную характеристику, называть словом дифференциатор. Так, звуки [с] (на конце слова), [з] (перед звонкими согласными) представляют один и тот же дифференциатор.

Почему эти звуки — один и тот же дифференциатор, почему не разные? «Один и тот же» потому, что они в отношении друг друга не могут выполнять дифференцирующую, различительную роль. А разные дифференциаторы тем и характеризуются, что они могут различать разные слова.

Когда у двух фонетических единиц один набор различительных признаков, то это означает, что у них нет возможности (в отношении друг друга) быть различительными. Их различительные способности совпадают. Наоборот, если две фонетические единицы имеют разный набор различительных признаков, то они выступают как полноценные дифференциаторы. Например, у [с] и [т] перед гласным разные характеристики: [с] — зубной, щелевой, твердый, глухой; [т] — зубной, взрывной, твердый, глухой. И они могут различать слова: *носу* — *ноту*, *сон* — *тон*, *коса* — *кота* и т. д.

Набор дифференциаторов в языке устанавливается путем определения функциональных характеристик. Сколько характеристик (включающих только различительные признаки) — столько в языке и дифференциаторов. Принадлежность к той или иной фонеме не определяет характеристику дифференциаторов. Иными словами, дифференциаторы являются самостоятельными единицами относительно фонем, они не тождественны фонемам.

§ 28. СОЧЕТАНИЯ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ

Звуки не только чередуются, они могут сочетаться. Законы чередования и законы сочетания звуковых единиц дают полную картину их функционирования.

Законы сочетания звуков наиболее адекватно могут быть представлены с помощью дифференциаторов, путем обращения к различительным признакам звуков.

Перечислим законы сочетания двух согласных и покажем, что их надо формулировать на основе понятия дифференциаторов.

1. Перед глухим шумным может быть шумный только глухой.

2. Перед звонким шумным (кроме [в] — [в']) может быть шумный только звонкий.

Оба закона объединяются так: перед согласным (кроме [в] — [в']) может быть согласный только без признаков глухости ~ звонкости. Имеются в виду функционально существенные признаки.

Нет необходимости упоминать о том, что речь идет о шумных. Новая формулировка включает и сонорные, поскольку у них признак звонкости — функционально несущественный. Покажем это на схеме:

[с] — твердый щелевой зубной	+	[т] глухой твердый взрывной зубной	+	[а] ... (стать)
[з] — твердый щелевой зубной	+	[д] звонкий твердый взрывной зубной	+	[а] ... (сдать)
[л'] — мягкий боковой зубной	+	[л] звонкий твердый взрывной зубной	+	[а] ... (льда, род. п.)

Формулировка фонетической закономерности в терминах различительных признаков (или дифференциаторов, поскольку дифференциаторы — совокупности различительных признаков) позволяет все три случая подвести под один закон: и у шумных (глухих и звонких), и у сонорных перед шумными (но не перед [в] — [в']) в

данной позиции признак звонкости ~ глухости не функционален.

3. Перед паузой не может быть звонкого шумного. Проще: перед паузой согласный не имеет признака глухость ~ звонкость. Проще потому, что включает сонорные; незачем отделять от них шумные согласные.

4. Перед слитным согласным (аффрикатой) не может быть взрывного того же места образования. Иначе говоря, сочетания [тц] и [цц] не противопоставлены: оба реально дают [ц:]; не противопоставлены и [ч'] — [ч'ч']: оба реально дают [ч':].

Чтобы сформулировать этот закон в терминах дифференциаторов (т. е. упоминая релевантные признаки), надо обратиться к акустической классификации. Перед резким может быть высокий прерванный только без признака резкость ~ нерезкость (ср. 1, 6).

5. Перед шумными шипящими могут быть шумные шипящие и не может быть свистящих.

Опять прибегнем к акустической классификации. Перед высокими компактными могут быть высокие только без признака диффузность ~ компактность. Закон относится к невокальным (т. е. к шумным) согласным.

Сравним:

[с]	+	[ш]		[ш]	+	[ш]
высокий		высокий		высокий		высокий
диффузный		компактный		компактный		компактный

Левое сочетание в языке запрещено (т. е. в естественной речи не говорят [сш]ить, и [жж]арить). Следовательно, у первого звука снято противопоставление признаков диффузный ~ компактный. Об этом и говорит наша формулировка.

Можно ли сформулировать этот закон с помощью артикуляционной терминологии? Попробуем. Напомним, что традиционная артикуляционная терминология (и стоящая за ней классификация) — недихотомична.

В позиции, о которой идет речь, т. е. в положении перед [ш], [ж], [ч'] возможны передненёбные и незаконны зубные. Поэтому нет противопоставления [ш] — [с], [ж] — [з], [ч'] — [ц]. Эти пары звуков отличаются только местом артикуляции. Снято их противопоставление — значит, снят признак места артикуляции. Вот чисто артикуляционная формулировка!

Она неверна. В этой позиции нет противопоставления передненёбных и зубных, но есть противопоставление передненёбных и губных, ср.: *сжать* = [жжат'] и *вжать* = [вжат'], есть противопоставление передненёбных и задненёбных: *высший* и *засохший* с сочетаниями [шш] и [хш]. Противопоставлены звуки, которые отличаются только местом артикуляции: [ш] — [х] — [ф]. Поэтому

у передненёбных в этой позиции нельзя считать незначимым признаком место артикуляции. А в таком случае никак не отражено, что в этой позиции нет различения [ш] — [с], [ж] — [з], [ч'] — [ц]. Попытка не удалась.

Не сформулировать ли закон так: перед передненёбными согласными (это указание на позицию) снят, не значим у переднеязычных согласных признак места артикуляции. Поскольку переднеязычные — это только зубные и передненёбные, постольку речь не идет о [ф] и [х]. Мы их отстранили. Но формулировка нехороша: мы говорим, что признак места артикуляции не значим, но сами согласные, для которых он не значим, выделили по признаку места артикуляции.

Итак, артикуляционная терминология ведет нас к выводу, что признак места артикуляции в данном случае значим и не значим. Нам мешает недихотомичность общепринятой артикуляционной классификации. Акустическая классификация дихотомична: она имеет дело не с рядом [с] — [ш] — [х] — [ф], а с парами: [ш] — [с], [ш] — [х], [ш] — [ф]. Первая пара нейтрализована.

6. Перед мягкими зубными зубные могут быть только мягкими.

7. Перед мягкими губными зубные могут быть только мягкими.

Общий закон в терминах дифференциаторов: перед дизными (мягкими) диффузными высокие диффузные не имеют признака дизности ~ недизности.

8. Перед шумными мягкими переднеязычными зубные могут быть только мягкими.

Значит: перед дизными невокальными компактными высокими высокие диффузные не имеют признака дизности ~ недизность (*барабанчик, барабанчик*).

9. Перед резкими вокальными (т. е. перед [р], [р']) все консонантные не имеют признака дизность ~ недизность. Есть сочетания [тр], [тр'], [др], [др'], [ср], [ср'], [зр], [зр']. Но нет сочетаний [т'р], [т'р'] и т. д.

Акустические формулировки в некоторых случаях позволяют обобщить законы в один более широкий закон и — еще более важно — позволяют более точно, чем артикуляционные формулировки, сформулировать сам закон сочетания. (Это всегда связано с преодолением недихотомичности артикуляционной классификации.)

В большинстве случаев законы сочетаемости звуков выводимы из законов их чередования (так в русском языке, но это верно не для всех языков). Например, перед глухими согласными звонкие меняются на глухие (закон чередования), следовательно, перед глухими невозможны звонкие, т. е. звонкие не сочетаются со следующими глухими (закон сочетания). Однако надо

подчеркнуть: в большинстве случаев, но не всегда. Например, запрещенность сочетаний [т'р] и под. из законов чередований невыводима. Нет таких чередований, когда бы позиционно менялось [т'] на [т] перед [р].

Почему же в области сочетаний звуков устанавливается такая закономерность? Может быть, простая случайность — отсутствие сочетания [т'р]? Оно лексически не представлено, нет словесного материала, в котором оно проявилось, но, может быть, фонетически возможно?

Нет, сочетание [т'р] именно фонетически невозможно (в той фонетической системе, которая нами изучается). Запретен в положении перед [р], [р'] (перед классом дрожащих) не один звук [т'], а все мягкие зубные (= диезные высокие диффузные). Не звук, а класс звуков. Фонетические законы сочетаемости имеют дело именно с классами, и доказательство законосообразности поведения того или иного звука именно в том, что он выступает как представитель класса.

§ 29. СРАВНЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАТОРОВ И ФОНЕМ

Главная задача фонемы — не различать, а отождествлять. Она это и делает, утверждая, что, например, в словах *полет* — *летать* — *вылет* — *летчик* один и тот же корень, так как один и тот же состав фонем в этом корне¹.

Фонема хорошо отождествляет, а разграничивает в тех пределах, которые не мешают отождествлять.

Дифференциатор разграничивает. Это — его основное дело. Дифференциаторы выводятся из совокупности оппозиций (противопоставлений), а оппозиция — это и есть разграничение. Дифференциаторы умеют и отождествлять, но плохо: в тех пределах, которые положены их основным назначением — различать слова.

Например: *нѣс* — *несу*. Корень один. Фонемный анализ покажет, что один: [н'ос] — [н'ису], чередование [ó] || [и] позиционно, следовательно: <н'ос> — <н'осу>. А состав дифференциаторов бессилен схватить это

---

¹ Поэтому фонему — ту, которая описана в данном учебнике — можно было бы назвать идентификатором, в параллель с дифференциатором: идентификаторы отождествляют, идентифицируют языковые единицы.

единство. Гласные ударный [ó] и безударный [и] имеют разные функциональные характеристики, эти звуки нельзя отождествить как реализации одного и того же дифференциатора.

Хорошо ли, что дифференциаторы не обобщают эти [ó] и [и]? Хорошо. У этих единиц разная сила различения: ударный гласный [ó] противопоставлен гласным [á], [é], [í], [ý]. А гласный [и] (безударный) после мягких согласных противопоставлен только безударному [у]. Функциональная характеристика [и]: гласный нелабиализованный (этой констатации вполне достаточно, чтобы отличить [и] от [у] в данной позиции). Характеристики — разные, их обобщить нельзя. И надо снова подчеркнуть: это хорошо, это раскрывает природу дифференциаторов. *Она красива и мила, ср. мил.— Цветные крадаши и мела; ср. мел.— Он мёл, и она мела...* Произносятся одинаково: [м'илá].

Фонемный анализ разграничит: у одного слова [м'илá] ряд чередований ведет к ударному [í], у другого — к ударному [é], у третьего — к ударному [ó]. А разные ряды чередований — это разные фонемы. Но разные ли функциональные характеристики? Нет, одна и та же (в этой позиции [и] противопоставлен только [у]). Значит, дифференциаторы не различают эти три [и] в трех словах. Хорошо это или плохо? Хорошо. Раз система противопоставлений у любого [и] в безударных слогах одинакова, то дифференциаторы обязаны это отразить; и они это делают. Они отражают различительную силу у этих [и] (в трех наших словах) и справедливо указывают, что она во всех трех случаях одинакова.

Итак, и фонемы, и дифференциаторы — единицы функциональные, но разные. Одна (фонема) воплощает в себе функцию отождествления языковых единиц, другая (дифференциатор) — функцию разграничения их.

Если фонемой называть всякую функциональную фонетическую единицу, то дифференциатор тоже заслуживает имени *фонема*. Под таким именем и исследовались дифференциаторы учеными Пражской лингвистической школы, основоположниками теории дифференциаторов. Особенно много сделали для изучения русской фонетической системы дифференциаторов Н. С. Трубецкой и Р. О. Jakobson.

В 1956 г. Р. И. Аванесов сделал попытку объединить пражскую и московскую теории фонем (см. его работу «Фонетика современного русского литературного языка»).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Пражская» теория фонем (дифференциаторов):

Дюрович Л. Фонематическая интерпретация русского безударного вокализма // *Ceskoslovenská fústika*. 1963. № 4.

Матезиус В. Задачи сравнительной фонологии [1947] // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.

Оливериус З. Ф. Фонетика русского языка. Прага, 1974.

Трубецкой Н. С. Морфофонологическая система русского языка // Избр. труды. М., 1988.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 7—22, 38—46, 73—96.

Поиски синтеза «московской» и «пражской» теории фонем:

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Горшкова К. В. Фонетика // *Горшкова К. В. и др.* Современный русский язык: Часть 1. Вильнюс, 1985.

Касаткин Л. Л. Фонетика // *Современный русский литературный язык*/Под ред. П. А. Леканта. М., 1988.

Лешка О. Фонетика // *Грамматика русского языка*. Прага, 1979.

Иванов В. В. Парадигматические и синтагматические отношения в фонологической системе русского языка // *Современный русский язык: Теоретический курс: В 4 т.* М., 1985. Т. 1: Фонетика.

Глава 6

ОРФОЭПИЯ

§ 30. ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

Литературный язык оберегает свое единство, свою целостность.

Почему же существует варьирование литературных норм, в том числе произносительных? Почему литературный язык терпит, что одно и то же слово, одну и ту же грамматическую форму можно произносить по-разному и различия нередко значительны?

1. Язык постоянно изменяется. Изменения его не хаотичны: они подчиняются законам. В русском литературном языке в течение длительного времени (которое измеряется веками) действовал такой закон: различительная способность гласных уменьшается, различительная способность согласных возрастает. Множество частных фонетических изменений отвечало этому общему закону (его открыл И. А. Бодуэн де Куртенэ, поэтому он называется «законом Бодуэна»).

Возьмем, например, «младшую» и «старшую» нормы в произношении гласных (см. 4, 24, 25). «Младшей» норме свойственно «иканье», т. е. неразличение фонем ⟨э⟩ — ⟨и⟩ в определенных позициях, а «старшей» — «эканье», т. е. различение этих фонем в тех же позициях. Значит, «младшая» норма не различает гласные там, где «старшая» их различает. Переход от «старшей» нормы к «младшей» — это переход к меньшей различительной силе гласных. Многие другие факты говорят о том, что такое изменение вокализма характерно для русского языка в течение многих столетий.

Сочетание твердых и мягких согласных еще в начале нашего века подчинялось таким закономерностям: 1) перед йотом могли быть только мягкие парные согласные; 2) перед мягкими губными — губные только мягкие; 3) перед мягкими губными — зубные только мягкие. Закономерность была прочной, устойчивой, ее отметили многие наблюдатели.

Сейчас эти закономерности сильно поколеблены. Они сохраняются в речи только самого старшего поколения. В речи более молодого поколения перед йотом могут быть и твердые согласные (в одних словах), и мягкие (в других словах): *подъём* — обычно с [д], но *адъютант* с [д'] и т. д. Перед мягкими губными теперь чаще произносят в одних словах мягкие губные (*дождь ли* [в'] *мя льет*), в других — твердые губные (*со* [в] *местно*). Это же относится и к сочетаниям зубных с мягкими губными.

Все эти случаи можно обобщить так: «старшая» норма требует нейтрализации, неразличения некоторых согласных в определенных позициях, «младшая» не требует нейтрализации, т. е. позволяет согласным различаться в тех же позициях. Например, раньше было допустимо сочетание [в'м'] и недопустимо [вм'], теперь допустимы оба — в одних словах предпочтительно [в'м'], в других — [вм'] (т. е. перед [м'] стали различительны [в] — [в']). Различительная сила согласных увеличивается. Многие другие факты говорят о том, что изменение консонантизма в этом направлении характерно для русского языка в течение многих столетий.

Итак, существуют законы фонетических изменений; они определяют судьбу звуковых единиц в диахронии, в историческом самодвижении языка.

В синхронии в пределах современного языка эта изменчивость дана как сосуществование двух норм —

«старшей» и «младшей», — как их соотношение, связь: есть законы перевода одного произносительного варианта в соответствующий ему другой (т. е. если он говорит [з'в'] *езда*, я говорю [зв'] *езда*, если он говорит [з'в'] *ерь*, то я — [зв'] *ерь*, и т. д.). Соответствия регулярны. Эквивалентные соответствия, возникшие в процессе истории языка, в современную эпоху предстают как произносительные варианты. Сам процесс общения, обмена речами свидетельствует об их равенстве: его [з'в'] *езда* и мое [зв'] *езда* — одно и то же слово.

Итак, первая причина возникновения синхронных произносительных вариантов — история языка.

2. Литературный язык существует в соседстве с диалектами. Литературные и диалектные нормы взаимодействуют. В городе, который окружен окающей областью, будет чувствоваться влияние оканья. В последние десятилетия воздействие диалектов на литературные произносительные нормы и усилилось и ослабло. Усилилось — потому что среднее образование становится всеобщим, контингент культурных людей широко пополняется теми, кто вырос в диалектных условиях и в детстве владел только диалектной речью. В их литературное произношение проскальзывают диалектные черты.

С другой стороны, возросло и укрепилось мнение, что литературный язык — большая культурная ценность, что им надо овладеть полностью. Поэтому диалектные произносительные особенности (в речи людей, в общем говорящих литературно) сохраняются непоследовательно, «стыдливо»: они постоянно перебиваются произношением чисто литературным. И маловероятно, чтобы какая-нибудь диалектная норма в наше время имела перспективу в литературном языке, могла значительно потеснить установившуюся норму.

3. На произношение влияет письмо. Произношение и письмо — две координированные, связанные друг с другом системы; если есть между ними частные случаи несоответствия, дискоординации, то возможно влияние одной системы на другую, чтобы преодолеть эту дискоординацию.

Из двух произносительных вариантов: [х] *то* || [к] *то*, *бли* [с'] (предлог *близ*) || *бли* [с], *войло* [ш] *ный* || *войло* [ч'] *ный*, *хо* [д'у] *т*, *ви* [д'у] *т*, *про* [с'у] *т* || *хо* [д'ъ] *т*, *ви* [д'ъ] *т*, *про* [с'ъ] *т* и т. д. — второй порожден влиянием письма. Таких случаев немало. Они относятся к про-

изношению отдельных слов или отдельных грамматических форм.

Влияние письма на произношение часто преувеличивают. Например, говорят, что произношение твердых губных и зубных согласных перед мягкими губными ([вм']есто, о[бм']ен, [зв']ерь, [дв']ерь) возникло под влиянием письма. Действительно, в словах *вместо, обмен, зверь, дверь* (и других) мягкий знак между согласными не пишется. Но он не пишется и в словах *гости, месть, степь, везде, уздечка, раздеть, возня, разница, разнять; кончить, стаканчик, пончик, женщина, барабанчик, казенщина*. В этих случаях мягкость в сочетаниях согласных (зубной + зубной, зубной + передненёбный) оказывается прочной и неколебимой, а мягкий знак — не пишется! Почему же письмо влияет на сочетания «зубной или губной + губной» и не влияет на сочетания «зубной + зубной»?

Объяснить это различие можно так: твердость появляется в одних фонетических сочетаниях и не появляется в других, значит, она обусловлена фонетически, а не влиянием письма. Действие закона Бодуэна, охватывая разные звуковые сочетания, остановилось перед сочетанием «зубной + зубной согласный»; будет ли охвачено и оно действием этого закона, покажет будущее. Но письмо здесь ни при чем.

Письмо может влиять на произношение отдельных слов и грамматических форм, когда это влияние не затрагивает фонетической системы. Говорили [x]то (и ко[x]ти, но[x]ти и т. д.), стали говорить [к]то (и но[к]ти, ко[к]ти). Но языковая система русского языка допускает сочетание [хт] (*вахта, бухта*) и сочетание [кт] (*доктор, трактор*). Переход от произношения [х]то к произношению [к]то не вводит нового, ранее неизвестного и фонетически запрещенного сочетания, не вводит нового типа чередования — с точки зрения фонетической системы это новшество безразлично.

Письмо не может действовать наперекор фонетической системе, законам ее движения. Оно должно либо помогать ей (содействуя Бодуэнову закону, который проявляется не только в тех случаях, когда есть помощь письма), либо, по крайней мере, быть нейтральным.

Теоретики-орфоэписты 20-х годов (С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, В. И. Чернышев, П. Я Черных) преувеличивали влияние письма на произносительную сис-

тому русского языка. Факты языка требуют оценить это влияние более сдержанно.

Мы рассмотрели основные источники появления произносительных вариантов. Все три случая можно обобщить одной формулой: это взаимодействие разных языковых систем — или двух этапов в развитии языка, или литературной и диалектной, или устной (произносительной) и письменной.

Если в литературном языке появляются новые варианты, то надо решить, что с ними делать: признать ли оба равноправными (или один желательным, а другой допустимым); считать ли только один из них приемлемым в литературной речи, а другой преследовать и изгонять, или может быть, узаконить их использование в разных сферах речевого общения.

Мы остановимся далее на тех случаях, когда приемлемы оба варианта произношения (оба, потому что орфоэпических вариантов обычно два и только изредка три или больше).

Советы орфоэпии необходимы в таких случаях: 1) если фонема во всех позициях имеет произносительные варианты (это относится к фонемам ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩); 2) если фонема в некоторых позициях имеет произносительные варианты; 3) если определенные грамматические формы имеют варианты, в том или ином отношении фонетически обусловленные; 4) если письмо толкает к неправильному произношению отдельных слов.

Значит, объектами орфоэпического внимания могут быть фонемы, фонемы в определенных позициях, грамматические формы и отдельные слова.

§ 31. ОРФОЭПИЯ ФОНЕМ ⟨Ж'⟩ И ⟨Ш'⟩

1. Фонема ⟨ж'⟩ встречается в немногих словах (иногда в одной или нескольких формах слова): *дрожжи, возжи, визжать, брюзжать, жуужжать, дребезжать, езжу, сожженный, жжет, брызжет, брезжить, позже, взгромозжу, разmozжу, можжевельник*. Фонема ⟨ж'⟩ может произноситься двояко: либо как [ж':] (долгий мягкий передненёбный звонкий щелевой), либо как [ж:] (в отличие от первого — твердый согласный, но тоже долгий).

О произношении *дро* [ж':] и, с мягким долгим согласным, давно уже говорят, что оно вытесняется (почти полностью вытеснено) произношением твердого [ж:].

На самом деле это не так. Частота произношения [ж':] колеблется в разных словах очень широко, но в некоторых из них явно преобладает [ж':]. Обследование русского произношения в 60-е годы дало такие результаты. Все информанты были разделены на три группы в зависимости от года рождения: I — лица 1870—1909 гг., II — лица 1910—1929 гг., III — лица 1930—1949 гг. Указано (в %), сколько информантов произносят данное слово с мягким [ж':].

	I	II	III
<i>брызжет</i>	72	61	54
<i>брюзжать</i>	70	53	37
<i>визжать</i>	83	68	47
<i>дребезжать</i>	80	63	44
<i>дрожжи</i>	84	78	69
<i>езжу</i>	76	50	29
<i>размозжить</i>	74	56	34
<i>позже</i>	67	50	31

Как видно, произношение [ж':] убывает от поколения к поколению, но в целом остается достаточно высоким. Если взять суммарно все поколения, то у многих слов частота произношения с [ж':] окажется выше 50 %.

В сценической речи господствует [ж':]. В поэтической речи тоже распространено такое произношение. А. Вознесенский, читая свои стихи, произносит ¹: *проезжей* («Лонжюмо»), *брезжит* («Осень»), *выжжен-ные* («Мастера»), *разожжены* («Потерянная баллада»), *обожжены* («Тишины!») — последовательно с [ж':].

Обе нормы — с [ж':] и [ж:] — в современном русском литературном языке надо считать равноправными.

2. Фонема ⟨ш'⟩ тоже имеет две реализации: *и* [ш':] *у* или *и* [ш'ч'] *у*, *товари* [ш':] или *товари* [ш'ч']. Утверждение, что произношение ⟨ш'⟩ = [ш':] исчезает и скоро будет вытеснено произношением ⟨ш'⟩ = [ш'ч'], оказалось, мягко говоря, преждевременным. Массовое обследование произношения показало, что примерно в 85—100 % (в разных словах) случаях господствует произношение с [ш':].

Произношение *и* [ш':] *у* надо считать рекомендуемым, *и* [ш'ч'] *у* — допустимым.

¹ Запись на грампластинке.

§ 32. ОРФОЭПИЯ ФОНЕМ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПОЗИЦИЯХ

1. В современном русском языке сосуществуют *йканье* и *эканье* (см. 4, 25). В бытовой речи господствует *йканье*, на сцене — равенство обеих норм.

2. О произношении *ш [а] ры* — *ш [ы³] ры* уже говорилось (см. 4, 24, 25). Обе нормы равноправны. Бытовая речь склоняется к *ш [а] ры* (но это верно не для всех слов), сценическая и, может быть, поэтическая речь (больше, чем бытовая) склонны к традиционному *ш [ы³] ры*.

А. Вознесенский, читая свои стихи, произносит:

1. Прости меня. А впрочем, не ж [ы³] лей.
Вот я живу. И это тяжелей.

(«Прости меня, что говорю при всех...»)

2. Падает по железу
с небом напополам
снежное сож [ы³] ление
по лесу и по нам.

ветви отяжелелые
светлого сож [ы³] ления!

(«Снег в октябре»)

3. Ну играл! Таких оттягивал
«паровозов!» Так играл,
что ш [ы³] рахались рейхстаги
в 45-м наповал!

(«Лонжюмо»)

3. Фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ в первом предударном слоге нейтрализуются либо в гласном [а], либо в гласном [Λ] (нелабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема). В современном русском языке господствует произношение с предударным [а].

4. Вариативно произношение слов с сочетанием зубной + мягкий губной (об этом уже говорилось (см. 3, 19). При массовом обследовании литературного произношения оказалось, что *ра [з'] ве* произносят 54 % информантов, *и [з'] вините* — 34 %, *[д'] ве* — 31 %, *[д'] вери* — 30 %, *[з'] верь* — 30 % и т. д.

Есть и другие случаи, когда реализация фонемы в определенных позициях вариативна.

В творительном падеже возможны варианты: *рукой* — *рукою*, *звездой* — *звездою*, *с Таней* — *с Танею*... Но это не тема орфоэпии. Ее предметом может быть только такое варьирование форм, которое, будучи явлением грамматическим, связано с определенными фонетическими позициями.

1. Формы прилагательных единственного числа именительного падежа мужского рода в современном русском языке образуются с окончаниями <иј> или <ој>. Каждое прилагательное в данной форме может иметь и то и другое окончание. *Вот новый дом* произносится: *нов [ыи]* или *нов [ъи]*. Первое произношение реализует окончание <иј>, второе — <ој> (это станет ясно, если вспомнить, каковы реализации фонем <и> — <о> в заударных слогах после твердых согласных).

Более «старинным», имеющим корни в пушкинской эпохе (и в более давних)¹, является произношение *нов [ъи]*, *сильн [ъи]*, *тверд [ъи]* и т. д., т. е. с окончанием <ој>. Но под влиянием письма (писали чаще *Вот новый дом*, чем *Вот новой дом*, хотя и последнее написание тоже раньше допускалось) стали все чаще произносить *нов [ыи]*, *сильн [ыи]*, *тверд [ыи]*. В начале нашего века ученым-орфоэпистам казалось, что время произношения *стар [ъи]* (им. п. ед. ч. муж. р.) прошло, что победило в этой форме окончание [ыи] = <иј>. Но этот старый спор двух окончаний (истоки его — во взаимодействии старославянского и древнерусского языков тысячелетней давности!) получил неожиданный поворот: волна усиливающейся редукции дошла и до <и> (после твердых согласных в заударных слогах). Два глагола *выжить [вѣжѣт']* и *выжить [вѣжѣт']* стало возможным произносить так, что они не различаются — [вѣжѣт']; т. е. фонема <и> в заударных закрытых слогах после твердых согласных реализуется не только звуком [ы] (такая норма по-прежнему жива), но и звуком [ъ]. В [ъ] стало совпадать большее число фонем, чем прежде. Разумеется, форма *новый*, с <иј> в окончании, стала

¹ Ср. пушкинские рифмы: *Один какой-то шут печальный / Ее находит идеальной; в келье модной — холодный, на кляче косматой — бородастый, в избе холодной — голодный, за могилой — унылый, угрюмый — думой, картиной — единый*... Но есть и такие рифмы: *пистолеты — раздетый*... В пушкинское время существовали оба варианта: с <ој> и с <иј>.

произносятся и с [ыѣ] и с [ъѣ]. Произношение, обреченное, казалось бы, на исчезновение, снова укрепилось. Сейчас в живой речи *нов[ъѣ]* (муж. р.) слышится не реже, чем *нов[ыѣ]* (надо помнить, что речь идет об одной определенной позиции: в заударных закрытых слогах после твердых согласных).

У большинства глаголов это различие на слух мало заметно. Но у прилагательных, основа которых оканчивается на <к>, <г>, <х>, если они произносятся с окончанием <ој>, результат такой: *гром[къѣ] голос, стро[гъѣ] взгляд, ти[хъѣ] шелест*. Фонема <о> в заударных слогах слова после твердых согласных реализуется, по требованию фонетических законов современного русского языка, гласным [ъ]. Если же эти формы произносятся с окончанием <иј>, то произносительный результат такой: *гром[къѣ] голос, стро[гъѣ] взгляд, ти[хъѣ] шелест*. Фонема <и>, по общим фонетическим законам, в позиции после <к>, <г>, <х> требует, чтобы эти фонемы были представлены мягкими согласными: [к'], [г'], [х']; после мягких согласных фонема <и> в заударных закрытых слогах реализуется звуком [и].

Разница между двумя вариантами одной и той же формы оказывается значительной:

гром[къѣ], стро[гъѣ], ти[хъѣ],

гром[къѣ], стро[гъѣ], ти[хъѣ].

Под влиянием письма в бытовой речи господствует вариант с <иј>, т. е. *гром[къѣ]* и т. д. В сценической речи, на радиовещании (хотя и непоследовательно) продолжает употребляться вариант с окончанием <ој>. Литературный язык — не однородная, однообразная масса, в нем есть функциональные разновидности, и то, что сценическая речь не во всем совпадает с бытовой, — ее достоинство, а не порок; это культурная речь в квадрате: она должна осуществлять живую связь речи современников с речью русской классики, с языком великих писателей прошлого.

А русские поэты произносили так (примеры из стихотворений Н. А. Некрасова):

1. Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.
2. За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребенок пегий.

3. согласишься, почителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнёшь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкий...
4. Его отец был лекарь жалкий,
Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял...

Естественно, что сценическая речь, стремясь сохранить язык классиков, не отказывается от нормы *гром*-[къ] (муж. р.). Но и в бытовой речи у некоторых (хотя и немногих) наших современников, безусловно владеющих литературным языком, выдерживается более или менее последовательно эта языковая норма.

2. Глаголы типа *затрагивать*, *подскакивать*, *взмахивать*, т. е. с суффиксом *-ива-* после основы на заднеязычную согласную фонему, тоже имеют два варианта произношения:

подска[къ]вать, *затра*[гъ]вать, *взма*[хъ]вать,
подска[к'и]вать, *затра*[г'и]вать, *взма*[х'и]вать.

Эти формы образуют параллель к формам *гром* [къ] ѝ — *гром* [к'и] ѝ; параллель в том смысле, что лицо, говорящее *подска* [къ] вать, вероятнее всего говорит и *гром* [къ] ѝ.

3. Произносят: *си* [д'á]т — *выси* [д'ъ]т; *ве* [дú]т — *выве* [ду]т, т. е. различие между окончаниями 1-го и 2-го спряжений сохраняется и в безударном положении. Но есть и другое произношение: *си* [д'á]т — *выси* [д'у]т, *ве* [дú]т — *выве* [ду]т (под ударением — разное, без ударения — одно). 1-е и 2-е спряжения различаются в ударных и не различаются в безударных окончаниях. При этом происходит мена окончаний: ударное [áт] меняется на безударное [ут].

Это похоже на то, что сказано о формах именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных: под ударением возможно только ⟨ој⟩ (*больной, молодой, простой*); в безударных слогах «конкурируют» ⟨ој⟩ и ⟨иј⟩. Сходство в том, что есть мена окончаний и она обусловлена положением в безударном слоге. Фонетическая эта мена или грамматическая: [ат] || [ут]? Несомненно, грамматическая: меняются окончания, грамматические единицы. Позиционного фонетического чередования звуков [а] || [у] в современном русском языке не существует.

Но своеобразие этого грамматического явления в том, что оно обусловлено фонетической позицией. Есть фонетические позиции: перед звонкими шумными (кроме [в] и [в']) глухие согласные звуки заменяются звонкими. Здесь в определении позиции («перед звонкими шумными, кроме [в] и [в']») используются только фонетические термины. Сама позиция поэтому должна считаться фонетической. Есть грамматические позиции: перед окончанием 1-го лица единственного числа -у фонема ⟨д'⟩ меняется на ⟨ж⟩: *ходить* — *хожу*, *водить* — *вожу*, *садить* — *сажу* и т. д. Здесь в определении позиции («перед окончанием 1-го лица ед. ч. -у») используются только грамматические термины. Сама позиция поэтому должна считаться грамматической. Чередование флексий [ат] || [ут] грамматическое, поскольку они — единицы грамматического строя; но позиции, вызывающие это чередование, ... описываются в чисто фонетической терминологии! Это — пример сложного взаимодействия грамматики с фонетикой. Фонетический характер определения позиции позволяет в этом случае отнести и само чередование в ведение орфоэпии.

В произведениях поэтов отражена норма произношения с -ут в безударных формах 2-го спряжения: *хóлят* — *кóлют*, *полóжат* — *обгло́жут*, *зна́чат* — *пла́чут* (Л.); *работой тешатся* — *руки чешутся*; *напишут* — *слышат* (Н.); *копья точат* — *кругом хохочут* (Бр.)¹.

Надо помнить, что кроме описанной нормы существует и другая: *выси* [д'ъ]т, *хо* [с'ъ]т, *хо* [д'ъ]т... Именно она и господствует в живой, повседневной речи. «Старая» норма редко реализуется в живой речи, и все-таки она не мертва, она тоже факт орфоэпического «сегодня». Она воскресает всякий раз, когда читают стихи поэтов XIX в. (а эти стихи — наше живое достояние), воспроизводят их на сцене, произносят на уроке в школе или просто читают для себя.

4. Возвратный аффикс -ся, -сь проносится либо с твердым, либо с мягким согласным: *стремлю* [с] или *стремлю* [с'], *стремил* [съ] или *стремил* [с'ъ]. Только деепричастие с ударением на последнем слоге произносится всегда с мягким [с']: *смея* [с'], *вертя* [с'].

¹ Примеры из кн.: Кошутин Р. Грамматика русского языка: Гласови. Пг., 1919. С. 413.

Произношение с твердым [с] отражено рифмой (примеры из стихотворений Н. А. Некрасова):

1. Вглядись, молодлица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?
2. Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!
3. Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво.
4. Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель! ... Фор! bis!
5. Толпа затихла — начался
Доклад — и длился два часа.

Рифма запечатлела и произношение деепричастий с ударением на последнем слого ([с'] — мягкий):

Всё с погибшими созданиями
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаниями,
Обходил ты жизни грязь.

Разумеется, читать эти стихи следует, соблюдая волю автора, не разрушая рифмы. Такие рифмы есть и у современных поэтов; если система рифмовки тяготеет к точности, то они говорят о произношении [с], [са] в возвратных формах глагола.

О состоянии этого орфоэпического варьирования в обычной (нестиховой, непозитической) речи С. М. Кузьмина говорит так: «Сосуществуют три произносительные системы:

1) последовательное произношение в частице *-ся, -сь* мягкого [с'] во всех грамматических формах и фонетических условиях (например, *собрала* [с'], *явила* [с'], *требовали* [с'], *родил* [с'а], *трудящихся* [с'а]);

2) последовательное произношение в этих формах твердого [с];

3) произношение (в зависимости от фонетических условий) то твердого [с], то мягкого [с']. Поскольку в этой последней системе соотношение твердого и мягко-

го [с] — [с'] может быть различным, она делится на несколько подсистем:

а) мягкое [с'] во всех формах, кроме тех, где согласный частицы следует за твердым согласным (например, *борола* [с'], но *борол* [са]);

б) мягкое [с'] только после передних гласных (например, *борола* [с], *борол* [са], но *бороли* [с']).

Иногда в речи одного и того же лица встречается в одной и той же позиции то твердое, то мягкое [с]»¹.

Обследование в 60-е годы современного произношения (частоты форм с твердым [с]) дало такие результаты:

глаголы на - <i>лся</i>	75 %
" " - <i>ась</i> , - <i>ось</i>	65 %
" " - <i>ись</i>	38 %

Эти факты говорят о том, во-первых, что произношение этой частицы с твердым [с] достаточно широко распространено, и о том, во-вторых, что выбор варианта частицы с мягким [с'] или твердым [с] определяется (хотя и не жестко, не с вероятностью в 100 %) положением после определенных звуков. Поскольку выбор варианта частично обусловлен фонетической позицией, постольку о ней должна говорить орфоэпия.

Произношение современных поэтов тоже говорит о том, что традиционная норма — с твердым [с] — жива:

Подойдет, улыбнется *ся* [с]:
Я в кого-то переселила [с]!
Разбежала [с], как с бус *стеклярус*.
Потеряла [с] я, потеряла [с]!²

(А. Вознесенский)

Эти факты существенны. Много раз орфоэпические нормы, связанные с давними культурными традициями (в том числе произношение *-сь*, *-ся* с твердым [с]) объявлялись реакционными, буржуазными (20-е и 30-е годы), устарелыми, нежелательными, искусственными, ретроградными, отсталыми, исчезнувшими. На самом деле они, наряду с более новыми нормами, живы и требуют

¹ Кузьмина С. М. Взаимодействие фонетики и грамматики: Процесс замены в возвратной частице твердого [с] мягким // *Русский язык и советское общество: Фонетика современного русского литературного языка*. М., 1968. С. 104. Формы типа *смеясь* (деепричастия с ударением на последнем слове) в данной работе не рассматривались.

² Запись на грампластинке.

орфоэпического внимания и поддержки. Ничего ретроградного в них нет, а в сценической и поэтической речи они даже желательны:

Горлопаны, не наорали [с]?

(А. Вознесенский)

§ 34. ОРФОЭПИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ

Есть случаи, когда написание может толкать к неправильному произношению грамматических форм. Например, окончание *-ого* (род. п. прилагательных, причастий, местоимений): *большого, пятого, пишущего, того, моего* — произносится с согласным [в]. Сама масовость таких форм в речи позволяет легко понять и усвоить произносительную норму. Ошибки здесь редки. Гораздо сложнее те случаи, когда правописание является помехой орфоэпии в отдельных, более или менее редких словах.

Правописание никого не собьет, например, в слове *хоровод*: буква *д* в конце слова по законам русского произношения соответствует звуку [т]; букве *о* соответствуют гласные [ъ], [а] — опять по законам русского произношения. Здесь соотношения между буквами и звуками типичны для всех русских слов. Орфоэпическое внимание должно быть приковано к другим случаям, когда соотношение букв и звуков в написании ~ произношении данного слова нетипично. Охарактеризуем несколько таких орфоэпических фактов.

1. Начнем с предлога *близ*. Он произносится с мягким согласным в конце: «*Вечера на хуторе бли [з'] Диканьки*», *бли [с'] нашего дома*. Стих отражает такое произношение:

А потом,
    пробивши
        бурю разозленную,
сядешь, чтобы солнца близ,
и счищаешь
        водорослей бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.

(В. В. Маяковский)

Орфографический облик слова дезинформирует; является возможность неверного, не отвечающего литературной норме произношения этого предлога — с твердым согласным в конце. Орфоэпическая рекомендация должна предостеречь от такого произношения.

В словарях (толковых, орфоэпических) даются справки о произношении таких слов.

2. Буквы *чн* в некоторых словах соответствуют звукам [шн]: *конечно* (вводное слово), *скучно*, *яичница*, *пустячный*, *скворечник*, *прачечная*, *Ильинична*, *Кузьминична*... Произносить в этих словах [ч'н] — орфоэпическая ошибка (мнения, высказываемые иногда в печати, что в этих словах отвечает норме также и произношение [ч'н], не отвечают языковой и речевой реальности и поэтому неверны).

В других словах в равной степени допустимо произношение и [шн] и [ч'н]: *булочная*, *сливочное масло*, *горчичник* и др. Наконец, многие слова могут произноситься только с сочетанием [ч'н]: *точный*, *порочный*, *восточный*, *прозрачный* и т. д. О каждом слове надо знать, как его произносить: с сочетанием [шн], [ч'н] или допустимы они оба.

«Иногда неодинаково произносятся различные производные слова от одного и того же непроезводного: например, при возможности произношения прилагательного *молочный* с [шн] и [ч'н] (*молó [шн] ая каша* и *молó [ч'н] ая каша*) существительное *молочница* ... произносится предпочтительно и чаще с [шн]: *молó [шн'] ица*. Бывают также случаи, когда одно и то же слово в разных сочетаниях слов может произноситься неодинаково. Так, например, в сочетании *молочная каша*, как только что было отмечено, возможно произношение [шн], в сочетании же *молочная железа*, носящем не бытовой, а научный характер, произносится только [ч'н]»¹.

Поэзия отражает произношение этих слов и требует определенного выбора нормы:

Дождь моросит, темно и скучно,
Смотрю в окно на телеграф.
Хотел бы думать равнодушно,
В уме неделю перебрал.

(М. А. Кузмин²)

Движенья помнишь? Помнишь время? Лавочниц?
Палатки? Давку? За разменом денег
Холодных, звонких, — помнишь, помнишь давешних
Колоколов предпраздничных гуденья?

(Б. Л. Пастернак)

¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972. С. 184—185.

² Фамилия поэта произносится: [куз'м'иц].

Здесь рассматривается группа слов с произношением *чи* как [шн], тем не менее каждое из слов этой группы должно рассматриваться как отдельное, особое. Нет общего правила, определяющего, в каком слове орфоэпически правомерно [ч'н], в каком — [шн]. Каждое слово надо знать. Поэтому они находятся в ведении орфоэпии отдельных слов.

3. В заимствованных словах встречается произношение [о] безударного: *боа* [боá], *сонет* [сонэ́т] и т. д. Только в очень немногих словах (*боа*, *бонмо*, *бомонд*, *Бодлер*, *Шопен*...) произношение [о] безударного обязательно. В большинстве заимствованных слов на месте безударного [о] допустимо и [о], и [а], либо только [а]. Например, в слове *оазис* 63 % говорящих произносят [о] безударный, в слове *сонет* — 49 %, в словах: *поэт* — 44 %, *ноктюрн* — 41 %, *конгресс* — 34 % и т. д.¹

Обязательно ли произношение [о] в безударном слове — надо знать для каждого слова отдельно.

4. В словах: *бифштекс*, *консоме*, *канапе*, *отель*, *экстерн*, *кашше*, *безе*... — перед [э] произносится твердый согласный. В других заимствованных словах возможны варианты: произносятся (в полном соответствии с нормой): *со* [нэ]т и *со* [н'э]т, *ге* [нэ]тика и *ге* [н'э]тика, *фо* [нэ]ма и *фо* [н'э]ма, *э* [не]ргия и *э* [н'э]ргия...

В большинстве заимствованных слов перед [э] произносится парный мягкий согласный: *текст*, *тема*, *бактерия*, *претензия*, *теория*, *дебют*, *демон*, *нервы*, *секция*, *серия*, *музей*, *конкретный*, *пионер*, *фанера*. Было бы грубой орфоэпической ошибкой произносить в этих словах сочетание «твердый согласный + [э]». Произношение твердого согласного перед [э] в этих словах претенциозно: ...*Алле? О, Марья Николаевна! Наконец-то! Зазналась, зазналась... Да, да... Смотрела... Постановочная вещь, безусловно... Да, по сравнению с романом проигрывает, безусловно... Я, знаешь, буквально проверяла по тэксту. Да, по тэксту* (В. Попов).

Как видно, и в этом случае надо знать, какова орфоэпическая норма произношения каждого слова.

---

¹ См.: Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // *Социально-лингвистические исследования*. М., 1976.

§ 35. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Язык исторически изменяется. Это — объективная данность. Вместе с тем литературный язык, связанный с длительной культурной традицией и призванный объединять многие поколения, должен быть устойчивым; и чем устойчивее его нормы, тем более успешно он может выполнять свое назначение — быть литературным языком. Как язык умеет примирить эти две различные тенденции?

Разрешение противоречия в том, что «старые» и «новые» произносительные варианты функционально разграничиваются, каждый получает свою специализацию в литературном языке. И «старые» поэтому остаются живыми, нестареющими, и «молодые» противостоят им не как «молодые», а как функционально иные. Например, некоторые нормы, имеющие большую культурную традицию, но становящиеся устарелыми (или нетипичными) в бытовой речи, находят свое применение, в качестве господствующей нормы, на сцене. Представление, что сценическая речь должна быть зеркалом, рабски копирующим бытовую речь, неверно. Против такого вулгаризаторского отождествления двух функциональных разновидностей русского произношения боролись замечательные мастера Малого театра (например, Е. Д. Турчанинова), К. С. Станиславский и его ученики.

Стихотворения Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета — это современный русский язык; чтение их стихов (и на сцене, и для себя) — современное русское произношение. Надо так современно воспроизвести стих, чтобы его не разрушить. Средства (орфоэпические), которые мы привлекаем, чтобы наше восприятие стиха не было испорчено, — современные орфоэпические. А это означает, что многие произносительные особенности, полностью ушедшие из бытовой речи, остаются средством ж и в о г о воспроизведения близких нам, родных нам поэтических произведений — и в этом смысле есть факты современной орфоэпии.

Так язык примиряет две противоположные тенденции: неизбежную изменчивость произносительных норм и тяготение литературного языка к стабильности. Особенности произношения, порожденные разными периодами в развитии русского языка, преобразуются в син-

хронные функциональные разновидности языковой действительности.

Неутомимым просветителем в области орфоэпии и борцом за живые литературные нормы, за охрану в языке всего ценного, за бережное отношение к произносительным традициям был Д. Н. Ушаков. Прекрасный знаток русского языка, человек, умевший ценить и его деловые, практические, и его эстетические достоинства, Д. Н. Ушаков в 20-е и 30-е годы противостоял всем попыткам решать вопросы орфоэпии на вульгарно-социологической, на культурно-нигилистической основе. Его орфоэпические прогнозы — что живо и что мертво — замечательно оправдались. Его рыцарственное отношение к языку — высокий пример для всех, кому дорога наша филологическая культура.

§ 36. СОЦИОФОНЕТИКА

Количество — не всегда самое важное при решении орфоэпических вопросов. «Так многие говорят» — еще не довод в пользу безраздельного господства данной орфоэпической нормы. Иногда число говорящих совсем не важно.

Местоимение *еѐ* (род. п.) еще не так давно произносили двояко: [jэ"jó] и [jэ"já] (последнее — под влиянием написания *ея*). Произношение [jэ"já] и раньше, до 1917 г., до отмены написания *ея*, было сравнительно редким, а сейчас, вероятно, так никто не произносит. Но в поэме В. Маяковского «Про это» (1923) читаем:

Стою у стенки.

Я не я.

Пусть бредом жизнь смололась.

Но только б, столько б не ея
невыносимый голос!¹

Здесь само строение текста заставляет читать [jэ"já], и нет вопроса о том, многие так произносят или немногие.

Но в других случаях для орфоэпии важен и количественный момент. Насколько распространен данный вариант, в каких социальных слоях он господствует, как его бытование связано с разными возрастными группами — все это важно для орфоэпии, и решать эти вопросы ей помогает с о ц и о ф о н е т и к а — ветвь социолингвистики.

«Объект синхронической социальной лингвистики — язык и его функционирование в данный момент в данном обществе в связи с: а) социальным расслоением об-

¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 169. (Есть издания, где текст искажен: напечатано — *ее*.)

щества и б) его коммуникативными потребностями, — пишет Л. П. Крысин. — Поиски и исследование корреляций и зависимостей, существующих... между языком, различными его подсистемами, с одной стороны, и обществом, различными его слоями, с другой, являются задачей... социальной лингвистики»¹.

Современная социофонетика установила, например, следующее:

«По силе воздействия на фонетические явления социальные признаки располагаются в следующем порядке: 1) территориальный, 2) возраст, 3) социальное положение, 4) образование...

Остановимся вкратце на каждом из признаков.

1. **Территориальный признак** — место детства и место наиболее длительного пребывания говорящего: он охватывает своим действием все фонетические явления и в то же время является наиболее сильным. Это подтверждает гипотезу о существовании локальных разновидностей литературного произношения, складывающихся под влиянием диалектного окружения. Говоря о локальных разновидностях литературного языка, мы имеем в виду количественные, а не качественные различия, т. е. разную употребительность одних и тех же вариантов по этим разновидностям. При этом возможен такой случай, что во всех разновидностях преобладает один и тот же вариант, но степень преобладания различна.

Так, например, «северная» разновидность литературного произношения характеризуется: максимальным (сравнительно с другими локальными разновидностями) преобладанием мягкого согласного в сочетаниях «согласный + мягкий согласный»; высокой частотностью мягкого [ж':]; максимальным преобладанием варианта с непроизносимым согласным в сочетаниях <стк>, <нтк> и под.; преобладающей реализацией <ша>, <жа> как [ша], [жа]; смягчением согласного перед <э> в заимствованных словах...

2. **Возраст.** Зависимость между возрастной характеристикой и сохранением в речи традиционного варианта не имеет единообразного характера для всех фонетических явлений.

---

¹ *Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения* / Под ред. Л. П. Крысин. М., 1974. С. 6.

Для некоторых явлений (например, в сочетаниях «согласный + мягкий согласный», [ж':] || [ж:], [ш'ч'] || [ш':]) эта зависимость такова: чем моложе информант, тем ниже в его речи частотность традиционного варианта. Для других явлений (например, [ша], [жа]; t[э]) картина выглядит сложнее: в некоторых словах наблюдается такая же зависимость, в других — прямо противоположная...

Любопытно отметить, что в речи поколения 40-х годов нередко наблюдается замедление темпа убывания или возрастания употребительности традиционного варианта: развитие как бы затормаживается.

3. Социальное положение информанта. Прослеживается два основных противопоставления: интеллигенты — рабочие; филологи — нефилологи.

Устойчивее всего традиционная норма сохраняется в речи интеллигенции; напротив, новый вариант легче усваивается рабочими...

Филологическое образование также способствует устойчивому сохранению в речи традиционного варианта, обнаруживается как в речи профессиональных филологов, так и в речи филологов-студентов.

4. Семейное влияние. Наши данные убедительно подтвердили влияние речи родителей на речь отвечающих. Особенно ярко это проявилось при учете территориальной характеристики информантов и их родителей...

5. Образование. Исходная гипотеза о влиянии образования на произношение в целом подтвердилась: чем выше уровень образования, тем употребительнее традиционный вариант. Однако в большинстве случаев зависимость эта проявляется слабо¹.

Как видно, данные социофонетики важны и для решения орфоэпических вопросов, и для исследования своей, собственно социофонетической проблематики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Орфоэпия

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение [1950]. М., 1972.

Дурново Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения // Slavia. Ročník V. Sešit 2. Praha. 1926.

¹ Гловинская М. Я., Кузьмина С. М. Фонетика // Русский язык по данным массового обследования. С. 117—121.

Реформатский А. А. (Ж.) // То hopop R. Jakobson. V. 2. The Hague — Paris, 1967.

Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // *Русская речь*: Новая серия. Л., 1928. Вып. 3.

Ушаков Д. Н. Звук Г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время // *Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР*. Л., 1928. Том VI. № 3.

Аванесов Р. И. Вопросы русского сценического произношения // *Культура речи на сцене и на экране*. М., 1986.

Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948.

Волконский С. М. Выразительное слово. Спб., 1913.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. О сценическом произношении в московских театрах // *Вопросы культуры речи*. М., 1955. Вып. I.

Реформатский А. А. Речь и музыка в пении // Там же.

Русское сценическое произношение / Под ред. С. М. Кузьминой. М., 1986.

Садовников В. И. Орфоэпия в пении. М., 1958.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1987.

Социофонетика:

Гловинская М. Я., Кузьмина С. М. Фонетика // *Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения* / Под ред. Л. П. Крыгина. М., 1974.

Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // *Социально-лингвистические исследования*. М., 1976.

Крыгин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // *Вопр. языкознания*. 1973. № 3.

Кузьмина С. М. Вариативность произношения групп согласных // *Социально-лингвистические исследования*. М., 1976.

Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка [1931] // *Статьи по общему языкознанию*. М., 1968.

Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка [1931] // Там же.

Глава 7

ТЕОРИЯ ПИСЬМА. ГРАФИКА

§ 37. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Теория письма делится на две части: графика и орфография¹.

Графика — это свод общих правил о назначении письменных знаков (букв). Самые простые и самые главные правила графики имеют такой вид: в современном русском языке знак «а» употребляется; знак «ф» — не употребляется и т. д. Эти правила определяют, каков алфавит (набор букв) русского письменного языка. Другие правила графики имеют такой вид: 1) в русском письме буква такая-то передает такую-то фонему; 2) данная фонема передается вот этой буквой.

Правила графики относятся ко всей массе словоформ и притом к любой части словоформ (корню, приставке, окончанию и т. д.).

Орфография — свод правил об употреблении букв в отдельных, конкретных словоформах. О ней речь в следующей главе.

§ 38. ТРИ ПРИНЦИПА ГРАФИКИ

Графика может быть построена на одном из трех принципов: 1) фонетическом; 2) фонематическом; 3) иероглифическом, или традиционном, или условном (это разные названия одного и того же принципа).

Фонетический принцип: буква означает звук.

Фонематический принцип: буква означает фонему.

Традиционный принцип: буква не обозначает ни звука, ни фонемы, т. е. употребление букв не обусловлено современным строением словоформы.

Русское письмо до 1918 г. было в высокой степени традиционно. И традиционной была в первую очередь графика.

В 1917—1918 гг. это письмо, со значительными чертами иероглифичности, было реформировано.

Подготовка к реформе велась с конца XIX в. Начинателем ее был Р. Ф. Брандт, крупный ученый-лингвист. Острые, эмоционально

---

¹ Среди вопросов, относящихся к теории письма, освещаются только те, которые связаны с отношением письма к фонетической системе. Поэтому главы, посвященные теории письма, помещаются в разделе «Фонетика».

написанные статьи и брошюры Брайда привлекли внимание общества к несовершенствам русского письма. Критика была обращена именно на многочисленные традиционные написания.

Академическая комиссия под руководством Ф. Ф. Фортунатова к 1912 г. подготовила научно обоснованный проект реформы русского письма. Бюрократам он был отвергнут. Только после революции приказом наркома просвещения А. В. Луначарского новое письмо было объявлено обязательным для всех изданий. Реформа была прежде всего графической, а не орфографической. Были изъяты дублетные буквы (і, ѣ, ѳ), в конце слов перестали писать твердый знак, изменили традиционно-условные написания некоторых грамматических форм, приблизив их к фонематическому типу.

В подготовке проекта реформы участвовали выдающиеся ученые — Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Шахматов, Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев¹.

§ 39. ФОНЕМНЫЙ ПРИНЦИП РУССКОЙ ГРАФИКИ

На каком же принципе основана современная русская графика? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, как построены правила употребления букв.

Буква *о* употребляется, предполагается, для обозначения звука [о]. Словоформы *дом, твой, рос* как будто подтверждают это. Но ту же букву *о* пишем и в словоформах *дома, твоя, росли*, а мы так не должны были бы делать, если бы буквой *о* передавался звук [о], так как здесь нет звука [о]. Правило, значит, надо формулировать так: буква *о* передает фонему ⟨о⟩.

Так же надо построить правила для всех других букв.

Следовательно, наша графика основана на фонемном принципе. Это следует из анализа графических правил.

§ 40. ОБОЗНАЧЕНИЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В русской графике буквами обозначены фонемы. В русском языке 39 фонем, а букв 33 (считая, конечно, *ё* особой буквой). Как могло хватить 33 буквы для передачи 39 фонем?

Существует 14 пар твердых и мягких фонем²:

⟨п б ф в м т д с з н л ш ж р
п' б' ф' в' м' т' д' с' з' н' л' ш' ж' р'⟩.

¹ О работе орфографической комиссии см.: Чернышев В. И. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания // Избр. труды. М., 1970. Т. 2.

² В качестве парных включаем ⟨л⟩ — ⟨л'⟩. Они не нейтрализуются, но для графики это несущественно.

Однако особых букв для многих фонем нет. У нас могли бы быть специальные буквы для мягких, подобно тому, как есть они в сербском письме: *љ, њ* ...¹ В одном случае такая пара есть: *ш — щ*, но остальные 13 пар не имеют особых букв, чтобы обозначить мягкие фонемы. Значит, не имеют и особых букв, чтобы обозначить твердые фонемы.

Предположим, в каком-то тексте обвели кружком букву *н*. Закрыли остальные буквы. Можно ли угадать, что обозначает эта буква: $\langle n \rangle$ или $\langle n' \rangle$? — Очевидно, нет.

Как же письменно обозначаются эти фонемы, для которых нет особых букв?

Первый случай: мягкая согласная фонема стоит не перед гласной; тогда используется сочетание «согласная буква + мягкий знак»: *встань, встаньте, намыль, намылься, куль, кульки, пять, пятьдесят*. «Не перед гласной» — значит, на конце слова или перед согласной фонемой.

Второй случай: перед гласными мягкость согласных обозначается по-другому — с помощью букв *я, е, ё, ю, и*. Вот так:

- $\langle n' \rangle + \langle a \rangle = \text{ня (няня)}$;
- $\langle n' \rangle + \langle o \rangle = \text{нё (нёс)}$;
- $\langle n' \rangle + \langle \varepsilon \rangle = \text{не (нет)}$;
- $\langle n' \rangle + \langle y \rangle = \text{ню (нюхать)}$;
- $\langle n' \rangle + \langle i \rangle = \text{ни (нить)}$.

Так и со всеми другими согласными, не только с $\langle n' \rangle$.

Сказанное можно обобщить:

- 1) $t' + a$: *я, е, ё, ю, и*;
- 2) $t' + \bar{a}$: *ь*.

Здесь t' — обозначение всякой мягкой согласной (у которой есть парная твердая); a — знак гласной; $\bar{a}$ — знак «не гласная» (т. е. либо согласная, либо конец слова).

А как обозначается твердость согласных? В положении не перед гласными — отсутствием мягкого знака; в положении перед гласными — с помощью букв *а, о, у, ы*.

Итак, в слове *тянут* буква *т* сама по себе не указывает фонему $\langle t \rangle$ или $\langle t' \rangle$; в зависимости от следующей

¹ Правда, и в сербском они обозначают палатальные (а не палатализованные).

буквы ¹ она может указывать либо то, либо другое. Следующая буква я заявляет: налицо <т'>, а не <т>. Вместе т + я указывают фонему <т'>; кроме того, я обозначает фонему <а>. Значит, сочетание букв т я = <т'а>. Побуквенно это соответствие разбивается так:

$$\begin{array}{c|c} \text{т} + & \text{я,} \\ \langle \text{т} \rangle + & \langle \text{а} \rangle \end{array}$$

В слове *быть* буква *ы* обозначает фонему <и> и твердость предшествующего согласного; в слове *бить* используется буква *и*, чтобы обозначить ту же фонему <и> + мягкость предшествующего согласного.

Хорошо или плохо, что у нас такой непростой способ обозначения мягкости? Введен мягкий знак — и тем сэкономяно много букв. Мягких согласных фонем (имеющих парную твердую) у нас 14; только <ш'> имеет особую букву. Значит, сэкономили 13 букв.

Но если бы мягкость согласных всегда обозначалась мягким знаком, мы бы писали: «*дьядья*», «*люблю*», «*пятьдъэсът*», «*пъэръэвъэрньомсьа*» (*дядя, люблю, пятьдесят, перевернемся*). Написания были бы громоздкими. Избавиться от их громоздкости помогают буквы *я, е, ё, ю, и*.

§ 41. НЕДОСТАТКИ В ОБОЗНАЧЕНИИ МЯГКОСТИ ФОНЕМ

Все мягкие фонемы имеют способы графического обозначения. Только у <ж'> нет своего особого буквенного обозначения. Она на письме передается буквосочетаниями, которые используются не только для <ж'>, но могут иметь и другие фонемные значения. Буквенное одеяние у <ж'> всегда с чужого плеча. Она обозначается буквами *жж* (*езжу, визжать*), *жжж* (*вожжи, дрожжи*), *дж* (*дожди, дождливый*). Все эти буквообозначения в иных словах имеют другое значение и другое чтение: *жж* и *жжж* читаются как долгое [ж:] (*изжарить, разжаლობить, кожжиртрест*), *жд* читается как [жд] (*дважды, жду*). В первом случае передано содержание фонем <жж> или <жж>, во втором — <жд>.

Очень жаль, что фонема <ж'> оказалась без своего буквенного наряда. Это — одна из причин, почему в современном языке <ж'> неустойчива.

¹ Считая буквой и пробел.

Не все хорошо и с обозначением мягкости согласных фонем перед ⟨э⟩. Буква *e* должна бы обозначать мягкость предшествующей согласной, а буква *э* — твердость. На самом деле *e* часто выступает в не свойственной ей роли. Она на месте в словах *лес, тень, белый, лезь, перелей*, но *e* пишется нередко и тогда, когда надо обозначить твердость согласной: *бифштекс, кронштейн, отель, стенд, теннис, дельта* (реки), *модель, модельная* (обувь), *кашне, шоссе, безе, пюре, бретель* и мн. др.

Не заменить ли ее буквой *э* всюду, где не нужно обозначать мягкость? Такое новшество сейчас вряд ли приемлемо. Многие слова произносятся вариативно — и с твердыми и с мягкими согласными перед [э]: *ге* [нэ́]-*тика* и *ге* [н'э́]*тика*, [р'эгрэ́с] и [р'эгр'э́с] и т. д. Характерно, что в орфоэпических руководствах говорится: «С твердым [д] перед [э] всегда или обычно произносятся такие-то слова...» И эта формула — «всегда или обычно» — повторяется много раз. В формулировке отражена неустойчивость произносительной нормы. А если она неустойчива, ее рано еще закреплять письменной передачей.

Так что непоследовательность в употреблении буквы *e* — недостаток письма, вызванный нестабильностью самого языка в современном состоянии.

§ 42. ГЛАСНЫЕ БУКВЫ ПОСЛЕ Ч, Щ, Ж, Ш И Ц

По-русски не пишут «*чя...щя...чю...щю...*». После *ч, щ, ж, ш* возможны только буквы *а, у*, но не *я, ю*.

По-русски не пишут: «*шы...жы...*». После *ч, щ, ж, ц* возможна только буква *и*, но не *ы*. Разумно ли такое правило?

Все буквы шипящих согласных — *ч, щ, ж, ш* — не требуют, чтобы обозначали мягкость или твердость согласных. Ведь *щ, ш* сами по себе обозначают мягкость (*щ*) и твердость (*ш*) согласной фонемы. У *ч* не надо обозначать мягкость: фонема ⟨ч⟩ не противопоставлена твердой согласной; мягкость у [ч'] неразличительна. Наконец, *ж* показывает твердую фонему ⟨ж⟩, а для мягкой ⟨ж'⟩ особого обозначения нет.

Если нет необходимости различать твердые и мягкие фонемы, то следует из двух написаний (*ча* — *чя, чу* — *чу; жи* — *жы* и т. д.) избрать одно. Какое же лучше? Вспомним, что графика у нас фонемная. Если фонемная, то лучше избрать ту букву, которая передает гласную

фонему в самой независимой позиции. Пишем *ча, чу, жи, ши* ..., потому что буквы *а, у, и* передают фонемы в самой независимой позиции.

После буквы *ц* по тем же причинам, писать всегда *а, у, и* (как после *ш, ж*). Действительно, пишется только *ца, цу*. Но после *ц* пишется в одних случаях *и*, в других — *ы*. Эти случаи регулируются правилами орфографии. Графического правила не существует.

Мы говорили: фонема — ряд звуков, она лишена произносительной характеристики, а сейчас все время повторяется — «мягкая», «твердая» фонема. Упрек справедлив. Ответ на него такой. Все описание русской графики можно построить и без терминов «твердая», «мягкая». Есть фонемы:

$$\begin{array}{ll} \langle t \rangle = 1, & \langle a \rangle = 3, \\ \langle t' \rangle = 2, & \langle y \rangle = 4. \end{array}$$

Пронумеруем их, как указано. Тогда сочетание $\langle ta \rangle$ можно обозначить как $\langle 13 \rangle$, сочетание $\langle t'a \rangle$ — как $\langle 23 \rangle$, сочетание $\langle ty \rangle$ — как $\langle 14 \rangle$, сочетание $\langle t'y \rangle$ — как $\langle 24 \rangle$. Эти четыре сочетания передаются буквенно так: *та, тя, ту, ты*. Буква *т* передает либо $\langle 1 \rangle$, либо $\langle 2 \rangle$; буква *а* показывает, что из этих возможностей избирается $\langle 2 \rangle$.

Значит, можно описать графику и без употребления артикуляционных (или акустических) терминов. Мы их употребляли ради простоты объяснения, по методическим соображениям.

§ 43. ОБОЗНАЧЕНИЕ $\langle j \rangle$

Для фонемы $\langle j \rangle$ есть буква *й* (*дай* = $\langle даj \rangle$). Можно было бы писать «*дайт*», «*дайт*», «*уйутно*», «*йож*», «*йблоко*», «*Нью-Йорк*». Но мы так не пишем (только — *Йорк* — именно так; да еще *йот, йод, Йемен*); действует такое графическое правило: йот ($\langle j \rangle$) не перед гласной фонемой передается буквой *й* (*мой, строй, не беспокой, мойте, стройка, беспокойная*); перед гласной фонемой (после гласной) буквами *я, е, ё, ю, и*, которые обозначают йот ($\langle j \rangle$) + следующая гласная фонема (*моя, моё, моей, мою, мои*).

Если фонема $\langle j \rangle$ идет перед гласным и после согласного, то она обозначается сочетаниями букв *ъ* или *ь* + *я, е, ё, ю, и* (*ружьё, судья, Сантьяго, адъютант*). В этой функции *ь* не знак мягкости, *ъ* не знак твердости, т. е. твердость и мягкость фонем (перед $\langle j \rangle$) буквенно не обозначена.

Выгоден ли такой способ передачи $\langle j \rangle$? Выгоден. Без него написания были бы очень длинные «*йавльайущайасья*», «*уйэзжайущайа*»... Знаки *я, ю, е, ё, и* позволяют сократить эти длинные ряды букв. И тем они хороши.

Было высказано такое мнение: буквы *я, ё* (и пр.) нарушают фонемный принцип нашей графики, так как они передают не фонему, а целостное сочетание ⟨j + а⟩, ⟨j + о⟩ и т. д. Это неверное мнение. Анализируя графику, нужно решить два вопроса: что передают буквы — звуки или фонемы и сколько таких единиц (т. е. звуков или фонем) передают буквы.

Н. Ф. Яковлев в своих замечательных работах по теории письма первый разделил эти две проблемы. Он — опять-таки одним из первых — пришел к выводу, что русское письмо является фонемным. В работе «Математическая формула построения алфавита» (1928) он показал: целесообразно, выгодно (при известных условиях) передавать фонемы так, что нет однозначного соответствия «буква — фонема».

Что передает буква *я* в словоформах *ясный, яд, судья*? Звуки [ja] или фонемы ⟨ja⟩? Посмотрим, как пишутся словоформы *яснее, ядовит, сватья*. Звуки другие, не [ja], фонемы те же, буква та же. Значит, буква *я* передает сразу две фонемы: ⟨ja⟩, но именно фонемы, не звуки. Очевидно, написания эти полностью фонемны.

Так же полностью фонемны буквы *е, ё, ю, и*, когда они передают сочетание ⟨j⟩ + гласная.

Таким образом, некоторые буквы в русском письме оказываются двузначными. Например, буквы *я, е, ё, ю, и* имеют два значения, а путаницы нет: в одном положении (после букв согласных фонем) они обозначают ⟨t'⟩ + гласная, в других (не после букв согласных фонем) ⟨j⟩ + гласная.

В словах *пять, тянут* буква *я* соответствует не просто [a], но вариации [â], [ã]. Нельзя ли смотреть на эту букву не только как на передатчика единиц ⟨t' + а⟩, но и как на передатчика гласного [â], [ã], фонетически отличного от [a]? Так же можно видеть в букве *ы* (*был, ты*) передатчика особого звука [ы]. Это мнение может показаться убедительным, но оно неверно. Написания *жил, шить* (и пр.) проливают свет на подлинную природу написаний типа *был, ты*: там, где не надо обозначать твердость предшествующей фонемы, мы пишем *и* (хотя бы и был налицо звук [ы], мы пренебрегаем его отличием от [и]). Только там, где надо передавать твердость предшествующей согласной, мы пишем *ы*. Ясно, что назначение этой буквы в том, чтобы передать твердость согласной + ⟨и⟩.

Точно так же написания *чай, пиццать* показывают, что средствами русской графики мы не передаем вариан-

ции [á], [ā]: там, где не надо обозначать мягкость согласных, употребляется не буква я, а буква а, хотя бы и произносилось [á], [ā].

То, что буква я передает звук [á] (*тянут*) или [ā] (*тянет*), а буква ы передает звук [ы], — следствие их фонемной функции: т' непременно сдвинет гласный [а] вперед, т непременно отодвинет гласный [и] назад.

§ 44. ПОЧЕМУ 33 БУКВЫ?

Если бы для всех мягких согласных фонем были у нас особые буквы, то их понадобилось бы 14. Но для одной мягкой <ш'> есть особая буква щ. Значит, 13 мягких обошлись без особых букв. Вместо них для мягких согласных введены ь и я, е, ё, ю, и. 6 букв. Экономия: 13—6 = 7. Да еще есть буква ъ, она делает то же, что ь — обозначает [j] перед гласными после согласных. Эта буква — не экономия, а расточительство; из сэкономленных 7 букв надо вычесть одну; итого — 6 букв чистой экономии.

Фонем — 39. Будь для каждой особая буква, всего понадобилось бы 39 букв. 6 сэкономил. Осталось 33. Столько их и есть в русской графике.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртэнз И. А. Об отношении русского письма к русскому языку [1912] // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

Григорьев В. П. Графика и орфография у А. Вознесенского // *Нерешенные вопросы русского правописания*. М., 1974.

Еськова Н. А. О разделительных знаках // *О современной русской орфографии*. М., 1964.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.

Николаева Т. М. Графические средства // *Волоцкая З. М., Моложная Т. М., Николаева Т. М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964.

Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // *Исследования по структурной типологии*. М., 1963.

Реформатский А. А. Буква ё // *О современной русской орфографии*. М., 1964.

[*Фортунов Ф. Ф.* и др.] Постановления орфографической подкомиссии. Спб., 1912.

Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) [1928] // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

ТЕОРИЯ ПИСЬМА. ОРФОГРАФИЯ

§ 45. ФОНЕМНАЯ ОСНОВА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Есть такое правило графики: фонема ⟨о⟩ передается буквой *о*. Это правило, однако, не объясняет, как писать гласные первого слога в словах: *собака, заря, росла, расти, расписать*.

Собака ... Гласный первого слога не может быть поставлен (в этом корне) под ударение. Даны такие члены чередования: *с[а]бака — с[ъ]баковод* ... И все. Но гласные [а] || [ъ] входят и в ряд [ó] || [а] || [ъ] (фонема ⟨о⟩), и в ряд [á] || [а] || [ъ] (фонема ⟨а⟩). Неизвестно, что писать: по фонемному принципу допустимы и *о*, и *а*. Мы пишем *о*, потому что фонема ⟨о⟩ действительно реализуется рядом [а] || [ъ] (фонемное основание для такого написания есть). Но, кроме того, мы пользуемся здесь и традиционным, условным принципом: выбор между буквами *о* и *а* в пользу *о* фонемно не санкционирован, он условен. Действует правило, применимое только к данному корню: в корне *собак-* безударный гласный передается буквой *о*.

Заря ... Фонема в корне — ⟨о⟩: *зóри*. (Слово *заревó* в современном языке не однокоренное со словом *зóри*; *заревó* нельзя истолковать с помощью слова *зори*.) По общему правилу графики надо писать «*зоря*». Но для форм единственного числа этого слова есть особое (следовательно, орфографическое) правило, по которому надо писать *заря, зарей, на заре* (написание условно, не фонемно).

Росли, расти ... В корне фонема ⟨о⟩: *рос, рост* (*выращивать* не показательно: при суффиксе *-ива-* закономерна грамматическая замена фонемы ⟨о⟩ на фонему ⟨а⟩: *ходит — похаживает, носит — разношивает*). Ожидалось бы написание *о* во всех словах с этим корнем. Но существует орфографическое правило, которое на свой, особый лад определяет правописание каждого слова с этим корнем. В одних словах и словоформах пишут *о* (*росли, росла*), в других — *а* (*расту, расти*), хотя корень, конечно, везде имеет фонему ⟨о⟩.

Итак, чтобы верно писать слово, нужно знание не только графики, но и орфографии.

Орфография тоже (как и графика) может быть построена на трех основаниях: фонетическом, фо-

немном или традиционном (условном, иероглифическом). Определить, какова основа русской орфографии, можно двумя путями: а) с помощью анализа основных орфографических правил; б) с помощью подсчета орфограмм: сколько букв (в достаточно большом тексте) написано на фонетическом основании, сколько — на фонемном, сколько без этих оснований (в последнем случае написание условно, традиционно, иероглифично).

Проанализируем основные орфографические правила.

1. «Сомнительную» (безударную) гласную поставь под ударение — в той же морфеме. Правило относится не только к корням, но и к грамматическим морфемам: пишем *делом*, потому что (в том же склонении) *весло́м*; пишем *к старушке*, потому что *к сестре́*.

2. «Сомнительную» согласную (звонкая она или глухая) поставь перед гласным или сонорным.

Оба правила, бесспорно, фонемны: они учат проверять вариант фонемы ее основной реализацией, той, которая дана в сильной позиции.

3. Обозначение мягкости согласных в сильной позиции не составляет труда. Но в сочетаниях «мягкий согласный + мягкий согласный», где для первого согласного возможна слабая позиция, возникают орфографические трудности. В словоформе *встаньте* пишется *ь*, а в словоформе *о фабриканте* не пишется. Правила в учебниках нередко бывают неопределенны. «Мягкий знак не пишется в сочетаниях *ни, нч, нн, рш, чн, чк...*» (и т. д. — длинный перечень. — М. П.). «В других случаях надо справляться в орфографическом словаре». Однако во время диктанта справляться в словаре не позволяют, и никто не носит все время с собой орфографический словарь. В другом учебнике сказано: «Между двумя согласными в одних словах пишется *ь* (*возьми, Кузьмич, бросьте*), а в других не пишется (*медведь, бантик, мостик*). Правописание таких слов надо запомнить». Это не правило, а отказ от правила, от орфографического руководства к действию.

Однако разумное правило, построенное на фонемных основаниях, возможно и здесь. Было предложено такое: «Мягкость согласных перед следующими мягкими согласными обычно не обозначается мягким знаком (*сентябрь, жизнь, каменщик, птенчик, песня*). Она обозначается только в тех случаях, когда в измененном или

родственном слове мягкий согласный может оказаться перед твердым согласным (*восьми — восьмой, возьми — возьму, письменный — письмо*). Можно, вероятно, еще проще изложить фонемную суть передачи мягкости согласных в нашей орфографии.

Один ленинградский учитель дал такое объяснение: мягкость у согласного бывает своя, а бывает от «соседа». Если уберешь мягкого «соседа», а мягкость остается — она своя, и только тогда она обозначается мягким знаком. Например, в слове *встаньте* «сосед» мягкий — [т']; уберем его: *встань*. Мягкость у [н'] осталась — надо ее обозначить. Наоборот: в слове *бантик* у [н'] мягкость от «соседа»; уберем его: *бант* (сосед уже не мягкий: [т]), — и у [н'] пропала мягкость. Она — от «соседа». Ее обозначать не надо.

Учитель, автор этого правила, был стихийным фонологом. С помощью этого правила вносится разум в то, что казалось совершенно неразумным; бессмысленная зубрежка заменяется пониманием законов русского письма.

Итак, три самых главных правила русской орфографии: о правописании гласных, о правописании глухих и звонких согласных, о правописании твердых и мягких согласных — можно объединить в одно: если неизвестно, какой буквой обозначать звук, то надо найти положение, где звуки хорошо различаются (в составе той же морфемы). Это, по существу, фонемное правило, хотя слово *фонема* в нем не употребляется. Это — главное правило нашего письма, оно говорит о том, что орфография у нас фонемная.

Проверим вывод другим путем. Возьмем текст и подсчитаем, сколько букв пишутся по фонемному принципу, сколько — по другим принципам. Такой подсчет уже был произведен¹. В разных текстах оказалось фонемных написаний более 90 %.

А сколько написаний отвечают произношению (если предположить, что наша орфография строится на фонетической, звуковой основе)? Их около 70 %. Тоже больше половины. Не считать ли так: русская орфография фонемная и вместе с тем фонетическая, но немного более фонемная, нежели фонетическая? Нет, это неверно.

¹ См.: *Ильинская И. С., Сидоров В. Н.* Современное русское правописание // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1953. Т. 22. Кафедра русского языка. № 2.

Подсчет, давший 70 %, проводится так. Вот слово *вода* [вада́]. Три буквы «совпадают» со звуками (верно их передают): *в* [в], *д* [д], *а* [а]; одна буква (*о*) неверно передает звук; итого: 75 % фонетических описаний (в данном слове). Такой подсчет ошибочен.

Неверно, что написание *вода* на 75 % фонетическое: оно на 100 % фонемное. «Обозначая в слове *дом* фонемы в их собственном звучании, буквы, естественно, в то же время обозначают это слово по его действительному звучанию в устной речи. Фонетическое письмо передает слово *дом* и ему подобные так же, как и письмо фонематическое. Понятно, что по таким написаниям, одинаковым и для фонематического, и для фонетического письма, определить характер письма нельзя. Напротив, сами эти написания должны быть истолкованы как фонематические или фонетические в зависимости от других написаний, в которых наглядно обнаруживается принцип, лежащий в основе письма ... Иначе говоря, характер письма определяется не тогда, когда фонематический принцип совпадает с фонетическим, а когда они противоречат друг другу»¹.

Обратимся к тем написаниям, в которых фонетический и фонематический принципы не совпадают, к таким, как буква *о* в слове *вода* (отвечает фонемному — не отвечает фонетическому принципу), к таким, как буква *с* в слове *исписать* (отвечает фонетическому — не отвечает фонемному принципу: фонема здесь ⟨з⟩, ср. *изучить*). Среди таких написаний: фонемных — нефонетических — около 90 %, нефонемных — фонетических — 8 %².

Итак, и графика, и орфография у нас фонемные (или фонематические). Поэтому можно, обобщая, сказать: у нас фонемное письмо. «Фонематическое письмо — это такое, в котором одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях, как бы она ни звучала в том или ином фонетическом положении. При этом видоизменения фонемы обозначаются на письме по ее основному значению, которое обнаруживается в фонетических положениях, где качество звучания фонем не обусловлено. В результате получается то,

---

¹ Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. С. 10.

² См. там же. С. 40.

что каждая морфема, коль скоро она содержит одни и те же фонемы, пишется всегда одинаково»¹.

Распространено мнение, что фонемная теория русской орфографии дискуссионна. Посмотрим, что в этой теории спорно.

Всю теорию орфографии можно свести к таким положениям: 1. В языке существуют позиционные чередования, такие, которые определяются фонетической позицией. 2. Звуки, которые чередуются позиционно, представляют одну фонему. 3. Буквы русского письма обозначают не звуки, а эти ряды позиционно чередующихся звуков как некие целостности.

Вот и вся фонемная теория письма. Что здесь дискуссионно? Пункт второй: название *фонема*. Ведь наличие позиционных чередований в языке никто не отвергает; никто не может оспорить, что звонкие шумные на конце слов, перед паузой, безысключительно заменяются глухими. Бесспорно также, что в написаниях *хлеб* — *хлеба* — *хлебца* буква *б* передает последний согласный корня независимо от его позиционных изменений. С этим спорить невозможно. Спорно, оказывается, что «это» называют фонемой. Есть другие теории, которые термин «фонема» истолковывают по-другому.

Ну что же, выбросим пункт второй в изложении основ теории письма. Он имеет терминологический характер. И без него все остается на местах. Конечно, удобнее было бы в третьем пункте сказать вместо длинного «обозначают не звуки, а эти ряды позиционно чередующихся звуков, как некие целостности» коротко и ясно: «Обозначают не звуки, а фонемы». Но можно обойтись и без этого слова. Те факты, которые теперь передают первый и последний пункты, не дискуссионны, никто и не пытается их опровергнуть. Этих положений вполне достаточно для обоснования изложенной теории письма.

Фонемная теория помогает понять огромные достоинства русского письма. Оно едино, целостно, потому что оно фонемно, т. е. передает лишь функционально существенное в нашей речи. Не свалка разнохарактерных правил, а исторически сложившееся единство.

---

¹ Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. С. 8.

Недостатков в нашей орфографии немало, и все-таки она фонемно разумна, целесообразна¹.

§ 46. ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА

Наша орфография не вся последовательно фонемная. Есть три важнейших отступления от этого принципа:

1. Правописание приставок на ⟨з⟩.

Фонемное написание было бы таким: *изписать, розкидать, взплеснуть, низпадать, черезполосица, безпкойный* (ср. в сильной позиции: *изливаться, разливать, взлететь* и т. д.);

Буква *с* в этих приставках пишется по фонетическому принципу, хотя он проведен и непоследовательно (ср.: *безвкусный, расщепиться* и др.).

2. Правописание букв *о, е* после шипящих для выражения ⟨о⟩.

Правило это построено на основаниях, которые прямо противоречат всем другим правилам (правописание буквы для ударного положения проверяется ... безударными позициями!).

По проекту комиссии Ф. Ф. Фортунатова (1912 г.) предлагалось писать так: если произносится [о] под ударением, то пишется *о*, в безударных слогах — *е*, т. е.: *поджог — выжег, жоны — жена, жесткий — жестка, шолк — шелка, щоки — щека, черный — чернить*. Это было бы наиболее целесообразное решение вопроса. Не попытаться ли здесь быть фонологически более последовательным и всегда после шипящих фонему ⟨о⟩ передавать буквой *о*? Именно фонемный принцип не советует так поступать. После шипящих обычно непозиционная мена фонем ⟨о⟩ || ⟨э⟩ в корнях: *жердь — жордочка, черти — чорт, шерсть — грубошорстный, щель — щолочка (и щелочка), чешет — очоски, шесть — самшост, щен² — щонная, чертит — чорточка, честь — почот, шепчет — шопот, чернь — черный, женский — жоны, шедший — шол, счесть — счол, жечь — обжог, жженье — жжонный, прочесть — прочол, желть (цинко-*

¹ Естественно, что явилось желание преподавать фонетику и орфографию в средней и даже начальной школе на фонемной основе. Об одном таком удачном опыте можно прочесть в статье: *Жедек П. С., Репкин В. В.* Значение теории для обучения орфографии // *Обучение орфографии в восьмилетней школе.* М., 1974.

² Частая подпись В. В. Маяковского под письмами, шуточно: *Счен.*

вая) — *жолтый, кошель* — *кошолка, вечерний* — *вечор, кишечник* — *без кишок, дешевле* — *дешовый, акушерка* — *акушор, горшечник* — *горшок, решетник* — *все решота* и т. д. Так в сильной позиции, под ударением, чередуются ⟨о⟩ || ⟨э⟩. Чередования эти лексикализованы. Определить, что находится в безударных слогах, очень часто невозможно: *шепчет, шопот, перешоптываться*. Какая фонема — ⟨о⟩ и ⟨э⟩ — в слове *шепоток, шептаться*? Требование в каждом случае определить фонему было бы невыполнимо; часто здесь налицо в

безударных слогах гиперфонема $\langle \frac{э}{о} \rangle$. Поэтому правило Ф. Ф. Фортунатова максимально фонемно: в сильной позиции фонема передается в своем основном виде — буквой *о*, в слабых позициях пишется буква *е*, которая в русском языке привычна и как передатчик ⟨о⟩ (*нёс — несу*) и как передатчик ⟨э⟩ (*лес — лесá*).

Правило, предложенное Ф. Ф. Фортунатовым, было снято в комиссиях Временного правительства (1917), где проект реформы редактировался — большей частью не к пользе дела.

3. Правописание *ь* после шипящих в конце слова.

Комиссия Ф. Ф. Фортунатова предложила в конце слов после шипящих не писать *ь*: «При сохранении вообще для *ь* значения 1) знака мягкости согласных и 2) знака отделительного не в конце приставок, подкомиссия неизбежно должна была признать излишним написание этой буквы в конце слов за *ж* и *ш*, которые в господствующем произношении всегда тверды (*рож, плеш, ходиш, даш, лиш, сплош, настеш*). Имея в виду, что звуки *ч, щ* в господствующем произношении всегда мягки и что мягкость эта по существующему правописанию не выражается буквой *ь* в середине слов (*безупречный, свечка, мощный*), подкомиссия предположила не писать *ь* в положении за *ч, щ* также и в конце слов, т. е. писать без *ь*: *толоч, ноч, печ, реч, точ в точ, навзнич, вещь, помощ*».

Это отвечает духу фонемной орфографии¹. Предложение постигла та же участь, что и предыдущее.

Есть и другие отступления от фонемного принципа, более частного характера.

¹ См.: *Панн Ф.* Русская орфография в венгерской школе // *Slavica VIII. Annales Institutii philologiae Slavica. Debrecen, 1968.*

§ 47. «МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП» В ОРФОГРАФИИ

Фонемный принцип русской орфографии — объективная данность, теория письма отражает ее. Как и все, что связано с фонологией, эта теория вызывает ожесточенные возражения. Говорят, что в основе русской орфографии лежит не фонемный, а морфологический принцип. Суть его в том, чтобы каждую морфему писать одинаково. Корень в словоформах *голова* — *голов* — *головы* произносится по-разному, а пишется одинаково; это и есть проявление морфологического принципа. Обошлись без всякой фонемы¹.

Сама формулировка этого «принципа» логически ущербна. На вопрос, как писать слова: [гълавá] — [галóф] — [гóльвы] — дается ответ («морфемной теорией» орфографии): пишете одинаково. Но это не ответ. Сказав, что два объекта должны быть одинаковы, мы еще не дали им никакой характеристики. Морфемы мы, действительно, нередко пишем одинаково (не всегда!). Но как выбрать этот единый буквенный облик слова? Пишем: *дуб* — *дубы*. В одном случае написание передает произношение: *дубы*, в другом — нет: *дуб*. Почему тогда нельзя писать *дуп* — *дупы*? И здесь тоже в одном случае произношение и правописание совпадают, а в другом нет. На этот вопрос теория «морфологического принципа» не может дать ответа. (Ведь в обоих случаях сохраняется единство написания корня.)

Отвечают так: «На этот, якобы «неразрешимый» с точки зрения морфологического принципа, вопрос ... совсем не трудно ответить... Фонетическое написание «*дуп*» ... нельзя выбрать образцом для осуществления единообразного написания морфем (т. е. писать «*дупы*» так же, как «*дуп*», с буквой *п*), так как письмо в этом случае разошлось бы с произношением до потери словами смысла... Написание «*дупы*» и читалось бы как «*дупы*»².

Это не ответ на вопрос, а повторение вопроса в качестве ответа. Задан вопрос: почему избирается именно

¹ О «морфологическом принципе» письма см. подробно в работах: Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания // Избр. работы по орфографии и фонетике: К 70-летию со дня рождения. М., 1963; Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. М., 1976.

² Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. С. 234.

это единое написание, а не другое? Ответ: а потому, что при другом выборе читать будет неудобно. Но ведь об этом же и спрашивают: почему нельзя выбирать написание «*дупы*», т. е. почему плохо получается для чтения, для понимания слова?

У фонологов есть ответ на этот вопрос. В слабой позиции две (три, четыре) фонемы нейтрализованы. Можно на письме обозначать либо ту, либо другую — произноситься все равно будет одно и то же — общий вариант, в котором слились обе фонемы. Написано ли будет слово *дуб* с *б* или с *п* — все равно произнесут [п]. Другое дело — сильная позиция. В ней фонемы реализованы по-разному, они не совпадают в одном звуке. И если написать *п*, то и произнесут [п]; если написать *б*, то и произнесут [б]. Следовательно, можно орфограмму в слабой позиции равнять на сильную, но не наоборот.

Сторонники «морфологического принципа» такого ответа дать не могут. В основе их теории лежит призыв писать «одинаково», а на что ориентировать эту одинаковость, они знают практически (это знает каждый пишущий), но теоретически ее осмыслить — в рамках своей теории — не могут.

А что если при защите «морфологического принципа» использовать термин «сильная позиция»? Сильная позиция — понятие, которое не существует без понятия «слабая позиция». Слабая позиция — та, в которой нейтрализованы фонемы. Включить в объяснение понятие «сильная позиция» — значит признать, что ответить на поставленный вопрос (почему не *дупы*) без помощи фонологии нельзя.

Теория «морфологического принципа» в орфографии не ладит с фактами. Каждую морфему надо передавать в одном и том же буквенном облике — вот ее идеал.

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя...

---

¹ Так и поступил автор цитированной книги во втором издании (см.: *Иванова В. Ф.* Современный русский язык: Графика и орфография. С. 234); сказав, что «*дупы*» писать нельзя, она затем добавляет: «...так как [б] в словоформе *дубы* находится в сильной позиции по глухости — звонкости...» — до этого и после этого о сильной позиции в книге речи нет. При этом аитфонологическая направленность всей теории «морфологического принципа» и в этом издании полностью сохраняется. Невероятно, но факт!

Возьмем эти всем известные строки (а можно взять и любые другие) и посмотрим, осуществлен ли в русском письме принцип буквенного единообразия морфемы.

		Ч е р е д у ю т с я :
<i>не мысля</i>	<i>мышление</i>	<i>с — ш</i>
<i>гордый</i>	<i>горжусь</i>	<i>д — ж</i>
<i>забавить</i>	<i>забавлю</i>	<i>в — вл</i>
<i>вниманье</i>	<i>внимать, внять</i>	<i>ним — ня</i>
<i>дружбы</i>	<i>друг, друзья</i>	<i>г — ж — з</i>
<i>возлюбя</i>	<i>возлюблю</i>	<i>б — бл</i>
<i>хотел</i>	<i>хочу</i>	<i>т — ч</i>
<i>тебя</i>	<i>тобой, ты</i>	<i>теб — тоб — т</i>
<i>представить</i>	<i>представлю</i>	<i>в — вл</i>
<i>залог</i>	<i>заложить</i>	<i>г — ж</i>
<i>достойнее</i>	<i>достойн</i>	<i>й — и</i>

В четверостишии только одно полнозначное слово — *свет* — не имеет в корне чередований (конечно, *яркий свет* — *свеча* — *освещение* — слова с другим корнем, в современном русском языке это, несомненно, так).

Оказывается, в русском письме однообразный буквенный облик слов вовсе не выдерживается. Поэтому, сформулировав основной «морфологический принцип» письма, необходимо (чтобы не войти в противоречие с фактами) добавить: «Само собой разумеется, традиционные чередования *сон — сна, ходить — хожу* и т. п. на письме обозначаются». Но это не «само собой разумеется»: это «разумет» фонемная теория.

Когда теоретики «морфологического принципа» говорят: традиционные (= непозиционные) чередования обозначаются, то имеют в виду: а позиционные нет. Но фонемный принцип письма орфографии в том и состоит, что не должны передаваться позиционные (и только позиционные) чередования, а традиционные (непозиционные) должны. Фонемная теория это даже доказывает.

Может быть, можно так рассуждать: конечно, требование морфемной теории орфографии — писать одну и ту же морфему в разных словах одинаково — в ряде случаев не выполняется. Но ведь и требование фонемной теории орфографии тоже в ряде случаев не выполняется! (см. 8, 46). Значит, в этом отношении обе теории равны.

Нет, это неверно. Те непоследовательности, которые говорят о неполном воплощении в нашей орфографии фонемного принципа, всегда ведут к затруднениям при овладении письмом, они могут быть (не сегодня и

не завтра, а в принципе) исправлены, вместо них возможно последовательное использование фонемного принципа. И это облегчит письмо. Не таковы отступления от морфемного принципа. Они не исправимы, потому что они есть непоследовательность только с точки зрения этого принципа, а с точки зрения целесообразности письма они хороши и никакому исправлению не подлежат. Невозможно писать вместо *ручка* — «*рукка*», вместо *вручить* — «*врукить*», вместо *пущу* — «*пущю*», вместо *утомление* — «*утомение*» и т. д. А этого требует принцип — писать морфему всегда одинаково (если его провести последовательно).

В. К. Третьяковский писал: «Мы произносим например *т* в слове *упатка* от *упадок*... то *т* и надобно писать, а не *д*». Ведь мы иногда передаем на письме произношение, не соблюдая единства орфограмм: «Древняя наша орфография не может всегда наблюдать характеристических букв в производных словах. Может ли она написать *возмогность* от *возмогу*, не меняя *г* на *ж*? Всяк из нас скажет, что не можно так писать». Если в случае *возмогу* — *возможность* мы передаем на письме чередование согласных, то, рассуждал В. К. Третьяковский, надо во всех случаях передавать чередования и писать *упатка*, *укас* и т. д.

Рассуждение Третьяковского повторяли многие ученые на протяжении всего XIX в. (В. П. Шереметевский, Р. Ф. Брандт и др.). Недоумение разрешила только фонемная теория. Она объяснила, в чем различны позиционные и непозиционные чередования: позиционные нефункциональны, поэтому их можно не передавать на письме. Фонемная теория объясняет разумность нашего письма.

Зачем нужна теория «морфологического принципа» в орфографии?

1. Для того, чтобы «опровергнуть» фонемную теорию. Это не удалось.

2. Для того, чтобы оправдать те минусы, которые есть в русской орфографии, и представить их плюсами¹.

¹ «Историческая и структурно-синхронная ограниченность возможности применения морфологического принципа к упрощению и усовершенствованию современного русского правописания породила желание воспользоваться другим — более широким и отвлеченным принципом усовершенствования орфографии — а именно: принципом фонемным, или фонематическим» (Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования правописания // *Вопросы русской орфографии*. М., 1964. С. 16).

Главные минусы были обнаружены комиссией Ф. Ф. Фортунатова, но они вполне отвечали «морфологическому принципу». Написания *желудь* — *желудей* или *шелк* — *шелка*, *челка* — *цело* морфологичны (жаль, что крайне неудобны на письме). Надо добавить, что и все написания, от которых нас избавила реформа 1917 г., тоже были вполне морфологичны: *снѣгъ* — *снѣжный* — *снѣговой* — *снѣжинка*. Если следовать «морфологическому принципу», их не следовало изменять. Но их изменили. Так что есть надежда, что и другие предложения Ф. Ф. Фортунатова и его соратников тоже когда-нибудь будут реализованы, хотя это и не соответствует духу «морфологического принципа».

Итак, «теория морфологического принципа» 1) не обеспечена мыслью; 2) не соответствует фактам.

Обозначим: над буквой цифру «1» — если буква пишется по фонемному принципу, цифру «2» — если по традиционному, цифру «3» — если по фонетическому. Цифры «1—2» — если и по фонетическому и по традиционному:

111111	11-21111	11121	1-21111	1211
<i>голова,</i>	<i>со бака,</i>	<i>злого,</i>	<i>стихи,</i>	<i>заря,</i>
123111111	111111111	1-21111	111-22	
<i>расписка,</i>	<i>переписыв</i>	<i>а тья,</i>	<i>лишь</i>	
1112	11112111	211	1-21-21-21113111	
<i>мышь,</i>	<i>помощник,</i>	<i>что,</i>	<i>а б с тракция,</i>	

(ср. *абстрагировать*).

Наша графика и орфография в основе своей фонематичны. Это обуславливает их высокие достоинства.

§ 48. ОРФОГРАФИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Но есть особые орфографические подсистемы, где фонемный принцип сильно потеснен. В них фонемный и традиционный (условный) принципы выступают на равных правах. Это — подсистемы собственных имен. «Если в написании *того же* (фонетически и морфологически), в написании имен нарицательных нельзя допустить различия и следует добиваться единых орфограмм, например, писать всегда: *огарок*, *огонь*, *плотский*, *кулацкий*, и не допускать написания *агарок*, *агонь*, *плочкий*, *кулатский* и т. п., то в написании имен собственных возможны *Огарков* и *Агарков*, *Огарково* и *Агар-*

ково, Огнивцев и Агнивцев, Высотский и Высоцкий, Оленин и Аленин и т. п. Если в написании нарицательных имен императивом служит обязательная общность на базе общенационального языка и единого орфографического принципа (фонематического — на худой конец «морфологического», что, конечно, не одно и то же!), то при написании имен собственных многое зависит от регионального и индивидуального... и даже от описок паспортистов и картографов!» (А. А. Реформатский).

В собственных именах резко возрастает количество гиперфонем — единиц, не проверяемых сильной позицией. В слове *огонь* первый гласный передан буквой *о* — это фонемное написание (ср. *огненный*, поэтому <огон'>). Но фамилия *Огнѳвцев* или *Агнѳвцев* не имеет в современном русском языке живой связи ни со словом *огонь*, ни со словом *огненный*. Значит, *Огнивцев* (или *Агнивцев*) = < $\frac{a}{o}$ >гнивцев, и буква *А* или *О* в начале

фамилии пишется не на фонемном, а на фонемно-традиционном основании. В слове *пушка* пишется *ш*, и это фонемное написание (ср. *много пушек, пушечный*, след. <пушка>), но фамилия *Пушкин* — не однокоренная со словом *пушка* (однокоренные слова имеют общность не только звуковую, но и смысловую, а *Пушкин* и *пушка* по смыслу не связаны); поэтому *ш* пишется по фонемному и традиционному принципу.

Легко доказать, что в корнях слов: *Толстой* и *толст*, *Островский* и *остров*, *Чайковский* и *чайка*, *Козьма Прутков* и *прут, пруток* — разные орфограммы. Например:

1 1 1 1 1	1 1 1 1 1	но	1 1 1 1 - 2 1
<i>пруток,</i>	<i>прутки,</i>		<i>Прут к · (ов)</i>

Собственные имена пишутся с большой буквы. Неверно, что эта особенность совершенно не связана с фонемной характеристикой нашего письма: большая буква выделяет слова, которые составляют особую подсистему — и особую именно в отношении использования фонемного принципа¹. (Другой, конечно, смысл имеет большая буква в начале предложений.)

¹ См.: Реформатский А. А. Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. М., 1965; Калакуцкая Л. П. Орфография фамилий // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.

Заметим, что и слитные ~ раздельные написания не лежат вне фонемного принципа: они, хорошо или плохо, связаны с передачей пограничных сигналов, а пограничные сигналы — явление фонематическое.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Приставки на ⟨з⟩: О правописании приставок на -з в связи со смежными вопросами // *О современной русской орфографии.* М., 1964.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемами письменного языка [1930] // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Чельцова Л. К. Письма об орфографии. М., 1969.

Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования нашего правописания // *Вопросы русской орфографии.* М., 1964.

Гловинская М. Я. Написание двойных согласных в заимствованных словах // *Проблемы современного русского правописания.* М., 1964.

Дурново Н. Н. К вопросу о реформе русского правописания // *Русский язык в советской школе.* 1930. № 3.

Еськова Н. А. Графическая передача фонемы ⟨и⟩ в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом // *О современной русской орфографии.* М., 1964.

Еськова Н. А. Передача фонемы ⟨о⟩ после шипящих и ⟨ц⟩ // *Проблемы современного русского правописания.* М., 1964.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // *Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина.* М., 1953. Т. 22. № 2.

Калакуцкая Л. П. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных // *Орфография собственных имен.* М., 1965.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.) / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1965.

Орфография и русский язык / Под ред. И. С. Ильинской. М., 1966.

Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // *Русский язык в школе.* 1937. № 1 и 6; 1938. № 1.

Реформатский А. А. Орфография собственных имен // *Орфография собственных имен.* М., 1965.

Ушаков Д. Н. Русское правописание: Очерк его происхождения, отношение его к языку и вопросы о его реформе [1911]. М., 1917.

Шапиро А. Б. Русское правописание [1951]. М., 1961.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Язык часто и не без основания называют «языком слов». В самом деле, слова — его непосредственно воспринимаемые конкретные единицы. Их совокупность образует словарный состав языка, или его лексику. Наука, изучающая лексику, называется лексикологией.

Слово как единица языка выступает объектом разных лингвистических дисциплин: в фонетике изучается его звуковая сторона, в словообразовании — строение и способы образования, в морфологии — его грамматические формы и значения, в синтаксисе — способы соединения слов и форм слов в словосочетания и предложения. В лексикологии слово рассматривается как единица словарного состава языка, имеющая некое предметное (лексическое) значение. Слово *стол*, например, представляет здесь интерес прежде всего как название предмета мебели: *обеденный (письменный) стол*, специального оборудования: *операционный стол*, питания, пищи: *обильный (диетический) стол*, того или иного отделения в учреждении: *стол заказов (находок)*, как единица, которая находится в определенных отношениях с другими однородными по значению лексическими единицами, скажем, как входящая в класс наименований мебели вместе со словами *стул, кресло, диван, кровать, шкаф* и т. п.

Противопоставление грамматических форм слова (словоформ) в одном и том же значении (*Мне нравится этот стол; Мы сидим за столом; Привезли новые столы для читального зала*) является несущественным для лексикологии. Это предмет изучения грамматики. И, напротив, изучение сходства и различия смысловых вариантов одного и того же слова во всей системе их форм (*стол, стола, столу...* — ‘предмет мебели’, *стол, стола, столу...* — ‘питание, пища’ и т. п.) — одна из важных задач лексикологии.

Подобно другим единицам языка единицы лексики образуют некоторые системные отношения. Раскрытие природы и описание системного характера лексики представляют основной предмет и главную задачу современной теоретической лексикологии. Ей подчинены частные задачи: 1) изучение лексической семантики (природа, виды и типы значений слов, структура лексических единиц, синтагматические и парадигматические отношения в лексике, категориальные отношения лексических единиц: многозначность, омонимия, синонимия, конверсия, антонимия, семантическое поле и др.); 2) классификация словарного состава языка по основным оппозициям [лексика исконная и заимствованная, активная и пассивная (устаревшая и новая), общенародная и ограниченного употребления (терминологическая, диалектная, жаргонная), стилистически нейтральная и маркированная, например книжная или разговорная, и др.]; 3) систематизация основных типов фразеологических единиц; 4) разработка общей типологии словарей и описание основных типов словарей русского языка.

§ 2. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА

Как уже говорилось, единицы языка связаны между собой и зависят друг от друга. Они образуют систему — множество элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом. В лексической системе языка такими элементами являются простейшие единицы — «слова-понятия», как их называл Л. В. Щерба¹, т. е. слова, взятые в одном из их значений (например, *стол* как обозначение предмета мебели) или однозначные слова (*береза*). Из таких простейших «клеточек», отражающих соответствующие сегменты действительности (предметы, свойства, явления, отношения и т. п.), и складывается лексическая система языка как определенная целостность.

«Слова-понятия» — элементы лексической системы — тесно взаимодействуют друг с другом; их могут связывать отношения: смысловой мотивированности внутри одного и того же слова (*тяжелый*₁ — 'имеющий боль-

---

¹ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 291.

шой вес', *тяжелый*₂—'грузный, лишенный легкости', *тяжелый*₃—'трудный, требующий большого труда, усилий'...), эквивалентности (*тяжелый* — *тяжеловесный*), противоположности (*тяжелый*—*легкий*), обратности обозначаемых отношений (*чемодан тяжелее сумки* — *сумка легче чемодана*), включения элемента в класс (*тяжелый* — как одно из наименований класса обозначений веса). Такие отношения единиц, лежащие в основе категории многозначности, синонимии, антонимии, конверсии, семантического поля, буквально пронизывают лексику, организуя ее как систему. Своеобразную семантически «негативную» категорию представляет собой омонимия — «равноименность» разных языковых единиц. Все производные базового слова иерархически организованы на основе мотивационных отношений в системе словообразовательных гнезд (см. «Словообразование», 7, 48). Лексические единицы оказываются, таким образом, достаточно упорядоченными системно, входя в целую сеть разнообразных и пересекающихся структурно-смысловых отношений.

Системность лексики проявляется, однако, не только в том, что ее единицы могут быть распределены по семантическим полям (ср. обозначение времени, пространства, цвета, движения, родства и т. п.), категориальным классам (классы многозначных слов, синонимов, антонимов и др.), оппозициям типа *исконное* ~ *заимствованное*, *активное* ~ *пассивное*, *общеупотребительное* ~ *ограниченное*, *нейтральное* ~ *стилистически маркированное* и т. п., но и в самом характере употребления лексических единиц, где есть свои закономерности. Обращает на себя внимание прежде всего то, что содержательно тождественные и близкие лексические единицы, принадлежащие к одному семантическому полю, классу, употребляются одинаково или достаточно сходным образом, обнаруживая полностью или существенно совпадающую сочетаемость с другими словами, ср., например, полные и частичные синонимы: *орфография* — *правописание*, *друг* — *товарищ*. Слова же с далекими друг от друга значениями, например *необходимость* и *барабан*, напротив, не обнаруживают общей характерной сочетаемости.

Существуют свои закономерности и в использовании единиц той или иной лексической категории: так, варианты (значения) многозначного слова обнаруживают тенденцию употребляться преимущественно в несоспа-

дающих контекстах; напротив, антонимы реализуют свою главную функцию противопоставления в одних и тех же контекстах. В сочетании того или иного слова с другими словами в тексте есть свои законы, определяемые системой языка: между значением данного слова и значениями сочетающихся с ним слов должно быть смысловое согласование (см. 1, 3). Так, характерную сочетаемость глагола *лететь* — 'перемещаться по воздуху' образуют его связи в тексте прежде всего с такими классами слов, которые обозначают птиц, насекомых, летательные аппараты: *голубь (стрекоза, самолет, ракета) летит*, пассажиров или экипаж: *Туристы летят на скоростном лайнере*, предметы, приводимые в быстрое движение силой толчка, удара: *камень (мяч, пуля) летит*, человека, животного, наземные и водные средства передвижения (при обозначении быстрого, как полет, движения): *всадник (конь, поезд, катер) летит*, быстро проходящее время: *время летит, летят дни (года)*, и некоторыми другими. В качестве определителей и уточняющих характеристик здесь используются классы слов, обозначающих исходный пункт, направление, цель, скорость полета и др.

Существенно подчеркнуть, что системность в лексике может быть как очевидной, непосредственно наблюдаемой, так и уходить своими корнями в «глубину» языка, т. е. обнаруживаться на определенном уровне абстракции, проявляться в глубинной структуре языка. Смысловые различия глаголов *вязать (свитер)*, *наживать (состояние)*, *разбивать (сквер)*, *сажать (кляксу)*, *составлять (список)*, *строить (дом)*, как и множества им подобных, оказываются не столь существенными, как кажется на первый взгляд, и обусловлены конкретными значениями соответствующих существительных. Подобные глаголы имеют один и тот же объединяющий их «глубинный смысл» — 'каузировать', т. е. делать так, чтобы что-то появилось, начало иметь место. С помощью нескольких десятков таких функций оказывается возможным систематизировать всю несвободную сочетаемость слов языка.

Лексическая система сходна по своей структуре с другими системами, изоморфна им: ее единицы подобно, скажем, фонемам и морфемам взаимодействуют друг с другом в контексте, входят в определенные классы единиц, противопоставляются или, напротив, нейтрализуются, образуют классы и т. п.

Вместе с тем лексическая система по сравнению с другими системами значительно сложнее: количество ее элементов и разнообразие их отношений не идут ни в какое сравнение с элементами других систем. «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах насчитывает свыше 120 000 слов, число же фонем в разных языках не превышает нескольких десятков. При этом надо иметь в виду, что большинство употребительных слов многозначно по своей природе. У глагола *идти*, по данным этого словаря, 26 значений. Исключительно разнообразны и взаимоотношения лексической единицы с контекстом: ведь для того, чтобы различать значения полисемичного слова, необходимы соответствующие типовые «опознавательные контексты» (для большинства слов — многочисленные).

Характерной особенностью лексической системы является также ее открытость. Лексика как самый «подвижный» уровень языка в наибольшей степени отражает изменения, происходящие в различных сферах жизни. Следствием этого является наличие в ней неологизмов и устаревших слов. Устойчивость и подвижность элементов лексики характеризуются определенным равновесием.

Разумеется, не все в лексике структурировано в равной мере: одни из микросистем более упорядочены, чем другие. Здесь есть и асистемные явления, подобно тому, как в правилах могут существовать исключения, не умаляющие, однако, значения самих правил.

Как будет показано ниже (см. 2, 12), одним из важнейших принципов структурирования лексики являются родо-видовые отношения слов: *роза, тюльпан, гвоздика, астра, незабудка, подснежник... — цветок; физика, химия, география, биология, история, литературоведение, языковедение... — наука.*

Такое включение однородных единиц в соответствующий класс осуществляется на основе их принадлежности к определенным семантическим полям, совокупность и взаимодействие которых являются ярким проявлением системной организации лексики. Однако в последовательном членении семантических сфер лексики на классы, подклассы, микросистемы и более частные группы наряду со строго системными отношениями можно обнаружить и асистемные отношения, известные отклонения от системы, «сбивы» в классификации. Говоря о подобных лексико-семантических системах с обоб-

щающими родовыми словами, В. А. Звегинцев отмечал, что «не все слова языков, обладающих такими обобщающими словами, можно распределить по группам, имеющим единое обобщающее слово. Члены некоторых лексических групп, хотя и объединяются по принципу наличия в них общего семантического начала, однако вместе с тем наделяются такой добавочной смысловой нагрузкой стилистического или идеографического порядка, которая тянет их в разные стороны и препятствует выделению обобщающего слова. В лексическом ряду: *спешить* — *торопиться* — *нестись* — *лететь* и пр. трудно найти слово, которое было бы способно заменить собой все эти слова, вместе взятые (как слово *дерево* заменяет название любой породы деревьев или каждое по отдельности)»¹. Нет, например, в русском языке и родового названия садовых кустарников: *смородина*, *малина*, *крыжовник*...

Не все одинаково системно в многозначности слов. Так, существительные, обозначающие цифры (*единица*, *двойка*, *тройка*, *четверка*, *пятерка*, *шестерка*, *семерка*, *восьмерка*, *девятка*, *десятка*), обычно развивают значения 'цифра', 'оценка знаний', 'игральная карта', 'автобус, троллейбус, трамвай определенного маршрута', 'группа людей в каком-нибудь количестве', 'лодка в спортивном соревновании (по числу весел)'. И здесь наряду с общей и даже поразительно стройной системностью значений обнаруживаются факты асистемного характера: изолированными оказываются значения 'упряжка (из трех лошадей)' у слова *тройка*, 'карточная игра' у существительного *девятка* и др.

Причины экстралингвистического характера «задерживают» развитие некоторых значений: 'оценка' — у слов, начиная с *шестерки* (пятибалльная система), 'лодка' — у нечетных наименований (так как название спортивной лодки дается по числу парных весел: *четверка*, *восьмерка*) и т. п.

Антонимические отношения выражаются регулярно, системно разными словами: *горячий* — *холодный*, *приходить* — *уходить*, но и здесь могут быть асистемные отступления, когда противоположные смыслы могут передаваться значениями одного и того же слова: *оговориться* — 'сделать оговорку' (специально, сознательно) и *оговориться* — 'ошибиться'.

¹ Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957. С. 269.

Факты асистемности, имеющие место в языке, должны учитываться, но не должны преувеличиваться: они осознаются на фоне регулярных, системных отношений, превалирующих над ними.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 84—133.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С. 5—20.

Глава I

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

§ 3. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Семасиология и ономасиология — два раздела лексической семантики

Значение языковых единиц изучается в особом разделе языкознания — семантике. Лингвистическая семантика как научная дисциплина имеет своим предметом исследование значения единиц разных уровней языка. Объект лексической семантики — предметно-понятийное значение слова.

Лексическая единица представляет собой единство знака, т. е. ее звуковой или графической стороны, и значения, т. е. специфически языкового отражения определенного предмета (явления) действительности, скажем, в виде ее словарного определения.

В процессе речевого общения слушающий (читающий) декодирует (воспринимает) текст, а говорящий (пишущий), кодируя смысл, порождает текст, меняясь соответственно ролями. В одном случае возникает вопрос: «Что значит это слово?»; в другом: «С помощью какого слова (или каких слов) можно выразить это понятие (этот смысл)?» Значения лексических единиц могут поэтому исследоваться в двух противоположных направлениях: от знака к значению и от значения к знаку. В соответствии с этим выделяются два раздела (аспекта) семантики: семасиология, в которой значение изучается в направлении от плана выражения к плану содержания, и ономасиология, где значение изучается в направлении от плана содержания

к плану выражения. Эти аспекты семантики неразрывно связаны друг с другом как теория значения и обозначения.

Выделение указанных разделов в современной семантике существенно для понимания природы основных лексических категорий, одни из которых являются преимущественно семасиологическими (например, многозначность), другие — ономасиологическими (например, синонимия, семантическое поле); разграничение этих аспектов существенно и для типологии словарей семасиологической и ономасиологической ориентаций (ср. толковый словарь, с одной стороны, и идеографический или синонимический — с другой).

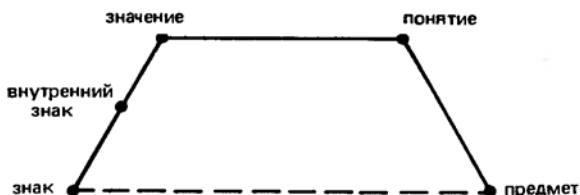
Факторы, определяющие значение лексических единиц

Основной функцией лексической единицы является номинация, т. е. называние предметов, существ, явлений, признаков, отношений, действий и др. Между такой единицей и соответствующим предметом (в широком смысле этого слова) устанавливается определенная отражательная связь, закрепленная в практике речевого общения, в силу чего слово обладает известным предметно-понятийным, или лексическим, значением.

Эта функция качественно отличает лексическое значение от словообразовательного и грамматического, которые обозначают прежде всего смысловые отношения между производящей основой и основой производного слова или различными взаимосвязанными грамматическими формами слов. Значение слова как номинации всегда конкретнее значения корневой морфемы, так как последняя не может быть непосредственно наименованием предмета, лишена лингвистической категориальности (значения предметности, свойства, признака, действия и др.) и передает лишь общее понятие чего-либо; ср., с одной стороны, *теплый, тепло, теплота, теплеть* и *-тепл-* — с другой.

Значение лексической единицы определяется рядом факторов, важнейшими из которых являются отражаемая в языке внеязыковая действительность, мышление и система языка. Взаимосвязь и взаимодействие этих факторов могут быть наглядно представлены в виде трапеции¹:

¹ Эта модель лексического значения является современной модификацией «семантического треугольника» Огдена — Ричардса (см.: Ogden C. K., Richards I. A. *The meaning of meaning*. N.-Y., 1927), в котором понятие и значение совмещаются в одной вершине, не дифференцируются.

В лексическом значении находит обобщенное отражение определенный предмет, «сегмент», «кусочек» действительности; слово является названием не отдельного предмета, а целого класса предметов, так как «в языке есть только *общее*»¹. Лексические единицы являются обозначениями множества подобных предметов.

Предметы и явления действительности отражаются в сознании человека в виде логических понятий и языковых значений.

Понятие как форма мышления и категория логики представляет собой отражение всех существенных с точки зрения общественной практики признаков и свойств предмета, итог его познания. Научное описание понятия «вода» занимает, например, много столбцов убористого текста в энциклопедиях; ему посвящены целые монографии. Оно неизмеримо богаче по содержанию, чем значение слова. Отметим в этой связи, что главное значение слова *вода* кратко определяется в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова как 'прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода'.

Лексическое значение слова — категория языка. Это специфически языковое отражение предмета, его краткая характеристика. Если основное назначение понятия — давать полное научное отражение объекта, то главная функция значения — экономно и эффективно намекать на определенное внеязыковое содержание, на специальные знания, имеющиеся в человеческом опыте. Лексическое значение — это минимальный набор наиболее характерных дифференциальных признаков (взятых обычно из числа признаков понятия), позволяющий экономным образом «опознать» обозначаемый

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 249.

предмет. В отличие от научного понятия языковое значение называют «наивным понятием», т. е. обыденным представлением о предмете (явлении), характерным для среднего интеллигентного носителя языка и основанным часто на донаучных понятиях, закреплённых в языке¹; такие понятия могут иногда существенно не совпадать: ср. понятие высоты в геометрии (перпендикуляр, опущенный из вершины геометрической фигуры на основание; в треугольнике, например, их три) и в повседневной практике (вертикальная линия, идущая снизу вверх: *высота дома*).

Являясь составной частью лексической единицы, значение оказывается неразрывно связанным в системе языка с соответствующим з н а к о м — внешним и внутренним. Внешний (материальный) знак, представляющий слово в устной или письменной речи, — это звуковая (графическая) оболочка слова: *вода* [вдá]; внутренний знак — психический образ звучащего или написанного слова, его аналог во внутренней речи. При помощи внутренних знаков и соответствующих значений человек формирует мысль, думает «про себя», при помощи внешних — «переводит» мысль в устную или письменную речь, делая ее доступной для других. За каждым знаком закрепляется определенное значение. Их единство и образует лексические единицы, с помощью которых членится в языке отображаемый в них мир. Поскольку количества знаков, а также характер их соотношения при обозначении определенного «сегмента» действительности в разных языках обычно не совпадают, постольку значения слов в таких языках могут различаться по своему смысловому объёму. В этом смысле состав и взаимоотношение наличных знаков в системе языка оказываются существенной предпосылкой, определяющей объём содержания и смысловые границы слов.

Лексическое значение, тесно связанное в составе слова с определенным языковым знаком, соотносится благодаря отражательной деятельности мышления с предметами внеязыковой действительности. Прямой связи между знаком и предметом нет: она опосредована мышлением и языком, отражающими объективно суще-

¹ А. А. Потебней соотношение значения и понятия понимается как взаимоотношение ближайшего и дальнейшего значения слова (см.: *Потебня А. А. Из записок по русской грамматике*. М., 1958. Т. 1—2. С. 19).

ствующий мир. Исключение составляют лишь звуко-подражания: *апчи, капать* (ср. *кап-кап*), *кукушка, мяукать* и т. п.

Так лексическое значение единицы, обуславливаясь рассмотренными выше факторами, получает в языке свою определенность и специфику.

Виды лексического значения

У языковой единицы можно выделить различные виды лексического значения, взаимосвязанные друг с другом в пределах единого целостного объекта.

1. Сигнификативное значение лексической единицы представляет собой специфически языковое отражение действительности. В этом своем аспекте лексическое значение выступает как «собственно семантическое», намекающее на определенное внеязыковое содержание. Такое значение прежде всего и раскрывается в словарях. По определению А. И. Смирницкого, это — «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании... входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка...»¹. Сигнификативное значение отвечает на вопрос: «Что значит данное слово?»

2. Структурное значение является формальной характеристикой свойств лексической единицы, фиксирующей ее место в системе. В его основе лежит отношение знаков друг к другу. Выделяются два типа структурного значения: синтагматическое и парадигматическое.

Синтагматическое структурное значение, или валентность, характеризует линейные отношения лексической единицы, ее характерную сочетаемость с другими единицами. Совокупность слов, с которыми может сочетаться лексическая единица, образует ее дистрибуцию.

В собственно лексическом плане сочетаемость языковой единицы с другими регулируется законом семантического согласования слов, согласно которому в смысловую связь вступают только те единицы, в значении которых есть общие, повторяющиеся семантические компоненты (см. 1, 4). Например, в соче-

¹ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 152.

таниях *пить воду (чай, кофе, сок)* таким повторяющимся, общим семантическим компонентом является 'жидкость'; он входит в толкование всех этих слов: *пить* — 'проглатывать жидкость', *вода* — 'прозрачная бесцветная жидкость', существительные *чай, кофе, сок* толкуются через слово *напиток* — 'жидкость для питья' [ср. в этой связи невозможность таких сочетаний, как «*пить хлеб (бутерброд, яблоко)*»]. Слова *идти, ехать*, с одной стороны, и *медленно, быстро* — с другой, семантически согласуются между собой благодаря общему смысловому компоненту — 'скорость', сочетание же «*стоять медленно*» оказывается невозможным, так как глагол *стоять* обозначает статическое состояние и не содержит в своем значении указанного компонента.

Синтагматическое структурное значение (валентность) лексической единицы — одна из ее важнейших характеристик, раскрывающая закономерности употребления слов в тексте. Важно знать не только то, что значит слово, но и то, как оно употребляется в языке.

Парадигматическое структурное значение характеризует нелинейные отношения лексических единиц, образующих в силу их семантической общности определенный класс (парадигму в широком смысле этого слова). Эту разновидность структурного значения, с помощью которой определяется место данной единицы в парадигме путем ее противопоставления другим единицам класса, называют значимостью (ср. *valeur* Ф. де Соссюра). В качестве примеров лексических парадигм могут быть названы синонимический ряд, антонимическая пара (группа), лексико-семантическая группа (например, название частей тела), семантическое поле (обозначение наименований родства, времени, пространства и т. п.). Каждая единица лексики, помимо своего собственно смыслового содержания, характеризуется не только свойственной ей валентностью (сочетаемостью в тексте), но и определенной значимостью в системе. Так, значимость слова *утро* (= *x*) определяется его промежуточным положением в парадигме между словами *ночь* и *день*: ... *ночь* — *утро* — *день* — *вечер*..., т. е. *ночь* — *x* — *день*; ср. сигнификативное значение этого слова — 'начало дня'.

Парадигматическое и синтагматическое значения лексических единиц оказываются соотношенными как их взаимосвязанные структурные характеристики. Чем

ближе друг другу такие единицы в парадигме, тем больше сходства в их употреблении. Абсолютные или очень близкие по значению синонимы, например, употребляются совершенно или почти одинаково.

Структурное значение образует формальный «каркас» лексического значения, который позволяет отождествлять и различать языковые единицы по их валентности и значимости и наполняется конкретным содержанием в ином — отражательном, сигнификативном аспекте.

Важно подчеркнуть, что один и тот же «сегмент» действительности, одно и то же понятийное содержание могут быть по-разному распределены между словами в различных языках, и тогда значимости соотносительных лексических единиц, их сочетаемость и объемы значения полностью не совпадают; ср. англ. wash — ‘мыть’, ‘стирать’ и русск. *мыть* и *стирать*:

wash	<i>мыть</i>
	<i>стирать</i>

Англ. to wash one's feet (a cup, the floor); to wash a dress (a shirt), русск. *вымыть* ноги (*чашку*, *пол*), но: *выстирать* платье (*рубашку*). Английский глагол wash лишь частично соответствует русскому глаголу *мыть* в силу их различной значимости в системах сопоставляемых языков, а последний «покрывает» лишь часть содержания первого.

3. Эмотивное значение представляет собой оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент значения лексической единицы, выражаемый обычно с помощью стилистически окрашенных слов (эти слова снабжены в словарях специальными стилистическими пометами). Выбор стилистически маркированного слова служит выражением того или иного закрепленного в языке оценочного отношения говорящих к обозначаемым фактам; последнее же оказывает соответствующее интеллектуально-эмоциональное воздействие на тех, кто воспринимает речь.

Толкование слов с эмотивным значением представляет двучленную структуру: $M \cdot C$, где M («модальная

рамка», по терминологии А. Вежбицкой¹) символизирует эмоционально-оценочное отношение к обозначаемому и представляет эмотивное значение (эстетическую, переживаемую информацию), а С — сигнификативное значение (семантическую информацию).

Различие в эмотивном значении лексических единиц становится особенно ощутимым, если сопоставить стилистически разные слова с одинаковыми сигнификативными значениями, т. е. стилистические синонимы; ср. нейтр. *идти* с высок. *шеествовать* (+ М·С) и прост. *топать* — (—М·С): [Репин] *шеествовал* — *именно шеествовал!* (словно под музыку!) по залам Третьяковской галереи, среди своих прославленных картин, а за ним в отдалении *шла* толпа почитателей (Чук.); *Топай отсюда!* Ср. еще: *глаза* — *очи*, *гляделки*; *знамя* — *стяг*; *выгнать* — *вытурить* и т. п. Эмотивное значение как эмоционально-экспрессивное выражение положительной или отрицательной оценки качественно отличается от «собственно отражательного», сигнификативного. Вместе с тем они взаимодействуют в составе лексического значения. Стилистическая маркированность слова может приводить к определенной модификации его значения: *шеествовать*, например, значит не просто 'идти', а 'идти, двигаться торжественно, важно', *уплестать* (разг.) значит 'есть быстро, с аппетитом'.

4. Денотативное значение² — предметное значение, характеризующее связь лексической единицы с обозначаемым объектом, определенную ее направленность на него.

В зависимости от того, как употребляется в тексте то или иное слово, какой конкретный предмет оно называет, какую конкретную ситуацию обозначает, в нем реализуется то или иное актуальное значение (тот или иной актуальный смысл). В отличие от сигнификативного аспекта значения здесь уместен вопрос не «Что зна-

---

¹ См. об этом: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 32—33.

² Денотативное значение в указанном понимании называют также референционным или референтным. «Референция — это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» (Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 6).

чит (вообще) слово?», а «Что обозначает слово (в данном случае, в данной ситуации)?».

Характер «денотативной ориентации» языковой единицы актуализирует различное ее значение: от основного, первичного, главного до вторичных, частных, контекстуальных; ср.: *лес* — ‘деревья, стоящие во множестве на корню; пространство, обильно заросшее деревьями’ в употреблении типа *густой лес, сосновый лес, собирать грибы в лесу* и *лес вышек (мачт, штыков)* — о большом количестве возвышающихся предметов, где первичной номинацией является слово *множество*; ср. также: *голубое море* и *море людей (ржи, веселья)*; *литься* (о воде и голосе) и т. п. «Прямое» и «смещенное» употребление слова благодаря его двойной «денотативной ориентации» может приводить к каламбурному столкновению исходного и актуализируемого смысла. В. В. Виноградов в статье «Основные типы лексических значений слова» приводит диалог, напечатанный в одном из журналов прошлого века: «“У меня сегодня весь день в голове стреляет.— Сами виноваты, зачем завели в ней так много дичи”. Без понимания семантических отношений соответствующих слов в лексической системе русского языка нельзя лингвистически осмыслить, в чем соль этой остроты, этого каламбура...»¹ (ср.: *стреляет в голове* и *стрелять дичь на охоте, дичь* как обозначение диких птиц, объекта стрельбы и *дичь* как синоним слов *чепуха, ерунда, вздор*, т. е. первичных номинаций).

Существенно заметить, что изменение денотативного значения слова, расширение его референтных связей приводит к перестройке лексического значения и в других ярусах. Так, слово *дичь* в приведенном выше употреблении получает вторичное производное сигнификативное значение: ‘чепуха, ерунда, вздор’, входит в новые синтагматические и парадигматические отношения: *говорить (слушать) дичь* (ср. *стрелять дичь*) — класс слов со значением ‘нелепость’ (ср. *дикие птицы*) и др., приобретает оттенок оценочно-сниженного употребления (ср. в словарях стилистическую помету «разг.»: *не говори дичи*).

Таким образом, различные виды значения, отражая разные стороны одного и того же объекта — лексиче-

¹ Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 164.

ского значения, оказываются тесно взаимосвязанными. Сигнификативное значение лексической единицы отражает окружающий нас мир, структурное — фиксирует ее место в системе, эмотивное — выражает эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого, денотативное — характеризует актуальную соотнесенность слова с предметом (ситуацией).

§ 4. ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Конкретизируем понятие лексической единицы.

Основной единицей в лексикологии является слово, рассматриваемое с точки зрения его предметно-понятийного содержания.

Трудности определения слова, учета всех его свойств и противопоставлений смежным единицам в общей дефиниции не должны подвергать сомнению сам факт его существования.

Анализ показывает, что большинство употребительных слов представляют собой структуры, состоящие из элементарных лексических единиц, «слов-понятий», например: *вода* $\supset$ *вода*₁ — ‘прозрачная бесцветная жидкость’ (*речная вода, стакан воды*); *вода*₂ — ‘напиток для утоления жажды или лечебный’ [*фруктовая (газированная, минеральная) вода*]; *вода*₃ — ‘водная поверхность и ее уровень’ (*отражаться в воде, высокая вода*); *вода*₄ — ‘водное пространство какого-нибудь района’ [мн. ч.: *внутренние (территориальные) воды*]; *вода*₅ — ‘потоки, струи, волны, водная масса’ (мн. ч.: *весенние воды, воды Днепра*); *вода*₆ — ‘минеральные источники, курорт с такими источниками’ (мн. ч.: *лечиться на водах, поехать на воды*), *вода*₇ — ‘нечто бес-содержательное и многословное’ (переносное, ед. ч.: *Не доклад, а сплошная вода!*)¹.

Слово как основная лексическая единица — структура взаимосвязанных элементарных лексических единиц — его лексико-семантических вариантов (ЛСВ): *вода* $\supset$ *вода*₁, *вода*₂, *вода*₃ и т. д. ЛСВ слова различаются своими лексическими значениями и совпадают по своей форме (написанию и произ-

¹ Знак $\supset$ обозначает включение одной величины в другую: $A \supset B$ — ‘*A* включает *B*’ или ‘*B* включается в *A*’. Цифры обозначают различные ЛСВ слова.

ношению). Если слово однозначное, оно представлено одним ЛСВ: $\text{врач}_1 \subset \text{врач}$.

ЛСВ и слово являются единицами двусторонними: это единство знака (звукового, графического) и значения как идеального отражения предметов или явлений действительности. ЛСВ — это совокупность всех грамматических форм слова, имеющих определенное лексическое значение. Так ЛСВ вода_2 представляет собой парадигму грамматических форм падежей и числа: вода [вдá], воды [вдý], воде [вд'э] ... воды [вóды], вод [вот], водам [вóдъм] ... со значением 'напиток'.

ЛСВ представляет собой, так сказать, «клеточку» лексической системы языка, ее исходную «рабочую» единицу. Различные формальные и семантические комбинации лексико-семантических вариантов дают в итоге многозначные слова, синонимические ряды, антонимические противопоставления и т. п.

План выражения слова и ЛСВ называется лексемой, а план их содержания — семемой¹. Лексема — знак, звуковая или графическая оболочка лексической единицы, ее форма; семема — ее элементарное значение, содержание, которое реализуется в тексте каждый раз, когда употребляется эта единица. Семемы имеют коммуникативный, социальный характер. Словари фиксируют их в качестве значений слов.

Итак, ЛСВ представляет собой единство лексемы (формы) и семемы (содержания):

$$\text{ЛСВ} = \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_1}$$

слово — структуру взаимосвязанных между собой ЛСВ:

$$\text{СЛОВО} \supset \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_1} \rightleftharpoons \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_2} \rightleftharpoons \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_3} \dots$$

(см. выше смысловую структуру слова вода).

¹ «Слово в семасиологическом аспекте — единство лексемы (звукоряда) и семемы (значения)» (Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // *Славянское языкознание: VI международный съезд славистов* (Прага, 1968): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 353). Термин «лексема» употребляется и в более широком понимании как совокупность словоформ, обладающих тождественным лексическим значением (см. «Морфология», I, 1). В современной лексической семантике термин «лексема» употребляется более дифференцированно: его содержательный план обозначается специальным термином «семема».

Конкретная реализация лексемы в тексте выступает как лекса: словоформы *вода, воде, водами* — три лексы одной и той же лексемы *вода*.

Совокупность всех семем слова образует его лексему, совокупность всех семем — его значение.

Будучи элементарной единицей плана содержания в языке, семема в то же время не является предельной в анализе: она состоит из сем. Семма — минимальная, предельная единица плана содержания, выделяемая в результате специального компонентного анализа значения слова.

Семема представляет собой структуру сем. Центральной и главной в структуре семемы является архисема — общая сема, свойственная всем единицам определенного класса, например обозначениям родства. В значении слова *отец* — ‘мужчина по отношению к своим детям’, как и во всех других названиях родства, выделяется архисема <родственник>. Единицы класса объединяются и различаются с помощью архисемы и дифференциальных сем, входящих в семемы этих единиц. Пять дифференциальных сем, с помощью которых структурируется указанное выше значение слова *отец* (<мужской пол>, <родитель>, <прямое родство>, <кровное родство>, <первое поколение>) ¹ и уточняется архисема <родственник>, служат основанием для противопоставления этого слова другим наименованиям родства: *отец* — *мать* (<мужской пол> — <женский пол>), *отец* — *сын* (<родитель> — <рожденный>), *отец* — *дядя* (<прямое родство> — <непрямое родство>), *отец* — *отчим* (<кровное родство> — <некровное родство>), *отец* — *дед* (<первое поколение> — <второе поколение> [родителя]) и т. п.

Кроме указанных сем, обеспечивающих устойчивость смысловой структуры слова, в его значении (семеме) выделяются также контекстуальные семы, возникающие в определенных ситуациях употребления лексической единицы. За счет таких сем создаются различного рода оттенки значения, на основе которых могут развиваться новые производные значения: *Жуковский* — *отец современной аэродинамики* (<основоположник>); *Полковник наш рожден был хватом: слуга*

¹ Подробнее см.: Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филол. науки. 1964. № 2.

царю, отец солдатам (Л.), т. е. (отечески заботящийся о других).

С помощью сем описываются сходства и различия лексических единиц, осуществляется их отождествление и противопоставление. В отличие от семемы, которой свойственно содержание социального характера, сема — операциональная единица плана содержания, используемая в лингвистическом анализе.

Лексическим единицам свойственны не только индивидуальные, но и категориальные значения. Например, слова типа *веселиться* и *радоваться*, *страх* и *ужас*, *родина* и *отчизна* или *добро* и *зло*, *подниматься* и *опускаться*, *живой* и *мертвый* характеризуются не только конкретными, но и обобщенными, категориальными значениями эквивалентности или противоположности, которые вскрываются в противопоставлении целых серий аналогичных языковых единиц. Это дает основание выделить такие, например, категориальные отношения, как многозначность, омонимия, синонимия, конверсия, антонимия, и соответствующие классы единиц: многозначные слова, омонимы, синонимы, конверсивы, антонимы, дающие в совокупности представление об основных категориях лексики.

Лексическая категория — это единство обобщенного лексического значения, соответствующих форм выражения (тождества, совпадения или различия лексем) и функций, характеризующих определенный класс единиц. Например, синонимия как лексическая категория — это семантическая эквивалентность, выражаемая формально различными словами, которые реализуют в тексте функции замещения и уточнения, а также стилистические функции.

§ 5. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Значение слова — не простая сумма, а структура элементарных значений — семем. (В ином плане можно говорить о структуре лексико-семантических вариантов, образующих слово, что то же.) Смысловая структура слова предполагает определенную взаимосвязь и иерархию (последовательность подчинения) его значений.

Значения (ЛСВ) слова взаимосвязаны друг с другом, семантически мотивированы относительно друг друга благодаря общности или непрерывной последовательности их внутренних форм. Внутреннюю

форму можно определить как способ представления в языке внеязыкового содержания¹. Это то, как представляется говорящим на данном языке та или иная его единица. В ряду значений слова, последовательно вытекающих друг из друга, каждое предшествующее выступает как внутренняя форма последующего. Внутренняя форма слова наиболее явно обнаруживается в исходном (основном) значении, которое создает перспективу целостного восприятия лексической единицы, взаимосвязи внутренних форм значений в составе единого целого.

Общность внутренних форм значений (или иначе: наличие у них общей внутренней формы) отчетливо выступает, например, в слове *кольцо*. См. в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова:

кольцо́, -а́, мн. кольца́, коле́ц, ко́льцами, ср. 1. Предмет в форме окружности, обода из металла, дерева, кости и т. п. Золотое к. Костяное к. Гимнастические кольца. 2. То, что имеет такую форму. Годичное к. (слой, ежегодно нарастающий в стволе дерева). Пускать дым кольцами. Трамвайное к. (поворотный круг на трамвайных путях). 3. перен., чего. Положение, при котором кто-и. полностью изолирован от окружающего, замкнут круговой линией чего-и. К. блокады. Вырваться из кольца окружения.

Значения слова объединяются в единое смысловое целое благодаря представлению о кольце, присутствующему в их толковании.

Сложнее и разнообразнее опосредованы общим способом представления ('пространство, свободное от чего-нибудь или предназначенное для чего-либо') значения слова *поле* в том же словаре² (см. 1, 6).

Внутренняя форма периферийных, переносных значений может «затемняться», что нередко ведет к их семантическому обособлению. «Затемнение» внутренней формы многозначного слова вызывает распад слова на омонимы (см. 2, 8).

В основе семантической мотивированности лежит не только сходство, но и регулярная непрерывная последовательность внутренних форм значений (ЛСВ) слова типа 'действие' — 'место этого же действия':

---

¹ Термин «внутренняя форма» (innere Form) принадлежит В. Гумбольдту (см.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 100 и след.). В русском языкознании это понятие было всесторонне обосновано А. А. Потебней (см., например: Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35—214).

² По своему происхождению слово *поле* семантически связано с др.-русск. *польъ* — 'открытый, свободный, полый'.

Переход через улицу запрещен — подземный переход; 'действие' — 'результат этого действия': **сочинение стихов** — собрание **сочинений** поэта; 'действие' — 'действие': **Команда пошла в нападение** — Хорошая игра **нападения** московского «Динамо» и т. п.

Для понимания иерархии смысловой структуры слова необходимо обратить внимание на два типа отношения значений: инвариантное — вариантное и главное — частное.

В ЛСВ, образующих семантическую структуру слова, можно выделить теоретически некое общее содержание подобно тому, как в многочлене выделяется общий множитель: $ab + ac + ad = a(b + c + d)$. Это общее, или инвариантное¹, значение слова, свойственное всем семантическим вариантам слова и определяющее его детерминирующее содержание; оно является предельно обобщенным и семантически наиболее простым и представляет собой лингвистическую абстракцию, полезную для семантического анализа слов и лексических категорий более высокого порядка. Общее (инвариантное) значение слова *вода* (см. 1, 4), раскрывающее семное соотношение его лексико-семантических вариантов, можно определить, например, как 'H₂O'². В семантическом поле (см. 2, 12) выделение общего значения имеет первостепенное значение для системного описания лексики. Так, для большого класса слов, обозначающих передачу (*передать, подарить, вручить, продать, завещать, сообщить* и др.) общее значение может быть определено в терминах семантического языка модели «Смысл ↔ Текст» как 'каузировать кого-нибудь начать иметь что-то'. Отношение значений слова к его общему значению (т. е. общему содержанию лексико-семантических вариантов) позволяет установить их семантическую иерархию по степени близости к нему: центральные, доминирующие значения оказываются семантически наиболее простыми; периферий-

¹ Об общем (инвариантном) значении слова и процедуре его выделения см.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 245—246.

² Определение общего значения слова представляет значительные трудности, но не является, как иногда полагают, безнадежным. Даже в самых «сложных» в этом отношении словах путем нейтрализации различий ЛСВ можно выделить некоторый инвариантный смысл: *земля* — 'третья от Солнца планета, рассматриваемая в определенном количественном и качественном отношении со всем, что относится к ней' (см.: Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 164).

ные, зависимые — семантически более сложными и потому дальше отстоящими от общего значения слова.

В ином плане иерархическая смысловая структура основной лексической единицы проявляется в различном характере взаимоотношения слова — в его разных значениях — с контекстом. В слове выделяется главное значение, которое в наименьшей степени обусловлено контекстом, и частные значения, которые в большей степени зависят от него: в них к семантическому содержанию главного значения как бы присоединяются содержательные элементы (сема) контекста¹. В отличие от общего значения, данного в специальном научном анализе, главное и частные значения слова являются непосредственно воспринимаемыми в тексте.

Слово в главном значении обладает самой широкой и разнообразной сочетаемостью; в этом проявляется его относительная независимость от контекста: ср. *вода₁* — ‘прозрачная бесцветная жидкость’ — *чистая (прозрачная, мутная, грязная, холодная, теплая, сырая, питьевая, дождевая, речная, морская...) вода; пить (пробовать, переливать, проливать, носить, черпать, качать, подогревать, кипятить, охлаждать, очищать...) воду; цвет (вкус, запах, состав, стакан, бутылка, бочка, запас, глоток, движение, течение, напор, энергия...) воды; обливаться (обрызгиваться, мыться) водой* и мн. др. В частных значениях сочетаемость слова, наоборот, предстает как ограниченная, избирательная, иногда «жесткая», позволяющая опознать, выделить тот или иной ЛСВ; ср.: *вода₂* — ‘напиток’ — *минеральная (газированная, фруктовая, содовая...) вода; вода₄* — ‘водное пространство какого-нибудь района’ — мн. ч.: *внутренние (территориальные, нейтральные) воды*.

Главное значение слова является семантически наиболее простым (*вода₁* — ‘прозрачная бесцветная жидкость’) и наиболее близким к его общему значению (‘H₂O’, aqua distillata). Частные значения обнаруживают более сложную семную структуру: так, значение второго ЛСВ этого же слова (*вода₂* — ‘напиток’) может быть истолковано через содержание первого как ‘вода + приготовленная путем насыщения газом’ или ‘вода + с добавлением фруктовой эссенции’: *газированная*

---

¹ Главное значение слова дается первым в словарной статье, частные — в определенном порядке следуют за ним.

(фруктовая) вода. Между значением слова (семантической простотой ~ сложностью) и его сочетаемостью обнаруживаются отношения обратной пропорциональности: чем беднее содержание слова, тем шире его сочетаемость, и наоборот.

Главное и частные значения выделяются на функциональной основе взаимодействия слова с контекстом. Поэтому главное значение рассматривается как реализация детерминирующей первичной семантической функции слова, а частное — его зависимых вторичных семантических функций¹. Соответственно этому можно говорить о главном (первичном) и частных (вторичных) ЛСВ слова.

Тождество звуковой (графической) оболочки главного и частных значений и их внутренняя семантическая взаимосвязь объединяют эти значения в единую смысловую структуру. Это проявление принципа семантической интеграции значений слова. Одновременно с этим частные значения должны чем-то формально противопоставляться главному и друг другу, что реализует уже иной, органически взаимосвязанный с первым принцип — семантической дифференциации значений в слове; такие значения воспринимаются и дифференцируются в тексте благодаря дополнительным «опознавательным признакам»: характерной ограниченной сочетаемости ЛСВ, отличительной (часто единственной) синтаксической функции, определенной грамматической конструкции².

Отсюда возникает необходимость рассмотреть хотя бы в общих чертах типы лексических значений слова. Наиболее полная и глубокая разработка этого вопроса дана в статье В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова»³.

По В. В. Виноградову, в слове выделяется прежде всего прямое, номинативное значение, непосредственно направленное на предметы, явления, действия, качества действительности. «Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фунда-

¹ Термины принадлежат Е. Куриловичу (см.: *Курилович Е. Очерки по лингвистике*. С. 237—250).

² Фактически это приводит к «удлинению» знака в тексте; ср., например, *положение тела в пространстве* и *положение о выборах*, *играть на скрипке* и *играть в футбол*.

³ См.: *Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография*. С. 162—189.

мент всех других его значений и применений»¹. Номинативное значение совпадает по своему содержанию с рассмотренным выше главным значением; тут сочетаемость определяется предметно-логически и не знает собственно языковых ограничений. В слове может быть несколько номинативных значений. Тогда по отношению к основному, номинативному значению (главному) остальные выступают как номинативно-производные. Они бывают обычно уже и специализированнее, чем основное номинативное значение, и нередко закрепляются за какими-либо грамматическими формами, например формами числа: *капли* — ‘жидкое лекарство, принимаемое по числу капель’; *трения* — ‘враждебные столкновения, споры, мешающие ходу дела’ (ср. основные номинативные значения этих слов; *капля* — ‘маленькая отдельная частица жидкости округлой формы’; *трение* — ‘сила, препятствующая движению одного тела по поверхности другого’).

Наряду с прямыми, номинативными значениями В. В. Виноградов выделяет три типа лексических значений, которые по-разному обусловлены синтагматически и являются по своей природе частными значениями, реализующими вторичные семантические функции. На употребление слов в таких значениях накладываются некоторые языковые ограничения, которые и служат их формально выраженными показателями.

Фразеологически связанные значения реализуются в словах (ЛСВ), которые способны сочетаться в определенных смыслах только с небольшим кругом слов. Они противостоят свободным, несвязанным значениям (ср. сочетаемость слова в его главном значении). Одно из значений глагола *лопнуть* является фразеологически связанным, выделяясь лишь в нескольких устойчивых оборотах типа *лопнуть со смеху* (*со злости, от злобы, от зависти*); ср. свободу сочетания этого глагола в прямом, номинативном значении: *канат (стакан, трос) лопнул; веревка (нитка, струна, ваза, обивка, подкладка) лопнула; стекло лопнуло* и мн. др. Ср. также: *горючий* — ‘горький’: *горючие слезы; безысходный* — ‘непоправимый, не имеющий исхода’: *безысходное горе (положение), безысходная тоска (скорбь, нужда); брат* — ‘охватывать’: *тоска (досада, зло, смех, сомнение) берет*. Употребление слов во фразеоло-

¹ Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. С. 171.

гически связанных значениях ограничено самой системой языка, а не предметно-логически. Сочетаемость слов с такими значениями нельзя расширять, так как это приводит к нарушению языковой нормы, хотя и не всегда лишено смысла: «*восторг (счастье) берет*», «*карий чемодан*» и т. п. У некоторых слов фразеологически связанное значение является единственным: *карие глаза (очи)*.

Синтаксически ограниченные (обусловленные) значения обнаруживаются в словах (ЛСВ), за которыми закрепляются строго определенные функции в предложении. Таковы, например, предикативно-характеризующие значения у вторичных ЛСВ, которые употребляются в отличие от первичных только в роли сказуемого (реже — обращения, обособленного определения и приложения): *медведь* — ‘неуклюжий, неповоротливый человек’; *осел* — ‘тупой упрямец’; *шляпа* — ‘безынициативный человек, растяпа’; *петух* — ‘забияка’; *орел* — ‘гордый, сильный, смелый человек’; *блеск* в значении ‘замечательно’: *Он у нас настоящий герой. Орел!*; *Мороженое — блеск!*; *Эй, шляпа, чего стоишь! Работать надо; Я этого упрянца, осла, слышать больше не хочу.* Закрепление за вторичными ЛСВ определенной, изолированной от других, синтаксической функции приводит к обособлению их семантики, приобретающей оценочный характер. Синтаксически ограниченное значение может быть у слова его единственным значением: *Картина — заглядень!* (т. е. ‘на что нельзя не заглядеться’).

Конструктивно обусловленные значения реализуются во вполне определенных конструкциях слов, требуют для своего раскрытия отличительных форм их синтаксических сочетаний. Например, у глагола *втянуться* наряду с конструктивно необусловленным значением ‘вобратиться внутрь, впасть’ (*Его щеки после болезни втянулись*, ср.: *живот сильно втянулся*) есть значение, обусловленное конструкцией «глагол + предлог *в* + существительное в винительном падеже» — ‘привыкнуть, найдя удовлетворение в чем-нибудь’: *втянуться в работу (дело, учебу, занятия, какую-либо игру)*. Ср. также: *разобраться в ком* или *в чем-нибудь* — ‘изучив, хорошо понять’: *разобраться в чем-нибудь характере (вопросе, деле, обстоятельствах чего-нибудь)* (прямое номинативное значение — ‘привести в порядок; разобрать свои вещи’: *Разобрался на столе и сел рабо-*

тать). Различная конструктивная обусловленность служит формальным средством дифференциации значений слова: *играть во что-нибудь* — ‘участвовать в спортивных соревнованиях, проводить время в каком-нибудь занятии’: *играть в футбол (волейбол, теннис)* и *играть на чем-нибудь* — ‘исполнять музыкальное произведение’: *играть на рояле (скрипке, гитаре)*. Конструктивно обусловленное значение может быть номинативным, исходным и даже единственным в слове: *плакаться на свою судьбу (свои несчастья)*.

Следует подчеркнуть, что отмеченные вторичные, синтагматически обусловленные значения могут перекрещиваться как выделяемые на разных основаниях. Так, конструктивно обусловленное значение у глагола *втянуться (втянуться в работу)* является в ином плане фразеологически связанным, так как этот глагол входит в сочетание с вполне ограниченным кругом слов, обозначающих какое-либо занятие.

И еще одно замечание. Противопоставление рассмотренных трех типов вторичных значений первичному, номинативному не является абсолютным: они по-своему номинативны; это вторичные номинации, опирающиеся на первичные значения слова.

§ 6. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические (или линейные) и парадигматические (нелинейные). Благодаря этому она «закрепляется» в системе, характеризуясь определенной сочетаемостью с другими единицами (дистрибуцией) и значимостью («местом» в парадигме семантически однородных единиц). Слова *кошка, собака, корова*, образующие вместе с другими названиями домашних животных парадигму, в пределах которой они объединяются на основе интегрального признака — архисемы и противопоставляются по дифференциальным признакам — семам (см. I, 4)¹, входят в лексической системе в соотносительные устойчивые

¹ Ср. по данным словарей: *кошка* — ‘домашнее млекопитающее животное из семейства, к которому относятся также тигр, лев и т. п.’; *собака* — ‘домашнее животное из семейства млекопитающих, к которому относятся также волк, лисица и т. п.’; *корова* — ‘домашнее молочное животное, самка крупного рогатого скота’.

синтагматические связи с другими классами слов; при этом соответственно обнаруживаются зоны как совпадающей (общей), так и несовпадающей (специфической) сочетаемости:

<i>кошка — черная, бежит...</i>	<i>... мяукает, мурлычет</i>
<i>собака — черная, бежит...</i>	<i>... лает, визжит</i>
<i>корова — черная, бежит...</i>	<i>... мычит, бодается</i>

Синтагматические и парадигматические свойства лексических единиц оказываются соотносенными: чем «ближе» друг к другу расположены лексические единицы по своему смысловому содержанию в парадигме, тем больше сходства в их употреблении, и наоборот. Поэтому при изучении значения, которое не дано нам непосредственно, а должно моделироваться, исключительно важное значение имеет учет характера употребления лексической единицы, ее связей и отношений с другими словами в тексте.

Определить место языковой единицы в лексической системе — значит выявить ее синтагматические и парадигматические свойства в их взаимосвязи.

Синтагматическая характеристика лексических единиц основывается на понятии позиции. Поскольку лексикология (в отличие от фонологии) имеет дело со значимыми, т. е. двусторонними, единицами, это понятие должно быть истолковано в ней содержательно. П о з и ц и я — это положение лексической единицы в тексте по отношению к другим словам, образующим классы семантически однородных единиц¹. Лексическая единица (*X*) обладает, как правило, множеством позиций, сочетаясь со словами разных семантических классов (*A, B, C...*): *X(A), X(B), X(C)* и т. д. В каждой позиции слова реализуется то или иное значение (или выступает тот или иной ЛСВ): *поле*₁ — 'безлесная равнина, пространство': *необозримое (необъятное, открытое, чистое) поле* (ср. *былинное: в чистом поле*); *поле вод*; *ехать (идти...) по полю (полям)*; *гулять по полю (в поле)*, *пасть в поле...*; ср. также широкий круг сочетаний типа *расти, стоять* (о траве, цветах, деревьях и т. п.), *собрать цветы, устроить привал в поле* и мн. др. (условный класс слов с неспециализированным значением пространственной семантики: подчеркивается естест-

¹ Такой класс может быть представлен и одним-единственным словом: например, для прилагательного *пахотный*, сочетающегося с определяемым словом *земля*, трудно указать класс слов.

венное, природное происхождение объекта, его большая широта, протяженность¹, незанятость чем-либо); *поле*₂ — ‘обрабатываемая под посев земля’: *посевное поле*; *ржаное (пшеничное, кукурузное, клеверное, гречишное...)* *поле*; *плодородные (бесплодные...)* *поля*; *черноземные (глинистые...)* *поля*; *поле под паром*; *труженики полей*; *пахать (засеивать — засеивать, возделывать...)* *поля*; *убирать урожай с полей...* (класс слов с семантикой земледелия); *поле*₃ — ‘большая площадка, пространство, специально оборудованное для спортивных соревнований’: *футбольное (хоккейное, ледяное) поле*; *летное поле*; *центр (левая, правая половина) поля*; *выйти на поле*; *удалить кого-либо с поля*; *выбить мяч в поле (за пределы поля)*; *покинуть поле победителями (побежденными)*; *играть на чужом (своем) поле (ср. хозяева поля) ...* (класс слов спортивной тематики); *поле*₄ — ‘пространство, в пределах которого проявляется действие каких-либо сил, какой-либо закономерности’ (спец.) — *электромагнитное (силовое, векторное, гравитационное) поле*; *поле тяготения (притяжения)*; *семантическое поле...* (класс специальных терминологических слов, указывающих на принцип организации поля в разных областях знания); *поле*₅ — ‘чистая полоса вдоль края листа в книге, рукописи’ — обычно мн. ч.: *поля тетради (рукописи...)*; *заметки на полях*; *оставить (отчертить) поля (в тетради)*; *писать (отмечать что-либо) на полях* [класс слов, обозначающих предмет (продукт писания, печати), которому принадлежит обозначаемое, процесс писания или его результат]; *поле*₆ — ‘край шляпы’ — обычно мн. ч.; *поля (у) шляпы*; *мягкие (длинные) поля*; *модные (красивые) поля*; *загнуть (отогнуть) поля*; *загнутые (отогнутые) поля*; *(смотреть) из-под полей (шляпы)* [класс слов, обозначающих предмет (головной убор), которому принадлежит обозначаемое, форму и ее изменение, эстетическую оценку] и др.

Позиции бывают совместимыми и несовместимыми для той или иной лексической единицы. Позиции *кукурузное поле* и *черноземное поле* совместимы для ЛСВ *поле*₂, так как в них реализуется одно и то же значение существительного. Напротив, позиции

¹ Характерно сравнение *широкий, как поле*, подчеркивающее широкий простор обозначаемого: *Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы...* (Г.).

кукурузное поле и *хоккейное поле* несовместимы для одного ЛСВ, поскольку в них выступают разные значения, соответствующие различным ЛСВ слова: *поле₂* и *поле₃*, но совместимы для всего слова в целом. Совокупность совместимых позиций лексической единицы дает наглядное представление о ее дистрибуции, «окружении», о смысловых связях с определенными классами других единиц (см. 1, 3).

С точки зрения дифференциальной функции в лексикологии, как и в фонологии, можно выделить сильные и слабые позиции языковых единиц (ЛСВ). В сильной позиции ЛСВ слова противопоставляются, дифференцируются; реализуется их вполне определенное значение:

<i>посевное поле</i>	(<i>поле₂</i>)
<i>семантическое поле</i>	(<i>поле₄</i>)
<i>тетрадь с полями</i>	(<i>поле₅</i>)

Подавляющее большинство приведенных контекстов (при рассмотрении смысловой структуры слова *поле*), представляют собой сильные позиции, в которых значения этого слова дифференцируются. В слабой позиции, которая совместима хотя бы для двух ЛСВ, имеет место нейтрализация (неразличение) значений лексических единиц:

<i>колхозное поле</i>	(<i>поле₁</i> , <i>поле₂</i>)
<i>зеленое поле</i>	(<i>поле₁</i> , <i>поле₂</i> , <i>поле₃</i>)
<i>узкие поля</i>	(<i>поле₅</i> , <i>поле₆</i>).

Разграничение сильных и слабых позиций существенно для понимания природы и функционирования единиц различных лексических категорий. Значения многозначного слова, например, тяготеют к употреблению в сильных позициях, чтобы отличаться друг от друга; синонимы — в слабых, нейтрализуемых, чтобы замещать и уточнять друг друга.

Парадигматические свойства лексических единиц рассматриваются в их оппозициях. Оппозиция — это содержательное противопоставление единицы другим семантическим однородным лексическим единицам внутри определенной парадигмы.

Синтагматические и парадигматические свойства лексических единиц, как уже отмечалось, являются их взаимно дополняющими характеристиками. Поэтому оппозиции таких единиц необходимо рассматривать

в тесной связи с их дистрибуцией (сочетаемостью). Это дает основание выделить основные типы отношений лексических единиц.

Рассмотрим оппозиции элементарных лексических единиц (ЛСВ), обозначив их буквами *A* и *B*. Значения этих единиц (структуры сем) представим в виде заштрихованных, а их дистрибуцию — обычных кругов.

Оказываются возможными четыре основных типа отношения лексических единиц (табл. 11) ¹.

I тип. Лексические единицы *A* и *B* совпадают по употреблению и значению. Они обладают эквивалентной (совпадающей) дистрибуцией и нулевой, т. е. практически отсутствующей, оппозицией. Такие отношения могут быть проиллюстрированы абсолютными синонимами: *языкознание* и *лингвистика*.

II тип. Дистрибуция лексической единицы *A* включается в дистрибуцию единицы *B*, а значение первой как более сложное, содержательное, наоборот, включает в себя значение второй. Это широко представленные в лексике отношения вида и рода: *квас* и *напиток*. Широта сочетаемости языковых единиц оказывает обратную пропорциональную зависимость от объема их значения.

Дистрибуция таких единиц называется включенной (в ином направлении: включающей), а оппозиция — привативной, где один член (маркированный, отмеченный) имеет какой-то семантический признак, а второй его лишен — *A* — не-*A*: *лингвистика* и *наука*.

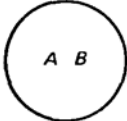
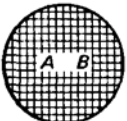
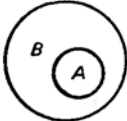

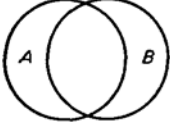
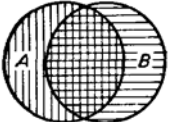
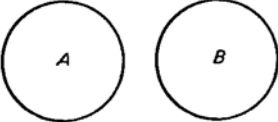
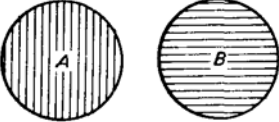
III тип. Дистрибуция и значения лексических единиц *A* и *B* частично совпадают, перекрещиваются. Это широко распространенное отношение семантически близких лексических единиц, синонимов, антонимов и других категорий слов. Так, слова *мужчина* и *женщина* наряду с общим семантическим содержанием ('*homo sapiens*') имеют каждое «свой» противопоставленные по полу семы; они обладают как общей, так и несовпадающей сочетаемостью: *умный* (*красивый, энергичный...*) *мужчина* — *умная* (*красивая, энергичная...*)

---

¹ О логической классификации смысловозначительных оппозиций см.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 73—99; Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 106—108. Данные в таблице типы являются основными. Они могут осложняться, например, включение может быть многократным: *овчарка* — *собака* — *животное*.

Таблица II

Типы отношений лексических единиц	Дистрибуция	Оппозиция
I	 <p data-bbox="327 443 487 463">эквивалентная</p>	 <p data-bbox="689 443 774 463">нулевая</p>
II	 <p data-bbox="254 663 555 683">включенная (включающая)</p>	 <p data-bbox="664 663 800 683">привативная</p>
III	 <p data-bbox="314 891 513 911">контрастирующая</p>	 <p data-bbox="652 891 814 911">эквиполентная</p>
IV	 <p data-bbox="319 1091 493 1111">дополнительная</p>	 <p data-bbox="654 1091 822 1111">дизъюнктивная</p>

женщина, но: мужчина женился, женщина вышла замуж.

Подобные единицы имеют контрастирующую дистрибуцию (различаются, противопоставляются в одинаковых позициях) и образуют эквиполентную (равнозначную) оппозицию.

IV тип. Лексические единицы *A* и *B* не совпадают по употреблению и значению. Это отношение семантически очень удаленных друг от друга слов: *утонченность* и *груз*, *воля* и *стол*, *интегрировать* и *бежать*. Они не входят в осязаемую парадигму и являются «внеположенными». Подобные отношения оказываются характерными и для значений большого количества многозначных слов: *тонкий* (*ломтик хлеба*) и *тонкий* (*вкус*), *жарить* (*котлеты*) и *жарить* (*в шашки*).

Такие единицы характеризуются дополнительной (несовпадающей) дистрибуцией и образуют дисъюнктивную оппозицию. Дополнительной дистрибуцией характеризуются, в частности, употребления значений (ЛСВ) многозначного слова, тяготеющих к сильным, несовпадающим, различительным позициям.

Указанные выше основные типы отношения языковых единиц лежат в основе лексических категорий, определяют их природу, специфику и закономерности функционирования в тексте.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.
- Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 84—97.
- Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1982. С. 17—58, 87—97.
- Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 237—250.
- Современный русский язык: Теоретический курс: Лексикология.* М., 1987. С. 10—40.
- Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С. 49—65, 183—193, 213—227.

Глава 2

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

§ 7. МНОГОЗНАЧНОСТЬ

Определение многозначности

Многозначность, или полисемия, — это семантическое свойство слова иметь одновременно несколько значений (обнаруживать несколько взаимосвязанных ЛСВ). «Нижним пределом» многозначности является однозначность (моносемия), которая

характеризуется наличием у слова только одного значения (ЛСВ): *береза, грустить, диссертация, перила, пруд, холм* и мн. др.

Большинство употребительных слов многозначно. В процессе развития языка слово в результате употребления и осмысления его в различных контекстах «обрастает» новыми значениями. Человеческое познание — беспредельно, ресурсы же языка ограничены, поэтому мы вынуждены обозначать одним и тем же знаком различные, но при этом как-то связанные предметы. Но дело не только и, по-видимому, не столько в принципе экономии языковых средств. Более существенно то, что многозначность отражает важнейшее свойство познания и мышления — обобщенное воспроизведение действительности. Эта лексическая категория оказывается не только экономным, но и удобным способом хранения в языке информации о мире.

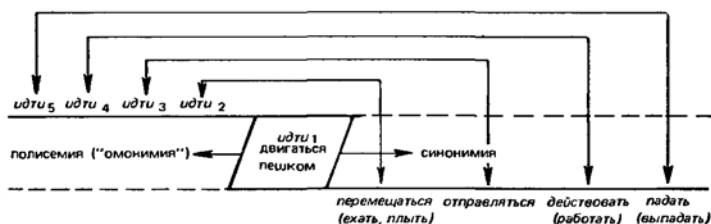
С собственно лингвистической (семантической) точки зрения развитие многозначности объясняется законом асимметрии знака и значения, открытым С. О. Карцевским. Знак и значение обычно не покрывают полностью друг друга: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток»¹. Один и тот же знак «стремится обладать иными функциями, нежели его собственная», а значение «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны...»² Неустойчивое равновесие, в котором находятся лексема и семема как знак и значение, объясняет природу языковых единиц, обладающих свойством быть одновременно и устойчивыми, выполняя коммуникативную функцию, и подвижными, изменяясь в соответствии с условиями конкретного контекста. Приспосабливаясь к определенной обозначаемой ситуации, лексические единицы изменяются постепенно и только частично, расширяя свое смысловое содержание, но оставаясь принципиально теми же единицами.

---

¹ Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85.

² Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. С. 90.

Каждая лексическая единица входит в пересекающиеся ряды полисемии и синонимии. Асимметрия знака и значения приводит к тому, что исходный ЛСВ (главное значение) слова, например 'двигаться пешком' у глагола *идти*, в результате постепенного «приспособления» к конкретным условиям других типов контекста (нежели его собственные) дает начало новому качеству — образованию вторичных, частных значений (ЛСВ) слова и соотносимых с ними синонимов, которые могут рассматриваться как толкования семантических вариантов слова:

Знак и значение, по С. О. Карцевскому, выходят из рамок, предназначенных им исходным симметричным отношением, и постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Знак *идти* не только покрывает свое главное, основное значение — 'двигаться пешком', но и «захватывает» во вполне определенных контекстуальных условиях и другие значения, связанные с исходным; ср.: 'перемещаться (ехать, плыть...)' — *Поезд идет с большой скоростью*; *Теплоход плавно идет по реке* [*идти*₂]; 'отправляться' — *Пора идти домой* [*идти*₃]; 'действовать, работать' — *Часы идут точно* [*идти*₄]; 'падать, выпадать' — *Идет сильный дождь* [*идти*₅] и т. д. Таким образом, благодаря «семантической экспансии» знака на смежные области обозначаемого он обогащается содержательно. Это с одной стороны. С другой — каждый из его смыслов стремится выразиться в другом знаке; ср.: не только *Идет снег*, но и *Падает снег*; *Снег выпал*. Благодаря этому в языке естественно возникают многозначность (*идти*₁ — *идти*₅...) и синонимия (*идти* — *падать, выпадать*).

Характерной особенностью многозначности (в отличие от омонимии) является то, что значения (ЛСВ), образующие смысловую структуру слов, в системе языка оказываются повторяющимися, типичными, законо-

мерными. Регулярность и предсказуемость семантических отношений ЛСВ (разумеется, проявляющиеся в различной степени в разных лексических классах слов) делают многозначность удобной классификационной категорией: она представляет собой своеобразную «сетку» регулярных отношений, на которую «наназываются» ЛСВ как элементарные отражения предметов действительности. Во многих семантических классах слов отмечаются параллелизм в развитии значений и достаточно пропорциональные отношения между последними (*бас* — 1. 'самый низкий мужской голос': 2. 'певец с таким голосом': 3. 'медный духовой инструмент низкого регистра' = *баритон* — 1. 'мужской голос, средний между басом и тенором': 2. 'певец с таким голосом': 3. 'медный духовой инструмент среднего регистра и тембра' = *тенор* — 1. 'высокий мужской голос': 2. 'певец с таким голосом': 3. 'медный духовой инструмент, соответствующий такому голосу по регистру' (ср.: *альт, дискант, сопрано*); *медведь* — 'крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами': 2. 'неуклюжий, неповоротливый человек' = *осел* — 1. 'родственное лошади животное невысокого роста с большой мордой и длинными ушами': 2. 'тупой упрямец' = *лиса* — 1. 'хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом': 2. 'хитрый, лживый человек'.

Как и другие лексические категории, многозначность характеризуется определенным набором признаков. Многозначность (полисемия) — это семантическое отношение внутренне связанных (т. е. взаимно мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим друг друга позициям слова. Обозначив символами X_1 и X_2 два ЛСВ с тождественными звуковыми (графическими) оболочками, получим формулу многозначности:

$$X_1 \rightleftharpoons X_2,$$

где знак $\rightleftharpoons$ указывает на внутреннюю связь значений: $\text{вода}_1 \rightleftharpoons \text{вода}_2 \dots$

Типы многозначности

Типы многозначности (полисемии) выделяются по трем основаниям: 1) характеру языковой мотивирован-

ности значений слова; 2) зависимости частных значений от главного и их взаимосвязи друг с другом; 3) виду их оппозиции.

1. По характеру языковой мотивированности значений (ЛСВ) многозначного слова различаются два типа полисемии: метафорическая и метонимическая многозначность.

Метафорическая связь значений основывается на сходстве обозначаемых предметов, явлений, признаков, действий. Это позволяет выделить соответствующие разновидности такой многозначности, например¹:

сходство формы, внешнего вида, производимого впечатления: *круг*₁ (*начертить круг*) ⇔ *круг*₂ (*спасательный круг*); *конь*₁ (*вороной конь*) ⇔ *конь*₂ (*ход конем*) ⇔ *конь*₃ (*гимнастический конь*); *сладкий*₁ (*сладкий виноград*) ⇔ *сладкий*₂ (*сладкий сон*);

сходство местоположения: *подошва*₁ (*кожаная подошва*) ⇔ *подошва*₂ (*подошва горы*); *потолок*₁ (*белить потолок*) ⇔ *потолок*₂ (*потолок полета самолета*) ⇔ *потолок*₃ (*четверка по физике — его потолок*);

сходство в структуре оценок: *легкий*₁ (*легкий чемодан*) ⇔ *легкий*₂ (*легкий текст*); *перерасти*₁ (*Сын стал очень высоким, перерос отца*) ⇔ *перерасти*₂ (*перерасти своего учителя*);

сходство в способе представления действий: *поддерживать*₁ (*Сваи поддерживают мост; ср. поддерживать под руку*) ⇔ *поддерживать*₂ (*поддерживать чье-нибудь предложение, чью-нибудь кандидатуру*); *охватывать*₁ (*охватывать руками ствол дерева*) ⇔ *охватывать*₂ (*Ее охватила радость*) ⇔ *охватывать*₃ (*охватить кого-либо общественной работой*);

сходство функций: *дворник*₁ (*работать дворником*) ⇔ *дворник*₂ (*включить дворник, стрелка дворника — у смотрового стекла автомобиля*); *барометр*₁ (*ртутный барометр*) ⇔ *барометр*₂ (*'показатель каких-нибудь изменений, состояния чего-нибудь': барометр общественного мнения*).

Метонимическая связь значений основывается на смежности, соположении обозначаемых предметов, действий, признаков и обнаруживает также ряд разновидностей, например:

действие — результат действия: *сооружение*₁ (*со-*

¹ Главный и частный ЛСВ (главное и частное значения) в этом параграфе условно обозначаются индексами 1 и 2 (3).

оружие монумента) $\rightleftharpoons$ сооружение₂ (монументальное сооружение); сушка₁ (медленная сушка) $\rightleftharpoons$ сушка₂ (вкусные сушки);

действие — инструмент, средство действия: расческа₁ (расческа волос) $\rightleftharpoons$ расческа₂ (пластмассовая расческа); упаковка₁ (отдел упаковки) $\rightleftharpoons$ упаковка₂ (картонная упаковка);

действие — место действия: проезд₁ (Проезд по улице запрещен) $\rightleftharpoons$ проезд₂ (узкий проезд); вырубка₁ (вырубка деревьев) $\rightleftharpoons$ вырубка₂ (собрать землянику на вырубке);

действие — субъект действия: нападение₁ (нападение на вратаря) $\rightleftharpoons$ нападение₂ (Нападение «Динамо» играло хорошо); руководство₁ (руководство предприятием) $\rightleftharpoons$ руководство₂ (смена руководства);

свойство — носитель, субъект свойства: красота₁ (красота гор) $\rightleftharpoons$ красота₂ (красоты гор); талант₁ (талант ученого) $\rightleftharpoons$ талант₂ (молодые таланты);

содержащее — содержимое: аудитория₁ (светлая аудитория) $\rightleftharpoons$ аудитория₂ (внимательная аудитория); стакан₁ (граненый стакан) $\rightleftharpoons$ стакан₂ (Чай очень хороший: выпил три стакана);

часть — целое и целое — часть: тенор₁ (петь тенором) $\rightleftharpoons$ тенор₂ (известный тенор); голова₁ (седая голова) $\rightleftharpoons$ голова₂ (Он — умная голова); груша₁ (сажать грушу) $\rightleftharpoons$ груша₂ (спелая груша); орудие₁ (орудие производства, сельскохозяйственное орудие, орудие общины — о языке) $\rightleftharpoons$ орудие₂ (дальнобойное орудие);

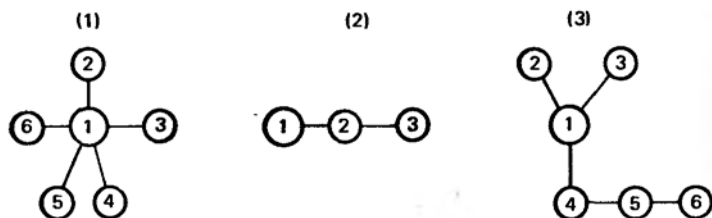
деформировать или обрабатывать определенным способом — создавать нечто в результате этого: копать₁ (копать землю) $\rightleftharpoons$ копать₂ (копать яму); варить₁ (варить рис) $\rightleftharpoons$ варить₂ (варить рисовую кашу).

Перечисленные типы и разновидности полисемии даны, так сказать, в их чистом виде. В реальных словах метафорические и метонимические связи значений соседствуют и взаимодействуют: голова₁ — 'часть тела' $\rightleftharpoons$ голова₂ — 'ум, рассудок' (метонимия) $\rightleftharpoons$ голова₃ — 'пищевой продукт в форме шара, конуса' (голова сахару) (метафора); вырезка₁ (как действие) $\rightleftharpoons$ вырезка₂ (газетная вырезка) $\rightleftharpoons$ вырезка₃ — 'мясо из средней части туши, филе' (метонимия); ср.: вырезка₂ $\rightleftharpoons$ вырезка₃ (метафора: общая внутренняя форма — 'то, что вырезано').

2. Смысловую структуру многозначного слова невозможно правильно представить без понимания схемы

соединения и иерархической зависимости его значений (ЛСВ). Между тем в словарях, дающих «линейное» расположение значений слова, эта зависимость не может быть отражена в полной мере. Для такой схемы необходимы плоскость, «топос». Топологические типы многозначности раскрывают различный характер зависимости частных (вторичных) значений от главного (первичного) и взаимосвязи последних между собой.

По характеру сцепления значений в слове можно выделить три топологических типа многозначности — радиальную, цепочечную и радиально-цепочечную полисемию:

Радиальная полисемия характеризуется тем, что все частные (вторичные) значения непосредственно связаны с главным (тип 1). Ее схема напоминает радиусы окружности. Главное значение слова *круг* — ‘часть плоскости, ограниченная окружностью, а также сама окружность’ — непосредственно мотивирует все его значения: *круг*₁ ⇔ [*круг*₂ — ‘круглая площадка’], [*круг*₃ — ‘предмет в форме окружности’: *спасательный круг*], [*круг*₄ — ‘замкнутая область, сфера чего-нибудь’: *круг вопросов (интересов, обязанностей)*], [*круг*₅ — ‘совокупность людей, объединенных общими интересами, связями’: *широкий круг знакомых, в своем кругу*], [*круг*₆ — ‘общественная, профессиональная группа’: мн. ч.—в *литературных (дипломатических) кругах*].

При цепочечной полисемии каждое из частных значений непосредственно связано только с ближайшим предшествующим значением цепочки (тип 2): *правый*₁ — ‘противоположный левому’ ⇔ *правый*₂ — ‘консервативный, реакционный’: *правая партия* ⇔ *правый*₃ — ‘придерживающийся более реакционных, консервативных взглядов, чем основная масса партии или представителей политического, философского направления’.

Смешанным, гибридным типом многозначности является радиально-цепочечная полисемия (тип 3). Одни звенья смысловой структуры связаны здесь по принципу расходящихся радиусов, другие — цепочек: жар₁ — ‘горячий, сильно нагретый воздух’: *Обдало жаром* ⇔ [жар₂ — ‘место, где очень жарко’: *Не сиди на самом жару; Кастрюля стоит на жару*], [жар₃ — ‘горячие угли без пламени’: *загрести жар в печи*], [жар₄ — ‘повышенная температура тела’: *У ребенка жар; Больной в жару* ⇔ жар₅ — ‘разгоряченное, лихорадочное состояние, вызванное каким-нибудь возбуждением, волнением, а также румянец от него’: *Его бросило в жар от этих слов; Лицо пышет жаром* ⇔ ⇔ жар₆ — ‘сильное внутреннее возбуждение, пыл, страстный порыв, рвение’: *Приняться с жаром за работу; Работать с жаром*]. По сравнению с предшествующими топологическими типами радиально-цепочечная полисемия является самой распространенной (второй тип в чистом его виде — явление редкое).

3. Типы полисемии, основанные на видах оппозиции значений (ЛСВ) многозначного слова, позволяют выделить две существенные разновидности многозначности: ассоциативную и ассоциативно-смысловую.

Ассоциативная многозначность — наиболее распространенная разновидность полисемии. В ее основе лежит дизъюнктивная оппозиция значений, которые несовместимы или очень далеки по своему смыслу (семному, компонентному составу) и связываются лишь ассоциативным признаком (т. е. общностью, единством их внутренних форм), «скрепляющим» совершенно разные понятийные сферы: гнездо₁ (*птичье гнездо, вить гнезда*) и гнездо₂ (*словообразовательное гнездо*); встать₁ (*встать со стула*) и встать₂ (*Перед глазами встали картины счастливого будущего*); тонкий₁ (*тонкий канат*) и тонкий₂ (*тонкий слух*).

Ассоциативно-смысловая многозначность характеризуется не только ассоциативной, но и содержательной связью значений слова, т. е. сигнификативно, общими семами их компонентного состава. В основе такой многозначности может лежать как эквиполентная (*корень₁ — ‘подземная часть растения’: корень дерева и корень₂ — ‘внутренняя, находящаяся в теле часть волоса, зуба, ногтя’: корень зуба; линия₂ — ‘черта, определяющая направление, предел, уровень чего-нибудь’:*

линия полета снаряда, линия горизонта и линия₃ — ‘направление, образ действий, взглядов’: *вести линию на что-нибудь, линия поведения; падать₁ — ‘опускаться, валиться на землю, книзу’: падать на землю, навзничь и падать₂ — ‘опускаться, свисая’: волосы падают на лоб*), так и привативная оппозиция (*армия₁ — ‘вооруженные силы государства’: Советская армия и армия₂ — ‘сухопутные вооруженные силы государства в отличие от морских и воздушных сил’: сухопутная армия; лето₁ — ‘год’: Ей исполнилось восемнадцать лет и лето₂ — ‘самое теплое время года’: Лето — лучшее время отдыха*)¹.

Функции многозначных слов

Многозначность — категория семасиологическая по преимуществу. Большинство часто воспроизводимых в речи слов, будучи полисемичными, представляют по сути своей «пересечение» на одной лексеме ряда семантических полей (смысловых сфер лексики), обычно далеко отстоящих друг от друга (см. анализ слов *вода, поле* и др.). «Фрагменты» содержания многозначного слова чаще всего понятийно разнородны и не образуют гомогенного единства. С этой точки зрения при изучении полисемии и использовании многозначных слов большую ценность представляет не ономаσιологический подход (как и какая часть семантических полей выражается определенной лексемой), а семасиологический: что значит, обобщает данное слово, на какие понятийные сферы оно ориентировано своими значениями. Различные по значению ЛСВ многозначного слова должны необходимым образом дифференцироваться, поэтому они тяготеют к употреблению в сильных, взаимоисключающих друг друга позициях и характеризуются дополнительной дистрибуцией. Это — главная семантическая функция полисемии.

Близкое же, контактное употребление ЛСВ слов реализует их стилистические функции. Так, повтор одного и того же ЛСВ служит средством речевой экспрессии: *Клин клином вышибают; Дурак дураком; Ехать так ехать!* Другой стилистической функцией многозначных слов является каламбур — неожиданное сближение разных значений слова, создающее образ-

¹ Выделены совпадающие компоненты определенных значений (о типах оппозиций см. I, 6).

ный эффект. П. А. Вяземский иронически замечает в своей «Старой записной книжке»: «Вообще комедии наши ошибочно делятся на *действия*. Можно делить их на главы, потому что *действия* в них никакого нет» (столкновение значений 'часть драматического произведения' и 'проявление деятельности, а также сама деятельность, функционирование').

§ 8. ОМОНИМИЯ

Определение омонимии

На фоне многозначности о м о н и м и я — отношение слов с совпадающим написанием (произношением) и несвязанными значениями — предстает как категория негативная. В отличие от значений (ЛСВ) многозначных слов отношения омонимов являются нерегулярными, изолированными, непропорциональными и непредсказуемыми: предложение¹ (*внести предложение, сделать кому-нибудь предложение, спрос и предложение*) и предложение² (*бессоюзное сложное предложение*); пол¹ (*паркетный пол*) и пол² (*мужской пол*); планировать¹ (*планировать строительство*) и планировать² (*'постепенно, плавно снижаться на самолете с выключенным мотором, на планере': Самолет планирует, идя на посадку*).

Омонимия как лексическая категория — это семантическое отношение не связанных по значению слов, совпадающих по своему написанию (звучанию) и различающихся в тексте благодаря их разному, взаимоисключающим позициям. Семантическое отношение имеет здесь, таким образом, негативный смысл как отрицание живой смысловой связи слов. Пусть X^1 и X^2 — слова-омонимы; тогда формула омонимии примет следующий вид:

$$\neg (X^1 \rightleftharpoons X^2),$$

где $\neg$ — знак отрицания (читается: неверно, что одинаковые по форме слова X^1 и X^2 семантически связаны). В этом смысле омонимия является отрицанием полисемии, а в семантическом плане варьирования последней — ее пределом.

Возникновение омонимов объясняется различными причинами: 1) формальным совпадением различных по

происхождению слов в результате определенных исторических изменений их внешнего облика: *пол*¹ (в комнате), др.-русск. *полъ* — ‘основание’ — общеславянское слово, родственное др.-инд. *phálakam* — ‘доска, планка’ и *пол*² (мужской, женский), др.-русск. и ст.-слав. *полъ* — общеславянское слово, вероятно родственное алб. *palë* — ‘сторона, партия, раздел, отделение’; 2) различного рода словообразовательными процессами, например, прибавлением к основе (корню) омонимичных суффиксов; ср. *городище*¹ как увеличительное к *город* с суффиксом *-ище*¹ (ср.: *домище*, *хвостище*) и *городище*² — ‘место, где в древности был город’ с суффиксом *-ище*² как указанием на место, где прежде находился предмет или произошло действие (ср. *пожарище*), и 3) распадом полисемии, т. е. семантическим обособлением значений (ЛСВ) прежнего многозначного слова в отдельные слова-омонимы: *лавка*¹ (*сидеть на лавке*) и *лавка*² (*книжная лавка*); *рак*¹ (*ловить раков*) и *рак*² (*рак желудка*); *долг*¹ (*взять в долг*) и *долг*² (*гражданский долг*).

Классификация омонимов

При систематизации единиц лексической категории целесообразно выделять ее центр и периферию. Характерные особенности и закономерности тех или иных категориальных отношений ярче всего проявляются в центральной части классификационной структуры, «угасая» по направлению к ее периферии, в смежных явлениях категории. Одна из наиболее обстоятельных классификаций такого рода предложена В. В. Виноградовым в работе «Об омонимии и смежных явлениях»¹.

Центр, или ядро, лексической омонимии образуют, по В. В. Виноградову, полная и частичная омонимия.

Полные лексические омонимы принадлежат к одной части речи и совпадают во всей системе их форм: *блок*¹ (*поднимать что-нибудь блоком*) и *блок*² (*блок прогрессивных партий*; *шлакобетонный блок*; *блок электропитания*); *топить*¹ (*топить печку*) и *топить*² (*топить лодку*); *кормовой*¹ (*кормовой севооборот*, *кормовая свекла*, *кормовое растение*; ср. *корм*) и *кормовой*² (*кормовой флаг*, *кормовая часть судна*, *кормовое весло*; ср. *корма*).

¹ См.: Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295—312.

Ч а с т и ч н ы е лексические омонимы могут принадлежать как к одной и той же, так и к разным частям речи. Один из таких омонимов во всех своих формах (или в единственной своей форме) совпадает с частью форм, например множественного (или единственного) числа существительных, несовершенного вида глагола или отдельной формой другого слова. Частичная омонимия примыкает к полной, так как один из членов омонимической пары (в нижеследующих примерах — второй) является «полным» омонимом по отношению к отдельным формам (отдельной форме) другого или других: *хор/хоры*¹ (*хор из оперы, народные хоры*) и —/*хоры*² (*подняться на хоры, стоять на хорах*); *задаток/зadatки*¹ (*вносить задаток, задатки*) и —/*зadatки*² (*человек с хорошими задатками*); *долг*¹/*долги* (*взять в долг, огромные долги*) и *долг*²/— (*священный долг*); *расположить/располагать*¹ (*расположить, располагать участников симпозиума в гостинице*) и —/*располагать*² (*располагать временем*); *выговорить/выговаривать*¹ (*выговорить, выговаривать слово*) и —/*выговаривать*² (*выговаривать кому-нибудь за опоздание*); ср. частичную омонимию в одной-единственной форме: *стук*¹, *скрип*¹ (формы им.-вин. п. ед. ч. существительных) и *скрип*² (*скрипнул*), *стук*² (*стук в дверь*) как «междометные формы» глагола; *даром*¹, *рядом*¹ (формы тв. п. ед. ч. существительных *дар, ряд*) и *даром*² — ‘*бесплатно, бесполезно*’, *рядом*² — ‘*близко*’.

«Созвучие» языковых единиц, относящихся к явлениям, смежным с омонимией, т. е. находящимся на ее периферии, определяется в большей степени факторами грамматики, словообразования, фонетики (графики), чем лексики.

О м о ф о р м ы — это совпадающие по звучанию и написанию формы разных слов одной и той же части речи или разных частей речи:

А что же делает *супруга*
Одна в отсутствии *супруга*?

(А. С. Пушкин)

Ср.: одна из самых удивительных артистических **карьер** и пустить лошадь в **карьер**; разинуть **пасть** и **пасть смертью храбрых**; горячая **печь** и **печь пироги**. Здесь совпадение форм существительных: именительного падежа единственного числа слова *супруга* и родительного падежа единственного числа слова *супруг* (*супру-*

*га*¹ — *супруга*²), родительного падежа множественного числа слова *карьерера* и винительного падежа единственного числа слова *карьер* (*карьер*¹ — *карьер*²), а также форм именительно-винительного падежа единственного числа существительных *пасть*, *печь* и инфинитива глаголов *пасть*, *печь* (*пасть*¹, *печь*¹ — *пасть*², *печь*²). Как видно, омонимическое совпадение таких слов имеет место в одной или нескольких формах их словоизменятельных парадигм (ср. еще: *супругу*¹ (вин. п. ед. ч.) — *супругу*² (дат. п. ед. ч.); *супруг*¹ (род. п. мн. ч.) — *супруг*² (им. п. ед. ч.).

О м о м о р ф е м ы представляют собой омонимичные морфемы: суффиксы, префиксы, основы. Примерами оморфем являются суффикс существительных среднего рода предметного значения *-л*¹ (*шила*, *мыло*, *точило*) и суффикс *-л*² как показатель прошедшего времени глагола (*мыла*, *шила*, *точила*). Аналогичные омонимичные морфемы представлены в серии существительных: *хворост-ин*¹-а, *изюм-ин*¹-а (ср.: *хворост*, *изюм*); *свин-ин*²-а, *баран-ин*²-а (ср.: *свинья*, *баран*); *глуб-ин*³-а, *шир-ин*³-а (ср.: *глубокий*, *широкий*). В русском языке значительно число омонимичных приставок: *на*¹-*колоть* (*дров*) и *на*²-*колоть* (*значок на куртку*); *на*¹-*строить* (*дач*) и *на*²-*строить* (*гитару*); *про*¹-*смотреть* (*внимательно газету*) и *про*²-*смотреть* (*ошибку*). В рядах слов *право*, *правосудие*, *вправе* и *правый*, *вправо* наблюдается оморфемность основ *прав*¹ и *прав*². Обычно оморфемные основы характеризуются различной членимостью: (*за-говорить*)¹ — ‘начать говорить’ и (*заговорить*)²; ср.: *заговор*, *заговорщик*; (*нор-к*)¹-а, ср. *нора* и (*норк*)²-а — ‘пушной зверек из семейства куньи’; (*жил-к*)¹-а, ср. *жила* и (*жилк*)²-а (*артистическая жилка*). Омонимия части (морфемы) неизбежно приводит к омонимии целого (слова): *на*¹-*строить* — *на*²-*строить* > *настроить*¹ — *настроить*²; (*нор-к*)¹-а — (*норк*)²-а > *нора*¹ — *норка*².

О м о ф о н ы представляют собой разные слова, совпадающие по звучанию, но различающиеся по написанию: *кот* и *код* — [кот], *косный* и *костный* — [кóсны], *бочок* и *бочок* — [блчóк] и т. п. Ср. созвучие ряда слов у Д. Минаева:

«Чья же пьеса ныче шла?»
 — «Александрова». — «Была
 С шиком сыграна, без шика ли?»
 — «С шиком, с шиком: громко
 шикали».

Омографы в отличие от омофонов совпадают по написанию, но различаются в произношении благодаря различному ударению: *замо́к (на двери)* и *замо́к — дворец*; *мука́ (пшеничная)* и *му́ка (Не жизнь, а мука)*; *стрёлки (часов)* и *стрелки́ (из лука, ср. меткие стрелки)*.

Омонимия и многозначность

«Затемнение» внутренней формы слова, отдельных его ЛСВ может привести к нарушению их взаимной мотивированности и образованию омонимов. Это так называемые семантические омонимы. Обособление значений прежде единого многозначного слова в отдельные, самостоятельные слова-омонимы — процесс длительный и постепенный, поэтому резкой границы между многозначностью и омонимией во многих случаях нет.

Нет омонимии вообще — есть омонимия определенной исторической эпохи, известного «состояния» языка. То, что было многозначностью для одной эпохи, может оказаться разобщенным на омонимы для другой.

Одна из главных задач при рассмотрении взаимоотношения между омонимией и многозначностью — это определение критериев их разграничения. Главный критерий — семантический: утрата значениями (ЛСВ) прежнего многозначного слова их взаимной языковой мотивированности, т. е. способности обнаруживать общность или непрерывность их внутренних форм (см. 1, 5). Другими, дополнительными критериями разграничения многозначности и омонимии могут быть: образование у омонимов разных несоотносимых словообразовательных гнезд, развитие у них характерной несовпадающей лексической и фразеологической сочетаемости, различный характер членимости на морфемы, резкое изменение грамматического значения (например, его «преодоление») и др.

Причины возникновения омонимии из многозначности могут быть как экстралингвистическими (изменение обозначаемых реалий, их утрата и др.), так и собственно лингвистическими (различные изменения в самой системе языка). И в том, и в другом случае это приводит к нарушению былой связи ЛСВ слова, к «затемнению» их мотивированности. Важно учитывать тип полисемии слов: для метафорически связанных в прошлом значений при образовании омонимов существен такой показатель, как изменение самого предмета или знания

о нем, для метонимически мотивированных значений — изменения в мотивирующем ЛСВ, при цепочечной полисемии — утрата «промежуточного звена» и т. п.

Обратимся к некоторым иллюстрациям этих положений.

Омонимы *рак*¹ — ‘покрытое панцирем пресноводное или морское животное с клешнями и брюшком, называемым обычно шейкой’ и *рак*² — ‘злокачественная опухоль’ возникли из полисемии. Название болезни дано по сходству внешнего вида рака со способом, формой распространения опухоли, т. е. на основе метафоры. Эта внутренняя форма была в свое время прозрачной, ясно ощутимой. В «Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенному» (Спб., 1822. Ч. 5. С. 940—941) читаем: «Болезнь, состоящая из опухоли... видом круглой, тугой, цветом синеватой или багровой, сопровождаемой жестокой болью. Величиной сначала бывает с горошину, но после распускается в раскинувшиеся вокруг себя наподобие *раковых ног* и будто коленчатые жилы, напыщенные черною и густою кровью...»¹ Признак, положенный в основу производного значения, оказался внешним, случайным, далеко не отражающим сути обозначаемого: изучение различных видов и форм раковых заболеваний, не только внешних, но и внутренних процессов расширило и изменило представление об этой болезни, поэтому «связующий» признак перестал осознаваться. Семантический критерий омонимии (утрата значениями взаимной языковой мотивированности, общности внутренней формы) поддерживается другими, дополнительными: слова-омонимы входят в ряды несовместимых¹ лексических сочетаний; ср.: *ловить, (варить, есть...) раков и рак желудка (пищевода, легких...), лечение (профилактика...) рака* и др.; первый из омонимов противопоставлен второму кругом характерных фразеологических окружений: *на безрыбье и рак рыба; показать, где раки зимуют; когда рак свистнет; как рак на мели; покраснеть как рак* и др.; второй в отличие от первого имеет конструктивно обусловленное значение (*рак ч е г о: рак печени*) и употреб-

¹ В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1939. Т. 3. Стлб. 1210) также можно найти указание на прежнюю связь значений слова *рак*; ср.: «хроническая злокачественная опухоль на наружных или внутренних органах, разрастающаяся по здоровой ткани *клевнеобразными разветвлениями*». Но это уже скорее исторический комментарий, чем современное толкование.

ляется только в формах единственного числа; каждый из омонимов входит в свое семантическое (словообразовательное) гнездо: *рак*¹, *раковый*¹ (ср. *раковые шейки*), *ракообразные*, *рачий*, *рачиха*, *раколов* и *рак*², *раковый*² (*раковое заболевание*).

Омонимы *такт*¹ — ‘метрическая музыкальная единица; равномерно следующие друг за другом удары, ритм’ (ср.: *тактовый*, *тактный*, *тактировать*) и *такт*² — ‘чувство меры, умение вести себя подобающим образом’ (ср.: *тактичный*, *тактичность*, *бестактный*) представляли прежде единое многозначное слово со значениями, связанными по функции (намек на соблюдение такта в прямом и переносном употреблении слова; ср. *соблюдать такт*). Анализ употребления этого слова в прошлом веке подчеркивает живую тогда связь его значений, теперь — омонимов: *Грановский был одарен удивительным тактом сердца. У него все было так далеко от неуверенной в себе раздражительности, от притязаний, так чисто, так открыто, что с ним было необыкновенно легко* (Герц.), т. е. ‘равномерное биение сердца’ ⇔ ‘размеренность в поведении, тактичность’.

До середины прошлого столетия значения слова *завод* — ‘действие по глаголу *заводить*’, например, *завод часов*, и ‘промышленное предприятие’ и др. были тесно связаны метонимически как указания на действие и его результат: *завод конский* (*овечий*, *кожевенный*, *мыловаренный*, *лесопильный*, *медный*, *ружейный*) — это то, что «заведено»; ср. устаревшее для нашего времени словосочетание *завести завод* (*фабрику*). Глагол *заводить* обладал прежде более широким смысловым содержанием и мотивировал оба рассматриваемых значения: ‘полагать начало или основание’ (*заводить училище*), ‘навивать часовую цепочку на барабан’ (*заводить часы*) и др. В связи с сужением сферы употребления глагола *заводить* в значении ‘основывать’, т. е. причиной собственно языковой, а не экстралингвистической, постепенно исчезает представление о заводе как о чем-то «заведенном», ослабевает связь существительного с глаголом и «затемняется» его внутренняя форма, связывавшая значение ‘промышленное предприятие’ со значением действия: *завод часов* (*механизма*). Постепенно формируются несоотнесенные семантические гнезда омонимов: *завод*¹ (*заводить*, *заводка*, *заводной*) и *завод*² (*заводчик*, *заводоуправление*, *заводской*, *завком* и др.). Омонимы дифференцируются по своей сочетаемости

(сильным позициям): завод часов (пружины, механизма), завод ключом, суточный (недельный) завод и металлургический (автомобильный, судостроительный...) завод, строить завод, работать на заводе и др. Омонимы различаются в современном языке своей морфемной членимостью: «...то обстоятельство, что слово завод в контексте завод у игрушки имеет префикс за-, а в контексте консервный завод представляет собой основу производную, лучше всяких других доводов объективно свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с омонимной парой, а не с двумя значениями одного слова»¹. Ср.: при-ход¹ (приходить) и при-ход² (церковный).

Омонимы лавка¹ (сидеть на лавке) и лавка² (книжная лавка писателей) связывались прежде в одно слово по принципу цепочечной полисемии. Выпадение из структуры прежнего многозначного слова «промежуточного звена» — 'скамья, стол для товаров' (т. е. прилавок), связывавшего их, привело к образованию омонимов.

Функции омонимов

Как и многозначные слова, омонимы употребляются во взаимоисключающих друг друга сильных позициях. Это позволяет реализовать основную семантическую функцию омонимов — дифференцировать различные по значению и совпадающие по звуковым оболочкам слова. Так как эти слова не связаны по смыслу, не мотивированы, сила их взаимного исключения в тексте значительно больше, чем у значений (ЛСВ) многозначного слова.

Ономасиологическая ценность омонимии неизмеримо меньше, чем у полисемии. Это тоже лексическая категория семасиологической ориентации. Лексическая омонимия — отношение созвучных внеположенных единиц с дизъюнктивной оппозицией и дополнительной дистрибуцией (см. I, 6).

Контактное употребление омонимов в тексте или даже их «наложение», полное «слияние» в одной форме реализует определенные стилистические функции, являясь средством создания каламбура, образного

¹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 434—435.

столкновения разных смыслов, подчеркнутой экспрессии: *Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок я не в состоянии* (П.); *Платя свой долг, ты тем самым его выполняешь* (Козьма Прутков). Выразительность лозунга *Миру — мир!* подчеркнута употреблением омонимов.

§ 9. СИНОНИМИЯ

Определение синонимии

Синонимия, или семантическое отношение лексических единиц, полностью или частично совпадающих по своему значению, в отличие от многозначности и омонимии представляет наибольший интерес как категория ономазиологическая. Синонимы — это языковые средства выражения одного и того же содержания или близких смыслов, уточнения отдельных сторон обозначаемого и его оценки.

Как уже отмечалось (см. 2, 7), возникновение и лингвистическая природа синонимии объясняется асимметрией знака и значения, стремлением выражать известное содержание не только своим основным знаком (первичной формой), но и другими языковыми средствами.

Известно несколько подходов к определению и изучению синонимии. Они соответствуют разным видам (или аспектам) значения слова (см. 1, 3). В собственно семантическом (сигнификативном) аспекте синонимы определяются как слова (ЛСВ) одной и той же части речи с полностью или частично совпадающими значениями. В структурном аспекте они рассматриваются операционально как слова, которые могут взаимно замещать друг друга, не изменяя смысла предложения¹. Наконец, в эмотивном (в семиотике — прагматическом) плане синонимы выступают как выражение эмоционально-экспрессивной оценки обозначаемого. Такие дефиниции не исключают, а взаимно дополняют друг друга до полного определения синонимов.

Семантической сущностью синонимии и мерилем ее проявления в каждом конкретном случае является

¹ Такое понимание синонимии идет от логики, где оно является распространенным: «Если два имени являются синонимами (имеют во всех отношениях одно и то же содержание), то всегда можно одно заменить другим, не меняя содержание целого» (Чёрч А. Введение в математическую логику. М., 1960. Т. 1. С. 18).

эквивалентность содержания лексических единиц. Эквивалентным может быть все содержание слов (языкознание — лингвистика), содержание отдельных их значений [луна₁ — ‘спутник Земли’ — месяц₂ — ‘луна’ (‘диск луны или его часть’): светит луна — светит месяц; ср. луна₂ — ‘спутник любой планеты’: десять лун Сатурна и месяц₁ — ‘единица исчисления времени, равная одной двенадцатой части года’: вернуться через месяц] или совпадающих частей значений (ЛСВ) слов [ключ — ‘источник, в котором вода выходит с напором, с силой’ — родник — ‘источник, в котором вода просачивается на поверхность земли’; пачка — ‘несколько однородных предметов (обычно книг, бумаг), сложенных или связанных вместе’ — кипа — ‘обычно большое количество книг, бумаг, собранных вместе, но не обязательно уложенных или связанных’].

Синонимия, таким образом, — эквивалентность всего или части содержания лексических единиц, а сами синонимы семантически тождественны в пределах всех или части своих значений (ЛСВ) или совпадающих частей значений (ЛСВ) и в соответствии с этим взаимозаменяемы в тексте в тех нейтрализуемых, слабых позициях, которые соответствуют их общему содержанию, т. е. пересечению объемов их значений (см. I, 6). Слова *ключ* и *родник* в равной мере могут быть употреблены, если просто называется какой-то источник, если же, например, надо акцентировать, что вода бьет в нем ключом, идет с напором, употребляется только первое из этих двух слов, так как общего, «пересекающегося» содержания (‘источник’) недостаточно для подчеркивания специфики обозначаемого предмета.

Эквивалентные («пересекающиеся») содержания синонимов находятся в отношении взаимной замены, двусторонней импликации¹: *Тренер заменяет вратаря* ↔ *Тренер заменяет голкипера*; *Это был высокий юноша* ↔ *Это был рослый юноша* (эквивалентное содержание последней пары синонимов — ‘высокого роста’). Легко заметить, что эквивалентность как семантическое отношение — понятие абсолютное, синонимы же как средство ее выражения — относительное.

Необходимо подчеркнуть одну немаловажную

---

¹ Импликация — логическое отношение вида $A \rightarrow B$ — ‘если A , то B ’. При двусторонней импликации истинно и обратное отношение: ‘если A , то B ’ и ‘если B , то A ’, т. е. $A \leftrightarrow B$.

мысль: синонимами нельзя считать любые частично сходные по смыслу лексические единицы. Синонимы — «это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях»¹. Следовательно, чем более устойчива нейтрализация семантически сходных слов, тем выше степень их синонимичности, тем в большей степени они синонимы.

Сказанное дает основание определить синонимию как полную или частичную эквивалентность значений, выраженных разными лексемами:

$$X \simeq Y,$$

где знак $\simeq$ является условным и «усередненным» обозначением полной (=) и частичной семантической эквивалентности ($\approx$) языковых единиц. Символы X и Y подчеркивают, что синонимы (в отличие, скажем, от многозначности: X_1 и X_2) — разные по форме слова.

Принимая во внимание функции синонимов, о которых будет сказано ниже, синонимию как лексическую категорию можно определить следующим образом: это семантическое отношение тождественных или близких по содержанию значений, выражаемых формально различными словами (ЛСВ), которые реализуют в тексте семантические функции замещения и уточнения, а также оценочно-стилистические функции.

Классификация синонимов

В синонимические отношения вступают обычно несколько слов. Они образуют синонимический ряд (или синонимическую парадигму), где и идентифицируются относительно доминанты — определяющего слова ряда. Это слово семантически наиболее простое по семному составу, за редким исключением стилистически нейтральное, синтагматически наиболее свободное и употребительное. Являясь своеобразной «точкой отсчета» в синонимическом ряду, доминанта в большинстве случаев приближается к выражению эквивалентного содержания, общего всем членам парадигмы. Именно на фоне доминанты синонимы воспринимаются как семантически более сложные и стилистически мар-

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 130.

кированные. Доминанта возглавляет синонимический ряд и дается в словарях в его начале: *Танцевать, плясать, отплясывать* (разг.), *откалывать* (разг.).

Танцевать — исполнять какой-либо танец, принимать участие в танцах; *плясать* — исполнять преимущественно народный танец, какую-либо пляску, слово часто употребляется для того, чтобы подчеркнуть живой, несдерживаемый, шумный и т. п. характер танца (танцев); слова *отплясывать* и *откалывать* имеют усилительный характер, подчеркивая особую живость, лихость, непосредственность пляски.

Типы синонимов выделяются по двум основаниям. В зависимости от количества позиций, в которых синонимы могут замещать друг друга (т. е. во всех или в части), и соответственно степени совпадения их значений выделяются полная (абсолютная) синонимия и частичная синонимия, в зависимости от их функций — семантическая (идеографическая) и стилистическая синонимия. Полная синонимия характеризуется эквивалентной дистрибуцией и нулевой оппозицией, частичная — контрастирующей дистрибуцией и эквиполентной (равнозначной) оппозицией единиц (см. 1, 6).

Такое разграничение типов синонимии и кладется в основу классификации синонимов.

Полные (абсолютные) синонимы совпадают по своим значениям и характерной сочетаемости: *языкознание — лингвистика, орфография — правописание, вратарь — голкипер, забастовка — стачка, кавалерия — конница*. Их количество в языке сравнительно невелико. Частичные синонимы не совпадают полностью по своим значениям и употреблению; причем степень несовпадения может быть весьма различной: *бросать — кидать, рассказывать — повествовать, линия — черта, луна — месяц, трудный — тяжелый*. Количественно такие синонимы преобладают в языке.

Семантические, или идеографические, синонимы, выражая существенно общее, вместе с тем отличаются определенными элементами своих значений, нередко отчетливо осознаваемыми внутренними формами, оттеняя, например, различные стороны обозначаемого (*кроткий — незлобивый — покорный — смиренный, узкий — тесный — тонкий, веселый — радостный, смотреть — глядеть*) или разную степень проявления признака, свойства, действия (*размолвка — ссора, страх — ужас, талантливый — гениальный, ломать — крушить — сокрушать*). Стилистические сино-

нимы выражают ту или иную эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого: *лицо* — *лик* (высок.) — *рожа* (прост.); *выгнать* — *изгнать* (книжн.) — *вытурить* (прост.); *родина* — *отчизна* (высок.); *убежать* — *удрать* (разг.). Семантико-стилистические синонимы отличаются друг от друга как по своему значению, так и по эмоционально-экспрессивной окраске: *течь* — *хлестать* (разг.) — 'течь, литься сильно, с шумом' (*Вода хлещет из крана*); *ссора* — *перепалка*, *перепалка* (разг.) — 'крикливая ссора обычно из-за пустяков'; *редкий* — *жидкий* (разг.) — 'очень редкий' (*жидкий лес, жидкая борода*).

По своей структуре синонимы делятся на разнокоренные (они преобладают в лексике: *молодость* — *юность*, *смелый* — *храбрый*, *здесь* — *тут*, *есть* — *кушать*, *шелестеть* — *шуршать*, *радоваться* — *ликовать*) и однокоренные (*выругать* — *отругать*, *открыть* — *раскрыть*, *заглавие* — *заголовок*, *качать* — *раскачивать*). Значительное количество синонимических пар (рядов) содержит в своем составе заимствованные слова (*недостаток* — *дефект*, *летчик* — *пилот*, *нападающий* — *форвард*, *безветрие* — *штиль*), в том числе из старославянского (*короткий* — *краткий*, *выбрать* — *избрать*, *город* — *град*).

В заключение необходимо подчеркнуть, что практически «рабочей» единицей при изучении и описании лексической синонимии в словарях оказывается ЛСВ, так как многозначное слово обычно входит разными своими значениями в несколько синонимических рядов: *свободный*₁ — *независимый* (*свободный, независимый народ*), *свободный*₂ — *вольный, привольный* (*свободная, вольная, привольная жизнь*), *свободный*₃ — *беспрепятственный* (*свободный, беспрепятственный въезд*), *свободный*₄ — *незанятый* (*Сейчас он свободный, незанятый человек*), *свободный*₅ — *пустой* (*свободная, пустая квартира*), *свободный*₆ — *просторный, широкий* (*свободное, просторное, широкое платье*).

Функции синонимов

Структурно-семантические и стилистические свойства различных типов синонимов наглядно проявляются в их основных функциях в тексте.

Важнейшими семантическими функциями синонимов являются замещение и уточнение.

Функция замещения состоит в замене следующих друг за другом синонимов в одном предложении или фрагменте текста. Это позволяет разнообразить речь, сделать ее более выразительной, избежать ненужных повторов одного и того же слова. Функция замещения характерна прежде всего для адекватных (полных) синонимов как равноценных номинаций обозначаемого: *Водители локомотивов, тепловозов, междугородных и городских автобусов, не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработной платы после первой стачки, объявили повторную забастовку* (из газет). Взаимное замещение часто наблюдается у сокращений и их развернутых эквивалентов (*ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства, УДН — Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, вуз — высшее учебное заведение*), у слова и его аналитического эквивалента (*загудеть — дать гудок, победить — одержать победу*), слова и его перифразы (*телевизор — голубой экран, нефть — черное золото*).

Функция замещения отмечается и у частичных синонимов, если их различие нейтрализовано (несущественно) в тексте: — *Да и вы, Надежда Алексеевна, куда спешите? Подождите **месяца**, он теперь скоро взойдет. Еще светлее будет ехать. — Пожалуй, — сказала Надежда Алексеевна, — я давно не ездила при **луне*** (Т.)¹.

Функция уточнения реализуется как раскрытие различных свойств и характерных признаков обозначаемых предметов действительности. В отличие от функции замещения она проявляется в пределах определенного фрагмента текста при близком, контактном расположении синонимов. Очень часто специфика обозначаемых предметов, явлений, свойств и признаков, действий не может быть раскрыта одним словом. Поэтому возникает необходимость в одновременном употреблении сразу нескольких частично синонимичных слов, несовпадающие семы которых «направляются» на обозначаемое с различных точек зрения, выявляя в нем новые, специфические свойства. Функция уточнения — важнейшая у синонимов. Ее роль особенно существенна в языке художественной литературы при создании эстетически значимых языковых образов — ярких, выра-

---

¹ Отметим, что иногда со словом *месяц* связывается представление о серповидной форме, а со словом *луна* — о круглой.

зительных, богатых разнообразными ассоциациями.

При уточнении возможны два основных типа контекстов: нейтрализующий, в котором различие синонимов не является существенным для данного текста, и дифференцирующий, где в центре внимания оказываются их различия.

В нейтрализующем контексте происходит соединение синонимов, «сложение» их сем, необходимое для адекватного изображения специфики обозначаемого: *Нашла она обоих поляков в страшной бедности, почти в нищете, без кушанья, без дров, без папирос, задолжавших хозяйке (Д.)*. Бедность людей изображена здесь как граничащая с нищетой: *страшная бедность — это почти нищета*. «Усиление» семантики слова *бедность* в контексте благодаря определению *страшная* и соседству со словом *нищета* «притягивает» к нему сему интенсивности, которая присутствует в существительном *нищета* — ‘крайняя бедность’. Употребление только одного из этих слов (первого) не давало бы полноты и осязаемости изображения, которое достигается с помощью приема уточнения, взаимодействия синонимов. Напротив, в дифференцирующем контексте синонимы и их несовпадающие семы противопоставляются, что также уточняет мысль: — *Милостивый государь, — начал он почти с торжественностью, — бедность не порок, это истина... Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто (Д.)*. (Дается одна из качественных характеристик сопоставления слов с различной степенью проявления признака, свойства.)

С помощью частичных синонимов может уточняться не только интенсивность — градация качества, свойства, действия (*бедность — нищета, красивый — прекрасный, радоваться — ликовать*), но и способ осуществления, совершения действия (*идти — шагать — вышагивать — ступать*), различные стороны обозначаемого (*товарищ — друг, злободневный — актуальный — животрепецущий, быстрый — резвый — проворный — бойкий*) и др.

Стилистические функции качественно отличаются от семантических, хотя и взаимодействуют с ними. При тождестве или высокой степени своего смыслового сходства стилистические синонимы противопо-

ставляются в тексте по своему эмотивному значению (см. 1, 3), согласуясь в стилевом плане с соответствующими фрагментами текста.

Важнейшими стилистическими функциями являются функция оценки и функция стилевой организации текста.

Функция стилистической оценки как выражение отношения (положительного или отрицательного) к обозначаемому основывается на различной стилевой характеристике слов:

- (+) *лик* (высок.)
- (0) *лицо*
- (-) *физиономия* (разг.)
- (-) *рожа* (прост.)

Выбор слова из стилистической парадигмы имеет оценочно-стилистический характер: *нежный лик, выразительное лицо, постная физиономия, противная рожа.*

Слова согласуются между собой в речи не только семантически, но и стилистически. Синонимы, согласуясь семантико-стилистически в тексте с их окружением, выполняют функцию его стилевой организации: — *Лодыри, просыпайтесь! Дрыхнуть сюда приехали? Работать надо! — гремел его голос* (Аж.).

*Уста и губы — суть их не одна.
И очи — вовсе не гляделки!
Одним доступна глубина.
Другим... глубокие тарелки!*

(А. Марков)

Ср. согласование: *дрыхнуть — лодыри* как маркеров стилистически сниженного текста и противопоставление *уста, очи — доступна глубина; губы, гляделки — (доступны) глубокие тарелки.*

В стилистических синонимах в силу взаимодействия эмотивного и сигнификативного значения может происходить «сгущение» их семантики, поэтому они могут выражать большую степень проявления качества, свойства, действия по сравнению с соответствующими нейтральными словами, используясь как средство градации: *Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш* (М. Б.).

§ 10. КОНВЕРСИЯ

Определение конверсии

К о н в е р с и я как выражение «обратных» отношений языковых единиц — конверсивов — первоначально обратила на себя внимание в синтаксисе. Грамматические конверсивы — соотносительные формы залога в действительном и страдательном оборотах: *Государство охраняет памятники культуры ↔ Памятники культуры охраняются государством*¹. Они обозначают — в различных направлениях — отношения субъекта и объекта. Л е к с и ч е с к и е к о н в е р с и в ы в отличие от грамматических выражаются не формами одного и того же слова (*охранять — охраняться*), а разными словами: *Студент сдает экзамен профессору ↔ Профессор принимает экзамен у студента (сдавать — принимать)*.

Лексическая конверсия пока еще недостаточно исследована; ее изучение началось сравнительно недавно. Нет пока и словарей конверсивов. Между тем это категориальное отношение является весьма существенным в лексической системе как одно из выражений эквивалентности высказываний.

По своей природе и функциям лексические конверсивы разнообразнее грамматических; они выражают отношения не только субъекта и объекта (*Башня опирается на фундамент ↔ Фундамент поддерживает башню; Штора пропускает свет ↔ Свет проходит сквозь штору*), но и агента и контрагента того или иного действия (*Молодой шахматист выигрывает у мастера ↔ Мастер проигрывает молодому шахматисту; Он продает картину товарищу ↔ Товарищ покупает картину у него*), членов определенной ситуации (*Профессиональные клубы превосходят любительские ↔ Любительские клубы уступают профессиональным; Он старше ее ↔ Она моложе его*) и др., т. е. участников ситуации, замещающих соответственно позиции подлежащего и дополнения.

Конверсия выступает как конструктивный принцип различной организации высказывания с точки зрения разных, но взаимодействующих участников одной и той же ситуации. Преобразование по конверсии связано с меной не только конверсивов, но и самих актантов.

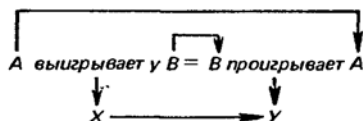
¹ Знак ↔ указывает на смысловую эквивалентность высказываний, находящихся в отношении конверсии.

Для характеристики основных свойств лексических конверсивов обратимся к конкретному примеру: «Спартак» *выигрывает* у «Зенита» ↔ «Зенит» *проигрывает* «Спартак».

Лексические конверсивы X (*выигрывает*) и Y (*проигрывает*) должны прежде всего иметь как минимум две валентности, так как они выражают двусторонние отношения участников обозначаемой ситуации. Одно и то же действие (отношение) представлено в двух направлениях — от одного участника ситуации A («Спартак») к другому B («Зенит») (прямые отношения R) и, наоборот, от B к A (обратные отношения R^{-1}):

$$\begin{array}{ccc} A & \xrightarrow{\text{выигрывает у } (R = X)} & B \\ \text{«Спартак»} & \xleftarrow{(R^{-1} = Y) \text{ проигрывает}} & \text{«Зенит»} \end{array}$$

В синтаксическом отношении конверсивы характеризуются наличием прямой и обращенной ролей в их структурах. При преобразовании по конверсии участники ситуации меняются синтаксическими ролями: подлежащее исходного высказывания становится дополнением обращенного, дополнение исходного высказывания — подлежащим обращенного, а слово, выражающее отношения членов обозначаемой ситуации, заменяется в обращенном предложении на свой конверсив:

В семантическом плане конверсивы имеют одинаковую предметную соотнесенность, представляя один и тот же смысл в разных направлениях: 'что касается A , то он выигрывает', 'что касается B , то он проигрывает' и т. п. Обозначая в составе высказываний одно и то же, соотносительные конверсивы обладают разными значениями: *выигрывать* — 'побеждать, одерживать победу', *победа* — 'успех в чем-либо'; *проигрывать* — 'терпеть неудачу'; *неудача* — 'неуспех' (такие конверсивы отрицают друг друга).

Конверсия как лексическая категория — это семантическое отношение обратных по своему значению слов (ЛСВ) в прямых и обращенных высказываниях, кото-

рые обозначают одну и ту же ситуацию:

$$AR (= X)B \leftrightarrow BR^{-1} (= Y)A,$$

где A и B — участники одной ситуации («Спартак», «Зенит»), R и R^{-1} — их прямое и обратное отношения, передаваемые с помощью конверсивов X и Y (*выигрывать, проигрывать*).

Конверсивы обнаруживают эквиполентную оппозицию, противопоставляясь своими несовпадающими обратными семами и контрастирующей дистрибуцией, способностью различаться благодаря различным лексемам в тождественных позициях: *выигрывать/проигрывать матч (забег, заплыв ...)*, но блестяще *выиграть* — позорно *проиграть* (см. 1, 6).

Классификация конверсивов

Конверсивы классифицируются по формальным и семантическим свойствам.

Структурные типы конверсивов основаны на их принадлежности к определенной части речи:

конверсивы-глаголы: *сдавать* — *снимать (комнату)*;
ср: *сдавать* — *принимать (экзамены)*, *входить* — *вмещать*, *продавать* — *покупать*, *оглушить* — *оглохнуть (от)*: Он *продает* мне книгу $\leftrightarrow$ Я *покупаю* у него книгу;
Мотор *оглушил* нас $\leftrightarrow$ Мы *оглохли* от мотора;

конверсивы-существительные: *учитель* — *ученик*, *автор* — *произведение*, *владелец* — *собственность*, *муж* — *жена*, *отец* — *сын*: Л. В. Щерба — *учитель* В. В. Виноградова $\leftrightarrow$ В. В. Виноградов — *ученик* Л. В. Щербы;
Николай Иванович — *отец* Филиппа Николаевича $\leftrightarrow$ Филипп Николаевич — *сын* Николая Ивановича;

конверсивы-прилагательные (формы сравнительной степени): *моложе* — *старше*, *сильней* — *слабей*, *выше* — *ниже*, *дороже* — *дешевле*: Брат *моложе* сестры $\leftrightarrow$ Сестра *старше* брата; Альбом *дороже* книги $\leftrightarrow$ Книга *дешевле* альбома.

Назовем некоторые другие структурные типы конверсивов: конверсивы-наречия (*Экспресс едет быстрее обычного автобуса* $\leftrightarrow$ Обычный автобус едет медленнее экспресса), конверсивы-предлоги (*Картина висит над фотографией* $\leftrightarrow$ Фотография висит под картиной). Небольшое количество слов в силу своих семантико-синтаксических свойств (возможность «обращения», мены субъекта и объекта) способны выражать конверсные

отношения без «обратного противочлена». Это «конверсивы в себе»: *Петров дружит с Николаевым ↔ Николаев дружит с Петровым; Лена разговаривает с Людой ↔ Люда разговаривает с Леной; Я — его соавтор ↔ Он — мой соавтор.*

Семантические типы конверсивов — это классы конверсных противопоставлений слов, выделяемые на основе определенных обобщенных значений, характеризующих связь, соположение, взаимозависимость и взаимодействие, причинно-следственные отношения обозначаемых предметов и явлений действительности. Вот некоторые из них:

‘передача’: *Отец передает сыну библиотеку ↔ Сыну получает от отца библиотеку; Он одалживает мне деньги ↔ Я занимаю у него деньги;*

‘приобретение / утрата’: *Студенты приобретают знания в области лингвистики ↔ У студентов появляются знания в области лингвистики; Мы израсходовали деньги ↔ У нас кончились деньги;*

‘состав, наличие, обладание’: *Два атома водорода и один атом кислорода образуют молекулу воды ↔ Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода; Директор имеет трех заместителей ↔ У директора есть три заместителя;*

‘заполнение объема, содержания, времени’: *Сосуд вмещает десять литров воды ↔ В сосуд входят десять литров воды; Сборы в дорогу заняли весь вечер ↔ Весь вечер ушел на сборы в дорогу;*

‘соположение в пространстве и времени’: *Я стою перед вами ↔ Вы стоите за мной; Наш поезд приходит раньше вашего ↔ Ваш поезд приходит позже нашего;*

‘зависимость, причинно-следственные отношения’: *Невнимательность часто порождает ошибки ↔ Ошибки часто проистекают из-за невнимательности и др.*

Функции конверсивов

Конверсивы подобно синонимам представляют наибольший интерес как категория ономаσιологическая, а именно: как конструктивный элемент формирования эквивалентных высказываний (прямого и обращенного), изображающих одну и ту же ситуацию с точки зрения разных ее участников — меняющихся синтаксическими ролями субъекта и объекта. Конверсивы всегда соположены в синонимичных предложениях, так что

употребляемая в тексте фраза всегда предполагает свой «скрытый» синоним, которому по той или иной причине не было отдано предпочтение: *Народ — творец искусства* (ср. *Искусство — творение народа*). В этом их главная семантическая функция.

Стилистическая функция конверсивов — экспрессивное подчеркивание той или иной мысли путем ввода в текст обоих конверсивов: *Поражение врага — это наша победа* (ср. *Враг потерпел [от нас] поражение ↔ Мы победили врага*). Они могут быть источником каламбура, основанного на обращении к «скрытому», соподразумеваемому конверсиву: *Краткость в романе была, но не хватало ее брата* (О. Донской); ср.: *Краткость — сестра таланта ↔ Талант — брат краткости*.

§ 11. АНТОНИМИЯ

Определение антонимии

Важную роль в лексической системе языка играют антонимы — слова, выражающие противоположность: *сильный — слабый, истинный — ложный, входить — выходить, добро — зло*. Антонимия является выражением в языке противоположности.

Различия в предметах и явлениях действительности, существенные с точки зрения человеческой практики, при их оценке отражаются в языке как противоположные. «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного различия, до противоположности*»¹. Онтологически противоположность представляет собой существенное различие, которое может быть выражено в языке как средствами определенных номенклатур (например, единицами измерения длины, высоты, времени, возраста, температуры, скорости, цены и т. п.), так и особыми словами — антонимами; ср.: *У больного температура 35,6° (36,6°, 39,8°) и У больного низкая (нормальная, высокая) температура*. Оценочная квалификация температурного различия дала возможность осмыслить его как противоположность: *низкая — высокая (температура)*. Осознание противоположности в языке всегда опирается на определенную точку отсчета (норму), в данном случае — это понятие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

нормальной температуры человеческого тела (36° — 37°); ср. еще: *высокий* — *средний* — *низкий* (*рост*); *рано* — *вовремя* — *поздно* (*прийти*).

Антонимия — это выражение противоположности внутри одной и той же сущности, противоположное определение ее. Дифференцируя ту или иную сущность, антонимы как знаки «раздвоенного» на противоположности единства одновременно и определяют предел проявления какого-нибудь качества, свойства, действия, и указывают на неразрывную связь противоположностей: *горячий* и *холодный* — границы качественной оценки температуры, взаимоотрицающие полярности и вместе с тем сопряженные взаимопроникающие компоненты целого.

Логическую основу антонимии образуют несовместимые противоположные видовые понятия, входящие в объем соответствующего родового понятия: «легкий» — «тяжелый» (вес), «теплеть» — «холодать» (изменение температуры), «истина» — «ложь» (соответствие действительности). Применительно к антонимии следует говорить о двух видах противоположности. Контрарная противоположность выражается такими видовыми понятиями «X» и «Y», между которыми возможно промежуточное, среднее понятие «Z» и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием: «холодный» — («прохладный», «теплый») — «горячий». Комплементарная противоположность представлена такими видовыми понятиями «X» и «Y», которые взаимно дополняют друг друга до родового понятия, так что между ними невозможно никакое другое, промежуточное понятие: «истинный» — «ложный». Как и контрарные, эти понятия являются крайними, предельными на оси противоположности. В этом случае родовое понятие исчерпывается двумя противоположными видовыми, каждое из которых характеризуется своим положительным содержанием; отрицание одного из них дает строго определенное значение другого: «неистинный» значит «ложный».

Необходимо иметь в виду, что логической основы антонимии не образуют противоречащие понятия, т. е. отношения типа «А» — «не-А»: «молодой» — «немолодой», «холодный» — «нехолодный». Они качественно отличаются от комплементарных отношений тем, что второе понятие («не-А») здесь весьма неопределенно, а потому не может быть крайним, предельным на оси

противоположности (например, «немолодой» — это и «средних лет», и «пожилой», и «старый»). Истинными противоположностями являются предельные видовые понятия «молодой» — «старый», «холодный» — «горячий».

При изучении антонимии важно учитывать не только «глубинные» логические, но и собственно лингвистические, категориальные свойства противопоставляемых единиц. Логическая модель противоположности, рассмотренная выше, реализуется в языке как антонимия не у всех слов, а только у тех, которые обозначают качество, противопоставленную направленность действий, состояний, признаков, свойств, а также у ограниченного круга слов со значением пространственных и временных координат. Именно поэтому слова с качественной и «направленной» семантикой типа *легкий — тяжелый* (о предмете, вопросе), *совершенный — несовершенный* (о красоте, произведении искусства), *садиться — вставать (на стул, со стула)* являются антонимами, а сходные с ними или даже формально совпадающие *легковой — грузовой* (о транспорте), *совершенный — несовершенный* (вид в грамматике), *сидеть — стоять* истинной антонимии не выражают.

У всех единиц, относящихся к той или иной лексической категории, есть определенный общий признак, например, у синонимов — эквивалентность. Такой инвариантный признак есть и у антонимов. Это — предельное отрицание, вскрываемое в толковании одного из них и свидетельствующее об их крайнем расположении на оси противоположности: *умный — глупый* ('предельно неумный'), *истинный — ложный* ('неистинный', предельно отрицающий истину), *входить — выходить* (*входить* — 'идя, начинать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь', *выходить* — 'идя, переставать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь'), но *начинать — переставать* можно истолковать как 'начинать — начинать не', например, *начинать петь — переставать петь* ('начинать не петь'), и тогда различие глаголов сведется к глубинному отрицанию, которое также предельно, так как они обозначают диаметрально противоположно направленные действия.

Обнаруживая высокую степень сходства смысловых структур и толкований, антонимы различаются по одному существенному признаку (основанию) противополо-

ставлением противоположных сем: *горячий* ('температура выше нормы') — *холодный* ('температура ниже нормы'), *лето* ('самое теплое время года') — *зима* ('самое холодное время года').

Таким образом, сущность антонимии состоит в выражении взаимного предельного отрицания семантически однородных лексических единиц X и Y со значением качества и/или направленности:

$$X - Y [= (\neg X)_{\max}],$$

где второе слово — максимальное ($\max$) отрицание первого. В силу природы своих значений антонимы используются в языке прежде всего и главным образом для выражения противоположности.

Антонимия как лексическая категория — это семантическое отношение противоположных значений, выражаемых формально различными словами, которые реализуют в тексте функцию противопоставления и другие связанные с нею функции.

Как и синонимам, антонимам свойственны эквивалентная оппозиция и контрастирующая дистрибуция (см. I, 6). Они также обладают как общей, совпадающей, так и индивидуальной сочетаемостью: *летний день* — *летняя ночь*, *теплый день* — *теплая ночь*, но: *солнечный*, *погожий день* и *лунная*, *глубокая ночь*. Однако в силу того, что антонимы соответствуют несовместимым понятиям («холодный» — «горячий», «истинный» — «ложный»), их значения в отличие от синонимов направлены не на уточнение обозначаемых предметов, действий, признаков, а на их противопоставление или сопоставление. Ономаσιологический аспект рассмотрения лексических единиц является и здесь преобладающим.

Классификация антонимов

Антонимы классифицируют исходя из их формальных и семантических свойств.

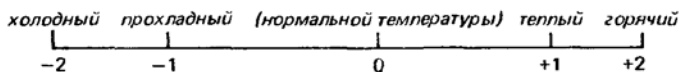
С точки зрения структуры классификации антонимов делятся на разнокоренные (*высокий* — *низкий*, *веселый* — *грустный*, *левый* — *правый*, *громко* — *тихо*, *подъем* — *упадок*, *всё* — *ничто*, *в* — *из*) и однокоренные, которые различаются противоположными по значению приставками (*прилетать* — *улетать*, *влезать* — *слезать*, *связывать* — *развязывать*, *ввоз* — *вывоз*) или

образуют противоположность в результате прибавления к слову приставки, придающей ему противоположный смысл (*культурный* — *некультурный*, *вкусный* — *невкусный*, *научный* — *антинаучный*, *сильный* — *бессильный*).

Особый непродуктивный тип представляет собой энантиосемия, или внутрисловная антонимия, — противоположность значений одного и того же слова: *оговориться*₁ (*намеренно*) — ‘сделать оговорку’ — *оговориться*₂ (*нечаянно*) — ‘ошибиться’; *одолжить*₁ (*кому-нибудь денег*) — *одолжить*₂ (*у кого-нибудь денег*). Значительно более распространена речевая энантиосемия: *Ох, и умён!* (= ‘глуп’); *Ну и чистый!* (о грязном костюме, внешнем виде человека). Как видно, противоположность подчеркивается здесь различной лексической сочетаемостью, конструктивной обусловленностью, разным интонационным оформлением противоположных ЛСВ слова.

Семантическая классификация антонимов основывается на выражаемом ими типе противоположности. В зависимости от этого они подразделяются на классы антонимов.

1. Первый класс. Антонимы, выражающие качественную противоположность, реализуют в языке контрарную противоположность и обнаруживают градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенное изменение качества, свойства, признака и т. п.:

Ср.: *красивый* — (*симпатичный* — [обычный на вид] — *невзрачный*) — *безобразный*; *легкий* — (*нетрудный* — [средней трудности] — *нелегкий*) — *трудный* и т. п. Истинными антонимами являются симметричные крайние члены парадигмы¹.

Качественные прилагательные с приставками *не-* и *без-* образуют антонимы с соответствующими бесприставочными словами только в том случае, если они представляют собой предельные члены парадигмы: *грамотный* — *неграмотный*, *безграмотный*; *убедительный* —

¹ «Глубина» антонимической парадигмы зависит от типовой сочетаемости антонимов; ср.: *холодный* — *горячий* (о воде) и *холодный* — *теплый* (о погоде).

неубедительный; сильный — бессильный (ср. промежуточные члены таких оппозиций: *малограмотный, не совсем убедительный, слабосильный*). Противопоставления же типа *молодой — немолодой, высокий — невысокий* антонимии не образуют, так как они выражают противоречащие понятия.

К первому классу антонимов примыкает небольшая группа обозначений временных и пространственных координат, не являющихся качественными словами, но обладающих своеобразными ступенчатыми парадигмами: *позавчера — вчера — сегодня — завтра — послезавтра, передний — средний — задний* (о вагоне).

2. Второй класс. Антонимы, выражающие дополнительность (комплементарность), составляют сравнительно небольшое количество пар слов, парадигмы которых представлены всего двумя членами (если, конечно, не считать их синонимов):

истинный   ложный
└──────────┘

Для антонимов этого класса имеет силу утверждение:

$$\neg X \rightarrow Y \text{ и } \neg Y \rightarrow X$$

(*неистинный* → *ложный, неложный* → *истинный*).

Примерами комплементарных антонимов, взаимно дополняющих друг друга до целого, могут служить пары: *влажный — сухой, война — мир, добровольный — принудительный, жизнь — смерть, можно — нельзя, конечный — бесконечный, соблюдать — нарушать*.

Слова, выражающие строгую комплементарность, характеризуются классифицирующим, отграничительным (дизъюнктивным) характером своих значений: *болен — здоров, правда — неправда, верный — неверный*. В выражениях типа *Он не совсем здоров; Это было полуправдой* мы имеем дело с обиходным и «смягченным» (эвфемистическим) употреблением слов, истинный смысл которых — 'болен', 'неправда, ложь'.

3. Третий класс. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков, образуют векторную, направленную противоположность, широко представленную в языке и остававшуюся долгое время за пределами лингвистического исследования. Это антонимия типа *входить — выходить, подниматься — опускаться,*

одеваться — раздеваться, ускорять — замедлять; восход — заход, сборка — разборка, увеличение — уменьшение; сторонник — противник, революция — контрреволюция, законный — противозаконный, вперед — назад, в — из, к — от и т. п.

Функции антонимов

Антонимам свойственно преимущественно контактное употребление в определенных контекстах, в которых раскрываются их важнейшие функции, например:

противопоставление: *Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх* (Г.); *Ты богат, я очень беден...* (П.);

взаимоисключение: *У него было о людях одно-единственное мнение — хорошее или плохое, он им или верил, или нет* (Сим.);

чередование, последовательность фактов, из которых один не может быть одновременно с другим, но возможен после другого: *Он то тушил свечу, то опять зажигал ее* (Ч.);

превращение одной противоположности в другую, противоречие как совмещение противоположных начал в чем-либо: *Все вдруг стало сложным — самое простое* (А. Т.);

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем...

(М. Ю. Лермонтов)

охват всего класса предметов, всего явления, действия, отношения, свойства, качества с помощью указания на их противоположности: — *Вы не поверите, они измучили меня со всех сторон, все, все, и враги ... и друзья* (Д.); ср.: *от мала до велика, с утра до вечера.*

§ 12. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Определение семантического поля

Лексическая система во всех опосредованиях ее единиц наиболее полно и адекватно отражается в семантическом поле — лексической категории высшего порядка. Семантическое поле (СП) — это иерархическая

структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением¹.

Лексические единицы включаются в определенное СП на основании того, что они содержат объединяющую их архисему, например, 'время' — для всех обозначений времени, 'родственник / родственница' — для всех наименований родства, 'цвет' — для всех цветообозначений и т. д.

Поле характеризуется однородным понятийным содержанием своих единиц, поэтому его «строевыми элементами» обычно являются не слова, соотносимые своими значениями с разными понятиями, а ЛСВ. Многозначные слова чаще всего входят своими различными значениями (ЛСВ) в разные СП, например *сестра*₁ — в обозначения родства, *сестра*₂ — в наименования лиц медицинского персонала, и только сравнительно редко — в одно и то же поле; ср.: *день*₁ и *день*₂ как обозначение части суток и всех суток.

Понятие «поле» абсолютно по своей принципиальной структуре и вместе с тем относительно в непосредственном анализе лексики, т. е. обычно ограничено определенной исследовательской задачей. Собственно говоря, всю лексику можно представить в виде иерархии семантических полей разного ранга, в виде структуры тезауруса (т. е. идеографического, ономаσιологического словаря): большие семантические сферы лексики делятся на классы, классы — на подклассы и т. д. вплоть до элементарных семантических микрополей. Элементарным семантическим микрополем является лексико-семантическая группа (ЛСГ) — относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединенных архисемой более конкретного содержания и иерархически более низкого порядка, чем архисема поля. Так, в большом по своему объему СП 'человек (*homo sapiens*)' можно, например, выделить ЛСГ, характеризующие различные стороны интеллектуальной деятельности человека: ЛСГ₁ [*ум, разум, мышление, мысль, понятие, суждение, рассуждение, умозаключение, анализ, понимание...*], ЛСГ₂ [*думать, мыслить, рассуждать, судить (о чем-нибудь), вдумываться, вникать, умозаключать, анализировать, понимать, постигать, схватывать (умом) ...*], ЛСГ₃ [*умный, разумный, муд-*

¹ О различных подходах к определению семантического поля см.: Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. С. 23—34

рый, понятливый, толковый, рассудительный, думающий (прил.),мышленый, сметливый, смекалистый ...] и др.

Важнейшим структурирующим отношением элементов в семантическом поле является гипонимия — его иерархическая система, основанная на родо-видовых отношениях (см. 1, 6). В основе гипонимии лежит отношение несовместимости — свойство семантически однородных лексических единиц, соотносящихся с понятиями, объемы которых не пересекаются. Гипонимия представляет собой включение единиц в соответствующий класс наименований. Слова, соответствующие видовым понятиям (например, *пудель, дог, овчарка, борзая, спаниель*), выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием (*собака*), — их гиперониму, и как согипонимы по отношению друг к другу. Гиперо-гипонимические отношения структурируют СП сверху донизу и снизу доверху. Понятия «гипоним» и «гипероним» в поле — относительны. Так, гипероним *собака* при «восхождении» к вершине поля становится гипонимом по отношению к иерархически более высокому слову *животное* и т. д. На основе гипонимии взаимосвязанные лексические единицы последовательно объединяются в ЛСГ, подклассы, классы, классы классов, семантические сферы, образуя сложную многомерную структуру взаимосвязанных СП.

Из свойств гипонимов, существенных для раскрытия отношения элементов СП, отметим следующие. Во-первых, в отличие от синонимии (см. 2, 9) как одного из важных семантических измерений поля, гипонимия определяется в терминах односторонней импликации: всегда возможна замена гипонима на гипероним как подведение вида под род (*Он купил розы* → *Он купил цветы*); обратное не всегда возможно, так как, например, цветы могут быть не только розами. Во-вторых, значение гипонима семантически сложнее, богаче, чем у гиперонима, а представленный им класс предметов уже (см. 1, 6). Семантическое отношение согипонимов — это отношение элементов одного класса; гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дополнительными дифференциальными семами; ср.: *физика, химия, математика, лингвистика* и их гипероним *наука*.

Структура семантического поля

В семантическое поле как таковое (в отличие от ЛСГ) входят слова (ЛСВ) разных частей речи. Поэтому единицам поля свойственны не только 1) синтагматические и 2) парадигматические, но и 3) ассоциативно-деривационные отношения. Они образуют три измерения СП: 1) *родной отец, любить отца, отец семейства...*; 2) *отец — мать, сын, дочь, дед...*; 3) *отец — отцовский, отчий, отеческий, по-отечески...* (словообразовательная деривация); *отец₁* — ‘мужчина по отношению к своим детям’, *отец₂* — ‘родоначалник, основоположник чего-нибудь’, *отец₃* — ‘служитель культа’ (семантическая деривация, указывающая на связь семантического поля обозначений родства со смежными полями).

Единицы СП могут входить во все типы семантических категориальных отношений. Так, прилагательное *высокий* как член одной из ЛСГ СП ‘человек’ входит в отношения гипонимии (*высокий* ⊂ *рост*), синонимии (*высокий* — *рослый, длинный, долговязый*), антонимии (*высокий* — *низкий*), конверсии (*Иван выше Петра* ↔ *Петр ниже Ивана*), словообразовательной деривации (*высокий* — *высокоодаренный, высота*), полисемии [*высокий₁* — *высокий₂* (*высокий урожай*), *высокий₃* (*высокая награда*), *высокий₄* (*высокий стиль*), *высокий₅* (*высокое качество*), *высокий₆* (*высокий тенор*)]. Ассоциативно-деривационные отношения полисемии характеризуют связь данной ЛСГ с другими ЛСГ поля ‘человек’ и смежными полями. Разумеется, не каждое слово поля входит по своей природе в любое из указанных семантических отношений: существительное *стол*, например, не имеет антонима.

Несмотря на большое разнообразие в организации семантических полей и специфику каждого из них, можно говорить о некоторой принципиальной структуре СП, которая предполагает наличие его ядра, центра и периферии. Возьмем в качестве примера поле ‘передача’, ограничившись для простоты изложения глаголами, образующими основу этого поля; ср.: *передавать* — *передать, вручать* — *вручение* и т. п. Общее (инвариантное) значение поля в его «чистом» виде содержит семантически наиболее простое слово *передавать* — ‘каузировать кого-нибудь начинать иметь что-либо’: *Она передает ему книгу*. Глагол *передавать* вместе с близкими

ему по семантике словами (синонимами типа *вручать* — ‘передавать непосредственно из рук в руки’, антонимами и конверсивами типа *брать (назад)*, *принимать* и некоторыми словообразовательными дериватами) образует класс единиц неспециализированной передачи — ядро семантического поля.

Эта ядерная часть СП как бы обволакивается классами специализированной передачи, где общее значение поля усложняется по мере удаления от ядра. Эти классы представляют собой центр семантического поля: ‘дарение’ (*дарить, преподносить, презентовать...*), ‘купля-продажа’ (*покупать, продавать, сбывать...*), ‘оплата и ссуда’ (*платить, одолжать, ссуживать...*), ‘завещание’ [*завещать, оставлять (после себя)*]; ср. *получать в наследство*], ‘пересылка и транспортировка’ (*посылать, переправлять, доставлять...*), ‘передача информации по каналам связи’ [*передать (по радио), транслировать, телеграфировать...*] и др.

В силу закона асимметрии знака и значения (см. 2, 7) семантика передачи может выражаться единицами других, смежных полей, лежащих на периферии данного поля, что свидетельствует о тесной взаимосвязи семантических полей в лексической системе языка. Глаголы со значением изготовления, приготовления, создания чего-либо в особых контекстах, реализующих их вторичные семантические функции, способны обозначать передачу: *Родители построили детям дачу* ($\approx$ *передали, подарили*); *Мать очистила маленькому сыну апельсин, и тот с аппетитом съел его* ($\approx$ *очистила и дала*).

Для единиц СП во многих случаях можно указать их характерные синтагматические и парадигматические свойства, соотнесенные друг с другом. Рассмотренным выше глаголам передачи свойственна, например, общая основная формула дистрибуции: $N_1VN_4N_3$, где N обозначает имя в определенном падеже (N_1 — им., N_3 — дат., N_4 — вин.); а V — глагол передачи, например: *Декан вручает грамоту юбиляру* (ср. модификацию этой формулы при усложнении семантики глагола, например, *продавать* — ‘отдавать за плату’: $N_1VN_4^1N_3$ за N_4^2 — *Он уступает книгу мне за рубль*). Единицам семантических полей ‘человек’ (класс: ‘части тела’) и ‘орудия труда’ свойственна конструкция N_1VN_5 (с различного рода расширениями): *Я слышал (это своими) ушами; Он*

схватился руками (за перекладину); Они разгребают (снег) лопатами и т. п.

Существенно совпадающая сочетаемость единиц поля отражает их парадигматическую близость и семантическую общность: *дарить* — 'давать подарок', *продавать* — 'отдавать за плату', *транслировать* — 'передать по радио или телевидению'.

Слово (ЛСВ) предстает в СП во всех его характерных связях и разнообразных отношениях, реально существующих в лексической системе языка.

Рассмотренные выше лексические категории оказываются в поле взаимосвязанными и соположенными как его важнейшие составляющие. Они синтезируются в нем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 175—315.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 104—165.

Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295—312.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 106—113.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 148—218.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 467—507.

Современный русский язык: Теоретический курс: Лексикология. М., 1987. С. 40—80.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С. 65—130, 183—232.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Словообразование как особый раздел языкознания стало складываться в 40—50-е годы нашего века, прежде всего благодаря трудам В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого. Уже в те годы начали разрабатываться некоторые важные проблемы общей теории синхронного словообразования: место словообразования в ряду лингвистических дисциплин, проблемы членимости слова, принципы установления отношений синхронной производности, своеобразие семантики и строения производных слов разных частей речи.

В 60—80-е годы теория синхронного словообразования получила дальнейшее развитие. Наука о словообразовании, выделившись из морфологии и лексикологии, стала самостоятельной лингвистической дисциплиной, имеющей свой объект исследования, свою методику анализа и систему понятий.

§ 1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СИНХРОННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ

Этот раздел учебника посвящен современному синхронному словообразованию. (В современном языкознании как синонимы терминов «словообразование», «словообразовательный» используются термины «дери-вация», «деривационный».) Лишь в некоторых его частях рассматриваются отдельные вопросы исторического словообразования. Это нужно для того, чтобы четко отделить собственно синхронное изучение словообразования от диахронического, что важно в практике исследования и преподавания русского языка.

При синхронном и диахроническом (историческом) подходах к словообразованию многие понятия, называемые одним и тем же термином, получают разное содержание. Таково, например, понятие «производность» и связанные с ним понятия «производная основа» и «производящая основа».

При д и а х р о н и ч е с к о м подходе, для того чтобы установить производность слова и, следовательно, опре-

делить, какое из сравниваемых родственных слов послужило базой для образования другого, т. е. какое имеет производящую основу, а какое — производную, надо изучить конкретную историю этих слов и выяснить, какое из них более раннее, а какое более позднее, какое из слов исторически образовано от другого.

При синхронном анализе, для того чтобы установить производную и производящую основы, нужно ответить на вопрос: какая из двух однокоренных основ более простая по форме и по смыслу (производящая), а какая более сложная (производная)¹? Для этого надо определить, каково формальное и семантическое соотношение данных основ в изучаемый период жизни языка.

Итак, термины «производная» и «производящая» основы употребляются и в синхронном, и в диахроническом словообразовании. Однако если в диахроническом словообразовании они по смыслу равны причастиям от глагола *производить*, т. е. *производная* — это ‘произведенная; та, которая произведена’, *производящая* — ‘та, которая произвела’, то в синхронном словообразовании эти термины имеют не процессуальное, а функциональное значение (находящиеся в определенных отношениях между собой). Чаще всего распространены такой вид отношений: производящая — более простая по форме и смыслу, чем однокоренная производная². Значение производящей основы мотивирует значение производной основы, а форма производящей основы является базой для построения формы производной основы. Слово, содержащее производящую основу, называется *производящим* (базовым). Слово, содержащее производную основу, называется *производным*. Слово, содержащее непр производную основу, называется *непроизводным*.

Разграничение синхронного и диахронического подходов имеет большое значение при изучении словообра-

---

¹ Здесь указывается наиболее распространенный вид отношений между производной и производящей основами. Иные виды отношений между ними рассматриваются в гл. 2.

² Некоторые исследователи вместо терминов «производящая основа» и «производная основа» в синхронном значении употребляют термины «мотивирующая основа» и «мотивированная основа» (см.: *Русская грамматика*. М., 1980), «базовая основа» и «выводимая основа» (см.: *Янко-Триницкая Н. А. Членимость основ русского слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1968. Вып. 6. С. 533).

зования, так как именно в этом разделе языкознания смешение диахронии и синхронии происходит особенно часто. Это объясняется тем, что слово является такой единицей языка, которая может менять свое значение, не меняя формы. Благодаря этому рвутся связи между словами, когда-то (в прошлые эпохи!) родственными, но сохранившаяся формальная близость нередко мешает увидеть этот разрыв и толкает на то, чтобы объединять слова разошедшиеся, ставшие чужими.

Еще на рубеже XIX—XX вв. требование отграничить синхронное словообразование от диахронического выражали блестящие русские языковеды И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Fortunатов. Занимаясь историей языка, они большое внимание уделяли теории синхронного языкознания и — в том числе — теории синхронного словообразования. Факты одной эпохи нельзя объяснять, мерить мерками другой. Это общее требование признается всеми учеными, не только лингвистами. Признается оно и языковедами, но в словообразование пробивается труднее, чем в другие разделы языкознания. Выступая в 1903 г. на съезде преподавателей русского языка с докладом «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», Ф. Ф. Fortunатов говорил: «...категорию крупных ошибок в школьных учебниках русской грамматики представляет смешение фактов, существующих в данное время в языке, с теми, которые существовали в нем прежде...»¹ Изучая словообразование, не следует считать родственными пары слов типа *дерево* и *деревня*, *лапа* и *лапоть*, потому что между этими словами нет живых семантических связей. Ведь очевидно, что *деревня* не есть 'населенный пункт, в котором растет много деревьев', а *лапоть* не является 'обувью для лапы'. Такие толкования были бы явно искусственными и приводили бы к произвольному навязыванию языку не свойственных ему семантических связей.

Как же обнаружить имеющиеся в языке (а не мнимые) связи между словами? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим внимательнее, что отличает производное слово как особую единицу языка.

---

¹ Fortunатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957. Т. 2. С. 443.

§ 2. ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО. КРИТЕРИЙ Г. О. ВИНКУРА

Производные слова отличаются от непроеизводных по характеру выражения значения: непроеизводные слова — это ничем не мотивированные, условные обозначения действительности, тогда как значение производного слова всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующего производящего. Как писал Г. О. Винокур, именно такое разъяснение значения производных слов, а «не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей)»¹.

Возьмем слова *волк*, *волчонок* и *волчица*. Почему именно этот звуковой комплекс называется данное животное в слове *волк* не отражено. Ср. название «волк» в других языках: *lupus* (лат.), *le loup* (фр.), *der Wolf* (нем.). Непроизводное существительное *волк* не имеет внутренней формы: связь между значением слова и его строением отсутствует. Слова же *волчонок* и *волчица* имеют внутреннюю форму, так как их значение опирается на их строение. Значение этих слов определяется значением их составных частей: основы *волк-* и суффиксов *-онок* (ср.: *слонёнок*, *тигрёнок*, *лисёнок* и т. п.) и *-иц(а)* (ср.: *буйволица*, *медведица* и т. п.); *волчонок* — ‘детеныш волка’, *волчица* — ‘самка волка’. Значение производного слова нам часто подсказывается его строением. Если бы мы прочли фразу *У стены сарая стоял маленький кабаржонок*, мы бы догадались, что речь идет о незрелом живом существе (даже если бы мы не знали, что слово *кабарга* обозначает животное из рода оленей), так как понять значение слова *кабаржонок* нам помог суффикс *-онок*, известный из слов *утёнок*, *слонёнок*, *волчонок* и многих других названий детенышей.

Приведенное высказывание Г. О. Винокура рассматривают как основной критерий при установлении отношений производности. Как следует его применять? Ведь между производным и производящим словами наблюдаются очень разные виды отношений, а толкование значения слова в словарях не всегда может быть опорой при анализе. Например, существительное *подосиновик* словари определяют так: «съедобный гриб, имеющий

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

красную или коричнево-красную шляпку». Толкование не содержит слова *осина*. Однако мы ясно ощущаем состав и внутреннюю форму слова *подосиновик* (ср. *подберёзовик*)¹. Изменив толкование этого слова так: 'гриб, который часто растет под о с и н о й', — мы определили его значение посредством указания на связь с соответствующей производящей основой. На необходимость применения таких толкований и указывал Г. О. Винокур, считая, что это «составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов».

Приведем для сравнения еще несколько словарных (1) и словообразовательных (2) толкований: *дождевик* — 1) «род верхней одежды, легкий плащ»; 2) «верхняя одежда, служащая для защиты от дождя»; *косынка* — 1) «головной платок»; 2) «косой по форме головной платок»; *косяк* — 1) «стая птиц, рыб и некоторых других животных»; 2) «имеющая форму косоугольной стая птиц, рыб и некоторых других животных».

Наименования в языке не всегда основываются на самых типических признаках предмета. Иногда они базируются на признаках случайных, второстепенных. Поэтому и производные слова не всегда создаются на основе наиболее типических связей между производным и производящим. Эти связи могут быть индивидуальными. Однако в том случае, если анализируемое слово может быть истолковано так, что толкование включает производящее, анализируемое слово следует считать производным. Сравним существительные *нож* и *ножовка*. Есть ли между этими словами связь? Формальная связь очевидна, так как слово *ножовка* включает сегмент *нож*. Вместе с тем имеется и семантическая я: *ножовка* — «небольшая узкая пила, напоминающая нож». Вывод такой: необходим и достаточен хотя бы один общий неграмматический компонент в семантике двух имеющих формальную общность слов (производного и производящего), чтобы можно было считать, что они находятся в отношениях производности. (Мы не касаемся здесь других необходимых признаков, связывающих производное и производящее; см. об этом гл. 2.) Подчеркнем, что среди всех родственных слов

---

¹ См. подробнее о внутренней форме производных слов: *Ермакова О. П., Земская Е. А.* Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Вып. 6.

между производным и производящим наблюдается наименьшая формальная и смысловая разница.

Рассмотрим подробнее два специфических вида семантических отношений между производным и производящим.

§ 3. ОТНОШЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

В тех случаях, когда производное слово основывается на переносных (метафорических) значениях производящего, их связывают отношения метафорической производности¹. Например, глаголы *обезьянничать* — 'слепо подражать другим, перенимать черты поведения других'; *ишачить* (вульг.) — 'тяжело и много работать', *попугайничать* — 'повторять чужие слова' базируются на переносных значениях существительных *обезьяна*, *ишак*, *попугай*². Они включают в себя семантический компонент 'подобно тому, кто обозначен глаголом в переносном значении': 'подобно обезьяне', 'подобно ишаку', 'подобно попугаю'.

§ 4. ОТНОШЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНОЙ МОТИВАЦИИ

Трудный для анализа и вместе с тем нередкий случай представлен в таких парах слов, как *белый* — *бельё*, *полк* — *полковник*, *каша* — *кашевар*. Связаны ли эти слова отношениями производности? Попробуем применить к ним критерий Винокура. Дадим словам более сложным по форме такие толкования: *бельё* — 'нижняя одежда белого цвета'; *полковник* — 'человек, который командует полком' (или: командир полка); *кашевар* — 'тот, кто варит кашу'. Эти толкования не вполне адекватно передают семантику анализируемых слов: ведь мы знаем, что *бельё* бывает и цветное, *полковник* не обязательно командует полком, а *кашевар* варит не только кашу. Вместе с тем между приведенными парами слов есть явная, не только формальная, но и смысловая, связь. Попробуем изменить толкования так, чтобы отра-

¹ См. об этом: Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // *Актуальные проблемы русского словообразования*, 1. Ташкент, 1975. С. 53—57.

² Эта закономерность отмечена О. П. Ермаковой. См.: Ермакова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // *Актуальные проблемы русского словообразования*, 1. С. 62.

зять ее: *бельё* — ‘нижняя одежда, которая нередко имеет белый цвет’; *полковник* — ‘тот, кто командует значительным воинским подразделением, в том числе полком’; *кашевар* — ‘тот, кто готовит пищу, в том числе кашу’. Определения такого рода вскрывают связь между производным и производящим и правильно отражают семантику производного.

Итак, анализируемые слова имеют живые семантические связи с производящими, но связи эти можно назвать периферийными (т. е. не основными, окраинными), потому что семантика производных не включает семантику производящих целиком, как в парах типа *дом* — *домик*, *стол* — *столик*, *тигр* — *тигрёнок*, но связана с семантикой производящего лишь «краешком» своего значения. Еще примеры: *госпиталь* — *госпитализировать*; *канарейка* — *канареечник*. *Госпиталь* — ‘больница для военных’, *госпитализировать* — ‘помещать в любую больницу, в том числе в госпиталь’; *канарейка* — ‘певчая птица’, *канареечник* — ‘корм для певчих птиц, в том числе канареек’. Для слов, связанных отношениями периферийной производности, характерен семантический компонент ‘в том числе’.

§ 5. ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Среди производных слов с точки зрения семантической есть две большие группы:

а) слова, значение которых полностью складывается из значения их составных частей: *дом-ик* — ‘маленький дом’, *дом¹-ищ-е* — ‘большой дом’, *волч-онок* — ‘детеныш волка’, шутовое *повторя-тель* — ‘человек, который повторяет’ (значение суффикса — ‘производитель действия’, значение основы — название самого этого действия);

б) слова, значение которых основывается на значении составных частей, так что значение каждой составной части входит в значение слова, но вместе с тем значение слова не является простой их суммой. Таковы, например, существительные *носильщик*, *белок*, *синяк*. Существительное *носильщик* обозначает не просто ‘лицо, которое носит что-либо’, а ‘лицо, профессия которого — переносить багаж на вокзалах’. Таким образом,

¹ Здесь и далее перед буквами *е* и *и*, обозначающими мягкость предшествующего согласного, знак мягкости не ставится.

это существительное имеет добавочные семантические компоненты, не входящие в значение составляющих его морфем, — они содержат характеристику действия *носить* ('выполняемое по профессии') и ограничивают число объектов этого действия: не любой объект, например продукты, книги, маленьких детей, но лишь багаж. Слово *белок* обозначает не любой предмет белого цвета, а 'белую часть яйца'; *синяк* — не любой предмет синего цвета, а 'кровоподтек синего цвета'. Сравним однокоренные существительные, произведенные от прилагательных *косой* и *тёплый*: одно называет 'косой по форме головной платок' (*косынка*), а другое — 'имеющую форму косоугольного угла стаю птиц, рыб или других животных' (*косяк*); одно называет 'теплый товарный вагон' (*теплушка*), а другое — 'теплое помещение для выращивания рассады, цветов и т. п.' (*теплица*). Различие в семантике этих слов не связано с их строением. Эту часть семантики слова нельзя вывести из его состава, нельзя предугадать. Ее надо знать.

Свойство производного слова выражать нечто, не содержащееся в значении его составных частей, называют фразеологичностью (или идиоматичностью) семантики.

Это свойство слова по отношению к русскому языку ранее других отметил А. М. Пешковский (1925 г.). Подробно исследовал это свойство слова и предложил термин фразеологичность семантики М. В. Панов (1956 г.).

Фразеологичность — свойство лексической семантики слова. Она не затрагивает его словообразовательного значения (о словообразовательном значении см. гл. 4). Подробнее различие между словами с фразеологической и нефразеологической семантикой рассматривается в гл. 7.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию [1946] // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Ермакова О. П. Идиоматичность семантики и членимость слова // Актуальные проблемы русского словообразования, 2. Ташкент, 1976.

Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренней формы слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Вып. 6.

Панов М. В. О слове как единице языка // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1956. Т. 51.

Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? [1925] // Избр. труды. М., 1959.

Глава 1

ВИДЫ МОРФЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 6. МОРФ И МОРФЕМА

Наименьшая формальная часть слова, имеющая значение, называется морфом. (Этот термин иногда употребляют в женском роде — морфа, род. п. ед. ч.: морфы.) Следовательно, дальнейшее деление морфа на части приведет к выделению незначимых элементов — фонем.

Для примера возьмем слово *перечитывать* и разделим его на части таким образом, чтобы с каждой частью было связано какое-либо значение. Для этого надо, чтобы каждая часть этого слова встречалась с тем же значением в других словах. Получим такое членение: *перечитыва-ть*. Легко убедиться, что с каждой частью слова связано определенное значение: *-чит-* обозначает определенное действие (ср.: *читать, читальня, читатель* и т. п.); *пере-* обозначает повторность действия ('еще раз', ср.: *переписать, переделать, перешить, перестроить* и т. п.); *-ыва-* имеет значение несовершенного вида (ср.: *разбрасывать, переделывать* и т. п.); *-ть* — показатель формы инфинитива.

Дальнейшее дробление морфов не приведет к выделению значимых частей слова.

Словоформы состоят из морфов, т. е. каждое слово состоит хотя бы из одного морфа (*вчера, там, где, я* и т. п.). Для русского языка типичны двух- и трехморфные слова (*рек-а, глуп-ый, пере-ши-ть, стен-к-а* и т. п.). Самые длинные слова русского языка могут включать семь-восемь морфов (*по-на-вы-пис-ыва-л-и*).

При анализе слова мы членим его на морфы. Однако в лингвистике употребляется и другой термин для названия наименьших значимых частей слова — морфема. Какова разница между этими терминами?

Чтобы показать различие между морфемой и морфом, сравним их с фонемой и звуками, представляющими ту или иную фонему. Так, фонема ⟨а⟩ представлена звуками [а], [á] и [ã] в словах [пáртъ], [п'áткъ] и [п'áт']. Аналогичное явление наблюдаем в словообразовании, ср.: *ленинград-ец* и *ленинград-ца*; *творож* и *творож-ник*. В первой паре слов различные морфы (*-ец* и *-ца*) представляют одну и ту же суффиксальную морфему, во второй паре слов различные морфы

(творог- и творож-) представляют одну и ту же корневую морфему.

Таким образом, м о р ф е м а — это обобщенная единица, тогда как м о р ф ы — это конкретные репрезентанты (представители) морфемы, обнаруживаемые при членении слова.

Аналогичное разграничение терминов проводится при изучении и других сторон языка; ср. термины «сема» и «семема», «лекса» и «лексема». В этом противопоставлении термины с суффиксом *-ема* обозначают обобщенную единицу языка, а термины без этого суффикса — конкретные факты, непосредственно наблюдаемые в речи.

Зачем нужны эти двойные ряды терминов? Очевидно, что при изучении структуры слова необходимо оперировать не только конкретными звуковыми сегментами, данными нам непосредственным наблюдением, но и обобщенными единицами, наделенными общей функцией в составе слова.

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал о термине «морфема»: «Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями «дуб», «береза», «ель», «ива» и т. д.»¹.

§ 7. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МОРФЕМ

КАК ПРОИСХОДИТ ОБЪЕДИНЕНИЕ МОРФОВ В МОРФЕМУ?

Алломорфы

В одну морфему объединяются морфы, которые характеризуются следующими двумя признаками: 1) имеют тождественное значение; 2) их формальное различие обусловлено грамматической (морфонологической) позицией (см. гл. 3) в слове: положением до или после определенного класса единиц². Следовательно, они не могут занимать одну и ту же позицию в слове. Такое рас-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 291.

² Иногда в качестве особого признака алломорфов выделяют третий: формальная близость. Этот признак вытекает из признака второго, ибо если формальное различие морфов обусловлено их позицией в слове, то они обладают, как правило, фонематической близостью. Таким образом, выделение третьего признака является излишним.

пределение по позициям называется дополнительным распределением или дополнительной дистрибуцией. Например, заднеязычные фонемы корня не могут сочетаться с суффиксом прилагательных *-н-*, в этой позиции они чередуются с соответствующими шипящими: *г/ж, к/ч, х/ш*. Поэтому в словах *творог — творожный, песок — песочный, пух — пушной* морфами одной морфемы являются *творог-* и *творож-*, *песок-* и *песоч-*, *пух-* и *пуш-*, так как наличие шипящих *ж, ч, ш* в составе этих морфов обусловлено позицией этих морфов в слове — положением перед суффиксом прилагательных *-н-*. В случаях, когда конечной фонеме ⟨к⟩ основы предшествует фонема ⟨с⟩, чередование отсутствует: *отпуск-ной, выпуск-ной, гротеск-ный*.

Суффиксальный морф *-ц-* выступает перед флексиями, начинающимися гласными фонемами, а морф *-ец* — перед нулевой флексией: *саратов-ц-а, саратов-ц-у, саратов-ц-ем*¹, *саратов-ц-ы, саратов-ц-ев* и т. д., но *саратов-ец-ø*.

В том случае, когда суффиксу предшествуют две согласные фонемы, морф *-ец* выступает и перед флексиями-гласными: *бегл-ец — бегл-ец-а, мертв-ец — мертв-ец-а, горд-ец — горд-ец-а, лж-ец — лж-ец-а, нагл-ец — нагл-ец-а, хитр-ец — хитр-ец-а*.

Такие тождественные по значению морфы, формальное различие между которыми объясняется только их позицией в слове, являются по отношению друг к другу алломорфами. *Алло* — интернациональный терминологический элемент, связанный по происхождению с гр. *allos* (другой, разный). В лингвистической литературе последних лет широко употребительны термины, включающие элемент *алло-*. Они противопоставлены терминам с суффиксом *-ема* и терминам без суффикса; ср. такие трехчленные ряды терминов: *фон — аллофон — фонема, морф(а) — алломорф(а) — морфема, граф — аллограф — графема, лекс(а) — аллолекс(а) — лексема*.

¹ Морфы, как правило, везде даются орфографически. Буква *е* здесь передает фонему ⟨о⟩, ср. *отцѣм*. Везде фонетическую транскрипцию даем с той степенью точности, которая необходима для изучения словообразования. Если фонема непроверяема, указываем одну из ее фонемных интерпретаций, обычно совпадающую с орфографией, на-

пример суффикс *-ск-* передается транскрипцией ⟨ск⟩, а не $\left\langle \begin{smallmatrix} 3 \\ с \end{smallmatrix} \right\rangle$ или ⟨Зк⟩.

Алломорфы одной морфемы могут выступать в разных словоформах одного слова (например, *-ец/-ца*: *ленинград-ец, ленинград-ца*) и разных лексемах (например, *книг-/книж-*: *книг-а, книж-ный*; *песок-/песоч-*: *песок, песочный*; *-ник/-нич-*: *школь-ник, школь-ничский*).

Варианты морфемы

В одну морфему объединяются также морфы, характеризующиеся следующими признаками: 1) тождественные по значению; 2) тождественные по позициям; 3) способные в любых позициях заменять друг друга. Эти морфы называются в а р и а н т а м и м о р ф е м ы. Такковы, например, флексии творительного падежа существительных и прилагательных женского рода *-ой* и *-ою* (ср.: *весной* и *весною*, *зимой* и *зимою*, *горой* и *горою*; *бедной* и *бедною*, *доброй* и *доброю*).

Варианты морфемы находятся между собой в отношениях свободного варьирования, тогда как алломорфы — в отношениях дополнительного распределения. Вариантных морфем в русском словообразовании немного. К ним относится, например, суффикс *-охонек/-ошенек* (*краснёхонек* — *краснёшенек*, *синёхонек* — *синёшенек*).

И алломорфы, и варианты морфем являются вариациями формальной стороны (т. е. плана выражения) морфемы. По значению (т. е. в плане содержания) различие как между алломорфами, так и между вариантами морфемы отсутствует.

Не являются ни алломорфами, ни вариантами морфы, формальное различие между которыми объясняется их фонетической позицией, т. е., например, морфы [дуб] и [дуп] в словоформах *дуби* (им. п. мн. ч.) и *дуб* (им. п. ед. ч.), морфы *без-* и *бес-* в словах *бе[з]-ногий* и *бе[с]-кровный*, морфы *под-* и *пот-* в словах *по[д]-бросить* и *по[т]-кинуть*. В этих и аналогичных случаях чередование объясняется живыми фонетическими законами языка и поэтому не имеет отношения к словообразованию.

§ 8. КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Все множество морфем русского языка может быть разбито по разным основаниям на несколько классов. В классификации морфем учитываются следующие признаки: роль морфем в слове, их значение, место в составе слова, происхождение.

Корни и аффиксы

Выделяются морфемы корневые (корни) и аффиксальные. Основанием для такого членения служит роль этих морфем в составе слова: *корневые* морфемы — обязательная часть слова, не существует слов без корня. *Аффиксальные* морфемы — это факультативная часть слова. Имеются слова без аффиксальных морфем: *я, ты, здесь, вчера, там*. Корни — это такие морфемы, которые могут использоваться в речи самостоятельно или в сопровождении одного из видов аффиксов — флексий¹. Некоторые аффиксальные морфы омонимичны корневым морфам служебных слов: приставка *без-* и предлог *без*, приставка *от-* и предлог *от*, приставка *с-* и т. п. Аффиксальные морфемы иногда используются самостоятельно: *Поменьше употребляй всяких измов* (Из разговорной речи); *Никакому «псевдо» не должно быть места в искусстве* (Из газет). В этих контекстах аффиксы перестают быть аффиксами, они превращаются в корни и употребляются в роли существительных.

Существует мнение, что основное различие между корнями и аффиксами заключается в степени абстрактности значения: первые имеют конкретное значение, вторые — абстрактное. С этим трудно согласиться. Имеются корневые морфемы с очень общим значением (например, в словах *это, отношение, делать*) и аффиксальные морфемы с более конкретным значением (например, в словах *слонёнок, лисёнок* суффикс имеет значение 'детеныш' или 'невзрослый'; в словах *дом-ище, стол-ище* — 'большой'). Поэтому указанное различие является мнимым. Более того, существует синонимия аффиксальных и корневых морфем, свидетельствующая о близости значения аффиксов и корней. Так, приставка прилагательных *пре-* синонимична наречию *очень* (ср.: *пре-милый* и *очень милый*); глагольная приставка *за-* — слову *начать* (ср.: *забегал, закричал* и *начал бегать, кричать*); суффикс существительных *-ик* синонимичен слову *маленький* (ср.: *паровозик* и *маленький паровоз*). Однако, будучи способными выражать одни и те же значения, корни и аффиксы различаются по способу выражения:

¹ См. об этом: *Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР: В 5 т. М., 1966. Т. 1. С. 69; см. также: Смирницкий А. И. Лексикология английского языка М. 1956 С. 51—52.*

корни выражают значение самостоятельно, аффиксы — только в сочетании с корнями¹. С этим связано еще одно важное различие между корнями и аффиксами.

Корни могут быть единичными, встречающимися лишь в одном слове, аффиксы не бывают единичными. (Об уникальных частях слова типа *-овь* (любовь), *-унок* (рисунок) см. в гл. 2.) Аффиксы, входя в слово, относят слова к какой-то разновидности, какому-то классу предметов, признаков, процессов. Что же является означаемым для них? То общее, что отвлекается из значения ряда слов, включающих эти элементы. Поэтому их специфика как строевых элементов слова состоит в том, что они обязательно повторяются в ряде слов. Это важное свойство аффиксов как формальных принадлежностей слова было отмечено еще в конце XIX — начале XX в. известным русским языковедом Ф. Ф. Fortunатовым.

Итак, принципиальное различие между аффиксальными и корневыми морфемами — обязательная повторяемость аффиксов в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах и безразличие к этому свойству корней. Иными словами, существуют корни, повторяющиеся во многих словах, и корни, встречающиеся лишь в одном слове (*какаду*, *я*, *фрау* и т. п.), но нет и не может быть аффиксов, встречающихся лишь в одном слове. Единичные корни редки. Это слова, не дающие производных, так называемые слова без родственников. Однако важна сама принципиальная возможность существования таких слов.

Виды аффиксов

С точки зрения места морфемы в составе слова по отношению к корню все аффиксы² делятся на префиксы — расположенные перед корнем — и постфиксы — расположенные после корня. Термин «постфикс» иногда употребляют в узком смысле — для называния аффикса *-ся/-сь*, который всегда располагается после флексии: *умывается*, *сержусь*.

¹ Ср. высказывание А. А. Реформатского: «Если лексика непосредственно называет действительность... то грамматика всегда является опосредствованной» (*Реформатский А. А. Введение в языковедение*. М., 1967. С. 248).

² Подробная классификация аффиксов дана в кн.: *Реформатский А. А. Введение в языковедение*. С. 263—270.

Среди аффиксальных морфем по их функции в языке и характеру значения различают два больших класса: морфемы словообразовательные (деривационные) и словоизменятельные. В этом разделе мы рассматриваем аффиксы словообразовательные; об аффиксах словоизменятельных и их отличии от аффиксов словообразовательных см. в гл. 7, а также в разделе «Морфология».

Словообразовательные морфемы в русском языке могут располагаться: 1) перед корнем; тогда их называют преффиксы (или приставки) и 2) после корня; тогда их называют суффиксы. Например: 1) *прилетать, рас-красавица, сверх-человек, ультра-радикал, архи-плут, пре-милый, противотуберкулезный, сверхзвуковой, анти-военный*; 2) *артист-к(а), газет-чик, журнал-ист, коров-ник, цемент-н(ый)*. Суффиксы, как правило, располагаются перед флексиями. В русском языке существует лишь один суффикс *-ся*, который располагается после флексий: *всмотрим-ся, зачитаем-ся, убегаешь-ся*.

Термин «префикс» имеет два значения — широкое и узкое: а) аффиксальная морфема, расположенная перед корнем, слева от корня (противопоставляется постфиксам); б) один из видов деривационных морфем (приставка), противопоставляемый другому виду деривационных морфем (суффиксам).

Некоторые ученые (В. М. Марков, П. П. Шуба и др.) выделяют в русском языке еще один вид деривационных морфем — конфиксы, которые состоят из двух частей (префиксальной и постфиксальной) и действуют в словообразовательном акте комплексно, как нечто единое. Например: *кричать — раскричаться* (нет глаголов «*раскричать*» или «*кричаться*»), *говорить — сговориться*, *звонить — звониться* и др. В этих словах два элемента *рас-* и *-ся*, *с-/со-* и *-ся* выступают как единое словообразовательное средство; ср. также: *сотрапезник, сопалатник, антикомарин, суглинок, пасынок*.

Выделение конфиксов как особых морфем при изучении структуры русского слова нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка. Кроме того, постфиксальные части конфиксов совпадают, как правило, по значению с соответствующими приставками и суффиксами, т. е. *со-*, входящее в конфикс *со...-ник* (например, *сотрапезник, сопалатник*), тождественно по значению приставке *со-* (ср. *со-автор*); *-ник*, входящий в этот же конфикс, тождествен по значению суффиксу *-ник* (ср.: *школь-ник, словарь-ник*). Изучая, как функционируют аффиксы при создании подобных слов, следует отметить, что в таких случаях суффикс и приставка участвуют как две морфемы в едином акте словообразования, присоединяясь к производящей основе одновременно, а не последовательно, т. е. используются как единое словообразовательное средство. Такой способ словообразования называют приставочно-суффикс-

сальным (см. об этом в гл. 4). Название этого способа словообразования конфиксацией, а соответствующих морфем конфиксам не углубляет нашего понимания этого явления, а лишь заменяет одни термины другими.

Морфемы синонимичные и омонимичные

Понятия «синоним» и «омоним», которые используются в лексике, применимы и к морфемам как единицам языка, имеющим и значение, и форму. Примерами синонимических морфем могут быть приставки *сверх-* и *супер-*, обозначающие 'высокая степень' (*сверхмодный*, *супермодный*), суффиксы *-их(а)* и *-иц(а)*, обозначающие самок животных (*волчица* и *слониха*), суффиксы *-ш(а)* и *-к(а)*, обозначающие женщин (*кондукторша* и *артистка*). Омонимичными являются такие аффиксы, в значении которых нет общих смысловых компонентов. Так, в русском языке есть несколько омонимичных суффиксов существительных *-к(а)*. Они имеют такие значения: 1) 'женскость' (*румынка*, *москвичка*); 2) 'отвлеченное действие' (*разборка*, *перепечатка*); 3) 'уменьшительность' (*головка*, *ножка*).

Существуют омонимичные суффиксы, которые присоединяются к словам разных частей речи. Таковы, например, суффикс лица имен существительных *-ист* (*гитарист*) и суффикс прилагательных *-ист(ый)* (*лесистый*, *болотистый*, *гористый*). Единицы *-ист* и *-ист-* не являются одной морфемой, так как их значение различно.

Морфемы исконные и заимствованные

При диахроническом изучении словообразования с точки зрения происхождения различают морфемы исконные и заимствованные, пришедшие в русский язык в составе тех или иных слов. Это противопоставление относится и к корневым, и к аффиксальным морфемам, из последних в первую очередь к деривационным. В русском языке среди словоизменятельных морфем заимствования встречаются крайне редко.

Учитывая происхождение морфем, можно в обобщенном виде так представить строение русского производного слова: 1) **Рк** + **Ра**; 2) **Рк** + **Иа**; 3) **Ик** + **Иа**; 4) **Ик** + **Ра**; где **Р** — русская морфема, **И** — иноязычная, **к** — корневая, **а** — аффиксальная.

Примеры: 1) *нож-ик*, *бел-изн-а*, *вы-черн-и-ть*, *пере-бел-и-ть*, *грязн-ный*; 2) *архи-глуп-ый*, *анти-военн-ый*, *ультра-лев-ый*, *ультра-звук*, *контр-удар*, *значк-ист*, *звук-фикациj-а*, *хвост-ист*, *лист-аж*; 3) *журнал-ист*, *диплом-ант*, *анти-либераль-н-ый*; 4) *газет-чик*, *пальт-ец-о*.

Существуют аналогичные виды морфем как конкретных представителей морфем, т. е. имеются морфемы корневые и аффиксальные, префиксальные и постфиксальные, словоизменятельные и словообразовательные, приставочные и суффиксальные, исконные и заимствованные.

Особенности суффиксов и приставок

Основные виды словообразовательных морфем в русском языке, как уже говорилось, суффиксы и префиксы (приставки). Различие между ними не сводится

только к различию их места в составе слова. Внешние структурные особенности лежат в основе целого ряда специфических черт суффиксов и приставок.

1. В русском языке грамматические свойства слова выражаются обычно морфемами, помещаемыми в конце слова, — флексиями. Находясь рядом с флексией, суффикс нередко бывает спаян с ней¹, так что указание на суффикс с необходимостью должно включать в себя указание на систему флексий, присущих формам того или иного слова. Так, слова с суффиксом *-ость* и нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа являются существительными женского рода 3-го склонения, слова с суффиксом *-ун* и нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа — существительными мужского рода 2-го склонения. Точно так же и глагольные суффиксы образуют глаголы, имеющие определенные грамматические свойства. Суффикс *-е-* образует от имен прилагательных глаголы только непереходные (*бел-е-ть, син-е-ть, стар-е-ть, молод-е-ть*), а суффикс *-и-* — переходные (*бел-и-ть, син-и-ть, стар-и-ть, молод-и-ть*). Ср.: На горизонте *синеет* лес и Это белье *синить* не требуется; Семенов заметно *стареет* и Эта шляпа его *старит*.

Приставки более автономны, свободны: они независимы от влияния флексий и не несут информации о грамматических свойствах слова.

2. Присоединение приставки не изменяет принадлежности слова к части речи, а присоединение суффикса может и оставить слово в пределах той же самой части речи (*луна — лун-ник, артист — артист-к-а, дом — дом-ик, колхоз — колхоз-ник, переплет — переплетчик*), и перевести производное слово в иную часть речи (*жёлтый — желт-ок, желт-ить, бегать — бег-ун, трясти — тряс-к-ий*).

3. В русском языке нет суффиксов, которые бы производили слова разных частей речи: *-лив(ый)* — суффикс, производящий только прилагательные (*молчаливый, терпеливый, счастливый*), *-ец* — только существительные (*глупец, хитрец, творец*). Конечно, в производных существительных типа *молчаливость* наличествует суффикс *-лив-*, но он является частью производящей

---

¹ См.: Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М., 1986. С. 363—365. См. также: Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 83.

основы (*молчалив-ый*) и не служит для образования имен существительных.

Для приставок не обязательна тесная связь со словами какой-либо одной части речи. Существуют приставки, которые могут присоединяться к словам различных частей речи, сохраняя одно и то же «универсальное» значение:

раз-: *раз-ухаби́стый*, *раз-веселый*; *рас-*: *рас-красавица*, *рас-красавчик*;

пре-: *пре-весёлый*, *пре-милый*; *пре-*: *пре-комедия*;

со-: *со-автор*, *со-гражданин*, *со-редактор*; *со-*: *со-переживать*, *со-существовать*; новообразования: *со-*: *со-стыковаться*, *со-стыковка*.

4. Суффиксы и приставки по характеру выражаемых ими значений различны. Присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения. Так, глаголы с приставками *улететь*, *прилететь*, *отлететь*, *вылететь*, *подлететь* обозначают те же действия, что и глагол *лететь*. Приставка только добавляет к их значению указание на направление движения. Глаголы *отгреметь*, *отцвести* обозначают то же действие, что и глаголы *греметь*, *цвести*, приставка *от-* лишь добавляет к их значению указание на прекращение действия. Наречие *презабавно*, прилагательные *премилый*, *разлюбезный*, *сверхскоростной* обозначают тот же признак, что и слова без приставок, но с оттенком большей степени его проявления.

Большая часть приставок в русском языке имеет значения, подобные тем, о которых говорилось. Поэтому приставки присоединяются преимущественно к словам, обозначающим действия (глаголы) и признаки (прилагательные и наречия). Для этих частей речи важно определение направления действия, времени его протекания, меры или степени признака.

Для имен существительных соединение с приставками менее характерно: *частица* — *античастица*, *раздел* — *подраздел*, *экспресс* — *суперэкспресс*, *демократ* — *ультрадемократ*. Однако число таких слов (сравнительно с существительными, не включающими приставок) не столь велико. В существительные, так же как в прилагательные, наречия и глаголы, приставки чаще вносят дополнительные указания на меру, степень (*плут* — *архиплут*, *кубок* — *суперкубок*) или указания временного характера (*язык* — *празык*, *родина* —

прародина, история — предистория, человек — дочеловек).

Значения суффиксов иного рода. Они колеблются от широких и отвлеченных до значений очень большой конкретности. Широта и отвлеченность значения свойственна суффиксам глаголов и прилагательных. Какое значение имеют суффиксы прилагательных *-н-*, *-ов-* и *-ск-* в словах: 1) *автобус-н-ый, автомобиль-н-ый, желез-н-ый, книж-н-ый, колхоз-н-ый, бумаж-н-ый*; 2) *лампов-ый, осин-ов-ый, игр-ов-ой, поиск-ов-ый*; 3) *институт-ск-ий, мор-ск-ой, комсомоль-ск-ий*? Эти суффиксы обозначают признак через отношение к тому, что названо исходным существительным. Такие же широкие отвлеченные значения имеют и глагольные суффиксы; ср. *-ну-* и *-е-*: 1) *прыг-ну-ть, толк-ну-ть*; 2) *умн-е-ть, глуп-е-ть, син-е-ть*. Суффикс *-ну-* имеет значение мгновенности, однократности действия. Значение суффикса *-е-* более отвлеченное. Он обозначает 'делаться, становиться каким-нибудь'.

Суффиксы существительных в целом более конкретны. Имеются суффиксы, служащие для образования названий лиц, предметов, отвлеченных понятий. Внутри этих общих групп есть отдельные суффиксы, закрепленные за обозначением какой-либо узкой сферы предметов или явлений. Так, суффикс *-онок* служит для обозначения незрелых существ: *тигрёнок, лисёнок; поварёнок* и т. п.

Суффиксы имен существительных в русском языке — самые многочисленные и разнообразные. Они классифицируют предметы действительности, как бы делят весь мир на классы: названия людей по профессии, по признаку, по действию, по месту жительства; названия незрелых существ и т. д.

Среди суффиксов существительных есть суффиксы с конкретным значением и с широким абстрактным значением [например, суффикс отвлеченного признака *-ость* (*весёлость, ласковость, сахаристость, прыгучесть, живучесть*), суффикс отвлеченного действия *-ни-* (*разбрасывание, переписывание*)].

5. Суффиксы нередко вызывают изменения в строении конца основы (чередование фонем), так как на границе морфов происходит взаимоприспособление основы и суффикса, ср.: *горох — горош-ек, горош-ин-а; бумага — бумаж-н-ый* (см. подробнее в гл. 3) Приставки обычно не влияют на строение начала слова. Таким об-

разом, приставки ведут себя в слове как элементы формально более отъединенные, самостоятельные, чем суффиксы.

6. Обособленность приставок в составе слова поддерживается еще одной их особенностью. Они могут иметь побочное ударение в составе слова (*анти-демократи́чный, прòтиво-возду́шный, прòтиво-пожа́рный, со-нанима́тели, внутре́й-клеточный, анти-нейтрали́тет*). Суффиксам это не свойственно. Наличие особого ударения и структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что позиционные изменения гласных, распространяющиеся на все морфемы слова, могут не затрагивать приставок. Например, приставка *со-* со значением совместности в безударных слогах слова может сохранять [o], не подвергаясь редукции и не изменяясь в [ъ] или [a]¹: *со́нанима́тель, со́опеку́н, со́руководи́тели*.

Позиционные изменения согласных (например, ассимилятивное смягчение согласных) на стыке приставки и корня иные, чем на стыке корня и суффикса.

7. Универсальность значения приставок, близость их семантики к семантике частиц и наречий, их структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что приставки в своей массе являются более продуктивными морфемами, чем суффиксы. Их употребление менее регламентируется ограничениями, связанными с семантикой основы (о понятии продуктивности см. гл. 6).

Нулевые словообразовательные аффиксы

Словообразовательные аффиксы (подобно флексиям) могут быть не выражены каким-либо звуком или комплексом звуков. Такие аффиксы называют нулевыми. Нулевой аффикс будем изображать знаком *ø*.

Значение нулевых аффиксов может быть различным, т. е. существуют омонимичные нулевые аффиксы. Например, в морфологии в словоформах *думал-ø, брат-ø, ламп-ø* выделяем такие нулевые аффиксы: в первом слове *-ø* показатель мужского рода и единственного числа (ср. формы с материально выраженными аффиксами жен. и ср. р.— *дума-л-а, дума-л-о* и аффиксом

¹ Это явление описано Е. И. Голановой. См.: *Развитие фонетики современного русского языка*. М., 1971.

мн. ч. — *дума-л-и*); во втором *-ø* — показатель имени-тельного падежа единственного числа; в третьем *-ø* — показатель родительного падежа множественного числа.

Каковы требования, необходимые для выделения нулевого словообразовательного аффикса?

Так как грамматический нуль есть значимое отсутствие какой-либо грамматической единицы, то основанием для выделения слов с нулевыми словообразовательными аффиксами должно быть значение соответствующих слов. В их значении должен быть семантический компонент, который обычно в данном языке выражается с помощью деривационных аффиксов. Иными словами, при выделении нулевых словообразовательных аффиксов необходимо учитывать строение всей словообразовательной системы данного языка, так как фон для выделения слов с нулевыми аффиксами — слова с ненулевыми аффиксами, имеющими то же значение, которое мы приписываем нулевому.

Итак, словообразовательные нулевые аффиксы следует выделять при наличии двух условий: 1) деривационное значение, которое приписывается нулевому аффиксу, обычно выражается в данном языке с помощью словообразовательных аффиксов, т. е. нулевой аффикс должен иметь синонимичные ненулевые аффиксы; 2) наряду с рассматриваемым словом имеется однокоренное слово, более простое по смыслу, которое могло бы быть производящим для анализируемого в том случае, если бы деривационное значение последнего выразалось ненулевым аффиксом.

Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих условий, чтобы невозможно было выделить нулевой деривационный аффикс. Поясним сказанное примерами.

1. Слово *гам* обозначает процесс. Процессуальное значение имен существительных обычно выражается в русском языке с помощью аффиксов, например суффиксами *ни(е)*: *пение, рассматривание, вышивание*; *-к(а)*: *подвеска, разбивка, переноска, подписка*; *-б(а)*: *борьба, пальба, молотьба, косьба* и т. д. Однако нулевого словообразовательного аффикса в слове *гам* нет. (В нем есть нулевая флексия им. п. ед. ч.: *гам-ø*, ср.: *гам-а, гам-у* и т. д.) Основание для такого утверждения — невыполнение второго из названных выше двух условий. В русском языке нет такого однокоренного слова (а оно должно было бы быть глаголом), которое могло бы стать производящим для *гам*. Глагол *гамкать*

не соотносительен с *гам* по значению: *гам* — ‘громкий, нестройный гул голосов’; *гамкать* — ‘отрывисто лаять’ (прост.), ‘браниться’ (обл.).

2. Нулевой суффикс есть в тех именах существительных со значением процесса, наряду с которыми имеются и производящие глаголы, ср.: *промыв-∅* — *промыть*, *разрыв-∅* — *разрывать*. Такие существительные входят в ряды слов, выражающих процессуальное значение с помощью «обычных» (ненулевых) суффиксов:

Таким образом, наличие нулевого суффикса в составе слова *промыв* отражает его большую формальную и смысловую сложность по сравнению со словом, содержащим производящую основу: *промыть*.

3. В словах типа *какаду*, *колибри* нет оснований выявлять нулевой словообразовательный аффикс, так как мы не можем приписать ему деривационное значение (например, «птица», «живое существо»). Отсутствует первое условие. Отсутствует и второе условие — нет основ, которые были бы производящими для данных слов.

Нулевые словообразовательные аффиксы в русском языке являются с у ф ф и к с а м и. Это объясняется тем, что слова с нулевыми аффиксами по своему значению и по соотношению с производящими входят в парадигматические ряды с производными, имеющими ненулевые суффиксы.

Нулевые суффиксы действуют преимущественно в словообразовании имен существительных. Кроме значения отвлеченного действия нулевые суффиксы могут обозначать лицо по действию или по признаку (*задира*, *заика*, *подлиза*; *интеллектуал*, *универсал*), отвлеченные признаки (*муть*, *темень*, *синь*, *гладь*) и некоторые другие значения² (см. об этом в гл. 5).

¹ ∅ — нулевой суффикс отвлеченного действия, ф_ф — нулевая флексия именительного падежа единственного числа; ср. в других падежах: *промыв-∅(а)*, *промыв-∅(у)*...

² Полное описание нулевых деривационных аффиксов дано в статье: *Лопатин В. В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // *Вопр. языкознания*. 1966. № 1.

Нулевых приставок в русском языке нет, так как в нем нет слов, которые бы выражали значение, характерное для приставок, и вместе с тем могли трактоваться как производные от однокоренных бесприставочных слов.

В отсутствии нулевых приставок обнаруживается резкое различие между суффиксами и приставками.

Различия между приставками и суффиксами свидетельствуют о неоднородности суффиксов и приставок, о большей лексичности приставок, т. е. об их близости к самостоятельным словам.

Различия между суффиксами и приставками оказывают влияние и на различие между способами словообразования, в которых действуют эти аффиксы (т. е. на суффиксацию и префиксацию).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Форма слова и части речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику // Пер. с англ. М., 1959. Гл. 5—7.

Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 22—34.

Панов М. В. Русский язык // *Языки народов СССР.* М., 1966. Т. 1.

Глава 2

ЧЛЕНИМОСТЬ И ПРОИЗВОДНОСТЬ ОСНОВ

Существуют два четко противопоставленных класса основ — основы нечленимые, т. е. не делимые на морфы, содержащие один морф (*дом, конь*), и членимые на морфы, т. е. состоящие из двух и более морфов [*бор-ец, нож-ик, по-раз-брос-а-(ть)*]. Помимо двух резко разграниченных классов можно выделить большое число промежуточных, переходных случаев, т. е. можно говорить о разных степенях членимости основ¹.

¹ Способы определения степени членимости слова предложены М. В. Пановым (см.: *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка.* М., 1968. С. 214—216; *Панов М. В.* Степени членимости слова // *Развитие современного русского языка.* 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975).

Иные пути установления степеней членимости основ предлагают: *Янко-Триницкая Н. А.* Членимость основы русского слова; *Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М., 1974.

Многие авторы, рассматривая понятие членимости, говорят то о членимости слова, то о членимости основы, но, по существу, изучают одну и ту же проблему, которую все же точнее назвать членимостью основы, так как слова типа *вод(а)*, *бел(ый)*, *ид(у)*, содержащие одноморфемную основу + морфему-флексию, обычно называют нечленимыми. Таким образом, слово с нечленимой основой называют нечленимым словом, слово с членимой основой — членимым словом, т. е. здесь принято то же словоупотребление, что и по отношению к словам с производными/непроизводными основами, которые называют соответственно производными/непроизводными словами.

Большая или меньшая членимость основы зависит от ряда факторов. Ослабление степени членимости основы наблюдается тогда, когда одна из частей слова (корневая или аффиксальная) в каком-либо отношении дефектна. Рассмотрим эти случаи.

§ 9. СВЯЗАННЫЕ КОРНИ

Суффиксы и приставки отличаются от корней тем, что они не имеют в языке самостоятельного употребления (см. гл. 1). Они всегда находятся при корне слова, как бы «привязаны» к нему. Корни же употребляются и в соединении с деривационными аффиксами (*дом-ик*, *пра-дед*, *лимон-ный*), и без них (*дом*, *дед*, *лимон*). Однако существуют слова, корни которых живут в языке только в соединении с суффиксами и приставками, т. е. как бы в «связанном» виде. Основы таких слов называются *с в я з а н н ы м и* (термин Г. О. Винокура). Однако точнее в таких случаях было бы говорить о связанных корнях.

Связанные корни находим в словах *свергнуть*, *отвергнуть*, *низвергнуть*; *добавить*, *отбавить*, *прибавить*, *добавка*, *прибавка*, *прибавление*; *вонзить*, *пронзить*. Связанные корни по ряду признаков отличаются от свободных корней (лишены способности употребляться вне связи с деривационными морфемами; обязательно должны повторяться в ряде слов). Они не являются полноценными корнями. Поэтому их предложено называть *ра д и к с о и д а м и* (от лат. *radix* — корень и гр. *-oid* — подобный). Термин «радиксоид» введен А. А. Реформатским.

Разберем для примера слово с радикасоидом *верг-/верж-*. Он встречается в ряде глаголов с приставками (*ввергнуть*, *свергнуть*, *низвергнуть*, *отвергнуть*) и в отглагольных существительных (*низвержение*, *свержение*, *извержение*). В современном языке радикасоид *верг-/*

верж- сам по себе непонятен. Его значение можно вывести только из состава тех слов, в которые он входит. В XVIII в. глагол *вергнуть* (со значением 'кинуть, бросить') еще мог употребляться свободно (без приставок) в торжественном книжном языке, однако в живой речи он был уже неупотребителен. В современном языке многие слова с радикалидом *верг-* делятся на морфемы благодаря тому, что они составляют группу противопоставленных в смысловом отношении слов. Значение приставок в них выступает вполне отчетливо: *ввергнуть в бездну* (направление действия внутрь, ср.: *ввести, входить, вдвинуть*), *отвергнуть предложение* (направление действия от чего-нибудь, ср.: *отбросить, откинуть*), *свергнуть царя, низвергнуть тирана* (в обоих случаях направление действия вниз, ср.: *сбросить царя, низринуться с горы*), *извержение вулкана, вулкан изверг лаву* (направление действия изнутри чего-нибудь).

В индивидуальном поэтическом сознании радикалид *верг-/верж-* может вычленяться из состава слова и в какой-то степени осмысливается. Так, В. В. Маяковский употребляет его как самостоятельное слово: *Встаньте, ложью верженные ниц...*

Особый разряд слов со связанными корнями составляют иноязычные заимствования: *агит-ировать, агитация, агит-атор; изол-ировать, изол'-ация, изол'-атор; спекул-ировать, спекул'-ация, спекул'-ант*. В этих словах имеются связанные корни *агит-*, *изол'-*, *спекул'-* и суффиксы со значением действия, отвлеченного действия и действующего лица или предмета. Слова такого рода хорошо членятся, так как входят в двойные ряды соотношений — слов с тем же аффиксом и слов с той же основой. Ср. также: *тур-изм, тур-ист; ате-изм, ате-ист; эго-изм, эго-ист*.

Отметим следующие особенности слов с радикалидами:

1. Численность слов с радикалидами различна. Она зависит от характера значения слова, от принадлежности слова к той или иной части речи, а также от наличия в языке слов, соотносительных с данным по семантике и морфемному составу.

2. Чем активнее и сопоставимее ряд слов со связанным корнем, чем яснее в слове значение входящих в него словообразовательных аффиксов, чем деятельнее в языке эти аффиксы, тем отчетливее членимость слова. Особенно четко выделяются деривационные аффиксы п р о-

тивоположных значений: *обуть* — *разуть*, *одеть* — *раздеть*, *добавить* — *отбавить*.

3. Слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений (слов с тем же радикалом и слов с тем же аффиксом), хорошо членятся: *ассоциировать* — *ассоциация*, *изолировать* — *изоляция*.

4. В словах со связанными корнями может происходить перенесение смыслового веса слова с корня на аффиксы, чаще всего приставки: *поднять*, *отнять*, *разнять*. Значение корня в таких словах неясно, оно утрачено языком и выводится из значения тех слов, в состав которых входит.

5. Лучше членятся слова со связанными корнями, имеющие конкретные значения. Слова с отвлеченными значениями легче утрачивают членимость, ср.: *от-нять*, *раз-нять* и *понять* ('постигнуть умом'), *внять* (*он не внял моим мольбам*).

§ 10. УНИКАЛЬНЫЕ ЧАСТИ СЛОВА

Уже говорилось о том, что повторяемость является обязательным свойством аффиксов. Между тем есть слова, в которых при обычных корневых морфемах имеются сегменты, не повторяющиеся в других словах: *-'ос-* в *белёсый*, *-овь* в *любовь*, *-ель* в *гибель*, *-вор(а)* в *дет-вор(а)*, *-альон* в *почтальон*, *-'арус* в *стеклярус* и т. п. Что представляют собой такие единичные сегменты? Значимы ли они в составе слова?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Входя в ряд однокоренных слов *дети* — *детский* — *детвора*, *белый* — *беленький* — *белизна* — *беловатый* — *белёсый*, *любить* — *любовь* — *любимый*, *гибнуть* — *погибать* — *гибель*, *почта* — *почтовый* — *почтовик* — *почтальон*, отрезки *-вор-*, *-'ос-*, *-альон*, *-ов'*, *-ел'* и подобные с несомненностью вычлениаются из состава слова, так как часть, предшествующая им, встречается с тем же значением в других словах¹.

¹ Ср. высказывание чешского ученого Милоша Докулила: «Принципиальная членимость основы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением и в других, реально в языке сосуществующих словах» [Dokulil M. Tvoření slov v češtině. T. 1: Teorie odvozování slov. Praha, 1962. С. 212. (Резюме на рус. яз.)].

Чем же являются эти отрезки в составе слова? Они отличаются от корневых и аффиксальных морфем тем, что не служат строительным материалом для образования новых слов, а лишь входят в состав отдельных, нетипичных для современного языка по своей структуре слов (построенных по действовавшему ранее в языке закономерностям или заимствованных из других языков).

Слова с «обычными» корнями и аффиксами могут и воспроизводиться в речи как готовые единицы языка, и производиться по определенным моделям, т. е. строиться. Именно поэтому они принципиально отличаются от слов с единичными отрезками, которые входят в один ряд сопоставлений и не могут производиться (строиться) в речи. Такие слова, как *любовь*, *белёсый*, *гибель*, *почтальон*, *почтамт*, *стеклярус* и другие подобные, всегда воспроизводятся как готовые единицы.

Присмотримся внимательнее к семантике единичных отрезков. Очевидно, что прибавление такого уникального отрезка влияет на значение слова; так, *почта* ≠ *почтальон*, *почта* ≠ *почтамт*, *белый* ≠ *белёсый*, *стекло* ≠ *стеклярус*, *поп* ≠ *попадьа*. Можно было бы сделать вывод, что подобные отрезки значимы, например *-амт* имеет значение 'главное учреждение из рода тех, которые названы производящей основой', *'арус* — 'украшение из материала, названного производящей основой'. Проверим, так ли это.

Посмотрим, имеют ли отрезки *-амт* и *'арус* значение вне состава тех слов, в которых они закреплены, т. е. будут ли они понятны носителям языка, если их «проставить» к каким-либо другим основам. Составим слова с этими отрезками, подбирая производящие основы того же семантико-грамматического разряда, что и основы, с которыми «спаяны» наращенные: 1) *аптек-амт*, *вокзал-амт*, 2) *желез'-арус*, *янтар'-арус* (или по модели с наложением морфов: *янтарус*). Предполагаем, что *аптек-амт* должно значить 'главная аптека', *желез'-арус* — 'украшение из железа' и т. п. Опрос информантов показал, что наши слова непонятны 97 % отвечающих, т. е. единичные сегменты вне слов, в которых они закреплены, незначимы.

Единичные сегменты неоднородны по значению. Существуют сегменты, значения которых подобны значению деривационных аффиксов данного языка:

<i>поп</i>	:	<i>попадья</i> ¹	=	<i>аптекарь</i>	:	<i>аптекариша</i> ;
<i>почта</i>	:	<i>почтальон</i>	=	<i>киоск</i>	:	<i>киоскёр</i> ;
<i>любить</i>	:	<i>любовь</i>	=	<i>желать</i>	:	<i>желание</i> .

Другая группа слов имеет сегменты, которым нельзя приписать значение, выраженное в данном языке с помощью деривационных аффиксов:

<i>белый</i>	:	<i>белёсый</i>	=	<i>черный</i>	:	?
<i>стекло</i>	:	<i>стеклярус</i>	=	<i>серебро</i>	:	?

Первая группа единичных сегментов уникальна лишь по форме, их значение (если оно им приписывается общественным или индивидуальным языковым сознанием) не является чем-то необычным, оно подобно значению ряда морфем данного языка. Вторая группа сегментов уникальна и по форме, и по значению. Их смысл неясен. Именно поэтому слова, включающие единичные сегменты первой группы, стоят ближе к «настоящим» производным словам и лучше членятся. Они тяготеют к словам с синонимичными аффиксами. Слова, включающие единичные сегменты второй группы, членятся хуже. Членение таких слов подобно членению фразеологических сочетаний.

Используя терминологический элемент *-фикс* (ср.: *суффикс, префикс, аффикс, постфикс*), назовем рассмотренные единичные сегменты у н и ф и к с а м и, так как основное свойство таких единиц — уникальность, единичность.

В чем отличие унификса от «обычных» корневых и аффиксальных морфем?

Унификсы единичны и не употребляются в свободном виде. Это отличает их и от корневых, и от аффиксальных морфем. Аффиксы тоже не употребляются в свободном виде, но они повторяемы в разных словах. Корни бывают единичными, но свобода употребления — их принципиальное свойство. Правда, радикалоиды всегда повторяются, иначе они не будут вычленяться как корни (ср.: *с-верг-нуть, от-верг-нуть*). Таким образом, унификсы — это особый вид единичных сегментов, выступающих лишь в связанном виде. Одна группа унификсов по значению подобна аффиксам, другая — фразеологична.

¹ Ср. высказывание Н. Д. Арутюновой: «Функция суффикса в слове *попадья* близка к роли суффикса в словах *ударница, поэтесса, курсантка* и др.» (Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961. С. 46).

Слова с унификсами не создаются, не строятся в речи. Для того, чтобы эти слова употребить, их надо знать. И этим свойством слова, включающие унификсы, близки фразеологическим сочетаниям. Однако и фразеологические сочетания, и слова с унификсами сами могут служить образцом для создания новых — индивидуальных — фразеологических сочетаний и новых слов. И в этом тоже заключается их сходство. Естественно, что, если новообразование становится общеупотребительным и порождает новые слова, унификс теряет свою уникальность — свойство, отличающее его от аффиксов, — и переходит в разряд аффиксов.

Между унификсами и суффиксами не всегда проходит четкая граница. Иногда их разделяет промежуточная зона — в тех случаях, когда имеются два или три слова с общим элементом, но лишь одно из них хорошо известно, т. е. принадлежит общелитературному языку. В такой промежуточной зоне еще совсем недавно находился отрезок *-дром*, превратившийся на наших глазах в полноправный аффикс, ср.: *ракетодром, космодром, автодром, мотодром*.

Мы рассмотрели постфиксальные унификсы. Возможны и префиксальные унификсы, но они менее характерны для русского языка. Их можно видеть в словах *ра-дуга* (ср. *дуга*), *кур-носый* (ср. *нос*), *бахвалиться* (ср. *хвалиться*) (примеры Н. А. Янко-Триницкой). Среди таких унификсов также имеются уникальные и по форме, и по значению; уникальные только по форме.

Выше мы говорили о словах со связанными корнями, сочетающимися с рядом аффиксов. Существуют слова со связанными корнями, встречающимися в сочетании лишь с одним аффиксом (например, *бужен-ин-а*, ср. слова с тем же суффиксом: *строганина, солонина*). Такие слова имеют корни связанные и притом уникальные, так сказать «у н и р а д и к с о и д ы». Очевидно, унирадиксоиды так же отличаются от обычных (т. е. повторяющихся) радикусидов, как унификсы от аффиксов.

§ 11. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЧЛЕНИМОСТЬ СЛОВА ¹

Так как в составе слова, кроме полноценных морфем, могут быть части ущербные, дефектные (связанные корни и уникальные аффиксы), то наличие таких частей

¹ Для простоты мы рассматриваем здесь только слова, основы которых состоят из двух морфем.

ослабляет членимость слова. В соответствии с этим среди членимых слов можно различать три класса: 1) слова, включающие свободные корни и повторяющиеся аффиксы; 2) слова, включающие связанные корни (радиксоиды) и повторяющиеся аффиксы; 3) слова, включающие связанные уникальные корни (унирадиксоиды) или унификсы.

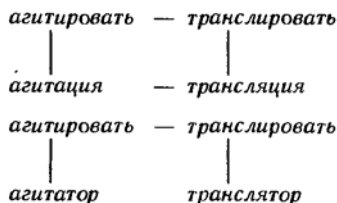
Рассмотрим подробно эти три группы слов.

1. Слова первого класса членятся лучше всего, так как, имея свободные основы и повторяющиеся аффиксы, они входят в двойные ряды соотношений и членятся без остатка на основу и аффикс. Они обладают самой высокой степенью членимости:

Такие ряды соотношений называют словообразовательным квадратом¹. По терминологии Н. А. Янко-Триницкой, подобные слова обладают полной свободной членимостью.

2. Слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений, также образуют словообразовательный квадрат:

Однако такие слова членятся хуже, чем слова со свободными корнями. По терминологии Н. А. Янко-Триницкой, они имеют полную связанную членимость.

3. Слова, включающие унификсы или унирадиксоиды, входят в один ряд соотношений — слов с той же

¹ О понятии «словообразовательный квадрат» см.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 82—84.

основой или слов с тем же аффиксом — и обладают остаточной членимостью, ибо одна из частей таких слов выделяется не по ее соотношению с такой же частью в других словах, а как остаток от выделения соседнего морфа. Место остаточного сегмента по отношению к «полноценному» морфу определяет его роль в слове. Если в слове есть свободный корень, его левый сосед подобен префиксу (*ра-дуга*), а правый — суффиксу (*почт-альон*). Если в слове есть «полноценный» суффикс, его левый «дефектный» сосед является радикалом (*мал-ина*). Если в слове имеется «полноценный» префикс, его правый сосед является радикалом (*раз-у-ть*).

Слова с остаточной членимостью образуют четыре степени членимости. Приведем примеры слов с остаточной членимостью, располагая их в порядке ослабления членимости:

1. <i>поч-адья</i>	:	<i>поч</i>	=	<i>генераль-ша</i>	:	<i>генерал</i>
<i>почт-альон</i>	:	<i>почта</i>	=	<i>комбайн-ер</i>	:	<i>комбайн</i>
2. <i>бел'-ос(ый)</i>	:	<i>бел(ый)</i>	=	?	:	?
<i>стекл'-арус</i>	:	<i>стекло</i>	=	?	:	?
3. <i>бужен-ина</i>	:	—	ср.	<i>конь</i>	:	<i>кон-ина</i>
4. <i>мал-ина</i>	:	—	ср.	?	:	<i>смород-ина</i>
				?	:	<i>кал-ина</i>

Слова, имеющие остаточную членимость, не образуют словообразовательного квадрата.

Итак, членимость слов зависит от следующих факторов: 1) основа употребляется свободно или связано; 2) аффикс повторяем или уникален; 3) аффикс по значению подобен или не подобен другим аффиксам данного языка; 4) связанный корень повторяем или уникален; 5) аффикс употребляется или не употребляется при свободных корнях.

§ 12. ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ

Значение трех рассмотренных классов слов не в одинаковой мере мотивируется значением их составных частей. В тех случаях, когда слово входит в двойной ряд сопоставлений — слов с той же основой и с тем же аффиксом, оно членился на «полноценные» морфемы. Значение такого слова мотивируется значением каждой из составляющих его частей. Слова, которые входят лишь в один сопоставительный ряд, не могут быть мотивированы значением всех составляющих их частей,

так как одна из этих частей «дефектна»: или их корень уникален, выступает лишь в связанном виде, или элемент, присоединенный к корню, является не деривационным аффиксом, а унификсом.

В тех случаях, когда прикорневая часть слова — унификс, которому нельзя приписать значения, синонимичного значению словообразовательных морфем данного языка, значение соответствующего слова не является ни полностью условным, ни полностью мотивированным. Оно содержит нечто от семантики основы, повторяющейся в других словах. Не зная слова *белёсый*, мы догадываемся, что оно как-то связано со словом *белый*; не зная слова *детвора*, догадываемся, что оно как-то связано со словом *дети*.

Значение слов, имеющих связанный уникальный корень и повторяющийся аффикс, тоже не мотивировано значением всех составляющих его частей. Если для нас ясно, какие признаки положены в основу названия видов мяса *строганина*, *солонина*, то мы не можем этого сказать о слове *буженина* или о названиях ягод *малина*, *смородина* и т. п., так как части *мал'-*, *смород'-*, *бужен'-* нам непонятны. Мы узнаем в этих словах лишь категориальное, классифицирующее значение суффиксов, относящее их к разряду однотипных слов¹.

Учитывая различия в форме и значении разных групп членимых основ, целесообразно разграничивать соответствующие основы и терминологически. В наиболее общем виде это разграничение можно сформулировать так: основы, входящие в два ряда соотношений, назовем членимыми и производными. Основы, входящие в один ряд соотношений, назовем членимыми, но не производными. Отметим, что некоторые слова со связанными корнями, входящие в два ряда соотношений, не являются производными, так как ни одно не может быть признано производным по отношению к другому. Этот вопрос подробнее рассматривается далее.

Таким образом, понятие членимости является более

---

¹ Ср. высказывание Н. Д. Арутюновой: «...такие существительные с единичными основами, как *калина*, *малина*, *ежевика*, *говядина* и др., не могут считаться прямыми и непосредственными знаками объекта. Эти слова также мотивированы в своем значении, так как суффикс указывает на класс предмета, подводит его под определенную категорию, включает в тот или иной разряд» (Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. С. 18).

общим и широким, чем понятие производности, т. е. каждая производная основа членима, но не каждая членимая производна.

Понятие производности является основным для словообразования, так как именно соотношение производных и производящих составляет суть механизма словообразования.

§ 13. ПРИЗНАКИ ПРОИЗВОДНЫХ ОСНОВ

Перечислим признаки производных основ:

1. Слова с производными основами входят в двойной ряд соотношений: а) слов с той же основой и б) слов с тем же аффиксом — и, следовательно, членится на основу и аффикс.

Это принципиально важное свойство слов с производными основами, так как такие слова могут строиться и служить моделью для построения и других слов; они могут и производиться, и воспроизводиться в речи. Именно поэтому они принципиально отличаются от слов, которые входят в один ряд соотношений и вычлениют не аффикс, а остаточный элемент, не встречающийся в других словах (унификс или унирадикалоид); такие слова не могут производиться в речи — они всегда воспроизводятся. Их нельзя построить, их надо знать.

2. При каждой производной основе должна быть производящая база¹. Мы употребляем этот термин как более широкий вместо распространенного «производящая основа», так как в качестве производящих выступают не только основы (*писа-тель*), но и слова (*город — при-город*), словосочетания (*зачётная книжка — зачётка*, *железная дорога — железнодорожник*) и — реже — словоформы [им. п. ед. ч. *алгебра — алгебра-ист*, им. п. мн. ч. *телят(а) — телят-ник, телятница*, инфинитив: *женить — женит'-б(а)* (ср.: *кос(ить) — кос'-б(а)*]]. Чаще всего, однако, в русском

---

¹ Необходимость введения термина «производящая база» вместо широко распространенного «производящая основа» убедительно доказывает Р. С. Манучарян (см.: Манучарян Р. С. Словообразовательное значение в разных аспектах // *Русский язык: Вопросы теории и методики*. Ереван, 1976. С. 21). О том же пишет В. В. Лопатин (см.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1977. С. 11).

словообразовании в качестве производящей базы используются именно основы.

3. Среди всех однокоренных слов между производной и производящей имеются наименьшие формальные и (или) смысловые различия.

4. Производная основа всегда может быть истолкована посредством ссылки на производящую (критерий Винокура!).

Повторим, что отношения производности могут объединять слова со связанными корнями в тех случаях, когда такие слова входят в двойные ряды соотношений и одно из таких слов может рассматриваться в качестве производящего для семантики других, например *агитировать* — *агит-ациj-(а)*, *агитировать* — *агит-атор*.

§ 14. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА

В соответствии с понятиями «производность» и «членность» применяются два вида анализа слов — словообразовательный и морфемный.

Задача синхронного словообразовательного анализа той или иной основы — установить, является ли эта основа непроеводной или производной; в последнем случае следует выяснить, какая база является производящей по отношению к анализируемой основе и с помощью какого словообразовательного средства и каким способом она произведена.

Единица (основа, словоформа, словосочетание), непосредственно мотивирующая анализируемое слово и по смыслу, и по форме, и является производящей базой.

Чтобы найти производящую базу, надо соотнести анализируемое слово с двумя рядами единиц: 1) включающих ту же основу и 2) включающих то же (или — те же) словообразовательные средства. (Если слово входит лишь в один ряд соотношений, оно не является производным.) Словообразовательные средства, используемые при производстве слова, называют *формантом*. В качестве формантов в русском языке выступают суффиксы, приставки, нулевые суффиксы, приставки и суффиксы, используемые как единое словообразовательное средство — единый формант (например, *со-...-ник* в словах типа *сотрапезник*, *без-...j(e)*

в словах типа *безденежье*). Таким образом, в состав форманта может входить один или несколько словообразовательных аффиксов.

Разберем слово *паровозный*. Оно входит в такие ряды слов: 1) *паровоз, паровоз-ик, паровоз-ищ-е...* 2) *вагон-н-ый, камен-н-ый, дорож-н-ый...* Из этого сопоставления мы можем сделать вывод, что прилагательное *паровозный* образовано с помощью суффикса *-н-* от сложного существительного *паровоз*. Такой ответ станет очевидным, если мы рассмотрим семантику и форму прилагательного *паровозный*:

1) оно значит 'относящийся к паровозу', т. е. его значение мотивировано значением существительного *паровоз* и обнаруживает непосредственную смысловую зависимость от этого существительного;

2) оно обнаруживает непосредственную зависимость от существительного *паровоз* и по форме: содержит основу этого существительного и суффикс прилагательных *-н-*.

Таким образом, словообразовательный анализ следует начинать с конца слова: отделив флексию, найти производящую базу и вычленив словообразовательный формант. Не следует сразу искать корень слова, так как это может привести к неверным выводам. Если в слове *паровозный* мы сразу выделим корни *пар-* и *воз-* и решим, что слово *паровозный* образовано путем сложения основ, то ошибемся, так как это слово произведено от «готовой» основы *паровоз* и словообразовательным формантом является в нем суффикс *-н-*. Таким образом, оно произведено суффиксальным способом, а не путем сложения основ¹.

Словообразовательный и морфемный анализы (последний обычно в школе называют разбором слова по составу или морфологическим разбором) не следует смешивать. Термин «морфологический анализ» (или «морфологический разбор») неудачен, так как он связывается со словом *морфология*, а не *морфема*. Морфемный анализ отличается от словообразовательного и по задачам, и по результатам. Цель его — установить, из каких морфем состоит слово. В результате морфемного анализа мы узнаем состав слова. Морфемный анализ должен опираться на результаты словообразо-

¹ Методика словообразовательного анализа очень четко дана в кн.: *Панов М. В.* Изучение состава слова в национальной школе. Махачкала, 1979. С. 38—44.

вательного: только поняв, как образовано слово, можно правильно расчленив его на морфы. (Очевидно, слова членимые, но непрямые словообразовательному анализу подвергать не следует.)

Для сравнения результатов морфемного и словообразовательного анализа разберем слово *разброска*.

При словообразовательном анализе мы должны найти производящую базу анализируемого слова. Очевидно, ею является основа глагола *разбросать*, так как: 1) существительное *разброска* обозначает 'действие по глаголу *разбросать*', т. е. глагол *разбросать* с семантически мотивирует существительное *разброска*; 2) глагол *разбросать* служит для существительного *разброска* производящим и по форме: *разброска* образовано от основы глагола *разбросать* с помощью суффикса *-к(а)*, ср.: *подбросить — подброс-к(а)*, *читать — чит-к(а)*, *починить — почин-к(а)*. Как видим, с точки зрения словообразовательного анализа слово *разброска* является отглагольным существительным, произведенным способом суффиксации. Его основа содержит производящую основу *разброс-* и суффикс *-к(а)*: *разброс-к(а)*. При словообразовательном анализе мы не выделяем в производящей основе приставку *раз-*, так как она не играет роли в образовании слова *разброска* и, следовательно, не является словообразовательным формантом. Она досталась этому существительному в наследство от основы производящего глагола *разбросать*.

Производя морфемный анализ, следует выделять все значимые части слова, т. е. все морфы, из которых состоит слово. Поэтому в основе *разброс-* вычленим приставку *раз-*, сопоставляя глагол *разбросать* с глаголами *раскидать*, *развезать*, *распылить* и под., и корень *брос-*, ср.: *бросание*, *бросовой*, *выбросить*, *отбросить*. Следовательно, при морфемном анализе существительного *разброска* выделяются следующие части: 1) приставка *раз-* (ср.: *рас-кладка*, *раз-носок*); 2) корень *-брос-* (ср.: *от-брос-ы*, *под-брос-ить*, *под-брос-ка*); 3) суффикс *-к-* (ср.: *под-гон-к-а*, *раз-бор-к-а*, *раз-вес-к-а*); 4) окончание именительного падежа единственного числа (ср.: *вод-а*, *ног-а*, *уборк-а*). С точки зрения морфемного анализа основа слова *разброска* содержит три морфемы (приставку, корень и суффикс): *раз-брос-к(а)*. На вопрос, как образовано анализируемое слово, морфемный анализ не отвечает.

Словообразовательный анализ показывает нам, что слова образуются не только из мельчайших строительных единиц — морфем (например, *стол-ик, апельсин-ов-ый, чай-ник*), но и из более крупных частей — строительных блоков, состоящих более чем из одной морфемы: *паровоз-н-ый, разброс-к-а*.

Применяя фигурные скобки, можно изобразить иерархическое строение слов типа *самолётный, пароходный, паровозный* следующим образом: {(сам- + -о- + -лёт) + -н-} + -ый, {(пар- + -о- + -ход)} + -н- + -ый.

«Крупноблочных» слов много. Это не обязательно слова, включающие два корня: {(учи- + -тель) + -ниц-} + -а; {(кол- + -хоз-) + -ник}; {пре- + (ум- + -н-)} + -ый; [{(пере- + пис-) + -ыва-} + ни-] + -е¹.

Последовательность этапов словообразования можно изобразить и другим способом: *писать — переписать — переписывать — переписывани(е)*.

Для того, чтобы правильно произвести анализ слова, следует учитывать не только соотношение двух слов (производного и производящего), но и соотношение слов в словообразовательном типе (см. об этом в гл. 4) и — шире — в системе словообразования. Так, например, анализируя слова *писарь* (ср. *писать*), *пахарь* (ср. *пахать*), можно решить, что в них выделяется глагольная основа *писа-*, *пах-* и суффикс *-рь*. Привлечение для анализа слов *звонарь* (ср. *звонить*), *лекарь* (ср. *лечить*) показывает, что *а* относится к суффиксу, который присоединяется к глагольному корню: *пис-арь* (*пис-ать*), *пах-арь* (*пах-ать*), *звон-арь* (*звон-ить*).

§ 15. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СЛОВА²

Изменения в словарном составе языка, изменения в значении слов приводят к изменениям в членимости слов.

Опущение

Исторический процесс, приводящий к потере словом членимости, называется о п р о щ е н и е м. Понятие опущения введено В. А. Богородицким, который опреде-

¹ Такого вида запись использовал Г. О. Винокур (см.: *Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию*. С. 441).

² Об исторических изменениях в составе слова см. подробнее: *Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию*. М., 1968.

лил его следующим образом: «Опрошением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом (мы бы сейчас сказали: морфемным составом.— Е. З.) утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, например, слова *вкус* (ср.: *ку-с-ать*, *кус-ок*), *забыть* и т. п. имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус*, *за-быть* и т. п.) уже не чувствуется. Таким образом, при опрошении связь слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»¹.

Опрошение приводит к тому, что слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение, морфемные швы зарастают. Так, например, возникли новые непрямые слова *убить*, *забыть* (эти глаголы не могут быть семантически истолкованы через *бить*, *быть*).

В результате опрошения язык пополняется новыми корневыми морфемами, которые становятся центрами новых словообразовательных гнезд. Таковы существительные *мыло* (произведенное исторически от глагола *мыть*), дающее в современном языке производные *мылить*, *мыльный*, *мельница*, существительное *вкус* (исторически связанное с глаголом *кусать*), ср. его производные: *вкусовой*, *вкусовщина*, *превкусный*, *вкуснятина*; *дар* (исторически связанное с *дать*), ср. производные: *дарить*, *подарить*, *подарок*, *даровой*.

Изменение значения слова и утрата семантических связей с производящим — основная причина опрошения. Наиболее часто опрошению подвергаются конкретные существительные с фразеологической семантикой типа *лапоть*, *ломоть*, *белка*, *крыло*, *копыто* (связь со словами *лапа*, *ломать*, *белый*, *крыть*, *копать* утрачена). Кроме того, опрошению благоприятствуют: 1) звуковые изменения, вследствие которых данное слово расходится с родственными словами (так, изменение формы слова *облако* (из *обвлако*) способствовало его разъединению со словами *влачить*, *влечь*); 2) выпадение из языка родственных слов (слово, потеряв своих «родственников», становится «одиноким», изолированным, что приводит к его опрошению, так произошло со словом

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 99—100.

кольцо, первоначально уменьшительное от существительного *коло*, вышедшего из употребления).

Переразложение

Другой процесс исторического изменения состава слова — *п е р е р а з л о ж е н и е*: перемещение границ в составе слова. Этот процесс был открыт И. А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX в.¹ Изучая историю индоевропейского склонения, И. А. Бодуэн де Куртенэ открыл закон «сокращения основ в пользу окончаний», который состоит в том, что в процессе исторического развития конечные гласные основы («тематические гласные») отошли к падежным окончаниям, т. е. граница между морфемами основы и окончания стала проходить в ином месте.

Большая повторяемость в речи конечных элементов слова — окончаний — привела к тому, что процесс переразложения шел слева направо, т. е. часть основы отходила к окончанию. Часто употребляясь в сочетании с предшествующими им звуками основы, окончания стали ассоциироваться совместно с этим повторяющимся с ними звуком или комплексом звуков.

Переразложение может происходить не только между основой и окончанием, но и между другими частями слова. И в этих случаях направление процесса обычно то же, т. е. слева направо. Таково переразложение между основой и суффиксом. В результате этого вида переразложения формируются новые производные суффиксы. Такие суффиксы называют иногда составными или сложными. Так, на базе ряда производных существительных со значением лица, образованных при помощи суффикса *-ик* от основ прилагательных с суффиксом *-н-* (например, *умн-ый человек* — *умн-ик*, *глазн-ой врач* — *глазн-ик*), отрезок *-ник* стал восприниматься как целостный суффикс, так как соответствующие существительные могут быть истолкованы и как производные от существительных: *умник* — 'человек большого ума', *глазник* — 'врач, который лечит глаза'. С помощью суффикса *-ник* образуются имена лиц непосредственно от основ существительных: *колхоз* — *колхоз-ник*.

¹ См.: Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. С. 19 и след.

§ 16. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Цель этимологического анализа — установить происхождение слова, объяснить историю его возникновения, вскрыть прошлые словообразовательные связи слова, показать, как возникло его современное значение. Этимологический анализ опирается на данные истории русского языка и других языков. Так, например, слово *облако* исторически связано с глаголом *влачить* (ср. форму с полногласием *волочить* с приставкой *об-*: *обволочить* — *обволакивать*). Начальное *в* после приставки *об-* утратилось: *об-влак-о* → *облако*. Вследствие изменения значения слова и звукового изменения произошло опрощение: слово *облако* в современном языке имеет непроемную основу.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 419—442.

Лопатин В. В. О двух этапах морфемного членения слова // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Панов М. В. Изменение членимости слов // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 т. М., 1968. Т. 2: Словообразование современного русского литературного языка. С. 214—216.

Янко-Триницкая Н. А. Членимость основы русского слова // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. 1968. Вып. 6.

Глава 3

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Морфонология — раздел языкознания, изучающий связи между фонологией и морфологией, т. е. использование фонологических средств в словоизменении и словообразовании. Термин «морфонология» путем галлологии образовался из морфо-фонология (= морфологическая фонология = фономорфология). Задача морфонологии — установить: а) фонемный состав морфем разных видов; б) правила соединения морфем в слове, т. е. условия взаимоприспособления (варьирования)

морфем при их объединении; в) порядок следования морфем¹.

При образовании производного слова нередко происходит взаимоприспособление соединяющихся морфем. По законам русского языка на границе морфем не все сочетания звуков допустимы. На границе морфем (морфемном шве) может происходить четыре вида явлений:

1) чередование фонем (конец одного морфа изменяется, приспособляясь к началу другого);

2) интерфиксация — между двумя морфемами вставляется незначимый (асемантический) элемент — и н т е р ф и к с (от лат. *inter* — между, *fixus* — прикрепленный) (термин введен А. М. Сухотиным; ср.: суффикс, префикс, постфикс и другие термины с элементом *-фикс*);

3) наложение (или интерференция) морфем — конец одного морфа объединяется с началом другого;

4) усечение производящей основы — конец производящей основы отсекается и не входит в производное слово.

§ 17. СТРУКТУРА КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

Для русского языка характерно различие в структуре именных и глагольных корней. Именные корни имеют исход на согласную (исключение составляют заимствованные корни типа *пальто, кино, кенгуру*); глагольные могут иметь исход и на согласную (*пис-ать, люб-ить, ход-ить*) и на гласную (*ши-ть, да-ть, би-ть*). Это различие играет важную роль в словообразовании, так как оно определяет разный характер использования именных и глагольных корней в словообразовании.

§ 18. ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ

Морфонология изучает чередования фонем, обусловленные их грамматической (морфонологической) позицией. Такие чередования следует отличать от чередований звуков, обусловленных их фонетической позицией. Ср. пары словоформ: 1) *рука — ручной*,

---

¹ К области морфонологии относится также ударение. Однако в настоящей главе оно не рассматривается. Мы даем здесь лишь очень краткую характеристику словообразовательной морфонологии. См. подробнее: *Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.*

писать — *пишу* и 2) [вада́] — [во́ды], [разб'и́т'] — [раск'и́нут']. Очевидно, что чередование *к/ч* перед суффиксом *-н-* и чередование *с/ш* перед флексией 1-го лица единственного числа *-у* обусловлены именно грамматической формой слова. Ведь в русском языке возможны сочетания *к + н* (ср. *книга*) и *с' + у* (ср.: *лось* — *лосю*, *карась* — *карасю*, *сюсюкать*). Недопустимы эти сочетания только в определенных формах, т. е. в позициях, определяемых какими-либо морфологическими или словообразовательными условиями. Чередования фонем, определяемые грамматическими позициями, называют грамматическими (или морфонологическими, морфологическими). Все эти названия передают особенность данных чередований — независимость от современных фонетических условий.

В результате грамматических чередований изменяется фонемный состав слова, а в результате позиционных фонетических изменений состав фонем в слове не меняется.

Непременный признак чередований — повторимость, поскольку нельзя говорить об обусловленности какого-либо различия в фонемном составе грамматической позицией, если такое различие встречается всего лишь один раз. Следовательно, единичность, неповторимость противоречит самой сущности явления чередования.

Чередования согласных

Чередования в морфах основы на морфемном шве.

Для русского словообразования наиболее характерны чередования на морфемном шве корня (или основы) и суффикса: *друг* — *друг-б-а*, *кусок* — *кусок-ек*. Эти чередования распространяются на согласные фонемы и имеют регрессивное направление, т. е. последующая морфема вызывает изменение в предшествующей. В русском словообразовании имеются суффиксы чередующие и не чередующие. К чередующим суффиксам (т. е. к суффиксам, вызывающим чередования) относится, например, суффикс существительных *-онок/-'ат(а)*, служащий для образования названий незрелых существ. Он вызывает чередования: заднеязычные/шипящие, *д/ж*, *д'/ж*, парные твердые согласные/парные мягкие: *волк* — *волч'-онок*, *верблюд* — *верблюж'-онок*,

медведь — медвеж-онок, тигр — тигр'-онок, слон — слон'-онок, лев — льв'-онок, орел — орл'-онок, повар — повар'-онок и т. д. Примером нечередующих суффиксов может быть суффикс относительных прилагательных -ов-: *парк — парк-ов-ый, воск — воск-ов-ой, апельсин — апельсин-ов-ый*. При характеристике каждого суффикса следует указать, вызывает ли он чередование в предшествующем морфе и какое именно.

Перечислим чередующие суффиксы:

существительных: *-ник, -ниц(а), -н'(а), -к(а), -ок, -к(о), -ств(о), -онк(а), -'онок/-'ат(а), -j(о), -j(а), -ениj(e), -иц(е)/-иц(а), -ин(а), -инк(а), -их(а), -иц(а), -изн(а), -ик, -ишк(о)/-ишк(а), -изм, -ист, -ич, -ин'(а), -е (+ система флексий существительных типа кость), -ец, -'атин(а), -'атник, -'анин, -'аг(а), -чик, -щик, -щин(а), -ш(а), -'уг(а), -'ур(а), -'ак, -'аш, -'ох(а);*
 прилагательных: *-н-, -ск-, -j-, -ин-, -ист-, -лив-, -чат-, -ач-, -'ан-, -н', -нин, -'ав-, -енн-, -еньк-/оньк-, -'охоньк-/ -'ошеньк-, -'уц-;*

глаголов: *-нича-, -е-/и-, -е-*.

Суффиксы, совпадающие по форме, но различные по значению, как правило, ведут себя в отношении чередования одинаково, т. е. вызывают одни и те же чередования. Ср. производные с суффиксом *-ин(а)* от основ на заднеязычные, имеющие значения: а) увеличительности; б) единичности; в) вида мяса. Например: а) *волк — волч-ина, носорог — носорож-ина, бульдог — бульдож-ина*; б) *урюк — урюч-ина, горох — горош-ина, жемчуг — жемчуж-ина*; в) *белуга — белуж-ина, северюга — северюж-ина, собака — собач-ина*. Во всех образованиях, независимо от того, каково значение производных, обнаруживаются одни и те же чередования: *г/ж, к/ч, х/ш*.

Так же как и другие морфонологические явления, чередования могут быть продуктивными и непродуктивными. Наиболее продуктивны следующие виды чередования согласных: парные твердые согласные с мягкими (*н/н', с/с', т/т', д/д'*: *слон — слон'-онок, лиса — лис'-онок, кот — кот'-ище*); заднеязычные с шипящими (*г/ж, к/ч, х/ш*: *нога — нож-ища, песок — песоч-ек, мох — миш-ист-ый*). Кроме продуктивности следует учитывать распространенность чередований, т. е. их широкую или узкую представленность в явлениях словообразования. Названные выше типы чередований широко распространены.

К непродуктивным и малораспространенным относятся чередования *ц/ч* (*отец — отеч-еский*; например, *отеческая забота*), *д/ж* (*верблюд — верблюж-атина*, *медведь — медвеж-онок*), *с/ш* (*черкес — черкеш-енка*), *з/ж* (*князь — княж-еский*) и некоторые другие.

Понятие морфемы. Итак, алломорфы одной морфемы могут различаться чередующимися фонемами. Ряд чередующихся фонем, выступающих в алломорфах одной морфемы, называется морфономой. Ряд может быть представлен несколькими членами или одним членом, например: $\frac{К}{Ч}$ (*рука — ручка*), $\frac{Г}{Ж}$ (*друг — дружеский — дружба*), $\frac{Х}{Ш}$ (*монах — монашеский — монашество — монашка*).

Существует иной вид записи морфемы — с помощью фигурных скобок: {*с — с' — ш*}, {*з — з' — ж*}, {*т — т' — ч*}, {*д — д' — жд — ж*}, {*б — б' — бл'*}, {*ф — ф' — фл'*}, {*в — в' — вл'*}, {*п — п' — пл'*}, {*к — ч*}, {*г — ж*} и т. п.

Понятие морфемы служит объединению различных морфов в одну морфему (см. подробнее ниже).

Не все представители морфемы равноправны. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что не все члены чередующегося ряда могут занимать любые грамматические позиции.

Как установить, какой из представителей морфемы главный? Естественно основным представителем морфемы считать тот член, из которого можно легче всего предсказать все остальные члены чередовательного ряда. Например, можно ли в парах *т/ч* и *к/ч* считать *ч* основным представителем морфемы в каждой чередующейся паре? Нет, так как *ч*, входя в два ряда чередований, может «предсказать» нам в качестве своих «сочередователей» и *т*, и *к*, тогда как *т* и *к* однозначно предсказывают *ч*. Следовательно, основными членами этих морфоном являются *т* и *к*.

В соответствии с мнением о том, что один из представителей морфемы является основным (главным), некоторые ученые применяют морфонологическую транскрипцию для изображения именно этого представителя морфемы: РУКА, РУКНОЙ, МОГТ', МОГУ, МОГОШ.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что перед чередующимися суффиксами морфема выступает в слабом (не основном) виде, а перед нечередующимися — в сильном (основном).

Для словообразования характерна направленность чередований от основного (или более сильного) члена морфемы к более слабым ее представителям, т. е. производящая основа обычно содержит основной (или более сильный) член морфемы, а производная — более слабый: *друг — дружить — дружба, сухой — сушь — сушить, волк — волчица — волчонок, медведь — медвежонок*. При этом в ряду чередующихся фонем, являющихся членами одной морфемы, из пары согласных, коррелятивных по твердости ~ мягкости, основным является твердый.

Чередования в морфах основы не на морфемном шве. Этот вид чередований согласных для русского словообразования малохарактерен. Он представлен несколькими непродуктивными или малопродуктивными чередованиями почти не существенными для живого русского словообразования типа *жать — жму, жать — жну, понять — понимать*.

Чередования в аффиксальных морфах. Чередования согласных в аффиксальных морфах малохарактерны для русского словообразования.

Чередование фонем ⟨ш'⟩/⟨ч⟩ обнаруживается в морфах суффиксов *-щик/-чик, -щиц(а)/-чиц(а), -щин(а)/-чин(а)*. Морфы с фонемой ⟨ч⟩ выступают после основ на фонемах ⟨т⟩, ⟨д⟩, которым не предшествует иной согласный (обычно сонорный): *разведчик, плакатчик, летчик, наводчик; газетчица, буфетчица; солдатчина, складчина*. Морфы с фонемой ⟨ш'⟩ выступают в других позициях — после основ на все согласные (кроме *т, д*), а также после основ на *т, д*, которым предшествует согласная фонема: *фрезеровщик, экскаваторщик, алиментщик, флейтщик, подавальщица, банщица; хлестаковщина, молчалинщина, тамбовщина* и т. п.

У морфемы {ш' — ч} суффикса *-щик/-чик* основным вариантом следует признать морф с фонемой ⟨ш'⟩, так как он выступает в тех позициях, в которых возможен морф *-чик* с другим значением: ср. *стаканщик* (о человеке) — *стаканчик* ('маленький стакан'), *барбанщик* (о человеке) — *барбанчик* ('маленький барабан').

В отличие от ранее рассмотренных видов чередований согласных здесь обнаруживается прогрессивное направление воздействия соседнего морфа (слева направо — от основы к суффиксу).

Чередования согласных на морфемном шве приставка/основа редки в русском словообразовании, ср.: *им-моральный, иррегулярный*.

Чередования гласных

Чередования гласных для русского словообразования менее характерны, чем чередования согласных. В русском словообразовании значительную роль играет лишь чередование гласный/нуль звука, встречающееся «внутри» корневых и на границе аффиксальных морфов: *лоб-ø — л ≠ ¹б-ище, сон-ø — с ≠ н-иться, лев-ø — л' ≠ в-ица, орел-ø — ор ≠ л'-онок; сын-ок-ø — сын- ≠ к-а, саратов-ец-ø — саратов- ≠ ц-а, прыж-ок-ø — прыж- ≠ к-а; во-б ≠ ра-ть — в ≠ берем, ото-б ≠ рать — от ≠ берем*. Во всех случаях чередование гласный/нуль звука вызывается структурой соседнего морфа справа (т. е. направление чередования регрессивное) — гласный сохраняется, если в соседнем морфе представлен нуль звука; нуль звука выступает тогда, когда в соседнем справа морфе имеется гласный.

Таким образом, в русском языке существует особая морфонема {гласная/нуль}, играющая важную роль в словообразовании.

Чередование в корневых морфемах гласных фонем ⟨о⟩/⟨а⟩ продуктивно в образовании форм несовершенного вида глагола с помощью суффикса *-ива-*: *выносит — вын^аишивает, расспросит — расспр^ашивает, обусловит — обусл^авливает*. Это чередование не отличается регулярностью, т. е. не распространяется на все случаи образования указанных форм.

§ 19. ПОНЯТИЕ СУБМОРФА

В корневых морфах нечленимых слов выделяются сегменты, совпадающие по составу фонем с аффиксальными морфами данного языка, но не имеющие в слове никакого значения. Такие сегменты называются *субморфами* (нечто, подобное морфу). Субморфы тождественны морфам данного языка, но только по форме; значения они не имеют. Имеет ли в таком случае смысл

¹ Напомним, что знак $\neq$ изображает нуль звука, а знак $\emptyset$ — нулевые флексию и аффикс.

выделение субморфов? Значимость субморфов для строения слова обнаруживается в том, что они ведут себя как морфы по отношению к явлениям морфонологии, например к чередованиям и усечению основ. Так, чередование гласный/нуль звука и чередование *ц/ч* происходит в одних и тех же условиях при словоизменении и при словообразовании в суффиксальном морфе *-ец* и в субморфе *-ец*. Единица *-ец* с полным гласным выступает перед нулевой флексией, нуль звука — перед флексией, выраженной гласным. В суффиксе *-ец* и в субморфе *-ец* обнаруживаются одни и те же чередования (*е/≠*, *ц/ч*) перед суффиксом уменьшительности *-ик*: *любим-ец* — *любим-≠ч-ик*, ср.: *конец* — *кон≠ч-ик*.

Наличие субморфа в составе слова может влиять на словообразовательное «поведение» слова, а именно на сочетаемость основы, включающей данный субморф, с теми или иными аффиксами.

§ 20. ИНТЕРФИКСАЦИЯ

Другой вид явлений, происходящих на морфемном шве, — и н т е р ф и к с а ц и я. Она состоит в том, что между двумя морфемами вставляется асемантическая (незначимая) прокладка, устраняющая сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или не характерные для структуры русского слова. Такие прокладки могут появляться в слове также по аналогии. Межморфемные прокладки, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию, называются и н т е р ф и к с а м и. Термин «интерфикс» принят в работах А. А. Реформатского, М. В. Панова и других ученых. Существуют и иные названия этого явления: пустые морфы, вставки, прокладки.

Для ограничения интерфиксов от значимых частей слова (морфов) здесь и далее заключаем их в круглые скобки:

убеж-иц-е
прибег-иц-е
вмести-(л)-иц-е

сахар-н-ый
дорож-н-ый
шоссе-(j)-н-ый
кофе-(j)-н-ый

бор-ец
твор-ец
пе-(в)-ец

ленинград-ск-ий
лондон-ск-ий
ялт-(ин)-ск-ий
орл-(ов)-ск-ий
дели-(j)-ск-ий
африк-(ан)-ск-ий

кип-уч-ий
гор'-уч-ий
пе-(в)-уч-ий

ленинград-ец
лондон-ец
ялт-(ин)-ец
орл-(ов)-ец
дели-(j)-ц-ы
африк-(ан)-ец

Интерфиксация не способ словообразования, стоящий в одном ряду с суффиксацией и префиксацией (о способах словообразования см. в гл. 5). Это — одно из морфонологических средств, используемых для соединения морфов в слове. Она по своей функции аналогична чередованию.

Возникает вопрос: почему, изучая словообразование с синхронной точки зрения, нельзя считать интерфиксы особым видом суффиксов, например «консонантизирующими» или «вокализирующими» суффиксами?

Интерфиксы (как и субморфы) не имеют значения в составе слова. Их функция чисто соединительная, строевая. Между тем и суффиксы, и приставки в составе слова значимы, имеют определенную семантическую нагрузку. Ставя интерфиксы в один ряд с суффиксальными или префиксальными морфемами, мы разрушаем определение морфемы как наименьшего значимого элемента в составе слова. Включение интерфиксов в число морфем привело бы к тому, что термином «морфема» стали бы называться явления функционально различные: семантические части слова и асемантические прокладки.

Незначимость интерфикса в семантике слова доказывается наличием тождественных по значению образований с интерфиксами и без них. Ср. производные с интерфиксом *-ов-* и без него: *завком-(ов)-ский* и *завком-ский*, *санпросвет-(ов)-ский* и *санпросвет-ский*, *исполком-(ов)-ский* и *исполком-ский*, *нэпман-(ов)-ский* и *нэпман-ский*.

Незначимость интерфикса, т. е. достаточность для выражения деривационного значения суффикса без интерфикса, доказывается также наличием тождественных по значению образований с различными интерфиксами. Вот ряд примеров образований с разными интерфиксами: *Брно* — *брн-(ов)-ский*, *брн-(ен)-ский*; *Петушки* — *петушк-(ин)-ский*, *петушк-(ов)-ский*.

Функции интерфиксов

В русском словообразовании интерфиксы обычно используются для соединения: 1) основы и суффикса; 2) двух основ в составе сложного слова. (Отметим, что интерфиксы используются и в словоизменении, см. гл. 4.) Рассмотрим наиболее типичные случаи употребления интерфиксов.

Использование интерфиксов на границе основы и суффикса — самый распространенный вид интерфиксации в русском словообразовании.

1. После основы, кончающейся гласной фонемой, перед суффиксом, начинающимся гласной, обычно употребляется интерфикс-согласный. Так как основы на гласные не характерны для строения русского слова, этот вид интерфиксации выступает преимущественно в образованиях от заимствованных основ и служит средством включения заимствованных слов в русское словообразование: *арго* — *арго-(т)-изм*, *арго-(т)-изация*, *арго-(т)-ический*; *кабаре* — *кабаре-(т)-ист*; *авиа-(н)-изация*, *чили-(н)-изм*, в названиях детенышей: *волаби-(н')-онок*, *колибри-(н')-онок*.

Среди русских по происхождению основ исход на гласные встречается лишь у глагольных основ. Интерфикс *-л-* находим в словах *жи-(л)-ец*, *пои-(л)-ец*, *корми-(л)-ец*, *суди-(л)-ище*, *жи-(л)-ище* (ср.: *прибеж-ище*, *убеж-ище*). Интерфикс *-в-* употребляется в прилагательных с суффиксом *-уч(ий)*: *петь* — *пе-(в)-учий*, *жить* — *жи-(в)-учий* (ср.: *гор'-учий*, *кип-учий*).

2. Интерфиксы-согласные появляются также обычно после основ на гласные, если суффикс начинается согласным. Здесь действует тенденция «избавиться» от основ на гласные, не типичные для структуры русского слова. В этом случае чаще всего выступают интерфиксы *-j-*, *-ш-*, *-в-*, *-н-*: *кофе-(й)-ный*, *шоссе-(й)-ный*; *кофе-(й)-ник*, *реле-(й)-щик*; *Сомали* — *сомали-(й)-ский*; *Дели* — *дели-(й)-цы*.

Интерфикс *-ш-* выступает в образованиях сниженной стилистической окраски. Это придает интерфиксу *-ш-* стилистическую значимость и сближает со «стилистическими суффиксами» (см. гл. 4): *кино* — *кино-(ш)-ный*, *кино-(ш)-ник*; *домино* — *домино-(ш)-ный*, *домино-(ш)-ник*; *МГУ* — *эмгэу-(ш)-ный*, *эмгэу-(ш)-ник*; *ГАИ* — *гаи-(ш)-ник*.

3. В производных с основами, оканчивающимися группой согласных, перед суффиксом, начинающимся согласным, обычно употребляются интерфиксы, начинающиеся гласным, чаще всего интерфиксы *-ов-*, *-ин-*: *Столб-цы* — *столбц-(ов)-ский*, *Ялта* — *ялт-(ин)-ский*, *Клязьма* — *клязьм-(ин)-ский*.

Использование интерфиксации для соединения двух (или более) основ в составе сложного слова — продуктивное явление. Фонема ⟨о⟩ — наиболее распростра-

ненный интерфикс в этой позиции: *вод-(о)-воз*, *дым-(о)-ход*, *мусор-(о)-провод*, *желт-(о)-зелёный*, *хлеб-(о)-булочный*; *син-(е)-зелёный*.

О соотношении понятий «интерфикс» и «производный суффикс»

Во многих учебниках и исследованиях по словообразованию интерфиксы как особый структурный элемент слова не выделяются. Вместо этого вычленяются многочисленные производные суффиксы, не отличающиеся по значению от соответствующих простых. Так, например, наряду с простым суффиксом *-н(ый)* выделяются производные суффиксы *-шн(ый)*, *-йн(ый)*; наряду с *-ник* — суффиксы *-шник*, *-йник*, *-овник*, *-очник*; наряду с *-ит* — суффиксы *-нит*, *-лит*, *-инит*; наряду с *-ец* — суффиксы *-вец*, *-овец*, *-нец*, *-лец*, *-инец*, *-анец*; наряду с *-ск(ий)* — суффиксы *-овск(ий)*, *-инск(ий)*, *-анск(ий)*, *-йск(ий)* и т. д. В каждой группе производные суффиксы тождественны по значению простому. Правомерно ли в таком случае выделение производных суффиксов как особых значимых единиц? Нет, так как носителем значения является не весь отрезок после основы, а лишь тот элемент его, который присутствует во всех производных словах с данным деривационным значением, т. е. простой суффикс. Поэтому с функциональной точки зрения (только она и имеет значение при синхронном исследовании) в качестве суффикса выделяют ту минимальную часть слова, которая является носителем значения.

В ряде работ сочетания интерфикс + суффикс рассматриваются как алломорфы простого суффикса. Правомерно ли это? Термином «алломорф» принято называть тождественные по значению единицы, находящиеся в позиции дополнительного распределения (типа *-чик/ /-щик*, *-ец/ ≠ ц*, *рук-/руч-*, *ног-/нож-*, *лоб-/л ≠ б*, *от-/ото-*). Как было показано выше, в употреблении интерфиксов нет строго позиционного распределения. Здесь нередко действует аналогия или узус (обычай). Поэтому сочетания интерфикс + суффикс не должны рассматриваться в одном ряду с единицами, распределенными по законам морфологии, и называть их термином «алломорф» неправомерно. При изучении языка необходимо различать регулярные, морфонологически обусловленные явления и явления, в действие которых вмешивается узус, словарные закономерности.

Чей «слуга» интерфикс?

Когда в качестве самостоятельных производных суффиксов или алломорфов простых суффиксов выделяют сегменты типа *-овск-*, *-йск-*, *-овн*, *-шн-*, *-овник*, *-шник* и подобные, создается впечатление, что в пределах этого комплекса (т. е. между суффиксом и интерфиксом) более тесная связь, чем между основой и интерфиксом. Незначимые отрезки (интерфиксы) рассматриваются как части суффикса, т. е. как его своеобразные «слуги». Между тем если использовать метафорическое понятие «слуги», то интерфикс является скорее «служгой» основы, чем суффикса: один и тот же интерфикс обслуживает производные от одной и той же основы с разными аффиксами, т. е. «требует» использования интерфикса именно основа, а не суффикс. Ср.: *петь* — *пе(в)ец*, *пе(в)ица*, *пе(в)учий*, *пе(в)ун*, *пе(в)унья*, *пе(в)чий*; *гну* — *гну(ч)иха*, *гну(ч)онок*, *гну(ч)иный*; *Америка* — *америк(ан)ец*, *америк(ан)ка*, *америк(ан)ский*, *америк(ан)ствовать*.

Следовательно, интерфикс придает основе такой вид, что она может включиться в словообразование в качестве производящей; одновременно с этим он способствует тому, чтобы придать единство строению различных производных от одной и той же основы. В тех случаях, когда интерфикс действует по требованию законов морфонологии, чаще всего основы с исходом на гласный присоединяют к себе интерфиксы-согласные (глагольные основы + интерфикс *-л-* или *-в-*; основы несклоняемых заимствованных существительных + интерфиксы *-j-*, *-ш-*, *-н-*, *-т-*, реже другие).

§ 21. УСЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ

Усечение производящей основы при аффиксальном словообразовании — один из видов взаимоприспособления морфем, стоящий в одном ряду с чередованием фонем и интерфиксацией: в производной основе отсутствует конечная фонема (или группа фонем) производящей основы. Усечение основ при суффиксальном способе словообразования — одно из морфонологических средств. Его не следует путать с усечением (сокращением) основ как способом словообразования (см. гл. 5). Усечение противоположно интерфиксации. При интерфиксации происходит увеличение производной основы, а при усечении — ее сокращение. Усечению могут подвер-

гаться основы существительных, прилагательных и глаголов. Усекается конечная часть основы. Обычно усекается суффикс (или совпадающий с ним субморф) или конечный гласный корня. Цель усечений — избежать нарушения каких-либо законов морфологии, а именно: а) устранить скопление согласных на морфемном шве, т. е. облегчить суффиксу, начинающемуся согласным, присоединение к основе: *тряпка* — *тряп-ј(о)*, *кокетка* — *кокет-ничать*; *дудка* — *дуд-еть*; б) устранить скопление гласных на морфемном шве, т. е. придать основе на гласный, имеющей не свойственное русскому языку строение, более «привычный» для словообразования вид: *либретто* — *либретт-ист*, *пальто* — *пальт-ишко*, *резюме* — *резюм-ировать*.

В производных от глагольных основ подвергаются усечению только глагольные суффиксы или тематические гласные. Усечение или неусечение суффикса есть обязательный признак словообразовательного типа. Например, всегда полностью включают производящую глагольную основу производные существительные с суффиксом *-тель*: *получать* — *получа-тель*, *отправить* — *отправи-тель*. В производных других типов, например существительных с суффиксом *-ун*, присутствует основа, равная корню: *бегать* — *бег-ун*, *прыгать* — *прыг-ун*. Таким образом, имеются суффиксы, вызывающие усечение, и суффиксы, не вызывающие усечения. В словообразовании же от основ существительных и прилагательных многие суффиксы действуют то как усекающие, то как неусекающие в зависимости от того, каков исход производящей основы.

§ 22. НАЛОЖЕНИЕ (ИЛИ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ) МОРФОВ

Особый вид явлений, происходящих на границе морфем, составляет наложение (или интерференция) морфов, т. е. совмещение конца одного и начала другого морфа.

Наложение морфов — особый вид гаплогии (т. е. исчезновения одного из двух тождественных слогов, непосредственно следующих друг за другом). Наложение морфов — словообразовательная гаплогия, один из видов морфонологического взаимоприспособления морфов на границе морфем.

Целесообразность ввода специального термина для названия этого явления диктуется следующим. Гаплог-

логию принято рассматривать как явление фонетическое. Наложение морфов — явление морфонологическое, осуществляемое в определенных морфологических условиях — на морфемном шве. Кроме того, наложение морфов может касаться не только слогов.

Рассмотрим слова *розоватый* и *лиловатый*. С помощью какого суффикса они образованы? Нет сомнения, что в этих прилагательных один и тот же суффикс *-оват-*, обозначающий слабую степень обнаружения признака, что и в словах *желтоватый*, *черноватый*, *красноватый* и др. Какова основа этих слов? Они соотносятся по форме и по значению с прилагательными *розовый* и *лиловый*, так как *розоватый* — ‘розовый в слабой степени’, *лиловатый* — ‘лиловый в слабой степени’. Однако если мы соединим основы производящих прилагательных с суффиксом *-оват-*, то получим вместо наших прилагательных: *розов-оватый*, *лилов-оватый*, т. е. слова с лишним слогом *-ов-*. Может быть, мы неверно выделили суффикс и следовало выделить *-ат-*? Но суффикс *-ат-* не имеет значения слабой степени признака. Попробуем иначе выделить основу. Однако в русском языке нет основы *лил-*, которая обозначала бы определенный цвет, основа *роз-* тоже нам не подходит, так как это основа существительного, а суффикс *-оват-* со значением слабой степени признака соединяется лишь с основами качественных прилагательных.

Вывод один: наше первоначальное выделение суффикса и основы правильно, но при словообразовании один из тождественных слогов *-ов-* утратился. Произошла интерференция соединяющих морфов, они не соприкоснулись, а один «наехал» на другой.

Наложение морфов происходит на стыке:

1) основы и суффикса, например: *лиловый + -оватый = лиловатый*, *коричневый + -оватый = коричневатый*, *розовый + -оватый = розоватый*, *Архангельск + -ский = архангельский*, *Свердловск + -ский = свердловский*, *Смоленск + -ский = смоленский* и т. п. Наложение морфов можно видеть также в производных от основ на гласные: *такси + -ист = таксист*, *наци + -изм = нацизм*, *денди + -истый = дендистый*, *регби + -ист = регбист*.

2) основы и интерфикса: «Динамо» + *-(ов)ский = динамовский*, «Динамо» + *-(ов)ец = динамовец*, *горно — гороновский*, *гороновец*.

§ 23. РАЗНОВИДНОСТИ АЛЛОМОРФОВ

Мы говорили о том, что в одну морфему объединяются тождественные по значению морфы, различие между которыми объясняется их позицией в слове и, следовательно, они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Рассмотрев явления морфемного шва, можно сделать вывод, что существуют две разновидности алломорфов. Одни различаются чередованием фонем [рук-/руч-, ног-/нож-, книг-/книж-, нос-/нос'-(ик), лев-/л' ≠ в(а)/л' ≠ в(ище), лоб/лоб'(ик)/л ≠ б(а)/л ≠ б'(ище), рот-/р ≠ т(а)/рот' (ик); -ок/-оч-/ ≠ к-, -ец/ ≠ ц/-еч-/ ≠ /ч-, -ик/-ич-], другие — усечением или отсутствием усечения конечного элемента [пальто/пальт'-(ишко), кенгуру/кенгур'-(онок), бочк(а)/боч-(онок), редк(ий)/ред'-(еть), крепк-(ий)/креп-(нуть), мокр-(ый)/мок-(нуть), утк(а)/ут'-(онок) и т. п.].

§ 24. ИНТЕРФИКСЫ И СУБМОРФЫ

Как соотносятся понятия «субморф» и «интерфикс»? И те и другие являются незначимыми сегментами, выделяемыми из состава слова, но между этими единицами имеется существенная разница — функциональная и структурная:

1. Субморфы составляют часть морфа. При выделении субморфов из состава морфа остается незначимая часть. Ср. такие незначимые отрезки, как *чеп* (из *чепец*), *нем* (из *немец*), *боч* (из *бочка*), *ут* (из *утка*). Интерфиксы не являются частью ни корневого, ни суффиксального морфа — они занимают положение между морфами. При выделении из состава слова интерфикса полноценность соседних морфов не нарушается.

2. Субморфы всегда по форме совпадают с морфами, тогда как интерфиксы могут и совпадать, и не совпадать с морфами.

3. Интерфиксы вычлняются из слова при членении на формальном и семантическом уровне. Ср.: *Америка* — *америк-(ан)-ск-ий*, *кино* — *кино-(ш)-ник*, *кофе* — *кофе-(й)-ник*, *шоссе* — *шоссе-(й)-н-(ый)*. Субморфы вычлняются из слова при членении слова на формальном уровне, ср.: *кон/ец*, *чеп/ец*, *боч/ка*, *ут/ка*. Их выделение важно для изучения морфонологии.

Итак, помимо морфем, слова могут включать ущербные морфемы — к в а з и м о р ф е м ы (радикалоиды, унификсы), а также межморфемные прокладки — интерфиксы. В этом можно видеть известный параллелизм между формальным и семантическим строением слова. Подобно тому как смысл слова не всегда складывается полностью из смысла морфем, но может содержать так называемые смысловые приращения, так и форма слова не всегда складывается только из морфем, а может содержать какие-то единицы, имеющие другой лингвистический статус.

Сравнивая интерфиксы и смысловые приращения, характеризующие фразеологичные по семантике производные слова, можно увидеть между ними еще одно сходство. Исследование языка можно проводить с точки зрения анализа языковых единиц и с точки зрения их синтеза. Понятие интерфикса особенно полезно использовать при а н а л и з е производного слова, так как оно избавляет от описания многочисленных производных суффиксов. В грамматику не следует вводить многочисленные составные сегменты типа *-овск-*, *-инск-*, *-анск-*, *-йск-*, *-ицеск-*, *-ческ-*; *-шник*, *-овник*, *-очник*; *-лец*, *-овец*, *-анец*, *-инец*, *-вец* и др. Достаточно выявить суффиксы *-ск-*, *-ник*, *-ец* и основу, чтобы понять значение слова. Прокладки *-ов-*, *-ин-*, *-ан-*, *-ш-*, *-ј-* и др. незначимы¹. Зная, что они выполняют лишь соединительную функцию, их следует трактовать как особые строевые элементы языка. Аналогичным образом, как это показала О. П. Ермакова, изучать фразеологичность семантики производного слова «легче» с точки зрения а н а л и з а языковых единиц, тогда как синтез производных слов, включающих семантические приращения, — проблема очень сложная², вряд ли могущая найти решение.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

¹ Был проведен эксперимент, доказывающий, что выделение интерфиксов облегчает усвоение русского языка нерусскими. См.: *Панов М. В. Разные суффиксы или один? // Русский язык и родные языки в школах народов СССР. М., 1979. С. 48—65.*

² См. об этом: *Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.*

Земская Е. А. О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского литературного языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 14—25.

Земская Е. А. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций // Там же. С. 69—88.

Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1961. Т. 301. Вып. 60.

Панов М. В. О грамматической форме // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1959. Т. 73. Вып. 6.

Панов М. В. Изучение состава слова в начальной школе. Махачкала, 1979.

Глава 4

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Словообразовательный тип — это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы¹, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т. е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса².

Словообразовательный тип — основная ячейка словообразовательной системы языка, так как именно в его пределах по аналогии со словами того или иного типа и происходит преимущественно образование новых слов. Мы пишем «преимущественно» потому, что какое-то количество слов (ничтожное по сравнению с общей массой) образуется вне словообразовательных типов — по образцу отдельных слов, с нарушениями законов типового словообразования.

Чтобы установить, к какому словообразовательному типу относится то или иное слово, необходимо убедиться

¹ Этот признак не является строго обязательным. Дело в том, что имеется значительное число производных слов, характеризуемых общностью двух других признаков, но производимых от основ разных частей речи. Ср. производные от основ глаголов (*баловство, воровство, хвастовство*), от основ существительных (*шутство, жениховство, фатовство, вдовство, пижонство*) и от основ прилагательных (*лукавство*).

² Близкое определение словообразовательного типа принято в работах: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Т. 1. С. 202; *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.*: В 5 т. М., 1964. Т. 1: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. С. 279; *Русская грамматика*. М., 1980.

в том, что данное слово является производным, а для этого нужно соотнести анализируемое слово с производящим. Следующим этапом анализа является установление трех признаков словообразовательного типа, о которых говорилось выше. Определение всех этих показателей словообразовательного типа возможно только при соотнесении подвергнутой первоначальному анализу пары слов с другими словами, обладающими теми же признаками. Естественно, что легче всего подобрать слова с аффиксом, имеющим одну и ту же форму, и произведенные одним и тем же способом словообразования. Рассматривая их, можно установить, обладают ли они общностью семантического соотношения производящего и производного. При отрицательном ответе следует сделать вывод, что производные относятся к разным словообразовательным типам.

Так, не относятся к одному словообразовательному типу существительные, произведенные от основ имен существительных суффиксальным способом с помощью суффикса *-ин(а)* (т. е. обладающие общностью двух элементов): *баранина, севрюжина, конина, котлетина, домина, горошина, изюмина, соломина*. Объясняется это тем, что приведенные существительные характеризуются разными семантическими соотношениями между производными и производящими. Среди этих существительных выделяются три группы слов, каждая из которых характеризуется одинаковыми семантическими соотношениями производящих и производных: 1) *баран: баранина = севрюга: севрюжина = конь: конина*, т. е. 'название животного': 'название мяса этого животного', производное обозначает 'мясо того животного, которое названо производящей основой'; 2) *котлета: котлетина = дом: домина*, 'название предмета': 'название того же предмета большой величины', производное имеет значение увеличительности; 3) *горох: горошина = изюм: изюмина = солома: соломина*, т. е. 'совокупность вещества (или предметов)': 'один предмет из этой совокупности'; иными словами, производное имеет значение единичности — 'один предмет из совокупности, названной производящей основой'.

Словообразовательное значение

Установив семантические соотношения между производящими и производными, мы тем самым определяем

словообразовательное значение данного типа. Таким образом, словообразовательное (деривационное) значение является общим для производных данного типа и устанавливается на основании семантического соотнесения производящих и производных. Выявляя словообразовательное значение типа, следует отвлекаться от конкретного лексического значения определенного слова и стремиться установить то общее, что свойственно ряду слов и что отражено в их структуре, т. е. связано с семантикой производящей базы и форманта. Ведь задачей словообразования является не изучение семантики каждого отдельного слова, а изучение семантики слова в связи с его строением. Именно поэтому словообразование изучает целые серии (ряды) одинаковым образом построенных слов. В семантике слова для словообразования важна не его конкретная лексическая индивидуальность, а то общее, что отражено в его строении. Это и есть словообразовательное значение.

Словообразовательное значение производных слов разных типов обладает разной степенью конкретности. Наряду с такими конкретными значениями, как 'детеныш животного, названного производящей основой', существуют такие отвлеченные значения, как 'относящийся к тому, что названо производящей основой'. Именно так формулируется деривационное значение прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*, производимых от основ существительных: *лесной, автомобильный, дорожный; асфальтовый, бензиновый, парковый*.

Словообразовательные значения неоднородны — то, что было сказано о словообразовательных значениях, относится к словообразовательным значениям простых слов. Сложные слова, сращения, аббревиатуры (т. е. все производные, наделенные производящей базой, включающей несколько основ) имеют словообразовательные значения иной природы. Такое деривационное значение называют синтагматическим¹. Оно сводится к идее соединения составляющих производное простых основ. В тех случаях, когда словосложение соединяется с аффиксацией, синтагматическое деривационное значение осложняется значением, вносимым аффиксом, например значением отвлеченного действия

---

¹ См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. С. 54—55.

(в словах типа *лесосплав-ѵ, сенокос-ѵ, ледоход-ѵ*), значением производителя действия (в словах типа *скороход-ѵ, стеклодув-ѵ, мореход-ѵ, канатоход-ец, орденос-ец*).

§ 25. ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

В зависимости от характера деривационного значения различают две сферы деривации:

1) лексическое значение производных тождественно значению производящих, но производные отличаются от производящих принадлежностью к иной части речи (и, следовательно, синтаксической функцией);

2) лексическое значение производных не тождественно значению производящих.

Явления первого рода польский лингвист Е. Курилович предложил называть синтаксической деривацией, явления второго рода — лексической деривацией¹, а соответствующие производные — синтаксическими и лексическими дериватами.

К области синтаксической деривации относятся такие словообразовательные типы, как:

отглагольные существительные со значением отвлеченного действия: *перешивание, переклеивание, разведка, ходьба, мольба, переход, отлет*;

отадъективные существительные со значением отвлеченного признака: *веселость, звонкость, синь, глушь, доброта, чернота, голубизна, белизна, синева*;

отсубстантивные прилагательные, обозначающие общее, неконкретизированное в производном отношении к тому, что названо производящей основой: *цементный, лесной, автомобильный, вкусовой, грязевой, банановый, абрикосовый*.

Что отличает названные словообразовательные типы от явлений лексической деривации? Перечисленные производные тождественны по лексической семантике производящим. Они выражают то же значение, что и производящие, но средствами иной части речи, и, следовательно, имеют иные синтаксические функции. При этом у них, конечно, различны общекатегориальные зна-

¹ См.: Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57—70. В последнее время термины «лексическая деривация» и «синтаксическая деривация» используют и в другом значении; см.: Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.

чения, определяемые их принадлежностью к разным частям речи. Так, прилагательное *лесной* имеет то же лексическое значение, что и существительное *лес*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака ('относящийся к лесу').

Присмотримся внимательнее к семантике существительных — синтаксических дериватов.

Что значит *желтизна* сравнительно с *желтый* или *храбрость* по сравнению с *храбрый*? Лексическое значение однокоренных слов тождественно: существительное обозначает без всякой семантической добавки определенным признаком, выражаемый прилагательным. Совсем в иных семантических соотношениях находятся слова *желтый* и *желток*, *желтяк* или *храбрый* и *храбрец*. Существительные называют какие-то предметы, наделенные признаком, обозначаемым производящим прилагательным. Для словообразования неважно, что эти существительные называют определенные предметы, характеризуемые признаком, обозначенным производящей основой (*желток* — 'часть яйца', *желтяк* — 'желтый огурец', *храбрец* — 'храбрый человек'); для словообразования важно лишь то, что эти существительные обозначают 'нечто, наделенное признаком', 'предмет — носитель признака', а не 'признак в отвлечении от его носителя', как слова *желтизна*, *храбрость* и им подобные. Именно значение 'носитель признака' и есть тот существенный для словообразования семантический компонент, который отличает слова типа *желток*, *храбрец* от производящих прилагательных *жёлтый*, *храбрый*, с одной стороны, и отграничивает их от синтаксических дериватов (слов типа *желтизна*, *храбрость*) — с другой.

Какова семантика прилагательных — синтаксических дериватов — типа *лесной*, *грязевой*, *цементный*?

В современном русском языке среди отсубстантивных прилагательных имеется большая группа образований, резко отличающихся по значению от всех других типов прилагательных. Ее составляют в основном прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, имеющими самые широкие связи с производящими основами. Значение таких прилагательных является в собственном смысле относительным. Они обозначают отношение к тому, что названо производящей основой; причем отношение, не конкретизированное в прилагательном, в принципе — любое.

Характер отношения, выражаемого прилагательным, получает конкретизацию лишь в контексте (в сочетании с существительными или в более широком контексте). Само прилагательное обозначает общее, широкое, недифференцированное отношение к предмету, названному производящей основой. Прилагательные типа *лесной*, *грязевой* — есть перевод (транспозиция) значения предмета (субстанции) в значение признака ('относящийся к ...').

Для того, чтобы более наглядно показать специфику значения прилагательных — синтаксических дериватов, сравним их с однокоренными прилагательными — лексическими дериватами.

Важным свидетельством принципиального семантического различия между прилагательными — синтаксическими дериватами и однокоренными лексическими дериватами является тот факт, что наряду с каждым производным прилагательным первой группы имеется прилагательное второй группы, ср.: *лесной* ('относящийся к лесу') и *лесистый* ('обильно покрытый лесом'), *глазной* ('относящийся к глазу') и *глазастый* ('с большими глазами'), *грязевой* ('относящийся к грязи') и *грязный* ('покрытый грязью').

Еще ярче семантические особенности рассматриваемых прилагательных обнаруживаются при сравнении сочетаний, включающих однокорневые лексические дериваты: *грязная дорога* (*тряпка*), *грязное лицо* (*пальто, окно*), *грязный стол* и *грязевое лечение*, *грязевые очки*, *грязевая лечебница* (*буря*), *грязевой осадок*¹.

Во всех сочетаниях с прилагательным *грязный* реализуется значение 'покрытый грязью', 'загрязненный'. Именно поэтому это значение и можно считать лексическим значением данного слова. В сочетаниях же с прилагательным *грязевой* и другими синтаксическими дериватами выражаются различные виды отношения к тому, что названо производящей основой. Вот почему значение таких прилагательных есть выражение отношения к предмету, обозначенному производящей основой, и только. А какой вид отношения будет назван, станет известно лишь из сочетания прилагательного с существительным или из более широкого контекста.

¹ О различиях в семантике между однокоренными прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ов-* см.: Земская Е. А. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965.

Расшифруем приведенные ранее сочетания: *грязевое лечение* — ‘лечение с помощью грязи’, *грязевые очки* — ‘очки от грязи’, *грязевой осадок* — ‘осадок, состоящий из грязи’.

В отличие от синтаксических дериватов лексические обозначают и вне контекста признак вполне определенный, независимый от того, какой предмет они характеризуют. Выражаемое ими отношение к предмету, обозначенному производящей основой, бывает конкретизировано в самом слове и часто содержит какую-то семантическую «добавку» к значению отношения: *носастый* — ‘с большим носом’, *лесистый* — ‘характеризуемый обилием леса’.

Итак, производные, относимые к области синтаксической деривации, объединяются специфичностью семантики. Они имеют то же лексическое значение, что и производящие, но выраженное словом иной части речи, ср.: *белый снег* и *белизна снега*, *смелый поступок* и *смелость поступка* (выражение признака в виде субстанции), *читать газету* и *читка газеты*, *развешивать бельё* и *развешивание белья* (выражение процесса в виде субстанции), *лечить грязью* и *грязевое лечение*, *ручка двери* и *дверная ручка* (выражение субстанции в виде признака).

Деление словообразовательных типов на область синтаксической и лексической деривации есть основное, принципиальное деление всей системы словообразования. Характер семантики синтаксических дериватов определяет специфику их поведения при словообразовании. Так как их семантика тождественна семантике слов, послуживших для них производящими, сами они могут быть лишь формально производящими, а семантику производное слово заимствует от начального члена словообразовательной цепи¹. Так, наречие *по-дачному* семантически связано с существительным *дача* (‘как на даче’), а формально использует синтаксический дериват — прилагательное *дачный*: *дача* — *дачный* — *по-дачн-ому*; наречие *по-циркового* семантически связано с существительным *цирк* (‘как в цирке’), а формально — с прилагательным *цирковой*: *цирк* — *цирк-овой* — *по-цирков-ому*.

¹ Эта важная закономерность установлена О. П. Ермаковой (см.: *Ермакова О. П.* Расхождение формальной и семантической производности // *Актуальные проблемы русского словообразования*, 2. Ташкент, 1976. С. 19—33).

По разным основаниям словообразовательные типы делятся на ряд групп. В зависимости от того, относится ли производное слово к той же части речи, что и производящее, или переходит в иную часть речи, различают транспозиционные и нетранспозиционные словообразовательные типы ². Вся сфера синтаксической деривации относится к транспозиционным типам, так как сущность синтаксической деривации и состоит в переводе производного в иную часть речи по сравнению с производящим. Поэтому деление на транспозиционные и нетранспозиционные существенно лишь для сферы лексической деривации, так как в ней есть типы и транспозиционные, и нетранспозиционные. К нетранспозиционным принадлежат все типы, относящиеся к префиксальному способу словообразования, а также часть суффиксально-префиксальных и суффиксальных типов.

М. Докулил, кроме транспозиционных, выделяет еще две группы словообразовательных типов — модификационные и мутационные (или немодификационные) ³. Модификационными называются такие типы производные которых обозначают лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производящего слова. К ним относятся типы существительных, прилагательных и наречий с суффиксами субъективной оценки (*чёрный — чёрненький, черноватый; стол — столик, столыще; быстро — быстренько*), типы существительных со значением единичности и собирательности (*горох — горошина; учитель — учительство; пионер — пионерия*), типы существительных со значением 'незрелое существо' (*слон — слонёнок, лиса — лисёнок*), типы глаголов, выражающих количественно-временные модификации действия (*молчать — помолчать, греметь — отгреметь, говорить — заговорить* и т. п.).

¹ Мы не рассматриваем здесь типы, по которым производятся сложные слова, т. е. слова, наделенные синтагматическим деривационным значением.

² Под транспозицией понимается перевод слова из одной части речи в другую.

³ См.: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Т. I. В книге не только описывается словообразовательная система чешского языка, но и рассматриваются основные проблемы общей теории словообразования. Это одна из самых значительных работ по словообразованию в общем и славянском языкознании.

М у т а ц и о н н ы е (от лат. *mutatio* — изменение) словообразовательные типы включают производные, которые обозначают не модификацию значения производящего, а нечто иное: *лес* — *лесник*, *школа* — *школьник*, *комбайн* — *комбайнёр*, *сахар* — *сахарница*, *горб* — *горбун*, *пожар* — *пожарник*, *раздевать* — *раздевалка*, *колоть* — *колун* и т. п. Значения производных немодификационных словообразовательных типов очень разнообразны.

Производные модификационных словообразовательных типов всегда принадлежат той же части речи, что и их производящие: *синий* — *синенький*, *синеватый*; *тигр* — *тигрёнок*; *студент* — *студенчество*.

Мутационные словообразовательные типы могут относиться и к той части речи, что производящее (*чай* — *чай-ник*, *молоко* — *молоч-ник*, *аптека* — *аптек-арь*), и к иной (*писать* — *писатель*, *читать* — *читальня*, *сухой* — *сухарь*, *сушить*).

Фразеологичность семантики производного слова по-разному обнаруживается в производных разных словообразовательных типов. Она свойственна лишь тем производным, которые относятся к мутационным типам. Производным модификационных типов, а также тем транспозиционным, которые являются синтаксическими дериватами, фразеологичность семантики не свойственна. Не следует думать, однако, что класс слов, наделенных фразеологичностью семантики, невелик. Он составляет основную и типическую часть производных слов, ибо производные, относящиеся к сфере синтаксической деривации и к модификационным типам, представляют собой менее значительную сферу словообразования. Подчеркнем, что рассматриваемая особенность касается лексической семантики производных слов. Те семантические добавки, о которых шла речь, не влияют на словообразовательное значение слова. Так, все слова с суффиксом *-тель*, мотивированные глаголами (типа *учитель*, *писатель*, *мечтатель*, *водитель*, *получатель*, *отражатель*), образуют один словообразовательный тип со значением 'производитель действия, названного производящей основой'. Словообразовательное значение слова устанавливается независимо от того, свойственна ли производному слову фразеологичность семантики или нет.

§ 27. ПОНЯТИЕ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В лингвистической литературе часто используют недифференцированно, как синонимы, термины «словообразовательный тип» и «модель». В них обычно вкладывают то содержание, которое мы придаем термину «тип». Термин «модель» целесообразно использовать для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа. Слова одного и того же типа могут производиться с разными морфонологическими особенностями (по разным морфонологическим моделям): 1) с чередованием фонем на границе морфов и без него (ср.: *таганрож-ский* — *танагроз-ский*, *риж-ский*, *лейпциг-ский*); 2) с помощью интерфиксов и без них (ср.: *ленинград-ский* и *орл-(ов)-ский*; *ялт-(ин)-ский*); 3) с усечением основы и без него (ср.: *Манилов* — *манилов-щина* и *прямолинейн(ый)* — *прямолиней-щина*; *самбо* — *самб-ист* и *каноз* — *каноз-ист*); 4) с наложением морфов и без него (ср.: *лиловый* — *лиловатый* и *красный* — *красноватый*).

Таким образом, в одном словообразовательном типе могут объединяться слова, произведенные по разным моделям. Для одних словообразовательных типов такое объединение характерно, другим оно не свойственно.

§ 28. ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

После ознакомления с многообразием словообразовательных типов рассмотрим, какие виды отношений могут быть между производной основой и производящей базой.

Для того, чтобы узнать, какая из двух основ является производной по отношению к другой, следует найти показатели отношений производности. Такими показателями обычно являются бóльшая сложность (формальная и/или — смысловая) производной по отношению к производящей. Бóльшая смысловая сложность производной состоит в том, что она содержит дополнительный семантический компонент по сравнению с производящей, а бóльшая формальная сложность в том, что она включает помимо производящей основы какой-либо формальный показатель, чаще всего — деривационный аффикс (при этом учитываются и нулевые аффиксы).

1. Самый распространенный и хорошо изученный вид отношений производности таков: производная основа и семантически, и формально сложнее производящей, т. е. она по смыслу выводится из производящей, а по форме является более сложной, так как содержит производящую основу + аффикс: *салат* — *салат-ниц(а)* — ‘вместилище для салата’, *получать* — *получа-тель* — ‘лицо, которое получает’, *волк* — *волч-онок* — ‘детеныш волка’.

2. Производная основа по форме сложнее, чем производящая, а по смыслу они имеют равную сложность. Этот вид отношений имеет два подвида:

а) производящее и производное относятся к разным частям речи: *пе(ть)* — *пе-ние* — ‘действие по глаголу *петь*’; *вежлив(ый)* — *вежлив-ость* — ‘отвлеченный признак по прилагательному *вежливый*’;

б) производное и производящее относятся к одной части речи. В таких случаях слово более сложное по форме может отличаться стилистической окраской. Довольно многочисленны случаи, когда слово, более сложное по форме, наделено стилистической окраской сниженности, разговорности, ср.: *стен(а)* — *стен-к(а)*, *книг(а)* — *книж-к(а)*, *свеч(а)* — *свеч-к(а)*, *табурет* — *табурет-к(а)*. Слова с суффиксом *-к-* не отличаются по семантике от слов неизменяемых, они не имеют уменьшительного значения: *Принеси табуретку из кухни; Зажги свечку; Не дашь мне эту книжку на недельку?* Их отличие — стилистическое¹. В немногочисленных случаях в качестве «стилистических морфем» выступают приставки, ср.: *забыть* — *позабыть*, *умереть* — *помереть* (с заменительной префиксацией).

Редки случаи, когда слово, более сложное по форме, отличается стилистической окраской книжности, ср.: *кобыл(а)* и *кобыл-иц(а)* (книжн.). Например, у Пушкина: *Кобылица молодая, / честь кавказского тавра...* Ср. также: *лис(а)* — *лис-ица(а)*.

Этот подвид отношений производности представлен немногочисленными фактами.

3. Производная и производящая основы имеют равную сложность по форме, а по смыслу производная мотивируется производящей и является более сложной:

¹ Ср.: Шелякин М. А. Историко-семантическая структура образований с приставкой *пре-* // *Лингвистический сборник*. Новосибирск, 1963; Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. С. 147.

иллюстр-ирова(ть) — *иллюстр-атор* — ‘лицо, которое иллюстрирует’.

Таким образом, в трех перечисленных случаях производную основу отличает от производящей то, что она является хотя бы в одном отношении (формальном или смысловом) более сложной, чем производящая.

4. Отношения производности могут связывать слова, которые имеют равную формальную и смысловую сложность. Тогда показателем направления производности являются отношения, типические для системы языка. Существует два подвида таких отношений производности:

а) если основы относятся к разным частям речи (*агит-ировать* — *агит-ация*), будем называть производной ту, которая выражает значение, категориально свойственное не той части речи, к которой относится данное слово. Так, категории глагола в системе языка свойственно обозначать действия (процессы), категории прилагательных — признаки, категории существительных — предметность. Именно поэтому, сопоставляя однокоренные глагол и существительное, обозначающие соответственно «действие» — «отвлеченное действие» (если они имеют равную формальную сложность), можно заключить, что производными являются вторые члены каждой пары. Таковы отношения между парами *агит-ирова(ть)* — *агит-ациј(а)*, *трансл-ирова(ть)* — *трансл'-ациј(а)* и т. п.¹;

б) если основы относятся к одной и той же части речи (*комсомол-ец* — *комсомол-ка*, *эстон-ец* — *эстон-ка*), будем называть производной ту, которая имеет деривационное значение, постоянно выражаемое в данном языке с помощью производных основ². Так, в русском языке имена существительные, обозначающие лиц женского пола, как правило, образуются от однокоренных существительных, называющих лиц мужского пола, ср.: *пионер* — *пионер-ка*, *артист* — *артист-ка*, *швед* — *швед-ка*, *узбек* — *узбеч-ка*. В соответствии со всей си-

¹ Если же в парах глагол — существительное (со значением отвлеченного действия), прилагательное — существительное (со значением отвлеченного признака) глагол или прилагательное по форме более сложные, то они являются производными: *ремонт* — *ремонт-ирова(ть)*, *мужество* — *мужеств-ени(ый)*.

² Этот вопрос рассмотрен подробно в статье: Земская Е. А. О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица // Русский язык в национальной школе. 1970. № 5.

стемой русского словообразования и в парах типа *комсомолец* — *комсомол-ка* будем считать слово женского рода производным от соотносительного имени лица мужского рода, а не от существительного *комсомол*, потому что в русском языке именам лиц женского пола не свойственно образование непосредственно от существительных неодушевленных.

5. Если из двух однокоренных основ одна стилистически нейтральна, а другая стилистически окрашена, производной основой является последняя ¹. Этот вид отношений касается только однокоренных слов, тождественных по значению. При этом между ними возможны разные виды формальных отношений:

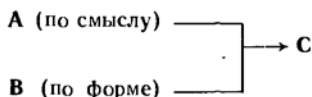
а) производная сложнее по форме, ср. *стена* — *стенка*;

б) обе основы имеют равную формальную сложность, т. е. равное число морфов, ср. существительные полные и усеченные: *преферанс* — *преф*, *трамвай* — *трам*, *магнитофон* — *маг*;

в) производящая основа сложнее (!) по форме. Следовательно, стилистическая окрашенность производного оказывается признаком более сильным (весомым), чем формальная простота основы: *афер-ист* — *афер*, *корабель-щик* — *корабел*.

§ 29. РАСХОЖДЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ФОРМАЛЬНОЙ И СМЫСЛОВОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

Кроме названных выше пяти видов отношений между производной и производящей основами, имеются случаи расхождения отношений формальной и смысловой производности, когда следует говорить об основе, производящей по форме (**В**), и основе, производящей по смыслу (**А**) (шестой вид отношений) ²:

¹ Это явление рассмотрено в кн.: *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. С. 283.

² О разных случаях этого вида отношений производности см. в статье: *Земская Е. А.* Заметки по современному русскому словообразованию // *Вопр. языкознания*. 1965. № 3.

Иными словами, по форме основа **С** равна основе **В**, осложненной каким-либо деривационным аффиксом, а по смыслу она мотивирована не основой **В**, а основой **А**.

Расхождения отношений производности наблюдаются регулярно тогда, когда в качестве формально производящего используется как готовый строительный материал синтаксический дериват (см. 4, 26). В таких случаях семантически производящим является исходный член ряда однокоренных слов (**А**), от которого и образован синтаксический дериват (**В**):

$$A \rightarrow B \rightarrow C$$

Нередко в таких случаях формально производящим является отсубстантивное прилагательное. Например, префиксально-суффиксальные наречия, содержащие приставку *по-* и суффикс *-ому*, формально соотносятся с отсубстантивными именами прилагательными — синтаксическими дериватами, а семантически — с однокоренными существительными. Наречия типа *по-северному*, *по-курортному* произведены формально от основ прилагательных: *северн(ый)* — *по-северн-ому*, *курортн(ый)* — *по-курортн-ому*. Семантически же такие наречия соотносятся с однокоренными именами существительными: *по-северному* — ‘как на севере’, *по-курортному* — ‘как на курорте’. Ср. наречия с суффиксом *-о*, по форме производимые от основ отсубстантивных прилагательных, а семантически соотносимые не с прилагательными, а с однокоренными существительными: *метеорн(ый)* — *метеорн-о* — ‘как метеор’, *крапивн(ый)* — *крапивн-о* — ‘как крапива, подобно крапиве’.

§ 30. ОТНОШЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

Производная основа может находиться в отношении производности не с одной, а с двумя (реже — более) производящими основами. Такие отношения называют отношениями множественной производности.

Множественность производности характерна для словообразования разных частей речи. Например, наречия с приставками *пре-*, *сверх-*, *архи-* (*премилло*, *превесело*; *сверхчисто*, *сверхбыстро*; *архимодно*) могут быть образованы и от префиксальных прилагательных с помощью суффикса *-о* (*премилый* — *премил-о*, *превесёлый* — *превесел-о*, *сверхчистый* — *сверхчист-о*, *архимодный* — *архимодн-о*), и от наречий с помощью при-

ставок (*мило — пре-мило, весело — пре-весело, чисто — сверх-чисто, модно — архи-модно*), прилагательные с приставками предложного происхождения (*до-, пред-, без-* и т. п.) могут производиться и на основе сочетаний существительных с предлогом (*до войны — до-воен-ный, перед праздником — пред-празднич-ный, без классов — бес-класс-ов-ый*) и с помощью приставок от прилагательных; ср.: *военные — до-военные (годы); праздничный — пред-праздничный (день); классовое — бес-классовое (общество)*.

О множественной мотивации допустимо говорить лишь в тех случаях, когда производное в одном и том же значении может быть соотнесено и по форме, и по смыслу с разными производящими. При этом между производным и разными производящими должны быть минимальные отличия. К таким случаям относятся, например, существительные типа *перезащита* (ср.: *защита — перезащита; перезащищать — перезащита*), *перерегистрация* [1) от *регистрация*, 2) от *перерегистрировать*]. Примеры явлений множественной мотивации см. 7, 48.

§ 31. ВИДЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРОИЗВОДНОЙ И ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВАМИ

Словообразовательное значение устанавливается на основании семантического соотношения между производными и производящими. Если поставить вопрос, какие в общем виде семантические отношения возможны между производящей базой и производным словом, обнаружим, что можно различать четыре вида таких отношений¹:

1) отношения транспозиции. Значение производящего переводится из одной части речи в другую; при этом производное получает новое категориально-грамматическое значение, но сохраняет то же лексическое значение: *свежий — свежесть, переписывать — переписывание*;

2) отношения модификации. Значение производного целиком базируется на значении производящего, оно лишь осложнено некоторой семантической добавкой: *мяч — мячик, деревня — деревенька, делать —*

¹ См. об этом в кн.: Пастушков Г. А. Структура слова (единицы структурно-семантического плана). Калинин, 1977. С. 73—74.

доделать, переделать. Этот вид отношений характерен для модификационных типов;

3) отношения эквивалентности. Лексическое значение производного эквивалентно значению производящего слова или словосочетания. Этот вид отношений характерен для таких способов словообразования, как аббревиация (*МГУ — Московский государственный университет, ООН — Организация Объединенных Наций, райком — районный комитет*) и усечение (*заместитель — зам, специалист — спец, магнитофон — маг, заведующий — зав*). Семантически эквивалентные производные, как правило, отличаются от производящих стилистической окраской разговорности (усечения) или книжности (аббревиатуры) (см. подробнее 5, 33).

Отношения эквивалентности обнаруживаем также в способе словообразования, который принято называть у н и в е р б а ц и е й (или семантической конденсацией): словосочетание при помощи суффиксации «свертывается» в слово: *зачётная книжка — зачётка, попутная машина — попутка, «Вечерняя Москва» — Вечёрка, Историческая библиотека — Историчка, манная крупа — манка*. Этот способ, так же как и усечение, действует преимущественно в разговорной речи.

Особый подвид отношений семантической эквивалентности образуют суффиксальные производные, отличающиеся от производящих стилистической окраской: *свечка, стенка, книжка, позабыть, кобылица*. В таких случаях аффикс играет роль лишь стилистического средства;

4) отношения мотивации (в узком смысле слова¹). Значение производного выводится тем или иным образом из значения производящего слова или словосочетания (если речь идет о сложном слове). Этот вид отношений самый распространенный и самый «лексически капризный». Он охватывает мутационные (немодификационные) словообразовательные типы. Значение производного может быть связано со значением производящего по-разному. Ср. такие слова, как *подснежник, горячка* (болезнь), *чернушка* (гриб), *аптекарь, бумажник*.

---

¹ Мы делаем это уточнение, так как все рассмотренные виды отношений могут быть названы отношениями мотивации а широком смысле слова.

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М., 1986.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. T. 1: Teorie odvozování slov. С. 191—219. (Резюме на рус. яз.)

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: К теории части речи // Очерки по лингвистике. М., 1962.

Ермакова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования, 1. Ташкент, 1975. С. 57—63.

Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию // Вопр. языкознания. 1965. № 3.

Русская грамматика. Praha, 1979, § 716—878.

Улуханов И. С. О принципах описания значений словообразовательно мотивированных слов // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. 1970. № 1.

Глава 5

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ¹

Понятие способ словообразования в синхронном и в диахроническом словообразовании имеет разное содержание. В диахроническом словообразовании это понятие служит для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств), каким путем образовано производное слово; в синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова (о понятии «деривационное значение» см. в гл. 4).

Способы словообразования устанавливаются в зависимости от того, какие средства используются для выражения деривационного значения производного слова, поэтому следует различать две основные группы способов словообразования: аффиксальные и неаффиксальные.

В аффиксальных способах словообразования² основным средством выражения деривационного значения производного слова является аффикс (один или в

¹ Способы синхронного словообразования современного русского языка подробно описаны в кн.: *Виноградов В. В.* Русский язык; *Русская грамматика.* М., 1980.

² Иногда эти способы словообразования называют морфологическими. Этот термин не передает точно содержания обозначаемого понятия и приводит к ненужным ассоциациям со словом *морфология*.

сочетании с другими средствами, в первую очередь с парадигмой словоизменения производного слова). Естественно, что при этом учитываются и нулевые аффиксы (значимое отсутствие аффикса) (см. об этом в гл. 1).

В неаффиксальных способах словообразования аффиксы не участвуют. Для выражения деривационного значения производного слова служат иные средства, например порядок следования частей производного слова, усечение производящей основы (или основ), изменение парадигмы словоизменения, при образовании производного слова на базе словосочетания — единое ударение.

В зависимости от того, сколько производящих основ участвует в словообразовании, различают способы образования простых и сложных слов. Если в качестве производящей выступает одна основа, производное является простым словом. Если производящих основ две или более, производное является сложным словом. В составе сложного слова может быть и более двух компонентов. Сложные слова, в которые входит более трех компонентов, крайне редки и относятся к области окказионального словообразования (см. гл. 7).

§ 32. АФФИКСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аффиксальные способы словообразования очень разнообразны, с их помощью создается основной массив производных слов. Эти способы разграничивают исходя из того, какого рода аффиксы (суффиксы, префиксы) принимают участие в выражении деривационного значения. С другой точки зрения, различают смешанные и несмешанные (чистые) аффиксальные способы словообразования. В несмешанных способах в качестве форманта используется одно средство (например, суффикс или префикс). В смешанных способах в состав форманта входят несколько словообразовательных средств (например, суффикс и префикс).

Суффиксальный способ словообразования (суффиксация) — выражение деривационного значения с помощью суффикса и системы флексий производного слова. Как правило, производные одного и того же словообразовательного типа относятся к одному и тому же типу словоизменения. Однако среди суффиксальных существительных есть такие типы, в которых производные в зависимости от каких-то причин имеют разные

парадигмы словоизменения. Выбор парадигмы производного может зависеть от грамматических признаков производящего, например категории одушевленности. Так, отглагольные существительные с суффиксом *-л-*, обозначающие производителя действия, относятся к общему роду, если они обозначают лицо (*объедала, обдирала, зубрила*), а если они обозначают предмет, то к среднему роду (*пугало, кадило*).

Суффиксация действует в словообразовании всех частей речи. Производные могут относиться как к той же части речи, что и производящие, так и к иной.

Существительные: *переплёт — переплёт-чик, учитель — учитель-ница; жёлтый — желт-ок; мечтать — мечта-тель.*

Прилагательные: *мама — мам-ин, асфальт — асфальт-ов-ый, глаз — глаз-аст-ый, разрезать — разрез-н-ой.*

Глаголы: *лентяй — лентяй-нича-ть, белый — бел-е-ть.*

Наречия: *быстрый — быстр-о, светлый — светл-о.*

Сложносуффиксальный способ — выражение деривационного значения производного с помощью словосложения и суффиксации — действует в словообразовании имен существительных: *орденоносец, канатоходец, землепроходец* (не существует ни слов «орденонос», «канатоход» и т. д., ни слов «носец», «ходец» и т. д.).

Префиксальный способ словообразования (префиксация) — выражение деривационного значения производного слова с помощью префиксов — действует в словообразовании всех частей речи, но при префиксации (в отличие от суффиксации) производное всегда относится к той части речи, что и производящее.

Существительные: *город — при-город, радикал — ультра-радикал, атака — контр-атака, удача — сверх-удача, фашист — анти-фашист, красавица — рас-красавица, автор — со-автор.*

Прилагательные: *умный — пре-умный, прочный — сверх-прочный, военный — анти-военный.*

Глаголы: *читать — пере-читать, бежать — вы-бежать, думать — раз-думать, звенеть — за-звенеть.*

Наречия: *быстро — пре-быстро, глупо — сверх-глупо.*

Префиксально-суффиксальный способ — в качестве форманта используются префикс и

суффикс. Оба аффикса участвуют в едином акте словообразования одновременно. Внутри префиксально-суффиксального способа словообразования различаются два подвида:

1) производящим является сочетание существительного с предлогом. Предлог в составе производного преобразуется в приставку¹, наряду с приставкой в состав производного входит суффикс.

Существительные: *без денег — без-денеж-ј(е), за рекой — за-реч-ј(е), под окном — под-окон-ник, на рукаве — на-рукав-ник.*

Прилагательные: *на столе — на-столь-н(ый), при школе — при-школь-н(ый), меж колхозами — меж-колхоз-н(ый);*

2) в качестве производящей используется основа какой-либо части речи, к которой одновременно присоединяются приставка и суффикс. Производное не соотносится с сочетанием с предлогом.

Существительные: *накись — анти-накип-ин, сын — па-сын-ок, курс — со-курс-ник, нос — пере-нос-ица, звезда — со-звезд-иј-е.*

Прилагательные: *размер — со-размер-н(ый), предел — со-предель-н(ый).*

Глаголы: *читать — в-читать-ся, думать — за-думать-ся, бегать — на-бегать-ся, простой — у-прост-и-ть, близкий — при-близ-ить, меньше — у-меньш-ить.*

Наречия: *умный — по-умн-ому, честный — по-честн-ому, благородный — по-благородн-ому; французский — по-французск-и.*

Нулевая суффиксация — выражение деривационного значения производного слова с помощью нулевого суффикса — может выступать в чистом виде и в сочетании с другими словообразовательными средствами. Нулевая суффиксация без применения других средств словообразования представлена только в словообразовании имен существительных. Сюда относятся отглагольные и отадективные существительные со значением отвлеченного действия (*приход, вывоз*), отвлеченного признака (*синь, сушь, гниль*), лица, названного по действию (*обжора, заика*), и некоторые другие.

Нулевая суффиксация рассматривается иногда как бессуффиксный способ словообразования. При таком подходе не дается ответа на вопрос, какое средство является выразителем деривационного

¹ См. об этом: *Виноградов В. В.* Русский язык. С. 97—98, 120—121, 190.

значения. Между тем задача синхронного словообразования — объяснить, с помощью какого средства выражается то или иное деривационное значение. Если мы считаем, что таким средством является нулевой суффикс, мы соотносим данное производное слово с другими производными словами, имеющими синонимичные деривационные значения, и тем самым определяем место анализируемого слова в словообразовательной системе. Если же мы интерпретируем то или иное производное как бессуффиксное, мы не отвечаем на вопрос о том, с помощью какого средства выражается его деривационное значение, соотносится ли оно с другими типами словообразования. Такое толкование имеет меньшую объяснительную силу.

Префиксация в сочетании с нулевой суффиксацией — выражение деривационного значения слова с помощью префикса и нулевого суффикса — обнаруживается в словообразовании существительных (*седой — проседь, синий — просинь*) и прилагательных (*без ноги — безногий, без головы — безголовый*).

Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией — выражение деривационного значения производного слова с помощью словосложения и нулевой суффиксации — действует в словообразовании существительных (например, с общим значением действия — *ледоход, сенокос*, со значением действующего лица — *скалолаз, блюдолиз, зубоскал*) и прилагательных (*светловолокный, белозубый*).

§ 33. НЕАФФИКСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Неаффиксальные способы словообразования используются преимущественно в словообразовании сложных слов. Существует четыре разновидности неаффиксального способа словообразования.

Чистое сложение — производное слово образовано путем соединения одной или нескольких основ какой-либо части речи с самостоятельным словом. Последний компонент — основной в сложении, так как именно он является носителем морфологических показателей. Этот способ действует в словообразовании существительных и прилагательных. Начальный член (или члены) может находиться с основным как в равноправных отношениях — отношениях сочинения (*чёрно-белый, сине-зелёный, диван-кровать, плащ-палатка*), так и в неравноправных — отношениях подчинения (*водонепроницаемый, засухоустойчивый*).

Компоненты, входящие в сложение, могут объединяться:

а) без интерфикса. При производстве имен существительных продуктивны сложения типа *вагон-ресторан*, *плащ-палатка*, *платье-костюм*, *диван-кровать*. Они объединяются отношениями сочинения;

б) посредством интерфикса. Этот вид сложений составляют слова типа *лесостепь*, *морозостойчивый*. Он включает и существительные, и прилагательные. Сложения этого вида могут быть в отношениях равноправных (сочинения) — *серо-жёлтый* и неравноправных (подчинения) — *водонепроницаемый* ('непроницаемый для воды').

Показателями цельнооформленности сложного слова являются закрепленный порядок компонентов, единое ударение (обычно на последней части), а также отсутствие изменяемости (при склонении) у начальных членов сложений, в том числе и тех, которые не имеют соединительной гласной: *Он спал, укрывшись плащ-палаткой*; *Спросите разрешение у генерал-майора*. Последний признак является факультативным для некоторых сложений: *Пообедай в вагоне-ресторане*.

Особый разряд в русском языке составляют единицы типа *телеателье*, *фотоленка*, *киноаппарат*. Первые части таких единиц тяготеют к разряду аналитических прилагательных, следовательно, такие единицы представляют собой явления промежуточные между словосложением и словосочетаниями с аналитическими прилагательными.

С р а щ е н и е. Этот способ действует только при образовании имен прилагательных: *быстрорастворимый*, *впередсмотрящий*, *долгоиграющий*. Сращения отличаются от сложений тем, что они во всех своих формах тождественны по морфемному составу словосочетаниям, на базе которых они образованы. От соответствующих словосочетаний сращения отличаются тем, что имеют единое ударение и закрепленный порядок частей (ср. с вышеприведенными словами: *растворимый быстро, играющий долго*).

Однако обычно производное сращение не является простой суммой значений производящих, а содержит нечто своеобразное — какое-то обобщение значений производящих, иногда некоторый элемент терминологизации значения. Это отражается на сочетаемости сращения с существительными. Так, прилагательное *долгоиграющий* применяется только к пластинкам (можно лишь в шутку сказать о ребенке: «Какой у нас долго-

играющий Петенька!»), *быстрорастворимый* — к сахару и т. п. Этой семантической и сочетаемостной прикреплённостью сращения как целостные слова отличаются от свободных сочетаний слов, послуживших базой для их образования.

Аббревиация — сложение усеченных основ или усеченных и полных основ. Аббревиация действует только в словообразовании имен существительных: *колхоз, СССР, ВЛКСМ, СЭВ, исполком, зарплата*. Производные слова, относящиеся к способу аббревиации, называются *аббревиатурами* (или сложносокращенными словами). По значению аббревиатуры эквивалентны словосочетаниям, путем сокращения которых они образованы: *ГУМ — Государственный универсальный магазин, СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи, ООН — Организация Объединенных Наций, зарплата — заработная плата*. При утрате соотносительности между аббревиатурой и словосочетанием утрачивается ее словообразовательная мотивированность, т. е. происходит опрощение. Так, например, слово *загс* широко известно людям, говорящим по-русски. Это учреждение, где регистрируются браки, рождение, смерть. Однако расшифровка этой аббревиатуры известна немногим (*запись актов гражданского состояния*); ср. также *кожмит — имитация кожи; метизы — металлические изделия*.

В зависимости от того, из каких компонентов складываются аббревиатуры, различают разные виды их¹. Назовем основные из них:

а) *буквенные*, т. е. состоящие из названий начальных букв каждого слова словосочетания: *СССР* (эсэсэсэр), *ВЛКСМ* (вээлкаэсэм), *ПТУ* (пэтэу);

б) *звукосовые*, т. е. состоящие из начальных звуков каждого слова словосочетания (они читаются, как слова): *ГАИ — Государственная автоинспекция, ЦУМ — Центральный универсальный магазин, МИИТ — Московский институт инженеров транспорта*;

в) *слоговые*, т. е. состоящие из начальных частей каждого слова словосочетания: *колхоз — коллективное хозяйство, исполком — исполнительный комитет, профком — профсоюзный комитет*;

г) *состоящие из начальной части первого слова и*

---

¹ Подробное описание аббревиации дано в кн.: *Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.*

целого второго слова: *подлодка* — *подводная лодка*, *детсад* — *детский сад*, *жилотдел* — *жилищный отдел*;

д) состоящие из начальных звуков ряда первых слов и начальной части последнего: *Институт мировой литературы* — *ИМЛИ*;

е) состоящие из начала первого слова словосочетания и конца последнего (этот вид аббревиатур формируется в последнее время): *ра* [*дио* + *стан*] *ция* — *рация*, *VELO* [*сипед* + *авто*] *мобиль* — *веломобиль*, *мо* [*то* + *велоси*] *пед* — *мопед*, *био* [*логия* + *электро*] *ника* — *бионика*, *пара* [*шют* + *аква*] *ланг* — *параланг*. Этот вид словообразования развивается в современном русском языке под влиянием западноевропейских, откуда заимствуются существительные, произведенные указанным способом, для названия новых явлений действительности. Так, слово *мотель* со значением 'гостиница для автомобилистов' появилось в русском языке в конце 50-х годов нашего века из английского *motorist's hotel* — *мотель*¹. Однако появление этой группы слов (небольшой, но постепенно возрастающей) позволяет говорить о рождении в русском языке нового подвида аббревиатурного способа словообразования. Во всяком случае часть таких слов (например, *мопед*, *бионика*) могла быть произведена и на русской почве, и заимствована².

Сложносокращенный способ словообразования получил развитие после Великой Октябрьской социалистической революции, когда возникла необходимость создать много новых названий для явлений советской действительности.

Среди существительных, созданных аббревиатурным способом словообразования, есть такие, которые оказались очень удобными и прочно вошли в русский язык. От них образуются новые слова: *комсомолец*, *комсомольский*; *колхозник*, *колхозный*. Однако в образовании сложносокращенных слов, особенно составленных не из частей слов, а из отдельных звуков или названий букв, необходима умеренность и осторожность. Сами по себе,

¹ См.: Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. С. 160.

² По отношению к некоторым словам приходится с несомненностью говорить только о заимствовании, поскольку одна из их составных частей отсутствует в русском языке. Таково новое слово *ротель* — 'отель на колесах' (из лат. *rota* — 'колесо' и *отель*) (см. о таких словах: Брагина А. А. Отель — мотель — ротель // Вопр. культуры речи. 1965. № 6).

по своей звуковой форме, эти слова непонятны и нередко чужды русскому языку.

В истории аббревиации наблюдается движение от создания единиц, не похожих на обычные слова, к созданию аббревиатур, напоминающих обычное слово. Для современного русского языка характерна тенденция к созданию аббревиатур, близких обычным словам¹. При этом ставятся следующие задачи:

а) аббревиатура должна быть благозвучной, многосонорной, не вызывающей нежелательных ассоциаций: *релин* — *резиновый линолеум*, *бестер* — *гибрид белуги и стерляди*;

б) желательно, чтобы аббревиатура напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии: *ДОМ* — *добровольное объединение молодежи*; *АРФА* — *архитектурный факультет*.

В художественной литературе могут создаваться, с установкой на шутку, каламбур, аббревиатуры, напоминающие слова далекой семантической сферы, например в научно-фантастических романах А. и Б. Стругацких: *НИИЧАВО* — *Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства*.

У с е ч е н и е. В современном языке под влиянием аббревиации создается еще один способ неаффиксального словообразования — усечение производящей основы по аббревиатурному способу, т. е. вне зависимости от границы морфем. Этот способ действует только в словообразовании имен существительных (*заместитель* — *зам*, *заведующий* — *зав*, *магнитофон* — *маг*, *рок-н-ролл* — *рок*, *бадминтон* — *бад*)². Он характерен для разговорной речи. Возможно, что активации этого способа словопроизводства в современном русском языке способствовало влияние современных западноевропейских языков³.

Не а ф ф и к с а л ь н ы е способы образования сложных слов характерны только для имен существительных (чистое сложение и аббревиация) и прилагательных (сращение). Их отличие от аффиксальных спо-

---

¹ См. об этом: *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. С. 97.

² См.: *Земская Е. А.* Понятия производности, оформленности и членности основ // *Развитие словообразования современного русского языка*. М., 1966; *Янко-Триницкая Н. А.* Влияние на словообразовательную систему новой семантически единой группы слов // *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. С. 269—280.

³ См., например: *Берлизон С. Б.* Сокращения в современном английском языке // *Иностранные языки в школе*. 1963. № 3. Ср. в разговорном английском языке: *doc* (*doctor*), *lab* (*laboratory*); в разговорном французском языке: *exam* (*examen*), *Huma* («*Humanité*»), *prof* (*professeur*), *labo* (*laboratoire*), *sympa* (*sympatique*).

собою состоит в том, что производные слова не имеют категориального, классифицирующего значения (носителем которого является аффикс), отличающего их от производящего. Значение производного складывается из объединения значений производящих слов.

§ 34. СУБСТАНТИВАЦИЯ

В словообразовании особое место занимает способ, при котором деривационное значение в производном выражается с помощью специфического преобразования парадигмы словоизменения производящего. Этот способ принято называть конверсией (от лат. *conversio* — обращение).

В русском языке конверсия действует при образовании имен существительных, мотивированных и по форме, и по смыслу прилагательными или причастиями. Данный вид конверсии называется субстантивацией (ср. термин субстантив — имя существительное). При этом парадигма прилагательного или причастия преобразуется: 1) количественно — существительное сохраняет лишь часть «прилагательной» парадигмы (формы одного из трех родов или формы мн. ч.) и 2) качественно — согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного¹: *сладкое, холодное, рыбное, молочное, мясное, третье, первое, второе; слабительное, наружное, внутреннее; бобовые, зонтичные, цитрусовые, парнокопытные; учительская, диспетчерская, профессорская, ординаторская, прорабская; ванная, аппаратная, телевизорная, бильярдная, душевая*. Такие производные называют субстантиватами².

Сущность этого способа состоит в том, что изменение парадигмы словоизменения производящего играет роль словообразовательного средства. Таким образом, этот способ занимает промежуточное место между способами неаффиксальными (при которых аффиксы не иг-

---

¹ Ср.: «Окончания прилагательных, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» (Виноградов В. В. Русский язык. С. 164).

² О субстантивации как способе синхронного словообразования см.: Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // *Русский язык: Грамматические исследования*. М., 1967.

рают роли словообразовательного средства) и аффиксальными (при которых действуют специальные деривационные аффиксы).

* * *

Исследуя способы словообразования, В. В. Виноградов, помимо «нескольких типов морфологического словообразования (т. е. образования новых слов с помощью аффиксов)», выделил ряд иных способов, с помощью которых производятся новые слова¹. Выделение этих способов словообразования было важно для понимания процессов словообразования, для углубления теории словообразования. В. В. Виноградов показал, что словарный состав языка не только расширяется за счет появления новых производных слов, но есть и иные пути появления новых слов. Рассматривая эти способы словообразования, В. В. Виноградов не ставил перед собой задачи разграничивать явления синхронии и диахронии, однако он понимал глубокое своеобразие аффиксальных способов и подчеркивал их принципиальное отличие от неаффиксальных способов словообразования. Он писал: «В сущности... при анализе синтактико-морфологических, синтаксических и лексико-морфологических способов образования слов мы вкладываем в термины «словообразование» несколько иное содержание по сравнению с теми случаями, когда говорим об образовании производных слов посредством сочетания основ и аффиксов, корневых и аффиксальных морфем»².

На современном этапе изучения словообразования представляется принципиально важным разграничивать способы синхронного словообразования и способы словообразования, действующие в диахронии. Исходя из этой задачи, кратко охарактеризуем способы словообразования, выделенные В. В. Виноградовым и относящиеся к историческому словообразованию, т. е. к диахронии:

---

¹ См.: Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 156—158; *его же*. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Там же. С. 207—220.

² *Его же*. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. С. 212.

а) лексико-семантический, состоящий «в переосмыслении прежних слов, в формировании омонимов путем распада одного слова на два»¹: *успевать* — ‘хорошо учиться’; ср. *успеваемость* и *успевать* — форма несовершенного вида к *успеть*. Слова, образованные этим способом, — результат исторического развития. Многие из них в системе современного языка являются непроемными, т. е. не связанными со словами, породившими их когда-то;

б) лексико-синтаксический — «довольно редкая лексикализация словосочетаний» (*умалишённый, сумасшедший* — из *с ума шедший, простофиля*), а с другой стороны, «синтаксическое преобразование глагольных предложений в слова (например, *почти, поцелуй; не-тронь-меня* и т. п.)»². Этот способ так же, как правило, действует в сфере исторического словообразования. Слова, образуемые этим способом, создаются в результате длительного исторического развития и обычно производятся индивидуальным путем, а не каким-либо типизированным образом.

К синхронному словообразованию относится лишь один типизированный вид лексико-синтаксического словообразования — сращение (см. 5, 33);

в) морфолого-синтаксический — возникновение нового слова в результате перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи: *благодаря* — предлог (из формы деепричастия глагола *благодарить*). Морфолого-синтаксический способ объединяет разные явления. К диахроническому словообразованию относятся происходящие в результате длительного исторического развития изменения принадлежности той или иной единицы к определенной части речи, к синхронному — регулярные виды перехода слов какой-либо части речи в иную часть речи. К последним относится субстантивация.

От субстантивации как способа синхронного словообразования следует отличать иные виды перехода слов или словоформ одних частей речи в другие, например переход словоформ различных частей речи в междометия (*батюшки! господи!*), переход причастий в прилагательные.

---

¹ *Виноградов В. В.* Вопросы современного русского словообразования. С. 158.

² *Его же.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. С. 209.

тельные, который принято называть термином «адъективация» (*блестящий ум, начитанный мальчик*)¹, а также употребление словоформ различных частей речи в роли существительных (*Ваше ох меня испугало; Это резко уходит! до сих пор звучало в ушах*). В последнем случае новых имен существительных не образуется: *ох* и *уходите!* не новые имена существительные, а именно употребление междометия и глагола в функции существительного.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования [1951] // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155—165.

Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967.

Глава 6

ВАЛЕНТНОСТЬ МОРФЕМ И ПОНЯТИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

§ 35. ВИДЫ ОГРАНИЧЕНИЙ СОЧЕТАЕМОСТИ МОРФЕМ

Ранее мы рассмотрели проблему отождествления морфем, т. е. вопрос о том, каковы основания объединения различных морфов в одну морфему. Это — парадигматический аспект словообразования. Для того, чтобы уяснить полностью механизм словообразования, важно рассмотреть вопрос о том, какие закономерности регулируют сочетаемость морфем при образовании производного слова, т. е. изучить валентности (сочетаемостные свойства) морфем². Это — синта-

---

¹ В. В. Лопатин убедительно показывает, что адъективация в отличие от субстантивации не является способом синхронного словообразования (см.: Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопр. языкознания. 1965. № 5).

² Термин «валентность» употребляется в синтаксисе для обозначения сочетаемостных свойств слова. В ряде работ для обозначения валентности морфем используют термин «внутренняя валентность» противопоставляя его термину «внешняя валентность» (валентность слова). См., например: Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). М., 1968. Для названия этого раздела словообразования используют также термин «морфотактика» (см.: Ворт Д. С. Морфотактика и морфонемика // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. Т. 1. С. 397—402).

грамматический аспект словообразования. Очевидно, что можно изучать валентность как аффиксальных морфем, так и корневых, т. е. одинаково закономерны вопросы: с какими основами сочетается тот или иной аффикс? С какими аффиксами сочетается та или иная основа?

Изучая валентность морфем, необходимо выявлять их сочетаемостные свойства, определяемые возможностями системы языка. При этом следует отграничивать явления, не допускаемые системой языка, от явлений, возможных в данном языке, но не представленных лексически¹. Так, например, в русском языке названия детенышей животных легко образуются с помощью суффикса *-онок* (*лисёнок, слонёнок, воронёнок* и т. д.). Однако от существительного *какаду* производное с суффиксом *-онок* лексически не представлено. Между тем при необходимости оно может быть образовано с помощью интерфикса *-ч-* или *-н-*: *какадучёнок, какадунёнок*. В то же время образовать название детеныша от основы глагола или прилагательного в принципе невозможно, это противоречит устройству системы языка.

Итак, описывая словообразование, необходимо изучить не только то, что реально существует, но и то, что возможно, хотя лексически не представлено. Такое изучение поможет обнаружить расхождения между потенциальными возможностями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка и узус. Только такое рассмотрение даст полное представление о системе словообразования данного языка.

Валентность морфем разных типов изучена еще мало. Для того, чтобы получить полное представление о сочетаемостных свойствах морфем, следует выявить те ограничения, которые могут препятствовать соединению деривационных морфем с производящей основой. Существует несколько видов таких ограничений. Нередко они действуют комплексно, но для ясности изложения мы рассмотрим действие каждого из них в отдельности.

Семантические ограничения

Семантические ограничения — основной вид ограничений, определяемых системой языка. Семантические ограничения очень разнообразны; они вызы-

¹ См.: Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967; *его же*. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

ваются чаще всего семантической несовместимостью морфем. Поскольку части речи являются самыми общими лексико-грамматическими разрядами слов, самые широкие ограничения такого рода проявляются в сочетаемости аффикса с основами той или иной части речи. Так, суффикс действующего лица *-тель* сочетается лишь с основами глаголов, сочетание его с основами существительных и прилагательных невозможно. Суффикс лица *-чик/-щик* сочетается с основами глаголов и существительных, а суффикс лица *-ец* — с основами глаголов, существительных и прилагательных.

Кроме таких общих ограничений действуют ограничения более специализированные, т. е. тот или иной аффикс может сочетаться не со всеми основами данной части речи, а лишь с основами определенной семантики. Например, суффикс *-ш(а)*, производящий существительные, обозначающие лиц женского пола по профессии (*кондукторша, агрономша*) или жен по мужу (*генеральша, адмиральша*), сочетается лишь с основами существительных — наименований лиц мужского пола по профессии, но не по иному признаку. На семантические ограничения могут накладываться так называемые прагматические ограничения. Так, суффикс прилагательных *-оват(ый)*, обозначающий неполноту признака, сочетается лишь с основами качественных прилагательных, обозначающих нежелательные (плохие) свойства, ср. *глуповатый, староватый*, но отсутствуют: *«умноватый», «молодоватый»*. Человек как бы не хочет уменьшать положительно оцениваемые (хорошие) признаки.

Словообразовательные ограничения

К разряду системных ограничений относятся словообразовательные ограничения — имеется в виду неучастие тех или иных видов производных основ в качестве производящих. Для примера можно назвать имена прилагательные с суффиксами субъективной оценки *-еньк(ий)*, *-охоньк(ий)/-ошеньк(ий)*, *-ущ(ий)*, *-енн(ый)*: *жёлтенький, жёлтохонький/жёлтошенький, большущий, высоченный*. От прилагательных этих типов не образуются производные. Словообразовательный потенциал таких основ исчерпан; они замыкают словообразовательную цепь (о понятии «словообразовательная цепь» см. в гл. 7).

Формальные ограничения

Важный вид системных ограничений представляют собой формальные ограничения. Одни из них разрешаются на уровне морфонологии — происходит взаимоприспособление морфем при их соединении в составе слова. С этой целью используются чередование фонем, усечение производящей основы, интерфиксация (см. об этом в гл. 3). Формальные ограничения, которые не может устранить морфонология, приводят к невозможности соединения морфем. Так, суффикс прилагательных *-н-* не сочетается с существительными типа *парк, воск*, имеющими в исходе группу согласных. В таких случаях используется суффикс *-ов-*, имеющий в начале гласный: *парковый, восковой*.

Другой пример. Суффикс *-ш(а)* сочетается не со всеми основами имен лиц мужского пола, а лишь с теми, которые кончаются на сонорные (*директорша, генеральша*) и *-нт* (*музыкантша*).

Кроме системных имеются ограничения другого рода, идущие не от системы языка, а от ее реализации и нормой и узусом. Таковы стилистические и лексические.

Стилистические ограничения

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем вызываются стилистической несовместимостью морфем и объясняются тем, что словообразовательные морфемы, подобно словам, могут обладать определенной стилистической окраской. Обычно наблюдается тенденция к стилевой однородности сочетающихся морфем; например, аффиксы, имеющие литературно-книжную окраску, тяготеют к соединению с производящими основами слов, наделенных такой же окраской. Нейтральные в стилистическом отношении слова могут сочетаться с морфемами любой окраски и употребляться в любом стилистическом окружении (в этом и состоит их нейтральность).

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем имеют иной характер, чем ограничения семантические, словообразовательные и формальные. Они обнаруживаются как тенденции сочетаемости ~ несочетаемости, а не как строгие, ненарушаемые законы. В определенных условиях эта необычность производных существительных, создаваемая контрастностью сочетающихся

в составе слова единиц, может понадобиться говорящему, желающему использовать выразительные возможности языка.

Рассмотрим действие стилистических ограничительных тенденций.

В тех случаях, когда суффикс имеет сниженную стилистическую окраску, он тяготеет к сочетанию с нейтральными и сниженными основами (просторечными и разговорными) и «не любит» книжных основ. Таковы суффиксы прилагательных *-ущ(ий)* и *-енн(ый)*, обозначающие большую степень проявления признака; ср.: *жирнющий, толстуший, здоровуший* — от *здоровый* (прост. в значении «большой»), *вреднющий, страшнуший; толстенный, здоровенный*. От прилагательных книжного стиля образование производных с этими суффиксами затруднено. Вряд ли возможны прилагательные типа «*культурнуший*», «*активнуший*» и т. д.

Различие между заимствованными и исконными морфемами существенно для диахронического словообразования. Оказывается, однако, что это различие, но только в преобразованном виде, важно и для синхронного изучения языка. Нерусское происхождение морфемы (факт истории языка) может влиять на ее стилистическую окраску, становясь фактором синхронного словообразования (выступает как стилистическое ограничение в сочетаемости морфем). Именно поэтому многие морфемы иноязычного происхождения, приобретая активность в русском языке, сохраняют сочетаемость — преимущественную или исключительную — с книжными заимствованными основами. Так, суффикс *-фикаци j-(a)* существительных, обозначающих 'снабжение тем, что названо производящей основой', проявляет активность на почве русского языка, но функционирует при этом преимущественно в кругу нейтрально-книжных заимствованных основ: *радиофикация, кинофикация, газификация, электрификация*. Возможны образования и от русских основ, лишенных стилистической окраски сниженности: *теплофикация, звукофикация*.

Лексические ограничения

Появлению новообразования того или иного типа могут препятствовать ограничения, идущие со стороны лексик. В качестве причин ограничения выступают в основном такие факторы, как явления омонимии и за-

нятость данного «семантического места» другим словом. Эти причины объясняются несоответствием между возможностями словообразовательной системы и лексическими нормами. Рассмотрим каждую из причин.

1. Появлению производного слова определенного типа может препятствовать наличие в лексической системе языка слова с другим значением, о м о н и м и ч н о г о тому, которое должно было бы быть произведено. По этой причине отсутствуют некоторые соотносительные с именами лиц мужского пола наименования женщин с суффиксом *-к(а)*. Нет пар *пилот* — «пилотка», *штукатур* — «штукатурка», *электрик* — «электричка», так как соответствующие слова на *-к(а)* имеют другие значения: *пилотка* — 'шапка', *штукатурка* — 'материал' и 'действие по глаголу', *электричка* — 'поезд'¹.

2. Образованию производного слова какого-то типа могут препятствовать не только факты омонимии (т. е. занятость слова той же формы для выражения иного значения), но и занятость данного «семантического места» иным словом, например производным словом другого корня. Так, при наличии активного суффикса *-онок* для образования названий детенышей наряду с частотным соотношением типа *слон* — *слонёнок*, *орел* — *орлёнок*, *заяц* — *зайчонок* в русском языке есть соотношения *собака* — *щенок*, *свинья* — *поросёнок*, *курица* — *цыплёнок*, *лошадь* — *жеребёнок*, *овца* — *ягнёнок*. Наличие этих названий детенышей (соотношения такого рода называют супплетивным словообразованием²) препятствует образованию слов с суффиксом *-онок* от перечисленных основ. В таких производных нет необходимости. Они могли бы быть созданы лишь в шутку или с несколько иным значением (например, переносно о ребенке: *Он такой свинёнок!*).

§ 36. ВАЛЕНТНОСТЬ МОРФЕМ И ПРАВИЛА ИХ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Мы рассмотрели факторы, ограничивающие валентность морфем. В тех случаях, когда валентность морфем

¹ См. об этом: Янко-Триницкая Н. А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. С. 201.

² О супплетивном словообразовании (или словообразовательном супплетивизме) см.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

допускает их соединение, вступают в ход правила в з а м о п р и с п о с о б л е н и я морфем, т. е. действует уже валентность морфов (из нескольких морфов одной морфемы выбирается какой-то один, подходящий для сочетания с соседним морфом). Таким образом, при изучении синтагматического аспекта словообразования необходимо четко разграничивать два рода явлений: 1) установление сочетаемостных характеристик (валентности) морфем и 2) установление условий морфонологического приспособления морфов при их сцеплении в слове. (Очевидно, что если валентности морфем не допускают их соединения, не потребуется и их морфонологического приспособления.)

Эти два рода явлений называют терминами «морфотактика» и «морфофонемика»¹.

Например, суффикс *-н-*: 1) сочетается («выбирает») с основами существительных, преимущественно неодушевленных², в том числе с исходом на заднеязычные (*рук-*, *книг-*); 2) при этом в морфах основы происходит чередование *к/ч*, *г/ж*: *руч-н-ой*, *книж-н-ый*;

суффикс *-ск-*: 1) сочетается («выбирает») с основами одушевленных и неодушевленных существительных, в том числе с исходом на заднеязычные (*помещик-*, *чиновник-*); 2) при этом перед суффиксальным морфом вставляется интерфикс *-е-*, а в морфе основы происходит чередование *к/ч*: *помещич-(е)-ск-ий*, *чиновнич-(е)-ск-ий*.

Эти два рода явлений при синхронном порождении слова взаимозависимы. Если не произошло выбора морфем, не может произойти и их взаимоприспособления. До тех пор пока не произошло морфонологического «сцепления» морфов, мы не получим готовой производной основы.

Не следует думать, что, разграничивая эти два рода явлений, мы вводим в синхронию элемент диахронии — последовательность. При порождении слова происходит одновременное соотнесение его с двумя рядами слов (с той же производящей базой и с рядом структурно однотипных слов), которое предполагает вхождение произ-

¹ См.: *Ворт Д. С. Морфотактика и морфофонемика. С. 397—398.*

² Сочетаемость суффикса *-н-* с основами существительных одушевленных ограничена узким кругом основ: *человечный*, *конный*, *рыбный*, *скотный*, *детный* и немногие другие; см. об этом: *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Т. I. С. 344, 350—353.*

водного в два ряда соотношений. Аналогичным образом происходит реализация таких явлений, как валентность морфем и правила их морфонологического приспособления.

Такое описание словообразования, при котором не рассматривается валентность морфем, а сразу дается характеристика структуры производной основы¹, не объясняет механизм создания слова. Так, если утверждается, что суффикс прилагательных *-н-* не выступает после заднеязычных², мы не получаем сведения о валентности морфемы *-н-*, т. е. не узнаем, можно ли в русском языке произвести прилагательные с суффиксом *-н-* от основ на заднеязычные (*книга, снег, песок*). Между тем сведения такого рода наука о словообразовании должна давать. Если при характеристике словообразовательного типа дается описание готовых производных основ, но не указывается, каким производящим они соответствуют, мы получаем обедненное представление о словообразовании, ибо производные, имеющие одинаковое строение, могут по-разному соотноситься с производящими и иметь разное морфонологическое строение. Так, производные прилагательные с суффиксом *-н-*, которому предшествует фонема ⟨ж⟩ в составе производной основы (*чертёж-ный, кож-ный, мятеж-ный, книж-ный, снеж-ный*), неоднородны. Одни из них образованы без чередования на морфемном шве и соотносятся с производящими основами, имеющими *ж* в исходе (*чертёж — чертёжный, мятеж — мятежный, кожа — кожный*), другие образованы с чередованием *г/ж* и соотносятся с производящими основами на *г* (*книг-а — книж-ный, снег — снеж-ный*). Таким образом, одна и та же фонема ⟨ж⟩ в производном слове выступает и как результат чередования *г/ж*, и как фонема ⟨ж⟩, пришедшая в производное из производящего. Не разграничивать факты такого рода — значит давать неполное представление о явлениях словообразования.

Добавим, что описание подобного рода затушевывает разницу и в строении производящих основ, ибо ос-

---

¹ Описание такого рода дано в кн.: *Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970 (гл. «Словообразование»).

² Это утверждение было бы верно лишь как характеристика структуры уже полученного производного слова — конечного этапа словообразовательного акта: *книж-ный, творож-ный, песоч-ный*; но оно не содержит сведения о возможностях сочетаемости суффикса *-н-* с производящими основами, т. е. о валентности этой морфемы.

новы типа *чертёж-*, *кож-*, *мятеж-* содержат в исходе морфонему {ж}, а основы типа *снег-*, *книг-* — морфонему {г — ж}.

Следовательно, в тех случаях, когда описание содержит только характеристику уже готовых производящих основ, страдает собственно словообразовательная характеристика фактов, а получает объяснение лишь строение готовой производной основы¹. Между тем, изучая словообразование, важно знать, какие производящие основы могут быть использованы при создании производного слова, а какие — нет, какие аффиксы сочетаются (или не сочетаются) с основами того или иного строения, какие морфонологические явления при этом происходят.

§ 37. ПОНЯТИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

С понятием валентности морфем тесно связано понятие продуктивности. Продуктивными называют такие единицы, которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых единиц. Если речь идет о продуктивности отдельных элементов языка (например, морфем), то имеют в виду их активность в образовании новых словоформ или слов, способность производить новые формы слова и новые слова.

Рассмотрим, как используется понятие продуктивности в словообразовании. «Понятие продуктивности можно в принципе применять как к целому типу, так и к любой составной части словообразовательной структуры слова»², т. е. можно изучать продуктивность аффиксов, словообразовательных типов, способов словообразования.

Наиболее существенно для словообразования понятие продуктивности словообразовательного типа, потому что словообразовательный тип является той схемой (формулой), по образцу которой в основном и происходит создание новых слов.

Милош Докулил предложил различать два вида продуктивности в словообразовании: эмпирическую и системную. Рассмотрим эти виды продуктивности применительно к понятию «словообразовательный тип».

---

¹ См. критику такого подхода в кн.: Булыгина Т. В. Проблемы теории морфонологических моделей. М., 1977. С. 46—49.

² Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Т. 1. С. 205.

1. Эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова. Чтобы решить, продуктивен или нет какой-либо тип в тот или иной период времени, следует установить, служит ли он в этот период образцом для производства новых слов. Ответ на этот вопрос можно получить только эмпирическим путем, исследуя новообразования определенной эпохи. Таким образом, эмпирическая продуктивность — понятие диакронического словообразования. Она зависит в значительной степени от общественных потребностей в производстве слов определенного типа.

2. Системная продуктивность типа зависит от ограничений разного рода, налагаемых системой языка и регулирующих производство слов данного типа. Ее устанавливают путем выяснения условий, ограничивающих возможность производства слов данного типа. Таким образом, системная продуктивность — понятие синхронного словообразования. Она зависит от внутриязыковых факторов.

Определить, обладает ли какой-либо тип эмпирической продуктивностью, — значит ответить на вопрос, дает ли он новообразования, активен ли он как образец в тот или иной период времени.

Устанавливая эмпирическую продуктивность, различают два полюса: типы непродуктивные, замкнутые (т. е. не дающие новообразований; такие типы можно задавать списком производных слов данного типа) и типы продуктивные, открытые, незамкнутые (т. е. порождающие новообразования). Примером первых может быть тип отглагольных существительных с суффиксом *-с(а)*, обозначающих лицо по действию: *плакать — плакса, хныкать — хныкса*. Примером вторых — отадъективные существительные с суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака (например, *смелость, свежесть, бодрость*), отглагольные существительные с суффиксами *-ни-* и *-к(а)* со значением отвлеченного действия (*чтение, объявление; разноска, прибавка*).

Между типами очень высокой продуктивности (к ним относятся только что перечисленные) и типами полностью непродуктивными много промежуточных случаев, отражающих многообразие фактов языка. Поэтому нередко делаются попытки установить степени продуктивности (шкалы продуктивности). Различают

типы высоко-, средне-, малопродуктивные. Эти попытки часто оказываются субъективными. Помогает уточнить степень эмпирической продуктивности типа указание на то, в каких сферах языка он продуктивен (в научнотехнической терминологии, в разговорной речи, в языке газет и т. п.).

Системная продуктивность типа зависит от собственно языковых причин, т. е. от ограничений, накладываемых системой языка на действие типа. Поэтому любой словообразовательный тип (поскольку он существует) обладает какой-то системной продуктивностью. Сказать, что какой-то тип не обладает системной продуктивностью, — значит утверждать, что никаких возможностей для производства слов у него нет, а есть лишь одни ограничения; следовательно, не существует слов, образованных по этому типу, а сам этот тип — фикция. Чтобы охарактеризовать системную продуктивность типа, требуется установить, каковы структурные, семантические и стилистические ограничения в производстве слов данного типа, как ограничивает его действие соседство синонимических типов, а также наличный состав лексики:

1. Для того, чтобы установить сферу действия определенного типа, следует, определив лексико-грамматический круг производящих основ, проследить, от каких основ данного круга не могут быть произведены слова изучаемого типа и почему¹. Следовательно, важно установить не только возможности образования слов данного типа, но и отсутствие этих возможностей («невозможности»).

2. Другой важный вопрос, который необходимо изучить при установлении системной продуктивности типа: каковы его соотношения с синонимичными типами? Если какое-либо значение выражается лишь одним типом производных слов, новое слово данной семантики всегда создается по этому типу, его строение предопределено. Следовательно, данный тип обладает высокой системной продуктивностью, даже если новообразования данного типа немногочисленны. Если же какое-то значение

---

¹ В качестве примера исследования такого рода можно назвать: Улуханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа) // Развитие словообразования современного русского языка; Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-е-* // *-и-ть* // Там же.

выражается несколькими словообразовательными типами, происходит борьба конкурирующих типов, что ослабляет их системную продуктивность. В таком случае обычно высокой системной продуктивностью обладает один из них, тормозящий активность других.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. T. 1. С. 204—206.
(Резюме на рус. яз.)

Земская Е. А. О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Глава 7

СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ СИНХРОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразование представляет собой особую систему языка. Специфика этой системы определяется ее связями с «соседними» системами — лексикой и морфологией:

а) словообразование как важнейшее средство создания номинативных единиц языка «работает» на лексику и поэтому зависит от нее (о некоторых видах зависимости словообразования от лексики говорилось в гл. 6);

б) словообразование связано с морфологией, так как каждое производное слово создается как слово определенной части речи, характеризуемое определенными грамматическими значениями. Арсенал средств, используемых в словообразовании, подобен арсеналу средств, используемых при создании словоформ. Такие деривационные морфемы, как суффиксы, тесно спаяны с флексиями. Использование многих суффиксов регулируется морфологическими свойствами основ.

Вопрос о границах системы синхронного словообразования учеными решается по-разному. Распространено мнение, что систему синхронного словообразования формируют лишь продуктивные типы¹. Однако между продуктивными и непродуктивными типами не всегда проходит четкая граница. В языке происходит постоян-

---

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. С. 42.

ное взаимодействие между синонимическими типами разной продуктивности; одни типы сдерживают продуктивность других. Поэтому правильнее считать, что системе синхронного словообразования составляет совокупность всех словообразовательных типов в их взаимодействии¹. Кроме того, при образовании новых слов могут получать активность вычленимые из состава слова части, не имеющие статуса морфем (унификсы, радикасоиды). Это обстоятельство заставляет включать в систему словообразования не только производные, но и членимые слова (как периферийную, но важную область).

Система синхронного словообразования — сложная иерархическая организация, в которой обнаруживается противопоставление единиц разной структуры и разной степени сложности.

§ 38. ЕДИНИЦЫ СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Основной единицей системы синхронного словообразования является производное слово, ибо оно представляет собой тот конечный результат, ради которого и происходит акт словообразования. Производное слово занимает центральное место в системе словообразования; оно состоит из простейших (внутрисловных) единиц и входит в единицы более сложные — комплексные (о внутрисловных единицах см. гл. 1—3).

§ 39. КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Комплексные единицы системы словообразования формируются противопоставлениями разного рода: соотношением однокоренных слов и соотношением слов, имеющих разные корни, но одно и то же словообразовательное строение.

Комплексными единицами системы словообразования являются: словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательная категория, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо.

Простейшая из комплексных единиц — словообразовательная пара: соотношение производной

---

¹ См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. С. 12—13.

и производящей основ: *белый* — *белить*, *регулировать* — *регулировщик*, *пионер* — *пионерка*, *чернила* — *чернильница*, *писать* — *переписать*, *красавица* — *раскрасавица*. Словообразовательные пары, между которыми имеются тождественные формальные и семантические отношения, входят в один словообразовательный тип: *сахар* — *сахар-ница*, *селедка* — *селедоч-ница*, *сухарь* — *сухар-ница*. Термином словообразовательный тип называют не совокупность словообразовательных пар, а схему (формулу) построения производных слов (подробнее о словообразовательных типах см. в гл. 4).

§ 40. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Словообразовательная категория (СК) — единица более абстрактная и сложная, чем словообразовательный тип; она формируется совокупностью словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения. Словообразовательная категория выделяется на основании единства деривационного значения, в то время как средства выражения этого значения могут быть различными. В качестве примера словообразовательной категории можно привести категорию имен существительных, обладающих значением 'производитель действия, названного производящей основой', образуемых разными суффиксами от основ глагола. В эту категорию входят существительные с суффиксами *-тель*: *отправи-тель*, *получа-тель*; *-ец*: *бор-ец*, *твор-ец*; *-ун*: *бег-ун*, *крик-ун*; *-щик*: *нормиров-щик*, *сортиров-щик* и т. п.

Словообразование каждой части речи целесообразно описывать исходя из того, какие словообразовательные категории в ней действуют в пределах одного и разных способов словообразования.

§ 41. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЦЕПЬ

Рассмотрим ряд однокоренных слов: *учи(ть)* — *учитель* — *учи-тель-ниц(а)*; *бел(ый)* — *бел-и(ть)* — *побели(ть)* — *побел-к(а)* — *побелоч-н(ый)*; *готов(ый)* — *готов-и(ть)* — *за-готов(ить)* — *заготов-к(а)* — *заготов-щик* — *заготовщиц-к(и)*. Эти ряды производных выстроены так, что каждая предыдущая единица яв-

ляется непосредственно производящей для последующей: глагол *учить* служит производящим для существительного *учитель*; от имени существительного мужского рода *учитель* произведено имя лица женского пола — *учительница*. Совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей, называется словообразовательной цепью (или цепочкой). Эта комплексная единица выявляет ступенчатый характер русского словообразования. Она демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами. Слова в цепи связаны отношениями последовательной производности.

§ 42. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Между однокоренными словами существуют не только отношения последовательной производности, но и отношения совместной производности (кодеривации). Иными словами, такие отношения можно назвать радиальными — от одного производящего образуются пучки производных:

Совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства, называют словообразовательной парадигмой (СП).

Очевидно, что парадигматические отношения в словообразовании выявляются не только в СП. Однако закрепление термина СП именно за данным содержанием целесообразно, так как применение этого термина аналогично применению термина «морфологическая парадигма». Его введение способствует установлению изоморфизма между словообразованием и морфологией. Подобно тому, как словоформы склонения и спряжения образуют морфологические парадигмы, совокупность производных от одного и того же слова образует его словообразовательную парадигму. Понятие СП — новое в теории синхронного словообразования. Возникновение его связано с поисками изоморфизма между строением разных систем языка, стремлением выявить парадигма-

тические отношения между единицами словообразования¹. Подобно морфологическим парадигмам СП имеют постоянный член (производящая база) и переменные члены (деривационные аффиксы). В отличие от морфологических парадигм, которые объединяют словоформы одного слова, СП объединяют разные слова, в том числе слова разных частей речи, и не включают слово, служащее производящим для членов парадигмы.

В русском языке СП бывают разветвленными и могут насчитывать более 10 членов. СП распадаются на блоки, включающие производные одной части речи: с у б с т а н т и в н ы й, г л а г о л ь н ы й, а д ъ е к т и в н ы й, н а р е ч н ы й. В парадигме слов разных частей речи имеются черты сходства и различия. Наибольшее сходство наблюдается в парадигме слов, относящихся к одной части речи и к одной лексико-семантической группе.

Приведем для примера словообразовательные парадигмы двух групп слов, каждая из которых с лексико-грамматической точки зрения представляет собой единство. Для простоты сравнения рассмотрим лишь суффиксальные производные (табл. 12—13).

Сравнение словообразовательных парадигм слов одной семантической группы показывает, что между ними наблюдается большее сходство в наборе определенных деривационных значений, чем в конкретном наборе производных с одним и тем же аффиксом, потому что в словообразовании одно и то же значение (и для русского языка это особенно характерно) нередко имеет разные средства выражения. Таким образом, существует асимметрия между означаемым и означающим: одно и то же деривационное значение может быть выражено с помощью разных аффиксов. Например, значение 'признак в отвлечении от носителя' может быть выражено с помощью суффиксов *-ость* (*фиолетовость*), *-изн(а)* (*белизна*), *-от(а)* (*чернота*), *-ев(а)* (*синева*), *'-ө(синь)*; значение 'самка животного' может быть выражено с помощью суффиксов *-их(а)* и *-иц(а)*; значение 'свойственный, относящийся к ...' — прилагательными с суффиксами *-ов-*, *-ин-*, *-j-* (*слоновий, тигриний, волчий*).

¹ Знаменательно, что это понятие примерно в одно время вводят лингвисты разных стран, вкладывая в него близкое, хотя иногда и несколько разное содержание. См. об этом подробнее: *Земская Е. А.* О парадигматических отношениях в словообразовании // *Русский язык: вопросы его истории и современного состояния* (Виноградовские чтения I—VII). М., 1978.

Конкретная словообразовательная парадигма прилагательных со значением цвета

Словообразовательное значение		Исходные прилагательные			
		<i>красный</i>	<i>синий</i>	<i>белый</i>	<i>жёлтый</i>
степени признака	оценочность	<i>красненький</i>	<i>синенький</i>	<i>беленький</i>	<i>жёлтенький</i>
	слабая степень	<i>красноватый</i>	<i>синеватый</i>	<i>беловатый</i>	<i>желтоватый</i>
	сильная степень	<i>краснущий</i>	<i>синющий</i>	<i>(белющий)</i> ¹	<i>желтущий</i>
название отвлеченного признака		<i>краснота</i> — — —	— <i>синева</i> — <i>синь</i>	— — <i>белизна</i> —	— — <i>желтизна</i> (<i>желть</i>)

название носителя признака	— — — <i>краснуха</i> <i>краснушка</i> — —	<i>синяк</i> — — <i>синюха</i> <i>синюшка</i> — —	<i>беляк</i> <i>белила</i> <i>белок</i> <i>белуха</i> — <i>белянка</i> <i>бельё</i> ³	<i>желтяк</i> — <i>желток</i> <i>желтуха</i> — — —
Становиться каким; обнаруживать признак	<i>краснеть</i>	<i>синеть</i>	<i>белеть</i>	<i>желтеть</i>
Белеть каким	<i>краснеть</i>	<i>синеть</i>	<i>белить</i>	<i>желтить</i>
название признака призна-	<i>красно</i>	<i>сине</i>	<i>бело</i>	(<i>желто</i>)

В скобках помещены потенциальные слова.

Прилагательное *чернила* разошлось по значению с прилагательным *чёрный* (ср.: *синие, зелёные, фиолетовые*, в русском языке не является производным от данного прилагательного).

Прилагательное *бельё* включаем в парадигму как связанное с прилагательным *белый* отношениями периферии.

Конкретная словообразовательная парадигма

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходное		
		<i>волк</i>	<i>слон</i>	<i>ишак</i>
Существительное	Уменьшительность	— — <i>волчок</i> —	— <i>слоник</i> — —	— — <i>ишачок</i> —
	Увеличительность	<i>волчище</i> <i>волчина</i>	<i>слонище</i> <i>слонина</i>	<i>ишачище</i> <i>ишачина</i>
	Оценочность	— <i>волчишка</i> —	— <i>слонишка</i> —	— <i>ишачишка</i> —
	Самка	<i>волчиха</i> <i>волчица</i>	<i>слониха</i> —	<i>ишачиха</i> —
	Детеныш	<i>волчонок</i> <i>волчоныш</i>	<i>слонёнок</i> <i>слонёныш</i>	<i>ишачонок</i> <i>ишачоныш</i>
	Мясо животного	(<i>волчина</i>) <i>волчатина</i>	(<i>слонина</i>) <i>слонятина</i>	— (<i>ишачатина</i>)
	Лицо, связанное с животным ³	— <i>волчатник</i>	— —	— —
	Помещение для животного	— <i>волчатник</i> —	— (<i>слонятник</i>) <i>слоновник</i>	— (<i>ишачатник?</i>) —
Прилагательное	Принадлежащий, свойственный животному	<i>волков</i> <i>волчий</i> <i>волчий</i> —	(<i>слонов</i>) — — <i>слоновый</i>	(<i>ишаков</i>) <i>ишачий</i> <i>ишачиный</i> —
Глагол	Производить на свет	—	—	—
	Вести себя как...	—	—	<i>ишачить</i>

¹ Ср. чередование *н/ш* в других основах на *-н-*: *карман* — *кармашек*,

² В квадратных скобках помещены супплетивные образования, т. е. слова

³ Деривационное значение 'лицо, связанное с животным' может иметь

существительное

<i>собака</i>	<i>баран</i>	<i>корова</i>	<i>обезьяна</i>
<i>собачка</i> — —	— — <i>барашек(н/ш)</i> ¹ <i>баранчик</i>	<i>коровка</i> — — —	<i>обезьянка</i> — — —
<i>собачища</i> <i>собачина</i>	<i>баранище</i> —	<i>коровища</i> (<i>коровина?</i>)	<i>обезьянища</i> —
(<i>собачушка</i>) (<i>собачишка</i>) <i>собачонка</i> <i>собаченция</i>	— (<i>баранишка</i>) — —	<i>коровушка</i> (<i>коровишка</i>) <i>коровенка</i> (<i>коровенция</i>)	(<i>обезьянушка</i>) (<i>обезьянишка ?</i>) — —
ср. <i>кобель/сука</i>	ср. <i>овца</i>	ср. <i>бык</i>	—
{ <i>щенок</i> } ² (<i>собачоныш</i>)	{ <i>ягнёнок</i> } —	{ <i>телёнок</i> } —	— <i>обезьяныш</i>
(<i>собáчина</i>) <i>собачатина</i>	<i>баранина</i>	{ <i>говядина</i> }	(<i>обезьянина</i>)
<i>собачник</i> <i>собачатник</i>	— —	<i>коровник</i> —	— —
<i>собачник</i> <i>собачатник</i> —	{ <i>овчарня</i> } — —	<i>коровник</i> — —	<i>обезьянник</i> — —
<i>собакин</i> <i>собачий</i> — —	<i>баранов</i> <i>бараний</i> — —	<i>коровин</i> <i>коровий</i> — —	(<i>обезьянин</i>) <i>обезьяний</i> — —
{ <i>щениться</i> }	{ <i>ягниться</i> }	{ <i>телиться</i> }	—
<i>собачить(ся)</i>	—	—	<i>обезьянничать</i>

ремень — *ремешок*, *олень* — *олешек*.

другого корня, служащие для выражения данного деривационного значения. семантические подтипы: 'охотник' (на волков), 'любитель' (собак), 'служитель'

Особенно велико разнообразие в выражении модификационных — уменьшительных, увеличительных и оценочных значений.

Развитая асимметрия между деривационными значениями и средстами их выражения резко отличает словообразовательные парадигмы от морфологических. Для морфологии характерно большее единообразие средств выражения того или иного грамматического значения; обычно мы можем предсказать формы косвенных падежей, зная форму именительного падежа, или формы спряжения, зная форму инфинитива и I-го лица глагола. Именно поэтому при обучении языку иностранцев задания типа «просклоняйте (или проспрягайте) такое-то слово» обычны. Иначе обстоит дело в словообразовании. Рассмотрим СП прилагательных со значением цвета; в ней шесть производных, аналогичных по значению и средству его выражения: формы субъективной оценки (степени качества), переходные глаголы на *-ить* и на *-еть*, наречия. Другие члены СП не совпадают полностью. Некоторые производные совпадают у нескольких производящих. Это существительные со значением ‘отвлеченный признак’ (*краснота, чернота; белизна, желтизна*) и ‘носитель признака’ (*желток, белок; синяк, желтяк, беляк, черняк; краснуха, синюха, желтуха, белуха*; о различии лексических значений этих существительных см. 7, 44).

Таким образом, в СП разных прилагательных со значением цвета представлен о д и н а к о в ы й набор деривационных значений, которые имеют не совпадающие средства выражения. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к СП названий животных. В этих парадигмах особенно ярко обнаруживаются связи между словообразованием и лексикой. Так, некоторые из значений, свойственные данной группе слов, у отдельных слов могут быть не выражены, потому что они имеют в языке другое лексическое средство выражения. Например, в парадигме слов *собака, корова, баран* нет названий детеныша и самки — мешает супплетивное словообразование (в языке имеются слова других корней — *щенок, ягнёнок, телёнок, овца* и противопоставленные по полу наименования: *сука — кобель, корова — бык*). От слова *корова* нет названия мяса «*коровина*», хотя мясо коровы широко употребляется в пищу, так как имеется существительное другого корня — *говядина*.

Чтобы абстрагироваться от «капризов» лексики и узуса, от многообразия средств выражения одного и того же словообразовательного значения, введем понятие «типовой словообразовательной парадигмы»¹. Типовую парадигму получаем, отвлекаясь от конкретных способов выражения тех или иных деривационных значений.

Типовую парадигму формируют конкретные парадигмы, в которых представлен один и тот же набор деривационных значений. Перечислим для примера семантические места, которые содержит типовая парадигма существительных — названий животных. Существительные — уменьшительные, увеличительные и оценочные; наименования самки и детеныша; наименования мяса животного; наименования помещения для животного (*коровник, попугайник*); такие слова могут создаваться с интерфиксами *-ов-* (*слоновник* — по аналогии с *коровник*) и *-ат-* (*тигрятник, слонятник* — по аналогии с *телятник*); наименования лица, связанного с животным; здесь выделяются три семантические подтипа: а) 'любитель того, что называет производящее' — *собачник, кошатник, голубятник* (с интерфиксом *-ат-*), ср. производные от иных семантических групп существительных: *грибник, бабник*; б) 'тот, кто ухаживает за животным' — *коровник, телятник*; в) 'тот, кто охотится на животное' — *волчатник, медвежатник*. Прилагательные высокопродуктивны и имеют такие значения: 'принадлежащий животному', 'свойственный ряду животных'. Глаголы непродуктивны и немногочисленны и выражают два вида значений: а) от слов, имеющих метафорическое значение, относимое к человеку, образуются глаголы со значением 'вести себя подобно тому, кто назван производящим словом': *собачиться, ишачить, попугайничать, обезьянничать, петушиться*; б) 'производить на свет' — эти глаголы создаются только от супплетивных названий детенышей: *жеребиться, тельиться, ягниться, щениться*.

Рассмотрение типовых СП показывает, что это структуры с закрытым числом членов. От слов каждой

¹ Это понятие под названием «словообразовательно-семантическая парадигма» предложено Р. С. Манучаряном (см.: *Манучарян Р. С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков)* // *Вопросы семантики: Тезисы докладов*. М., 1971. С. 121).

лексико-семантической группы могут быть образованы производные лишь определенных деривационных значений. Для наглядности представим типовые парадигмы тех же лексико-семантических групп (табл. 14—15).

Системный характер СП проявляется не только в том, что они представляют собой структуры с закрытым числом членов, но и в том, что между отдельными членами имеются отношения взаимозависимости. Так, например, если в парадигме есть уменьшительные произ-

Таблица 14
Типовая словообразовательная парадигма прилагательных, обозначающих цвет

Сфера деривации (по Курриловичу)	Характеристика словообразовательного типа	Характер производных	Часть речи производного	Словообразовательное значение		Характеристика лексической семантики производного
Лексическая деривация	Модификационные	Нетранспозиционные	Прилагательное	Степени признака	уменьшительность	Лишенные фразеологической семантики
					увеличительность	
Синтаксическая деривация		Транспозиционные	Глагол	признак признака	делать каким становиться каким обнаруживать признак	
					название отвлеченного признака (nomina abstracta)	
Лексическая деривация	Мутационные		Существительное	название носителя признака (nomina concreta)	наделенные фразеологической семантикой	

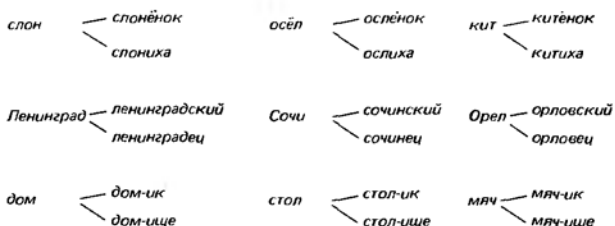
Типовая словообразовательная парадигма
существительных — названий животных

Сфера деривации (по Куриловичу)	Характеристика словообразовательного типа	Характер производных	Часть речи производного	Словообразовательное значение
Лексическая деривация	Модификационные	Нетранспозиционные	Существительное	уменьшительность увеличительность оценочность название самки название детеныша
	Мутационные			название мяса животного название помещения для животного название лица, связанного с животным: 1. 'любитель'; 2. 'служитель'; 3. 'охотник'
Синтаксическая деривация		Транспозиционные	Прилагательное	принадлежащий животному свойственный животному
Лексическая деривация	Мутационные		Глагол	вести себя подобно тому, кто назван животным производить на свет детеныша

водные, в ней должны быть и увеличительные; если в ней есть название лица мужского пола, то можно ожидать и название лица женского пола; если есть название самки, должно быть и название детеныша. Члены СП образуют оппозиции разного рода, например противопоставленность по степени признака (градуальная оппозиция): уменьшительность ~ увеличительность (сто-

лик/столице, головка/головица); слабая ~ сильная степень проявления признака (*черноватый/чернуций, холодноватый/холоднющий*); чрезмерность реализации действия ~ недоведение действия до нужного предела (*пересолить/недосолить, переварить/недоварить*). Иные виды противопоставлений могут рассматриваться как оппозиции эквиолентные (каждый член оппозиции содержит специфический признак, отличающийся от признака, свойственного другому члену как противоположный, антонимичный): глаголы со значением начала ~ конца действия (*загреть/отгреть, зацвести/отцвести*), направления действия внутрь ~ наружу (*войти/выйти, влететь/вылететь*), и т. п.

В структуре типовых СП следует различать максимальный набор семантических мест, допускаемых системой языка в качестве производных от слов данной лексико-семантической группы, и регулярно реализуемый набор производных. Совокупность производных, связанных с производящим регулярной связью, предложено называть микроструктурами. Например:

Члены парадигмы являются по отношению друг к другу кодериватами.

Сравнение типовых и конкретных СП показывает, какие закономерности регулируют соединение основ и аффиксов при образовании производных. Как мы видели, размерно-оценочные существительные легко образуются от названий животных. При этом базовые слова разного грамматического рода сочетаются с разными суффиксами. Так, суффиксы *-к(а)*, *-енциj(а)* и *-онк(а)* сочетаются только со словами женского рода: *собачка, коровка; собаченция, коровёнка, собачонка*. Слова *коровенция* нет в узусе, но оно может быть образовано, так как сцепление данного суффикса с основой женского рода не противоречит системным связям этих единиц.

Однако с основами мужского рода эти суффиксы соединиться не могут, так как они спаяны с системой флексий женского рода. Слова типа «*волчка*», «*ишачка*» ('маленький ишак'), «*бараненция*» не могут быть образованы. Основы мужского рода обслуживаются уменьшительными суффиксами *-ик* (*слоник*) и *-ок/ #к* (выступает после основ на заднеязычные: *ишачок*, *волчок*), спаянными с системой флексий мужского рода. Таким образом, распределением конкретных средств выражения единого деривационного значения уменьшительности распоряжается морфология.

Ограничения другого рода идут от лексики. Как мы видели, отсутствие производных со значением детеныша и самки от слов *корова*, *собака*, *баран* объясняется тем, что это семантическое место занято словами других корней (супплетивные образования). Таким образом, лексика и морфология, как ближайшие соседи словообразования, обнаруживают свое влияние в фактах реализации ~ нереализации тех или иных единиц.

На реализацию словообразовательных потенций оказывают влияние также фонетика и синтаксис. Фонетические особенности слова, например характер находящихся в исходе основы звуков, а также место ударения определяют сочетаемость основ и аффиксов (см. об этом в гл. 6). Воздействие синтаксиса можно видеть в том, что процессу универбации подвергаются не все типы словосочетаний, а лишь некоторые; на характер фразеологических наращений в семантике слова влияет его синтаксическая сочетаемость (см. 7, 44).

§ 43. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА

Если сцеплению аффикса и основы мешают узуальные ограничения, они могут быть преодолены. При наличии общественного или индивидуального заказа на слово создается производное слово, реализующее словообразовательный потенциал производящего. Время появления подобных слов установить невозможно. Они живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появляться, если в них нет нужды.

Потенциальные слова заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм и образуются по продуктивным словообразовательным типам.

Таким образом, СП имеют прогнозирующую силу. Так, если мы знаем, что в типовую СП входят слова с тем или иным деривационным значением, мы можем ожидать их появления от любого слова той или иной лексико-семантической группы. Например, конкретные парадигмы названий животных постоянно пополняются членами, реализующими все те деривационные значения, которые содержит типовая СП. Названия детенышей активно создаются от любых, даже самых редких, названий животных: *кабаржонок*, *кускусенок*, *мамонтёнок* и т. п. Слова со значением 'мясо животного' потенциально образуются от любого названия животного: *китятина*, *слонятина*, *гнуцатина* (от имени антилопы *гну*) и т. п.

Не все слова, заполняющие пустые клетки словообразовательной парадигмы, являются потенциальными и лишёнными фразеологической семантики. Это относится к словообразовательным типам: 1) не обладающим высокой продуктивностью и/или 2) в качестве форманта которых выступают многозначные аффиксы. Так, например, встретив вне контекста слова *журавлятник*, *попугайник*, *бегемотник*, мы могли бы понять их только в рамках тех значений, которые предсказывает типовая СП (1) помещение; 2) лицо — а) 'служитель', б) 'любитель', в) 'охотник'), но что именно означают эти существительные, мы не могли бы сказать. Приведем примеры употребления таких слов в текстах, когда их значение проясняется окружением: *попугайник*, *бегемотник* — 'помещение' (*Выстроен новый попугайник*; *В бегемотнике тепло и чисто*); *журавлятник* — 'служитель' (*Прибавились хлопоты пастухам-журавлятникам*).

Когда говорящий произносит потенциальное слово, он не повторяет ранее слышанное знакомое слово, а создает новое по известному ему образцу. По существу, это чистая реализация возможностей словообразовательного типа. Примером таких высокопродуктивных типов, по которым создаются потенциальные слова, могут быть префиксальные существительные (с приставками *анти-*, *сверх-*, *не-*), прилагательные (с приставками *архи-*, *анти-*, *сверх-*), глаголы (с приставками *за-*, *от-*, *до-*, *пере-* в некоторых значениях), существительные с суффиксами *-тель*, *-ни(е)*, *-ость*, *-ищ(е)* с увеличительным значением, прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-ов-*, *-н-*.

**§ 44. СЕМАНТИКА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ И УЗУАЛЬНЫХ СЛОВ.
ЕЩЕ РАЗ О ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ
ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА**

Потенциальные слова отличаются от узуальных характером своего значения. Значение потенциальных слов целиком складывается из значения составляющих их частей, в нем нет ничего добавочного, индивидуального, а значение производных узуальных слов, хотя и складывается из значения составляющих его морфем, нередко может иметь нечто добавочное, индивидуальное, что нельзя узнать из модели, а необходимо знать заранее. Как уже говорилось, это свойство называют фразеологичностью семантики слова. В приведенных СП (см. табл. 12—15) ярко видно различие между разными разрядами производных в отношении к фразеологичности семантики. Напомним, что не все узуальные слова характеризуются фразеологичностью семантики. Модификационные производные, имеющие размерно-оценочные значения, значения 'детеныш', 'самка', а также синтаксические дериваты — существительные со значением отвлеченного признака лишены фразеологичности семантики.

Фразеологичность семантики по-разному обнаруживается у слов разных частей речи и разных семантических разрядов. Глагол и прилагательное в целом менее фразеологичны, чем существительное. Имена лиц менее фразеологичны, чем названия предметов. Наиболее ярко фразеологичность семантики обнаруживается у предметных существительных с конкретным значением. Так, существительные, имеющие деривационное значение 'носитель признака', содержат самые разнообразные фразеологические наращения, что определяет различие их лексических значений: *желтуха*, *краснуха* — названия болезней; *белуха* — морское млекопитающее белого цвета; *беляк* — 1) заяц, 2) белогвардеец; *синяк* — кровоподтек синего цвета; *желтяк* — желтый огурец; *черняк* — черный шар на выборах, отрицательный бюллетень на выборах.

Яркость внутренней формы таких слов, прозрачность строения позволяет использовать их для называния самих разных предметов и явлений¹.

---

¹ Интересные наблюдения над значением конкретных существительных с фразеологической семантикой содержатся в статье: *Ерма-*

Явление фразеологичности семантики не следует смешивать с явлением лексикализации, которое происходит, когда слово подвергается опрощению, как, например, в существительных *копыто* (нет связи с глаголом *копать*), *лапоть* (нет связи с существительным *лапа*). Подчеркнем, что слова, характеризующиеся фразеологичностью семантики, являются производными; в них четко выделяются морфемный состав и словообразовательное значение.

Среди фразеологических наращений имеются наращивания регулярные, повторяющиеся у целого разряда слов, и наращивания индивидуальные. Например, у слов со значением 'производитель действия' повторяющимся наращением бывает 'по профессии': *учитель, писатель, водитель, копировщик, формовщик* и т. п. Ср. слова с тем же деривационным значением, лишенные этого наращивания: *мечтатель, любитель, заявитель, отправитель, получатель* (на почте), *читатель, жилец, беглец, творец*. Примером слов, содержащих нерегулярные смысловые наращивания, могут быть слова: *украшательство* — 'украшение дурного вкуса и с преувеличением'; *укрывательство* — 'умышленное сокрытие дурного'; *описательство* — 'бездумное описание'.

Фразеологичность семантики производного слова объясняется не только спецификой лексических значений тех или иных производных слов, но и общими особенностями системы языка, а именно наличием полисемантических слов и аффиксов.

Кратко охарактеризуем два типических вида фразеологичности семантики производного слова, связанные с указанной особенностью языка.

1. Значение производного базируется на одном из значений многозначного производящего, но установить, на каком именно, зная лишь состав производного, невозможно.

Сравним существительные 1) *испытатель*, 2) *водитель*, 3) *проигрыватель* и производящие глаголы. Эти существительные обозначают: 1) 'лицо, которое испытывает аппараты или материал'; 2) 'лицо, которое водит разные виды транспорта (трамвай, троллейбус, автобус и т. п.)'; 3) 'механизм, который служит для проигрывания пластинок'. Как видно из толкований, данные существительные соотносятся лишь с одним из значений производящих глаголов, ибо *испытатель* это не тот, кто испытывает жажду, терпение, чувство страха

кова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур.

и т. п.; *водитель* не тот, кто водит карандашом по бумаге, а *проигрыватель* вовсе не тот, кто проигрывает в карты, шахматы или в спортивных соревнованиях. Существительное базируется на одном, определенном значении глагола и не связано с другими.

2. Состав производного не указывает, какое именно значение полисемантического аффикса использовано в нем. Примером может служить приведенное слово *проигрыватель*. Оно обозначает инструмент (механизм), а не лицо, как мы могли бы предположить, встретив слово такого состава. Таким образом, источник фразеологичности здесь не только многозначность основы, но и семантика суффикса *-тель*. Существительные с суффиксом *-тель*, имея общее значение 'производитель действия', могут обозначать в русском языке: 'лицо — производитель действия' и 'предмет — производитель действия'. Последнее значение может быть конкретизировано так: 'инструмент' (*выключатель, распылитель, опрыскиватель*), 'вещество' (*краситель, заменитель*), 'место' (*распределитель, вырезатель*). Реализация того или иного из этих значений непредсказуема, она не может быть выведена из состава слова. Мы не можем догадаться, если не знаем этого, что *краситель* — красящее вещество, а не рабочий, производящий окраску, *опрыскиватель* — механизм, а не название специальности, а *вырезатель* — место-учреждение, а не какой-либо медицинский препарат, способствующий вырезвлению. Таким образом, многозначность аффиксов, проявляющаяся в соединении с одним и тем же типом основ, определяет один из широко распространенных видов фразеологичности семантики производного слова.

§ 45. ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ?

Рассмотрим этот вопрос, сравнивая типовые СП имени и глагола. Выше были приведены конкретные и типовые парадигмы прилагательных и существительных (см. табл. 12—15), рассмотрим (для сравнения) типовую СП глагола (табл. 16), в которой представлены самые общие деривационные значения отглагольных производных.

Из сравнения типовых СП слов разных частей речи видно, сколь разными закономерностями регулируется словообразовательный потенциал разных частей речи.

Типовая словообразовательная парадигма глагола

Сфера деривации (по Куриловичу)	Характеристика словообразовательного типа	Характер производных	Часть речи производного	Словообразовательное значение
Лексическая деривация	Модификационные	Нетранспозиционные	Глагол	Пространственные модификации действия Временные модификации действия Модификация действия по степени интенсивности
Лексическая и синтаксическая деривация			Прилагательное	Активный процессуальный признак Пассивный процессуальный признак
Синтаксическая деривация		Транспозиционные	Наречие	Процессуальный признак признака
				Имя отвлеченного действия (nomen actionis)
Лексическая деривация	Мутационные		Существительное	Имя деятеля (nomen agentis) Имя пассивного лица (nomen patientis) Имя объекта Имя инструмента (nomen instrumenti) Имя расходуемого продукта Имя места действия (nomen loci)

Словообразовательный потенциал всех частей речи определяется семантикой производящего, составом его семантических компонентов, но у глагола он в сильной степени зависит и от синтаксических связей глагола (его сочетаемости). Глагол называет целую ситуацию, участники которой могут быть обозначены отдельными словами, в том числе производными. Поэтому в сфере отглагольного словопроизводства можно отметить такую закономерность: производные создаются как реализация валентностей производящего глагола. Например, глагол *учить* имеет такие валентности: кто ('производитель действия' — *учитель*), кого ('объект действия' — *ученик*), где ('место действия' — *училище*). При этом не каждая валентность глагола находит реализацию в производном слове (так, нет производного, реализующего валентность содержания: *учить чему*), но нет отглагольных производных, которые имели бы семантику отсутствующей у глагола валентности¹. Поэтому, например, непереходные глаголы не имеют производных со значением объекта действия, а безличные глаголы — производных со значением производителя действия, т. е. не может быть обозначения результата от глаголов *спать, сидеть, стоять* и под., обозначения производителя действия от глаголов *смеркаться, вечереть, светать* и под.

Приведем еще некоторые примеры отглагольных производных; со значением инструмента действия — чем (*косить* — *косилка, молотить* — *молотилка*), места действия — где (*спать* — *спальня, читать* — *читальня, красить* — *красильня, раздеваться* — *раздевалка*), остатка, отхода от действия — что (*рубят* — *о-руб-ок, пилить* — *о-пил-к-и, грызть* — *о-грыз-ок*).

В области отыменного производства наблюдается иная картина. У имен существительных и прилагательных нет таких разветвленных синтаксических свойств, которые могли бы лечь в основу создания на их базе производных. От имен существительных, особенно конкретной семантики, создаются производные,

---

¹ Эта закономерность отмечена рядом ученых; см.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка; Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис; Buzássyová K. Sémantická štruktúra slovenských deverbátív. Bratislava, 1974; Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм природных деструктивных глаголов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.

основанные на тех или иных семантических компонентах производящего, таких, например, как: одушевленность ~ неодушевленность, конкретность ~ абстрактность, размерность, вещественность.

Однако и в сфере отыменного словообразования создание производных может опираться на типические лексико-синтаксические связи производящего. Так, для слова *пожар* характерна связь с предикатом *тушить*, отсюда: *пожарник* — 'кто (тушит) пожар'. Аналогично: *барабанищик* — 'кто (бьет) в барабан', *пианист* — 'кто (играет) на пианино'; *грибник* — 'кто (любит собирать) грибы' и т. п. Таким образом, словообразовательное значение производных может быть реализацией валентностей глагола-предиката, типичного для данного имени: *аптекарь* — 'кто (работает) в аптеке' (субъект назван по месту действия), *чайник* — 'сосуд, где (кипятят или заваривают) чай'. Итак, в основу семантики производных ложатся лексико-синтаксические связи имени.

На словообразовательный потенциал слов разных частей речи оказывают влияние также следующие факторы: употребительность, стилистическая окраска, широта сочетаемости, связь семантики слова с жизнью человека (прагматика). Можно отметить, что словообразовательный потенциал шире:

1) у слов высокоупотребительных, чем у слов малоупотребительных;

2) у слов нейтральных, чем у слов стилистически окрашенных;

3) у слов, обладающих широкой сочетаемостью, чем у слов, обладающих ограниченной сочетаемостью;

4) у слов, относящихся к целенаправленной деятельности человека, к сферам, важным для жизни человека, чем у слов, называющих явления иного рода.

§ 46. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА И ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ

Между особенностями реализации словообразовательного потенциала слова (имени или глагола) и тем, какие семантические приращения характеризуют его семантику, имеются определенные связи. Для отставивных производных характерно следующее. Глагол — предикат словосочетания, который типичен для имени, не находит прямого отражения в составе слова и служит базой для семантики фразеологических

наращений. Так, если состав слова *пожарник* показывает, что это 'имя лица, связанного каким-то образом с пожаром', то знание типических связей этого имени (пожар прежде всего следует тушить) подсказывает, что существительное *пожарник* именует человека, тушащего пожары, но не устраивающего их¹. У отглагольных производных источники семантической фразеологичности иные. Они обычно основываются на именном члене, «спрятанном» в базовом словосочетании и не вошедшем в состав производного. Возьмем ряд отглагольных существительных со значением действующего лица: *наборщик* — 'кто набирает (шрифт в типографии)', *водитель* — 'кто водит (общественный транспорт)', *регулировщик* — 'кто регулирует (уличное движение)' и т. п.

Таким образом, различие в способах реализации словообразовательного потенциала имени и глагола определяет и различие в том, какой характер имеют фразеологические наращенные отглагольных и отыменных производных. Эти важные и интересные различия были открыты и описаны в работах О. П. Ермаковой.

§ 47. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА

За пределами словообразовательных парадигм находятся слова, которые производятся с нарушением словообразовательных закономерностей, действующих в языке. Такие слова называют *о к к а з и о н а л ь н ы м и*. Термином «окказиональный» принято называть факты, не соответствующие общепринятым языковым нормам.

Окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются (обычно сознательно, в целях экспрессивности) законы построения соответствующих общеязыковых единиц, нормы языка². Окказиональные

¹ О том, можно ли предсказать семантику производного слова, зная состав его морфем, см.: Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании // Вопр. языкознания. 1975. № 6.

² Об окказиональном словообразовании см.: Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи // *Стилистические исследования* (на материале современного русского языка). М., 1972; Калниязов М. У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования // *Актуальные проблемы русского словообразования*, 1. С. 285—291; Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Там же. С. 413—418; Лыков А. Г. Современная русская лексикология. М., 1976.

факты — это факты речи, а не факты языка. Окказиональные слова противостоят словам узуальным. Окказиональные слова отличаются от новообразований языка (неологизмов) тем, что сохраняют свою новизну, свежесть независимо от реального времени их создания. Окказионализмы Державина, Пушкина и других писателей прошлого дышат новизной и сейчас, хотя им более ста лет, а молодые слова *колхоз*, *ООН*, *БАМ*, *ракетодром*, *телевидение*, *капрон* сейчас уже не воспринимаются как неологизмы.

Окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям. Поэтому окказионализмы разного рода иногда называют индивидуальными (или авторскими), подчеркивая их необщепринятость и отнесенность к известному создателю. При этом окказиональное (или индивидуальное) противопоставляют общенародному, языковому. Однако отличительной особенностью окказионализмов является не их связь с определенным творцом (индивидуальный характер), а то, что при их образовании произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц. Окказиональные слова — антиподы слов потенциальных, так как последние создаются по законам словообразования. Нет принципиальных отличий между окказионализмами авторскими (писательскими) и окказионализмами, не претендующими на авторство, — детскими или разговорными, ибо в этих трех сферах преимущественно и создаются окказионализмы.

Существует несколько видов окказионализмов. С точки зрения того, как именно нарушаются при окказиональном словообразовании законы действия словообразовательного типа, можно различать два вида окказионализмов: 1) произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов; 2) произведенные по образцу типов непродуктивных и малопродуктивных в ту или иную эпоху, т. е. с нарушением законов эмпирической продуктивности.

В окказионализмах первого вида нарушаются условия образования производных слов того или иного типа безразлично к тому, обладает ли данный тип эмпирической продуктивностью или нет.

В окказионализмах второго вида нарушается общая пассивность, бездеятельность типа в ту или иную эпоху,

но условия образования производных слов этого типа не затрагиваются.

Образцом для производства окказионализмов может быть не только непродуктивный словообразовательный тип, но и отдельное непроизводное, но членимое слово. В таком случае говорят о словообразовании по конкретному образцу (термин Н. А. Янко-Триницкой). Это третий вид окказионализмов. Этот вид окказионального словообразования объясняется тем, что непроизводные, но членимые (см. гл. 2) слова являются определенными структурами, которые могут действовать как образец.

Окказиональное словообразование названных видов (как и любое словообразование) совершается под воздействием аналогии. Аналогия при этом действует и как фактор регулярности, единообразия (так как окказионализм берет за образец обычное слово), и как фактор нарушения регулярности (так как окказионализм, беря за образец обычное слово, чем-то не похож на него, отличается от него)¹. Именно поэтому окказиональные слова непредсказуемы. Их появление в языке нельзя предвидеть. Этим они отличаются от слов, производимых по правилам продуктивности, появление которых можно предугадать. Рассмотрим несколько примеров окказионализмов разных видов.

Активно образуются окказионализмы, в которых используются производящие основы иной семантической группы, чем это диктуют правила действия словообразовательного типа. Например, поэт Вл. Бахнов называет иронический цикл стихов, посвященных лопухам, «*Лопухиада*». Имена существительные с суффиксом *-иад(а)*, обозначающие совокупность чего-либо (это значение сохраняется в окказионализме), образуются от основ иной семантики: от географических названий и имен собственных. Ср. ряд таких названий: «*Россиада*» — поэма Хераскова, «*Сибириада*» — название кинофильма.

Существительные с приставкой *пра-*, обозначающей первоначальность, изначальность чего-либо, производят имена существительные, обозначающие разного рода научно-исторические понятия: *прародина*, *праязык*, *праславяне*. Употребление слова *пра-телефоны*,

---

¹ О сложности действия фактора аналогии в словообразовании см.: Шмелев Д. Н. Об одном случае активной аналогии в современном языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.

нарушающего сочетаемость приставки *пра-*, в стихотворении Р. Рождественского «Ретро» создает яркий образ древнего предмета:

Что за изгнбы моды?
Время
                  сошло с ума:
бабушкины комоды
в блочные
лезут
дома!
Вещи
нездешней формы
люстры,
шкатулки,
бра.
Медные
                  пра-телефоны,
чайники
                  тоже «пра».

Примером окказионализма, образованного по конкретному образцу, может быть наречие *вполноги*, созданное по образцу наречий *вполглаза*, *вполголоса*, *вполуха*, обозначающих неполноту признака:

У всякой неполноты
Пределы свои и традици:
Балерины танцуют *вполноги*
на репетиции...

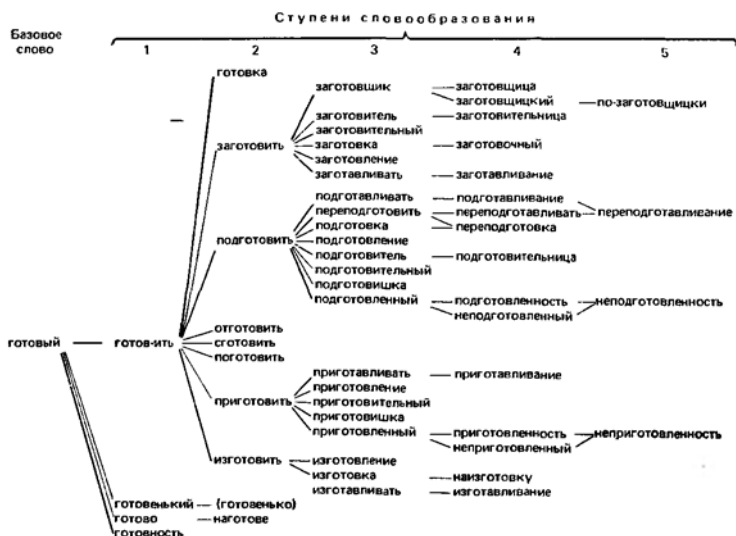
(А. Коваленков)

При образовании окказионализмов действуют и специфические способы словообразования. Назовем один из них — к а л а м б у р н ы й. Окказионализм по форме напоминает узуальное слово, которое, однако, изменено так, что каламбурно сближается со словами других семантических групп. Сталкиваясь в структуре окказионализма, два близких по звучанию, но далеких по значению узуальных слова формируют сложную семантику окказионализма, в результате чего окказионализм приобретает каламбурное звучание. Таковы слова *дымократия* и *дымократы*, в которых сложно скрещивается семантика слов *демократия*, *демократы* и *дым*, *дымовая завеса*: ...это — *дымовая завеса*, под прикрытием ее *внутренняя* и *внешняя реакция* пытается повернуть ход истории *вспять*. Вот и получается: *речь идет не о демократии, а о дымократии. Чем больше дыму, тем сподручней орудовать.*

Конечно, демократы не говорят в открытую о своих намерениях. Но чего они добиваются — не секрет (Из газет).

§ 48. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО

Словообразовательные цепи и парадигмы являются составными частями наиболее сложной и многочленной единицы словообразования — словообразовательного гнезда. Они взаимодополняют друг друга и реализуют парадигматические и синтагматические связи слов в гнезде. В своей совокупности цепи и парадигмы и являются тем строительным материалом гнезда, который позволяет вскрыть его сложную иерархическую организацию. Словообразовательное гнездо — это иерархически организованная, упорядоченная совокупность всех производных базового слова. Дадим в качестве примера гнездо прилагательного *готовый* (с некоторыми сокращениями), отчетливо показывающее ступенчатый характер русского словообразования и сложную иерархическую организацию гнезда¹.

¹ Богатый материал словообразовательных гнезд русского языка дается в кн.: Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978; его же. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

§ 49. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИКРОСИСТЕМЫ

В формировании словообразовательной системы языка участвуют в качестве составных частей такие подчиненные микросистемы, как микросистема производных, составляющих слова одной части речи, и микросистема производных от слов одной части речи. Эти микросистемы представляют собой заданные самой природой языка членения системы словообразования. Они обнаруживают тесную связь словообразования с морфологией, так как и часть речи, к которой относится производящая основа, и часть речи, к которой относится производное, влияют на характер производного.

Производное слово наследует от производящего определенные свойства, зависящие от принадлежности последнего к той или иной части речи. Эти свойства объединяют все производные, образованные от той или иной части речи (отсубстантивные, отглагольные, отадъективные, отнаречные).

В то же время производное слово, принадлежа к определенной части речи, характеризуется определенными грамматическими признаками. Эти признаки составляют отличительные черты всех производных, относящихся к данной части речи (производные существительные, глаголы, прилагательные, наречия). Словообразованию каждой части речи присущи свои особенности. Для словообразования глагола характерна префиксация, менее развитая в производстве существительных, прилагательных и наречий. С другой стороны, такие способы словообразования, как аббревиация и усечение, действуют только в словообразовании существительных.

Кроме того, в конструировании системы словообразования в качестве особых выделяются микросистемы производных: а) относящихся к одному и тому же способу словообразования — суффиксация, префиксация, нулевая суффиксация, аббревиация и т. д. и б) микросистемы производных, включающих один и тот же словообразовательный формант.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии [1952] // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Dokulil M. Tvorění slov v češtině. Praha. 1962. T. 1: Teorie odvozování slov. (Резюме на рус. яз.)

Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.

Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: вопросы его истории и современного состояния (Виноградовские чтения I—VIII). М., 1978. С. 63—77.

Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

Глава 8

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Три основные знаменательные части речи — существительное, прилагательное и глагол — характеризуются своеобразием как в отношении способов словообразования, так и в отношении деривационных аффиксов и характерных для каждой части речи деривационных значений.

Здесь будут рассмотрены лишь основные черты словообразования названных частей речи¹.

Словообразование каждой части речи целесообразно описывать исходя из того, какие словообразовательные категории действуют в пределах разных способов словообразования.

§ 50. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Имя существительное в словообразовательном отношении — самая богатая часть речи. Кроме способов словообразования, действующих в сфере других частей речи, имеются специфические субстантивные способы словообразования: аббревиация, усечение основ, субстантивация. Существует лишь один способ словообразования, не распространяющийся на существительные, — сращение (это способ словообразования прилагательных).

В словообразовании существительных широко представлена суффиксация. Этим способом производятся существительные от основ различных частей речи: имен существительных, прилагательных, глаголов и

¹ Подробнее описание словообразования различных частей речи см. в работах: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1986; Русская грамматика. М., 1980 (гл. «Словообразование»); Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование (гл. 9); Русская грамматика. Прага, 1979 (гл. «Словообразование»).

реже наречий. По сравнению со словообразованием других частей речи число суффиксов существительных самое значительное.

Производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образуются от основ имен прилагательных и глаголов.

Отприлагательные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного признака и образуются с помощью суффиксов:

-*ость*: *глупый* — *глуп-ость*, *весёлый* — *весёл-ость*;

-*от(а)*: *добрый* — *добр-ота*, *прямой* — *прямота*;

-*ин(а)*: *тихий* — *тиш-ина*;

-*изн(а)*: *белый* — *бел-изна*, *голубой* — *голуб-изна*;

-*о* + изменение конечного согласного основы + система флексий существительных типа *кость*: *зелёный* — *зелень*, *гнилой* — *гниль*, *сухой* — *сушь*;

-*о* + усечение суффикса или субморфа -*н*- производящей основы + система флексий существительных типа *стол*: *интимный* — *интим*, *примитивный* — *примитив*, *грандиозный* — *грандиоз*. Эти образования синонимичны существительным с суффиксом -*ость*, ср.: *грандиоз* и *грандиозность*.

Среди имен существительных с суффиксами -*ость*, -*от(а)*, -*изн(а)*, -*ин(а)* имеются слова, не относящиеся к области синтаксической деривации, так как они не равны по значению однокоренным прилагательным. Таковы названия физических параметров, т. е. измерений (типа *скорость*, *глубина*, *ширина*, *высота*)¹.

Отглагольные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного действия и образуются с помощью суффиксов:

-*ниј(е)*: *рисовать* — *рисова-ние*, *петь* — *пе-ние*;

-*к(а)*: *носить* — *нос-ка*, *разрезать* — *разрез-ка*;

-*о*: *отгонять* — *отгон-о*, *перелететь* — *перелет-о*;

-*б(а)*: *косить* — *кось-ба*, *молотить* — *молоть-ба*.

Область лексической деривации включает ряд словообразовательных категорий.

Производные от основ имен существительных.

1. Существительные, имеющие размерно-оценочные значения. Эти значения по-разному обнаруживаются в производных. Чаще всего значение уменьшительности совмещается со значением положительной оценки (ла-

¹ См.: Панов М. В. Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 27.

скательности), а значение увеличительности — со значением отрицательной оценки (уничижительности):

-ик: дом — дом-ик, мяч — мяч-ик;

-чик: карман — карман-чик, автомобиль — автомобиль-чик;

-ец: брат — брат-ец, доклад — доклад-ец;

-ц(е)/-ец(о)/-иц(е): окно — окон-це, корыто — корыт-це, письмо — письм-ецо;

-иц(а): вода — вод-ица, вещь — вещь-ица;

-ок: друг — друж-ок, лист — лист-ок;

-к(о): яйцо — яич-ко, ведро — ведёр-ко;

-к(а): рука — руч-ка, нога — нож-ка;

-еньк(а): нога — нож-енька, рука — руч-енька;

-ищ(е), -ищ(а): дом — дом-ище, книга — книж-ища;

-ин(а): дом — дом-ина, газета — газет-ина;

-ишк(а), -ишк(о): дом — дом-ишка, слон — слон-ишка, письмо — письм-ишко;

-'ошк(а): рыба — рыб'-ошка, комната — комнат'-ошка;

-ышк(о): перо — пер-ышко, крыло — крыл-ышко;

-'онк(а): рука — руч-онка, газета — газет'-онка;

-енциј(а): книга — книж-енция, старуха — старуш-енция.

2. Существительные, имеющие собирательное значение:

-ств(о): учитель — учитель-ство, офицер — офицер-ство;

-иј(а): комсомол — комсомол-ия, пионер — пионер-ия;

-н'(а): ребята — ребят-ня, офицер — офицер-ня, солдат — солдат-ня;

-ј(о): ворон — ворон'-ј(о), зверь — звер'-ј(о), пацан — пацан'-ј(о), профессор — профессор'-ј(о), тряпка — тряп'-ј(о);

-ур(а): профессор — професс-ура, аппарат — аппарат-ура.

3. Особую словообразовательную категорию составляют существительные, обозначающие совокупность каких-то предметов или явлений, связанных с тем, что называется производящее существительное. Такие производные образуются с помощью суффикса -иан(а): Ленин — Ленин-иана, Пушкин — Пушкин-иана, Мольер — Мольер-иана. То же значение могут иметь производные с суффиксом -(и)ада. Обычно они употребляются в

книжных заголовках: «Бюрократида» Маяковского, «Россиада» Хераскова.

4. Существительные, имеющие значение единичности, производятся от основ существительных вещественных с помощью суффиксов:

-**ин(а)**: *горох — горош-ина, фасоль — фасол-ина, виноград — виноград-ина*;

-**инк(а)** (значение единичности совмещается со значением уменьшительности): *песок — песч-инка, снег — снеж-инка, солома — солом-инка*.

5. Существительные, имеющие значение невзрослости, образуются от названий животных и лиц с помощью суффиксов:

-**онок** (во мн. ч. -**'ата**): *тигр — тигр'-онок, мышь — мышь-онок, повар — повар'-онок*;

-**оныш**: *змея — змеј-оныш, волк — волч-оныш*.

6. Существительные женского рода, соотносительные с однокоренными существительными мужского рода, обозначающие живые существа женского пола.

Существительные, обозначающие лиц женского пола, образуются от основ соотносительных существительных с помощью различных суффиксов.

Одни из суффиксов прибавляются к неусеченной основе соотносительного существительного:

-**их(а)**: *дворник — дворнич-иха, повар — повар-иха*;

-**ш(а)**: *кондуктор — кондуктор-ша, доктор — доктор-ша* (о жене доктора и докторе-женщине);

-**ј(а)**: *певун — певун'-ј(а), шалун — шалун'-ј(а)*.

Другие суффиксы присоединяются к основе существительного, лишённой суффикса лица:

-**щик/-щиц(а)**, -**чик/-чиц(а)**: *сортировщик — сортиров-щица, наладчик — налад-чица, буфетчик — буфет-чица*;

-**ец/-иц(а)**: *красавец — красав-ица, упрямец — упря-м-ица*.

Третью группу представляют суффиксы, которые в одних случаях присоединяются к основе существительного, содержащей суффикс лица, а в других — к основе, лишённой этого суффикса. Таковы, например, суффиксы -**к(а)** и -**ниц(а)**.

Суффикс -**к(а)**. В тех случаях, когда существительное мужского рода содержит суффиксы -**ец**, -**анин** или -**ин**, соотносительное существительное женского рода не включает элементов -**ец** и -**ин**: *литовец — литов-ка, эстонец — эстон-ка, комсомолец — комсомол-ка, киев-*

лянин — киевлян-ка. В других случаях суффикс -к(а) присоединяется к основе существительного: студент — студент-ка, пионер — пионер-ка, москвич — москвич-ка, швед — швед-ка.

Суффикс -ниц(а) присоединяется к основам существительных с суффиксом -тель: учитель — учительница, писатель — писательница.

Если же существительное мужского рода имеет суффикс -ник или -ик, то он не входит в существительное, но соотносится с -ница, -ица в существительном женского рода: колхозник — колхозница, школьник — школьница.

Существительные, обозначающие самок животных, производятся от соотносительных существительных с помощью суффиксов:

-иц(а): тигр — тигр-ица, волк — волч-ица, орел — орл-ица;

-их(а): слон — слон-иха, лебедь — лебед-иха;

-к(а): голубь — голуб-ка, глухарь — глухар-ка.

7. Существительные со значением лица, связанного каким-либо образом с тем, что названо производящей основой, образуются с помощью суффиксов:

-щик/-чик: барабан — барабан-щик, баня — бан-щик, газета — газет-чик;

-ник: школа — школь-ник, колхоз — колхоз-ник;

-ец: Ленин — ленин-ец, комсомол — комсомол-ец;

-ист: Маркс — маркс-ист, Пушкин — пушкин-ист, трактор — трактор-ист;

-ант: квартира — квартир-ант, диплом — диплом-ант;

'-ор: комбайн — комбайн'-ор, киоск — киоск'-ор;

-арь: аптека — аптек-арь, библиотека — библиотек-арь;

-ич: Москва — москв-ич, Кострома — костром-ич;

'-ак: Тула — тул'-ак, Пермь — перм'-ак;

-анин: Рига — риж-анин, Рим — римл'-анин;

-ач: борода — бород-ач, усы — ус-ач;

-ан: пузо — пуз-ан, горло — горл-ан.

8. Существительные со значением 'вместилище, помещение для того, что названо производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-ник: чай — чай-ник, молоко — молоч-ник, пчела — пчель-ник;

-ниц(а): сахар — сахар-ница, салат — салат-ница.

9. Существительные со значением 'место, связанное

с тем, что названо производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-н'(а): *колокол* — *колоколь-ня*, *кофе* — *кофе-(й)-ня*;

-ищ(е): *пожар* — *пожар-ище*, *костёр* — *костр-ище* ('место от костра').

От основ имен прилагательных производятся наименования лиц, живых существ и предметов со значением 'носитель признака, названного производящей основой'. При этом используется суффиксация: 1) материально выраженная, 2) нулевая.

1) Суффиксация материально выраженная:

-'ак: *пошлый* — *пошл'-ак*, *бедный* — *бедн'-ак*, *толстый* — *толст'-ак*, *порожний* — *порожн'-ак*;

-ец: *скупой* — *скуп-ец*, *слепой* — *слеп-ец*;

-ик: *умный* — *умн-ик*, *черновой* — *чернов-ик*;

'-атин(а): *кислый* — *кисл'-атина*, *пошлый* — *пошл'-атина*;

'-аг(а): *весёлый* — *весел'-ага*, *здоровый* — *здоров'-ага*;

'-уг(а): *хитрый* — *хитр'-уга*, *жадный* — *жадн'-уга*.

Существительные разнообразных предметных значений образуются с помощью суффикса -к(а) на базе сочетаний прилагательное + существительное. В качестве производящей основы используется основа имени прилагательного; семантически же существительное эквивалентно всему словосочетанию: *летучее заседание* — *летуч-ка*, *овсяная крупа* — *овсян-ка*. Суффикс производящей основы может усекаться: *вечерняя газета* — *вечёр-ка*, *десятилетняя школа* — *десятилет-ка*.

2) Нулевая суффиксация.

Среди отприлагательных имен существительных, производимых нулевой суффиксацией, имеется два словообразовательных типа:

а) существительные, имеющие значение 'носитель признака, названного производящей основой': *универсальный* — *универсал*, *интеллектуальный* — *интеллектуал*, *индивидуальный* — *индивидуал*;

б) такое же деривационное значение имеют существительные, производные от основ имен прилагательных с помощью суффикса и одновременного усечения производящей основы, но семантически эквивалентные одному или нескольким сочетаниям, включающим однокоренное прилагательное + существительное. Усекается конечная часть производящей основы вне зависимости от границы морфем. Производное кончается на твердый

согласный и относится к мужскому роду независимо от рода существительного, входящего в опорное словосочетание (склоняется по образцу слов типа *стол*): *синхронный перевод — синхрон, мемориальный музей, мемориальные соревнования — мемориал, факультативный курс — факультатив*. В редких случаях производное относится не к мужскому роду, например *ретроспективный показ — ретроспектива*.

Для существительных, производимых от основ глаголов, характерны такие значения производных:

1. Существительные, обозначающие 'производитель действия, названного производящей основой'. Такие производные могут быть именами лиц и именами орудий, инструментов (ср. *врун — человек и колун — предмет, исполнитель — человек и выключатель — прибор, разведчик — человек и передатчик — механизм*).

Для производства существительных со значением 'производитель действия' используются суффиксы:

-**тель**: *мечтать — мечта-тель, исполнить — исполни-тель, выпрямить — выпрями-тель*;

-**чик/-щик**: *возить — воз-чик, придумать — придум-щик, корректировать — корректиров-щик*;

-**ец**: *бороться — бор-ец, творить — твор-ец*;

-**л(а)** — со значением лица, -**л(о)** — со значением орудия: *обирать — обира-ла, зубрить — зубри-ла, пугать — пуга-ло, кадить — кади-ло*;

-**ун**: *врать — вр-ун, прыгать — прыг-ун*;

-**о(а)**: *заикаться — заик-о-а, задирать(ся) — задир-о-а*.

Чисто инструментальное (орудийное) значение имеют существительные с суффиксом -**лк(а)**: *сеять — сея-лка, прочищать — прочища-лка*.

2. Существительные со значением 'место, где совершается действие, названное производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-**льн'(а)**: *читать — чита-льня, раздевать — разде-ва-льня*;

-**лк(а)**: *раздевать — раздева-лка, сушить — суши-лка*;

-**ищ(е)**: *учить — учи-(л)-ище, вместить — вмести-(л)-ище*.

Большая часть префиксальных типов существительных обладает высокой продуктивностью и образуется с легкостью, близкой образованию словоформ.

Для префиксальных существительных наиболее характерны следующие словообразовательные категории:

1) Производные с общим значением интенсивности, высокой степени того, что названо производящей основой:

раз-: красавица — рас-красавица, граф — раз-граф;
сверх-: человек — сверх-человек, гигант — сверх-гигант, прибыль — сверх-прибыль, запоминание — сверх-запоминание;

супер-: экспресс — супер-экспресс, пятитонка — супер-пятитонка, танкер — супер-танкер, кубок — супер-кубок;

архи-: демократ — архи-демократ, порядок — архи-порядок;

ультра-: мода — ультра-мода, радикал — ультра-радикал, звук — ультра-звук;

гипер-: вежливость — гипер-вежливость, коррекция — гипер-коррекция, фонды — гипер-фонды;

экстра-: мода — экстра-мода, хлеб — экстра-хлеб, совершенство — экстра-совершенство.

2) Производные с общим значением противоположности, отрицания:

анти-: частица — анти-частица, роман — анти-роман, герой — анти-герой;

противо-: меры — противо-меры, действие — противо-действие;

контр-: удар — контр-удар, позиция — контр-позиция, инициатива — контр-инициатива;

де-/дез-: гуманизация — де-гуманизация, информация — дез-информация;

не-: счастье — не-счастье, покой — не-покой, руководитель — не-руководитель;

дис-: пропорция — дис-пропорция, гармония — дис-гармония, комфорт — дис-комфорт.

3) Производные с общим значением неистинности, ложности:

псевдо-: рецензия — псевдо-рецензия, открытие — псевдо-открытие;

квази-: диалог — квази-диалог, открытие — квази-открытие, доказательство — квази-доказательство.

4) Производные со значением совместности:

со-: автор — со-автор, редактор — со-редактор, переживание — со-переживание.

5) Производные со значением подчиненности:
под-: вид — *под-вид*, класс — *под-класс*, группа — *под-группа*, язык — *под-язык*;
суб-: продукты — *суб-продукты*, инспектор — *суб-инспектор*, аренда — *суб-аренда*.

Кроме того, в словообразовании существительных действуют отдельные малопродуктивные приставки.

Префиксально-суффиксальным способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами. В составе производного предлог преобразуется в приставку. Производящим является сочетание имени существительного с предлогом. Производные, как правило, обозначают предметы, соотносенные в пространственном или временном отношении с тем, что названо производящей основой. Наиболее употребительны при этом суффиксы *-ник*, *-j(e)*, *-иц(a)*.

1) Производные с пространственными значениями:
под- ... *-ник* (предмет, находящийся под тем, что названо производящей основой): *под снегом* — *под-снеж-ник*, *под локтем* — *под-локот-ник*;

на- ... *-ник* (предмет, находящийся на том, что названо производящей основой): *на колене* — *на-колен-ник*, *над почкой* — *над-почеч-ник*;

за- ... *-j(e)* (то, что находится за предметом, названным производящей основой): *за рекой* — *за-реч-j(e)*, *за Волгой* — *за-волж-j(e)*;

при- ... *-j(e)* (то, что находится рядом с предметом, названным производящей основой): *при Урале* — *Приурал'-j(e)*, *при море* — *при-мор'-j(e)*;

меж- ... *-j(e)* (то, что находится между предметами, названными производящей основой): *меж горами* — *меж-гор'-j(e)*, *меж бровями* — *меж-бров'-j(e)*.

2) Производные с временными значениями:

меж- ... *-j(e)*: *меж сезонами* — *меж-сезон'-j(e)*;

пред- ... *-j(e)*: *пред зимой* — *пред-зим'-j(e)*.

3) Производные, обозначающие отсутствие того, что названо производящей основой, образуются с помощью приставки *без-* и суффиксов *-иц(a)* и *-j(e)*:

без- ... *-иц(a)*: *без работы* — *без-работ-ица*, *без дороги* — *без-дорож-ица*, *без корма* — *без-корм-ица*;

без- ... *-j(e)*: *без денег* — *без-денеж-j(e)*, *без людей* — *без-люд'-j(e)*, *без земли* — *без-земел'-j(e)*, *без рыбы* — *без-рыб'-j(e)*, *без культуры* — *без-культур'-j(e)*.

Группа префиксально-суффиксальных существительных не соотносится с сочетанием предлог + существительное. Приставка, входящая в производное, не имеет омонимичного предлога. Эта группа малочисленна и дает мало новообразований. В производных участвуют приставка *анти-* и суффикс *-ин:* *комар — антикомар-ин, спазма — анти-спазм-ин*, шуточные: *антиведьм-ин, анти-любов-ин*. Производные называют средством против того, что названо основой производящего существительного.

Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства от основ имен прилагательных существительных со значением 'слабой степени обнаружения какого-либо признака, названного производящей основой'. При этом действует префикс *про-* в соединении с нулевым суффиксом.

Производные содержат те же чередования, что слова типа *сушь*, и относятся к тому же склонению: *жёлтый — про-желт'-е, седой — про-сед'-е*.

Производство сложных существительных осуществляется несколькими способами. В русском языке сложные слова обычно состоят из двух основ, но могут включать и большее число компонентов.

С точки зрения способа соединения компонентов различаются две группы сложных существительных: компоненты которых соединяются с помощью интерфикса («соединительного гласного») и — реже — компоненты которых соединяются без помощи интерфикса.

Рассмотрим сначала сложные существительные с интерфиксами.

Способом чистого сложения образуются имена существительные, последняя (опорная) часть которых является самостоятельным существительным. В качестве первого компонента обычно используются основы: имен прилагательных, существительных, реже — числительных и местоимений: *вольн-(о)-слушатель, сух-(о)-фрукты; груз-(о)-отправитель, лес-(о)-промышленность; перв-(о)-источник, втор-(о)-разрядник; сам-(о)-защита, сам-(о)-критика*.

Первый компонент сложения служит конкретизатором значения опорного компонента.

Сложение в соединении с суффиксацией. В таких сложных существительных чаще всего действуют суффиксы *-ец, -тель, -чик/-щик, -ник, -и(е):* *орден-(о)-нос-ец, красн-(о)-флот-ец, воздух-(о)-плава-*

тель, *железн-(о)-дорож-ник*, *легк-(о)-мысл-ие*, *долг-(о)-лет-ие*. Сложное слово может иметь значение лица, предмета или отвлеченного понятия.

Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией.

Сложения с опорным глагольным компонентом преимущественно обозначают производителя действия, названного глагольной основой. Они составляют две основные семантические группы:

а) наименования лиц и животных: *стал-(е)-вар*, *кост-(о)-рез*, *скал-(о)-лаз*, *скор-(о)-ход*, *кор-(о)-ед*;

б) наименования механизмов: *атом-(о)-ход*, *тепл-(о)-воз*, *пул-(е)-мёт*.

Значительно менее продуктивны сложения со второй глагольной частью, обозначающие действие в отвлечении от его носителя: *лед-(о)-ход*, *снег-(о)-пад*, *солнц-(е)-пёк*.

Первая часть сложения содержит конкретизацию действия, выраженного опорным компонентом: называет характер действия (*скороход*), его объект (*пулемёт*, *короед*) или субъект (*солнцепек*, *ледоход*).

Сложения с опорным именным компонентом имеют значение 'носитель отношения к предмету, названному опорным компонентом сложения и конкретизированному первым компонентом сложения'. В качестве первого компонента сложения может выступать основа имени существительного, прилагательного или глагола: *нос-(о)-рог*, *утк-(о)-нос*, *лиз-(о)-блюд*. Сложное слово обычно является именем лица или животного.

Сложные слова без соединительного гласного — более редкий тип слов. Примером их могут быть существительные типа *Ленинград*, *генерал-майор*, *меч-рыба*. Словообразование существительных способом аббревиации и субстантивации рассмотрено выше (см. 5, 33, 34).

§ 51. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В словообразовании имен прилагательных развиты суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, словосложение и сращение.

При помощи суффиксации прилагательные производятся и от основ имен прилагательных, и от основ других частей речи.

Производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образуются от основ имен существительных и наречий (редко).

От основ имен существительных не одушевленных синтаксические дериваты образуются с помощью суффиксов *-н-* (*цемент — цемент-н-ый, лес — лес-н-ой, школа — школь-н-ый*), *-ов-* (*бензин — бензин-ов-ый, апельсин — апельсин-ов-ый*) и *-ск-* (*море — мор-ск-ой, институт — институт-ск-ий*).

От основ имен существительных одушевленных синтаксические дериваты производятся с помощью суффиксов: *-ин* (*мама — мам-ин, папа — пап-ин, Маша — Маш-ин*), *-ов* (*отец — отц-ов, брат — брат-ов, Иван — Иван-ов*) и *-ск-* (*учитель — учитель-ск-ий, президент — президент-ск-ий*).

Прилагательные, относящиеся к области лексической деривации, производятся от основ прилагательных, существительных, глаголов, наречий, изредка — междометий и местоимений.

Производные от основ имен прилагательных объединяют обычно под названием категории субъективной оценки, так как они совмещают объективное обозначение степени обнаружения признака с его субъективной оценкой говорящим:

-оньк-/ -еньк-: *синий — син-еньк-ий, добрый — добр-еньк-ий, плохой — плох-оньк-ий;*

-уц-: *черный — черн-уц-ий, синий — син'-уц-ий, злой — зл'-уц-ий;*

-енн-: *страшный — страш-енн-ый, высокий — высоч-енн-ый;*

-ошенек/ -охонек (устар.): *чёрный — черн'-ошенек, белый — бел'-ошенек; чёрный — черн'-охонек, белый — бел'-охонек.*

Прилагательные с суффиксом *-оват-* обозначают объективную степень слабости, неполноты проявления признака (ср.: *беловатый* и *беленький*): *чёрный — черн-оват-ый, глупый — глуп-оват-ый.*

От основ имен существительных одушевленных производятся прилагательные, обозначающие свойственность роду лиц или животных:

-j-: *баран — баран-ий, волк — волч-ий, заяц — заяч-ий, девица — девич-ий, чиновник — чиновнич-ий;*

-ин-: *пчела — пчел-ин-ый, лошадь — лошади-ин-ый;*

-ов-: *морж — морж-ов-ый, кит — кит-ов-ый, слон — слон-ов-ый;*

-ск-: солдат — солдат-ск-ий, генерал — генераль-ск-ий.

На базе значения свойственности нередко развивается качественно-характеризующее значение, которое отличает рассматриваемые прилагательные от синтаксических дериватов, ср.: *барское отношение, генеральский тон, волчий аппетит.*

От основ имен существительных неодушевленных образуются прилагательные с общим значением 'наделенный тем, что названо производящей основой':

-ат-: горб — горб-ат-ый, усы — ус-ат-ый;

-ист-: болото — болот-ист-ый, лес — лес-ист-ый;

-чат-: колено — колен-чат-ый, пузырь — пузырь-чат-ый;

-лив-: талант — талант-лив-ый, дождь — дожд-лив-ый.

От основ глаголов производятся прилагательные, которые обозначают процессуальные признаки. Наиболее типичны два вида значений: пассивное ('испытывающий действие, названное производящей основой') и — реже — активное ('исполняющий действие, названное производящей основой'). При этом действуют суффиксы:

-н-: выдвигать — выдвиг-н-ой, разрезать — разрез-н-ой;

-л-: линять — линя-л-ый, гореть — горе-л-ый;

-к-: мылить — мыл-к-ий, колоть — кол-к-ий;

-уч-/-ач-: шипеть — шип-уч-ий, сидеть — сид'-ач-ий;

-чив-: влюбиться — влюб-чив-ый, задуматься — задум-чив-ый;

-ист-: поджарить — поджар-ист-ый;

-чат-: рассыпаться — рассып-чат-ый;

-м-: допустить — допусти-м-ый, возбудить — возбуди-м-ый.

От основ наречий образуются прилагательные с помощью суффикса *-н'* и интерфикса *-ш-*: *вчера — вчера-(ш)-н-ий, сегодня — сегодня-(ш)-н-ий.*

Префиксация — один из самых продуктивных способов словообразования прилагательных. Наиболее многочисленна категория прилагательных, обозначающих интенсивность, полноту проявления признака:

наи- (прилагательное обычно содержит суффикс *-ейш-/-айш-*): *умнейший — наи-умнейший, глупейший — наи-глупейший;*

пре-: умный — пре-умный, глупый — пре-глупый; чаще в повторах: добрый-предобрый, милый-пре-милый;

раз-: веселый — раз-веселый; чаще в повторах: удалый-разудалый, потешный-распотешный;

пере- (обычно в повторах): тертый — пере-тертый, писаный — пере-писанный;

архи-: прозаический — архи-прозаический, благородный — архи-благородный;

сверх-: молодой — сверх-молодой, одаренный — сверх-одаренный;

супер-: модный — супер-модный, тяжелый — супер-тяжелый;

экстра-: новый — экстра-новый, модный — экстра-модный;

ультра: оригинальный — ультра-оригинальный, современный — ультра-современный.

Другую словообразовательную категорию составляют прилагательные, в которых приставки имеют значение отрицания, противоположности:

не-: умный — не-умный, красивый — не-красивый;

анти-: гуманный — анти-гуманный, военный — анти-военный;

противо-: воспалительный — противо-воспалительный ('направленный против воспаления'), химический — противо-химический, атомный — противо-атомный ('направленный против химического или атомного оружия').

Префиксально-суффиксальным способом образуются прилагательные на базе именных и глагольных сочетаний.

Прилагательные, производимые на базе сочетаний существительных с предлогами, преобразуемыми в составе производных в приставки, могут включать разнообразные приставки, а из суффиксов -н- (преимущественно), реже -ов-, -ск- и некоторые другие:

без-: без пилота — бес-пилотный, без шума — бесшумный;

вне-: вне завода — вне-заводской, вне земли — внеземельный;

внутри-: внутри института — внутри-институтский, внутри школы — внутри-школьный;

до-: до школы — до-школьный, до посева — допосевный;

за-: за бортом — за-бортовой, за рекой — за-речный;

меж-: меж планетами — меж-планетный, меж колхозами — меж-колхозный;

на-: на горе — на-горный, на столе — на-стольный;

над-: над глазом — над-глазый, над окном — над-оконный;

около-: около звезды — около-звёздный, около солнца — около-солнечный;

под-: под вагоном — под-вагонный, под крышей — под-крышный;

после-: после полёта — после-полётный, после посева — после-посевный;

пред-: перед съездом — пред-съездовский, перед дипломом — пред-дипломный;

при-: при тайге — при-таёжный, при реке — при-речной;

противо-: против пожара — противо-пожарный, против шума — противо-шумный;

чрез-: через ступень — чрез-ступенный, через полосу — чрез-полосный.

На базе соединения отрицания *не* с сочетанием имени существительного с предлогом *без* образуются имена прилагательные с сложной приставкой *небез-* и суффиксом *-н-*. Производное имеет значение неполноты, слабой степени проявления признака: *не без пользы* — *небез-полезный*, *не без греха* — *небез-грешный*, *не без вреда* — *небез-вредный*. Прилагательные с приставкой *небез-* отличаются по значению от прилагательных с приставкой *без-* и отрицанием *не-*. Ср.: *Этот напиток не безвреден* (т. е. вреден, отрицается безвредность напитка) и *Этот напиток небезвреден* (т. е. вреден в слабой степени).

Прилагательные, образованные префиксально-суффиксальным способом от основ глаголов, образуются с помощью приставки *не-* и суффиксов *-н-* и *-м-*. Производные обозначают 'невозможность подвергнуться действию':

не- ... -н(ый): разорвать — не-разрыв-ный, вернуть — не-возврат-ный;

не- ... -м(ый): исцелить — не-исцели-мый, переносить — не-переноси-мый.

Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства прилагательных на базе сочетаний предлога *без* с именами существительными.

Обычно эти существительные называют часть тела человека или животного. Производное обозначает 'не имеющий того, что названо производящей основой': *без-глаз-ый* — *без-ног-ий*, *без-руки* — *без-рук-ий*, *без-глаз* — *без-глаз-ый*. Реже производящая основа относится к иному семантическому разряду: *без-листьев* — *без-лист-ый*, *без-коры* — *без-кор-ый*. Возможны однокорневые образования с тем же значением, содержащие в своем составе суффикс (*без-лист-ый* — *без-лист-н-ый*, *без-язык-ий* — *без-языч-н-ый*).

Способ сложения продуктивен в словообразовании прилагательных. Компоненты сложного прилагательного всегда соединяются с помощью интерфикса («соединительного гласного»).

Способом чистого сложения производятся имена прилагательные, опорный компонент которых является самостоятельным прилагательным. Первый компонент может находиться с опорным в отношении сочинения или подчинения. Обычно в качестве первого компонента выступает основа прилагательного или существительного: *профессорск-(о)-преподавательский*; *хлеб-(о)-булочный*, *мяс-(о)-молочный*, *засух-(о)-устойчивый*.

Сложения в соединении с материально выраженной суффиксацией содержат суффиксы *-н-*, *-ск-* и *-ов-*. Нередко в качестве производящих выступают составные наименования: *Дальний Восток* — *дальневосточный*, *железная дорога* — *железнодорожный*.

Второй компонент сложения имеет либо тот же суффикс, что и соответствующее простое прилагательное (ср.: *комнатный* и *многокомнатный*, *годовой* — *круглогодовой*), либо суффикс *-н-* (ср.: *береговой* и *правобережный*).

В качестве опорной может выступать основа существительного (см. примеры выше) или глагола (*медеплавильный*, *победоносный*).

Сложение в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства прилагательных от тех же субстантивных основ, которые участвуют в производстве прилагательных способом префиксации в соединении с нулевой суффиксацией (типа *безногий*). В первой части сложения обычно выступает основа имени прилагательного, числительного или наречия, например: *синеглазый*, *краснощёкий*, *светловолосый*, *одноухий*, *мелкоколосый*.

Рассматриваемые прилагательные могут иметь тождественные по значению образования с суффиксом *-н-*: *многоголосый* — *многоголосный*.

Сращение используется только в словообразовании имен прилагательных.

Сращения отличаются от сложений тем, что они по своему морфемному составу тождественны синонимичному сочетанию. Однако в отличие от словосочетаний они имеют не свободный, а закрепленный порядок следования частей и единое главное ударение на последнем члене сращения: *мáло-употребительный*, *вечно-зелёный*, *са́мо-пи́шущая* (о ручке) (ср.: *употребительный мало* и т. п.).

§ 52. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

В словообразовании глаголов главенствующее место занимает внутриглагольное словообразование, т. е. производство от основ глагола чистой префиксацией и префиксально-суффиксальным способом. Суффиксация имеет меньшее значение, а словосложение для словообразования глагола совсем малохарактерно.

Суффиксальным способом глаголы производятся преимущественно от основ имен существительных и прилагательных¹. Производные относятся к области лексической деривации.

От основ имен существительных образуются глаголы, обозначающие действия, различным образом связанные с тем, что названо производящей основой:

-о/-и(ть): *бригадир* — *бригадир-ить*, *кочегар* — *кочегар-ить*, *соль* — *сол-ить*. При спряжении словообразовательный суффикс *-и-* чередуется с нулем: *слесар-ить* — *слесар'-о-у*;

-нича(ть): *столяр* — *столяр-ничать*, *либерал* — *либераль-ничать*;

-ова(ть): *форма* — *форм-овать*, *борона* — *борон-овать*;

-ствова(ть): *учитель* — *учитель-ствовать*, *прокурор* — *прокурор-ствовать*;

-а(ть): *обед* — *обед-ать*, *ужин* — *ужин-ать*;

-е(ть): *вдова* — *вдов-еть*, *пот* — *пот-еть*.

¹ Суффиксальное производство глаголов от основ глаголов тесно связано с образованием форм вида и залога, т. е. относится к морфологии, и поэтому в настоящей книге не рассматривается.

От основ имен прилагательных образуются глаголы, обозначающие:

‘делать каким-либо в соответствии со значением производящей основы’ — с помощью суффикса *-о-/и(ть)*: *синий* — *син-ить*, *злой* — *зл-ить*;

‘делаться, становится каким-либо в соответствии со значением производящей основы’ — с помощью суффикса *-е(ть)*: *синий* — *син-еть*, *добрый* — *добр-еть*.

Менее продуктивны отприлагательные глаголы с суффиксами *-ова(ть)* (типа *пустой* — *пуст-овать*) и *-ничать* (типа *важный* — *важничать*, *жадный* — *жадничать*, с наложением на стыке морфем).

Суффиксальное производство глаголов от других частей речи гораздо менее значительно.

От междометий, звукоподражаний и местоимений образуются глаголы с помощью суффикса *-а-* (если производящее оканчивается на гласный или *-j-*, используется интерфикс *-к-*): *ах* — *ах-ать*, *ой* — *ой-(к)-ать*, *ну* — *ну-(к)-ать*, *мяу* — *мяу-(к)-ать*, *ты* — *ты-(к)-ать*, *вы* — *вы-(к)-ать*.

Префиксация глаголов отличается богатством и выразительностью. Среди префиксальных глаголов различаются две большие группы: с приставками пространственных значений и с приставками количественно-временных значений.

Глаголы с приставками пространственных значений обозначают различные направления действия:

в-: *бежать* — *в-бежать*, *нести* — *в-нести*;

вз-: *бежать* — *вз-бежать* (в гору), *лететь* — *вз-лететь*;

до-: *бежать* — *до-бежать*, *лететь* — *до-лететь*;

за-: *бежать* — *за-бежать* (за что-нибудь);

на-: *бежать* — *на-бежать*, *лететь* — *на-лететь* (на что-нибудь);

о-/об-: *бежать* — *о-бежать*, *лететь* — *об-лететь* (что-нибудь);

от-: *бежать* — *от-бежать*, *лететь* — *от-лететь*;

пере-: *бежать* — *пере-бежать*, *лететь* — *пере-лететь* (через реку);

при-: *бежать* — *при-бежать*, *лететь* — *при-лететь*;

про-: *бежать* — *про-бежать* (под мостом), *лезть* — *про-лезть*;

с-: *бежать* — *с-бежать* (с горы), *лезть* — *с-лезть* (со стола);

у-: бежать — *у-бежать*, лететь — *у-лететь*.

Глаголы с приставками количественно-временных значений обозначают временные пределы, а также силу, интенсивность или слабость, неполноту действия.

1. Глаголы, обозначающие начало процесса:

за-: *петь* — *за-петь*, *говорить* — *за-говорить*;

по-: *бежать* — *по-бежать*, *плыть* — *по-плыть*;

вз-: (с оттенком интенсивности действия): *кричать* — *вс-кричать*, *реветь* — *вз-реветь*.

2. Глаголы, обозначающие окончание процесса:

от- ('прекращение процесса'): *цвести* — *от-цвести*, *греметь* — *от-греметь*;

до- ('доведение действия до конца'): *думать* — *до-думать*, *читать* — *до-читать*, *шить* — *до-шить*.

3. Глаголы, обозначающие окончание действия с оттенками полноты, тщательности, энергичности, силы его выполнения:

раз-: *ругать* — *раз-ругать*, *баловать* — *раз-баловать*, *целовать* — *рас-целовать*;

пере-: *жарить* — *пере-жарить*, *кормить* — *пере-кормить*;

на-: *безобразничать* — *на-безобразничать*, *возить* — *на-возить*;

про-: *жарить* — *про-жарить*, *варить* — *про-варить* (как следует), *сушить* — *про-сушить*;

вы-: *мерить* — *вы-мерить*, *строгать* — *вы-строгать*.

4. Глаголы, обозначающие полную исчерпанность предмета действием, а также причинение неприятности, ущерба действием:

вы-: *топтать* — *вы-топтать*, *рубить* — *вы-рубить*;

из-: *мыть* — *из-мыть* (все мыло), *писать* — *ис-писать* (карандаш);

за-: *сечь* — *за-сечь* (до смерти), *играть* — *за-играть* (мелодию);

с-: *носить* — *с-носить* (башмаки), *винтить* — *с-винтить* (винт);

от-: *сидеть* — *от-сидеть* (руку), *топтать* — *от-топтать* (ноги);

про-: *носить* — *про-носить* (брюки до дырки), *плакать* — *про-плакать* (все глаза).

5. Глаголы, обозначающие дополнительное, добавочное действие, добавление чего-либо действием, а также слабость, неполноту действия:

до- ('дополнительное действие'): *грузить* — *до-грузить*, *купить* — *до-купить*;

под- ('дополнительное действие — для количественного увеличения объекта', 'прибавление действием'): *лить* — *под-лить*, *купить* — *под-купить*;

под- ('дополнительное, повторное действие — для более полного достижения результата'): *варить* — *под-варить* (кашу; = доварить), *красить* — *под-красить*;

при-: ('неполнота действия'): *встать* — *при-встать*, *лечь* — *при-лечь*;

над-: *рубить* — *над-рубить*, *колоть* — *над-колоть*, *бить* — *над-бить*;

недо-: *выполнить* — *недо-выполнить*, *думать* — *недо-думать*, *рассказать* — *недо-рассказать*.

Префиксально-суффиксальным способом образуются глаголы от основ глаголов и от основ других частей речи.

Глаголы, производимые от основ глаголов, образуют две группы:

а) приставка + производящая основа + суффикс несовершенного вида;

б) приставка + производящий глагол + *ся*.

Рассмотрим каждую группу более детально.

а) Неполноту, ослабленность действия обозначает группа одновидовых глаголов несовершенного вида, имеющих прерывисто-длительное значение:

по-: *трещать* — *по-треск-ивать*, *кричать* — *по-крик-ивать*;

при- (с оттенком дополнительности действия): *плясать* — *при-пляс-ывать*, *говорить* — *при-говар-ивать*;

под- (с оттенком дополнительности действия): *петь* — *под-пе-вать*, *свистеть* — *под-свист-ывать*;

на-: *петь* — *на-пе-вать*, *свистеть* — *на-свист-ывать*, *шептать* — *на-шепт-ывать*.

Интенсивность, тщательность совершения действия выражает группа глаголов с приставками:

вы-: *шагать* — *вы-шаг-ивать*, *плясать* — *вы-пляс-ывать*;

на-: *звонить* — *на-зван-ивать*; *хвалить* — *на-хвал-ивать*.

б) Глаголы, образуемые одновременным присоединением приставки и *-ся*, многообразны по значениям:

в...-ся ('предельная исчерпанность действия, углубленность в действие'): *читать* — *в-читать-ся*, *думать* — *в-думать-ся*;

за-...-ся ('увлеченность действием'): *думать* — *задумать-ся*, *читать* — *за-читать-ся*;

на-...-ся ('удовлетворенность действием'): *гулять* — *на-гулять-ся*, *работать* — *на-работать-ся*;

из-...-ся ('исчерпанность в результате действия, приобретение каких-либо отрицательных свойств в результате действия'): *хулиганить* — *ис-хулиганить-ся*, *писать* — *ис-писать-ся*;

до-...-ся ('достижение результата после интенсивного выполнения действия'): *звать* — *до-звать-ся*, *звонить* — *до-звонить-ся*.

Глаголы, производимые от основ имен существительных префиксально-суффиксальным способом, используют различные приставки в соединении с суффиксами *-о-/-и(ть)* и *-е(ть)*:

за-...-ить: *штора* — *за-штор-ить*, *рыба* — *за-рыб-ить*;

об-...-ить: *лес* — *об-лес-ить*;

при-...-ить: *земля* — *при-земл-ить*, *луна* — *при-лун-ить*.

Для отыменного производства глаголов префиксально-суффиксальным способом характерен префикс *обез-*. Производные на *-ить* обозначают 'лишить того, что названо производящей основой': *соль* — *обес-сол-ить*, *вред* — *обез-вред-ить*. Производные на *-еть* обозначают 'лишиться того, что названо производящей основой': *сила* — *обес-сил-еть*, *ум* — *обез-ум-еть*.

Глаголы, производимые от основ имен прилагательных суффиксально-префиксальным способом, производятся с помощью различных приставок (чаще всего *у-* и *о-*) и тех же суффиксов *-о-/-и(ть)* и *-е(ть)*: *плотный* — *у-плотн-ить*, *глубокий* — *у-глуб-ить*, *благородный* — *о-благород-ить*; *слабый* — *о-слаб-еть*, *скудный* — *о-скуд-еть*.

Способ сложения не типичен для словообразования глаголов. Существуют единичные сложные глаголы, образованные этим способом (*самоустраниться*, *самовоспламениться* и некоторые другие).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М., 1986.

Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С. 241—302.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

МОРФОЛОГИЯ

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРЕДМЕТ МОРФОЛОГИИ

§ 1. СЛОВО, СЛОВОФОРМА, ЛЕКСЕМА, ПАРАДИГМА

Так же как и в словообразовании, объектом рассмотрения в морфологии является слово. Встретив в письменном тексте последовательность между двумя пробелами типа *дом, в, подберёзовику, чёрносмординового, приостанавливают*, мы говорим, что перед нами слово. Если мы не знаем значения слова или сомневаемся в правописании его корня, приставки или суффикса, мы обращаемся к словарю. Известно, что в словаре нет существительных в форме дательного падежа единственного числа, как *подберёзовику*, нет прилагательных в форме родительного падежа мужского рода, как *чёрносмординового*, нет глаголов в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени, как *приостанавливают*. Вместо всех падежных и числовых форм существительных в словаре выступает форма именительного падежа единственного числа; вместо всех падежных, числовых и родовых форм прилагательных — форма мужского рода именительного падежа единственного числа; вместо временных, личных, числовых форм глагола — инфинитив. Таким образом, словарная форма выступает как заместитель всех конкретных форм с данным лексическим значением.

В слове *так* звук [а] называет определенную наблюдаемую акустическую и артикуляторную единицу русского языка. В то же время фонема ⟨а⟩ выступает как некий заменитель многих звуков русского языка: [а], [á], [и^е]. В слове *веду* [в'и^еду] последовательность [в'и^ед-] представляет собой глагольный корневой морф. Этот корень может выступать и в форме иных морфов: [в'и^ед'-от], [в'о-л], [влж-аты] и т. п. Однако можно говорить и о том, что последовательность [в'и^ед-] представляет собой некий заменитель всех упомянутых единиц. В этом случае говорят уже о морфеме. (Ср. различие между употреблением терминов «звук» и «фонема».)

Нетрудно видеть, что подобные же отношения связывают словарную форму как таковую и словарную форму как заменитель других конкретных форм с данным лексическим значением. К сожалению, в отличие от фонетики и словообразования, где противопоставление звука и фонемы, морфа и морфемы является основой науки, в морфологии различие между конкретной единицей и заменителем нескольких конкретных единиц проводится не всегда. В обоих случаях зачастую говорят о слове. Необходимо, однако, различать конкретно наблюдаемую единицу и абстракцию, заменяющую ряд конкретных единиц. Например, *стол, стола, столом, столы, столов, столах* — это конкретно наблюдаемые единицы, словоформы. Но *стол* как заменитель всех словоформ с тем же лексическим значением — это лексема. А словоформы *стол, стола, столу, столом, столе, столы, столов, столам, столами, столах* образуют парадигму лексемы *стол*.

Нередко лингвисту важно отметить морфологическую характеристику словоформы, оставив в стороне ее лексическое наполнение. В таком случае принято употреблять термин «форма слова». Именно в таком смысле можно говорить, например, о форме именительного падежа любого существительного, о форме прошедшего времени женского рода любого глагола или родительного падежа множественного числа любого прилагательного. При этом указание на форму слова может определять словоформу в отвлечении от ее лексического значения однозначно (например, форма родительного падежа единственного числа мужского рода прилагательного). Однако в ряде случаев указание на форму слова может определять несколько словоформ в отвлечении от их лексического значения. Таковы, например, форма именительного падежа существительного (обоих чисел), форма прошедшего времени глагола (три родовые формы единственного числа и одна форма множественного числа и т. п.).

Итак, конкретное употребление слова следует называть словоформой (ср. с понятиями «звук» и «морф»). Слово как представитель группы конкретных словоформ, обладающих тождественным лексическим значением, следует называть лексемой (ср. с понятиями «фонема» и «морфема»). Всю совокупность словоформ, входящих в данную лексему, следует называть парадигмой (ср. с понятиями «вариант» и «вариан-